80 коп.

23-1-14

Индекс 70544

МГ

1990
11
ISSN 0131—2251

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

АЛЕКСАНДР БЛОК

К 110-летию со дня рождения

Портрет работы С. Залшунина.
1922 год.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

Ежемесячный литературно-художественный
и общественно-политический журнал ЦК ВЛКСМ

Основан в 1922 году

*Москва, ордена Трудового Красного Знамени
издательско-полиграфическое объединение
ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия»*

В НОМЕРЕ:

Первая страница обложки журнала: Фото С. Соболева.

Четвертая страница обложки журнала: Фото В. Панова.

«Молодая гвардия», 1990, № 11, 1—288

Наш адрес:

125015, Москва, Новодмитровская ул., 5а.
Телефоны редакции: для справок — 285-88-58, 285-56-90; отделы прозы — 285-80-15; отдел поэзии — 285-88-40; отдел очерка и публицистики — 285-80-26; отдел критики — 285-80-14; отдел Товарищ» — 285-89-66; отдел писем — 285-80-16.

Валерий ХАТЮШИН

ЗА ЧТО

ПРОРОК

Поэту в этой жизни места нет.
Его презренно отовсюду гонят.
Приют ему лишь там — среди комет,
лишь там, средь звезд, увиден он и понят.

Как сладко многим в низости своей
всю подлость мира пристегнуть к Поэту.
И чем они ехидней и подлей,
тем яростней его зовут к ответу.

Ему открыта истина веков,
с его душой соприкасалась тайна...

И в шепот трав и в жалобы лесов
ему дано проникнуть не случайно.

Любая власть ничтожна перед ним.
Власть на земле бессильна без обмана.
Поэт руки движением одним
животный страх наводит на тирана.

Он знает все, угрюм и одинок,
подвержен униженью бесконечно,
среди людей — единственный пророк.
Так было на земле и будет вечно.

ГОЛОС НАРОДА

Ободрали вы нас, демагоги,
разорили страну, болтуны.
И мы сами — во тьме, без дороги —
на стезю выбираться должны.

Но народная эта стихия
исцелит наш израненный век.
Есть на свете и в сердце Россия —
как была, так и будет вовек.

Час пробьет — и примолкнут чухонцы
перед гордой ее высотой.
Сбросьте спесь, латыши и эстонцы,
к нам придете и вы на постой.

Мы восстанем из пепла и праха,
мы услышим отцов голоса,
если только без подлого страха
сможем бросить витиям в глаза:

крикуны, лицемеры пустые,
отрастившие брюха в тепле,
плюралисты, да кто вы такие,
чтобы *думать* о русской земле?!

Ни души в вас, ни Бога, ни рода,
вы страну на позор обрекли,
те, кто землю забрал у народа,
кто народ оторвал от земли.

Мы наслушались ваших *советов*,
в них ни правды, ни совести нет.
Это наша земля — без декретов
мир кормившая тысячу лет!

Есть земля и народ, остальные
о правах будут вечно кричать...
Есть народ, и земля, и Россия,
остальным же — пора помолчать.

НЕНАВИСТЬ

И ненавидите вы нас...

А. С. Пушкин

Они ненавидят Россию
за горы, поля и леса,
за реки ее голубые,
за травы и небеса.

О, как же *они* ненавидят
ее непогибший народ,
который не мстит за обиды
и родины не предает!

За то, что любви не взыскует
и прошлое помнит свое,
за то, что еще существует, —
они ненавидят ее.

И стоны, и вдовьи рыданья
сторицей отплатятся ей,
все раны ее и страданья
их только озлобят сильней.

Жестокости *их* не убудет:
хоть трижды распнут, но опять,
покуда себя не забудет,
все будут ее распинать.

ПАМЯТНИК ПАЛАЧАМ

Им мало жить богато и красиво,
очиститься от крови нужно им,
и памятник победы над Россией
стал дозарезу им необходим.

И многие опять увидят вскоре,
какую ложь мы к небу вознесли,
когда увековечат наше горе,
собравши с нас несчастные рубли.

Запечатлеть навеки наши беды
хотят они, чтоб мы смирились тут...
И вот, взорвав народный храм Победы *
могильный кол над нами возведут.

И будем мы с тоской и содроганьем
стоять под ним, как племя дураков,
не замечая в гробовом молчанье
ни подлых их насмешек, ни плевков.

И принесут сюда цветов корзины
потомки позабытых стукачей.
По-старчески согнув худые спины.
поплачут вдовы жертв и палачей.

Удачней места для победных оргий
и кутежей ночных им не сыскать...
Россия, Русь... Ну где же ты, Георгий!
Ну сколько ж нашу землю им топтать?!

Мы были все на «стройках коммунизма»
в своей стране — как в лагерном плену,
как те — в двадцатом — «жертвы сталинизма»,
расстрелянные Троцким на Дону.

Не надо нас, коленопреклоненных,
забитых, возводить на пьедестал,
не отделив невинно убиенных
от тех, кто направлял и убивал.

* Храм Христа Спасителя, построенный на народные деньги во славу победы России над Наполеоном

И вновь кричу я голосом охрипшим,
бредя, как тень, в расстрелянной ночи:
ну кто же ставит памятник погибшим,
когда средь нас живут их палачи?!

Пропущенный сквозь костоломный жернов,
восстань, народ, унижен, сир и наг!
Не надо ставить памятника жертвам,
когда смеется за спиною враг.

НИКОЛАЮ ГУМИЛЕВУ

Былой России перекройщики
нас гнут в погибель все дружней,
а плюралисты-перестройщики
нам оправдали палачей.

С безродной сворой эмиграции —
сошлись, про *муки* их трубя...
Не надо реабилитации
от тех, кто погубил тебя.

Будь неоправданным нисколечко,
чтоб в этот жалкий ряд не встать
среди всей той бесовской сволочи,
что поспешили оправдать.

И пусть — вины не обнаружено
пред бывшей властью до сих пор,
в ЧК, расстрелянный заслуженно,
ты заслужил *их* приговор.

Ты сам — без подноготной зауми, —
предвидя наш кровавый мрак,
тех розенфельдов, апфельбаумов
перестрелял бы, как собак?

* * *

Под общей тяжестью вины
мы в сердце ложь носили.
Лишь только б не было войны —
себе мы говорили.

И отводили мутный взор,
когда с глухой сторонки
всей нашей трусости в укор
летели похоронки.
О горести своей страны
мы доблестно молчали.
Лишь только б не было войны —
себя мы утешали.
Но год за годом шла война,
не зная оправданья,
и, на позор обречена,
не ведала названья.
За что — не ясно до сих пор —
солдаты гибли наши?
Не за печальный наш простор.
Не за родные пашни.
И всем не слышно ль было нам,
как матери страдали?
Припавши к цинковым гробам,
за что они рыдали?
Гитары пели на броне,
не слыша вдовьих стонов.
И всё погибших на войне —
лишь двадцать миллионов.

* * *

Мы — дети страшных лет России...
А. Блок

Мы жили в самом страшном веке,
стальной придавлены пятой,
когда людей, леса и реки
губили с легкостью лихой.

Мы правду знали понаслышке,
как, впрочем, и сейчас еще...
Мы между строк читали книжки,
в отчизну веря горячо.

Но что осталось от России?..
Прозренья грозный пробил час!
Две мировых — отцов скосили,
а третья — захлестнула нас...

Москва

Чвстныв люди устали от лжи, оскорблеиий, которыми их поливают в пвчатк: и рабы-то тысячелвткие, и работать не умеют, лентяи несчастные, только дяди, мол, заморские и способкы научнть их уму-разуму. Но ведь все это — подлейшее дело.

Однако, как ии стараются некоторые «прорабы перестройки» униизить достоинство человека, усилия их бесперспективны. Потому что невозможно это подлое дело в принципе.

Своими заметками писатель Гарий Немченко и спорит с энтузиастами этих подлых дел.

Гарий НЕМЧЕНКО

РУССКАЯ РАБОТА

...Обидно за людей, которых знаешь и любишь, — ни оправдываться, ни защищаться не станут... Которых знал и любил: говорить о них плохо — все равно что надгробья разрушать и осквернять могилы.

Но что же все-таки происходит?

В «проклятом мире чистогана», глядишь, давно уже плакаты висят: «Думайте положительно!» И доброе движение, мол, вашей души непременно достигнет цели: подкрепит общий эмоциональный заряд общества... А мы?

То, чего надо в себе стыдиться, с чем разобраться бы нынче — мы хлесткости ради и собственного возвышения чуть ли не с гордостью рекламируем и чуть ли не с чувством выхоханного в известные годы глубокого удовлетворения тиражируем о себе байки.

Имею в виду сказанное недавно: р у с с к а я р а б о т а — халтура.

УСТАЛЫЕ ПТАХИ

Мы уже спустились по широкой и плавной эстакаде, я обернулся, любуясь только ею и не поднимая глаз выше литейного двора, выше литейки...

Шли мы вдвоем с Александром Меркурьевичем Мнкушиным, старшим горковым этой доменной печки, которую вот-вот собирались разжигать — неподалеку уже стоял состав с сухими березовыми дровами... Шли мы после смены, путь держали к трамвайному кольцу: ему трамваем — домой, мне — в гостиницу...

Как бы оберегая наступившую естественность, я не позволил себе остановиться, но и не удержался, чтобы не оглянуться на эстакаду еще разок.

Может быть, все дело было в ее пропорциях — на удивление

красивой казалась эта мощная железобетонная дуга, по которой мог подняться к поддоменнику любой величины автомобиль, любого размера тягач или хоть безразмерный трейлер — с каким пожелаешь грузом.

— Нет, правда, какая все же красавица!

— Вижу вторую такую в жизни, — согласно кивнул Александр Меркурьевич.

— А первая?

— Первая была, когда пускали домну в Алжире.

— Вы там работали?

— Да. Осваивал, как говорится. Ребят-алжирцев подучивал. Нянчил... С рук на руки сдал, когда уехали...

— Сколько там пробыли?

— Пару лет. С хвостиком небольшим.

— Ну, там-то домна поменьше этой?

— Само собой. Но эстакада такая же просторная, как на «Северянке» на нашей. И... как бы это сказать.

Странное дело: посреди такого вот почти полутехнического разговора, да еще о чем бы, а то все о ней, проклятой, — о давно ставшей притчей во языцех нашей черной металлургии, об этой замазуре, о замарашке великовозрастной, — цыганские глаза Микушина зажглись тихим светом, он сказал почти смущенно:

— Ту эстакаду, что в Алжире, наверно, никогда не забуду!

Должен, пожалуй, сказать, что Александр Меркурьевич и до того уже был для меня загадкой... Во-первых, из-за своей необычной внешности, необычной, пожалуй, тем, что в ней так заметно, что ли, и вместе так удачно сочетались то ли противоречия, то ли своего рода несоответствия... Высокий, по-настоящему стройный даже в черной робе доменщика, которая, понятное дело, не придает фигуре изящества. Гордая посадка головы, руки с очень крепкими пятернями: пальцы крупные, но зато и какие длинные, какой правильной формы... был бы актер, так бы и писал: выразительные пальцы. Вообще весь он был словно соразмерно увеличен — как доказательство того, насколько ладною может быть сила.

И вдруг в каком-нибудь движении, в коротеньком жесте проскальзывала чуть ли не детская угловатость... Человек «огненной профессии» — и вдруг!

А лицо, лицо!

Прямо-таки лихая красота в резких крупноватых чертах, глубокие темные глаза под черными удалыми бровями... Атаман! Кинет взгляд — и сгоришь!.. А он посмотрит — и видишь неизвестно в чем виноватого робкого подростка — доброго и наивного, всему миру, как говорится, распахнутого.

— А что с ней, с той эстакадой? — спрашиваю. — Случилось что-нибудь?

— С ней вообще-то случалось, да. Проект наш, но ее не мы строили — французы. Вроде и не похоже на них, но вот не выдержали технологии, дала трещину. Пришлось переделывать. Но мне не это... знаете, что? Как-то остался после первой во вторую, а после второй смены пришлось — в третью, такие деньки были горячие, помогать приходилось... Пробыл часов до четырех, до половины пятого утра. Рассвет едва-едва. Еле-еле... Там ведь небо совсем черное — Африка!.. И вот вышел на эстакаду, иду сперва, признаться, и не заметил.. Это ясно, конечно, — подустал. А потом как глянул!.. На поручнях с двух сторон ласточки сидят. И синички. Одна к одной, одна к одной... плотно! Представляете, сколько их там было? По такой эстакаде! Видно, летели ночью, увидели огни — металлургический завод всегда ярко светится... А наша домна очень хорошо освещена была — и по ночам работали, когда недавно пускали... Поручни на эстакаде белые, выделяются в темноте, видать ясно. Они на них и попадали!.. Я стою, гляжу на них, и вдруг меня — ну, как током... слабеньким таким куснуло... ну, что-то такое с сердцем: да ведь наши птахи! С родины. Из России!.. А может, и вологодские? Может, совсем мок — из Череповца?.. И так у меня стало на душе!.. А у них глазки у всех зажмурены — спят себе! Хотел одну касатку взять, а невольно — две, так тесно они ютились.

На ладошку посадил: пленка на зрачках подрагивает, плывет, а раскрыть-то глазенки никак не могут, так, бедные, вымотались... Осторожненько посадил на место, хотел еще одну птаху взять — не понял сперва, что за птаха.. А они посыпались, руки подставлять пришлось — две пригоршни... Копошатся, попискивают, головенками куняют и опять — ну, хоть бы одна тебе глазенки разлепила — не могут! Досталось! — думаю. Может, в бурю попали? Над морем. Может, еще что... И вы знаете: вроде неловко говорить даже... Не знаю отчего, у меня слезы набежали. Я так далеко от своей земли, они так далеко от дома залетели, а вот — встретились, надо же!

Я пробормотал что-то такое, что не разумом обычно говорится, а больше сердцем — как бы только для интонации, которая должна была соединять нас. А он словно осмелел и вдохновился:

— А еще я там скворцов выкупал. На базаре!.. Они их сетками ловят и продают. Сотиями... да какой там! Тысячи скворцов, тысячи!.. Жареными едят. А у меня душа заходится: жалко!.. Как придем с женой на базар, я обязательно десяток... да хоть — шесть, и то! — беру, а потом принесу домой, они у меня хорошенько отойдут, подкормятся — тогда выпускаю. Такой у нас праздник был с женой. Скворцов выпускать... Особенно часто брал у одного торговца — ну, как бы симпатия какая между нами, что ли... Видать, небогатый был. И, видать, добрый... может, потому и небогатый? Я только подхожу, а он уже улыбается еще издали, уже скворцов покрупней да поживей выбирает... А я — нет, нет, да и прошу у него заморенных — за них вроде еще сильней душа болит... И больше поняли небось — так настрадались.

Такие, думаю, уже, может, в сеть и не попадутся — вернутся домой... Вот я брал у него, все брал, а он с каждым разом почему-то грустнел... Такой грустный. Поговорить-то не может, а только так — глазами.. Вот я его пытаюсь спросить: мол, в чем дело?.. А он только руками разведет, в небо посмотрит и вздохнет... Ничего не понятно! А симпатия!.. Снова к нему иду. Может, и догадаюсь, думаю, что он хочет сказать? Хотел уже переводчицу нашу попросить да и поговорить с ним; а тут однажды подхожу к нему — Исмаил! — говорю. — Исмаил!.. Здравствуй!.. Он улыбается — такой радостный почему-то. Только поздоровались, покивали, а он берет из мешка тоже пять или шесть птах и обеими руками — вот так, вот так! Вверх... Так они над базаром и кинулись в разные стороны, скворушки... А я тут понял. Это вот что хотел он мне примерно сказать: я, мол, до-

гадался уже давно, что ты их, друг, выпускаешь... А меня, может, и осуждаешь, что я их ловлю да продаю. А что делать?.. У вас в России — так, а в Алжире у нас — вот так... Все это делают. Все ловят. Не один я! Привыкли... Я тебя уважаю, но и ты меня пойми правильно: не приходи больше! И у меня душа не будет болеть, и у тебя, может быть, перестанет... Ты же не выкупишь всех птах все равно. Все равно всех на волю не выпустишь!.. Наклонился он к нам с женой, а потом обнялись мы с ним, крепко обнялись, я часы снял и говорю ей: пойдем!.. Больше к нему не будем приходить. К Исмаилу. Жалко его!.. Вообще не будем ходить в этот конец базара, где птахи. Ну, что ж теперь сердце рвать, если жизнь у них так устроена, а на всех скворцов, в самом деле, наших с тобой денег не хватит... Это если бы все горновые, вся наша колония скидывалась. Или государство бы выкупало птах, да?.. Как раньше — пленников... Ну, повздыхали мы и пошли, и больше я не обернулся, только ладонью вот так — на мешок со скворцами — он, видно, мне хотел отдать его, что ли: оставь себе — я ж тебе часы не поэтому! Оставь! Я — на память!

ЗАВЕЩАНИЕ МАСТЕРА

Как-то прилетел ко мне из Новокузнецка старый товарищ, и, когда сидели вечерком, разговаривали, среди всяких новостей рассказал он мне одну маленькую историю...

Жил-был старый доменный мастер. Давно уже на пенсию ушел, но возле печки своей последней нет-нет и показывался: постоять с ребятами, которых когда-то школил, вместе с ними на огонь поглядеть, в газовой будке чайку на «живой» воде, которую приносят из дома умельцы, да с травками, — попить да о том о сем порассуждать. Потом надолго пропал, сказали — совсем слег.

И вдруг он появляется на литейном дворе, да не один — с маленьким внуком...

Шел как раз выпуск чугуна, все заняты были и потому не сразу заметили, что на старике выходной костюм шевиотовый, еще с послевоенной поры, рассказывали, надеваемый им только по самым большим праздникам, но на пиджаке в этот раз — ни единого ордена. Только в несколько рядов дырочки да мятые полукружья вокруг них. Зато на груди у ребятенка — и орден Трудового Красного Знамени, и пара медалей.

Дед за руку осторожненько ведет его поближе к печке, почти к самой летке, а когда проходит мимо кого, остановится, старую свою гляделку — темно-синее стеклышко в оправе из плекса — к глазам поднесет и внимательно так посмотрит...

Характер у него и всегда был такой, что — ого! — причуд за ним знали много, но такое впервые видели: чтобы не в форму, на кипящий чугун глядел — человека через синее стеклышко рассматривал... Или со стариком — совсем худо?

Тут уже и чугун почти весь вышел, работы стало поменьше, и старика окружили, а потом кто-то его и спрашивает: ну, и что, мол, ты разглядел, Петрович, через свое стеклышко?

А он и говорит:

— Да вот разглядел, что больно ты у нас попригас в последнее время, огонька в тебе поубавилось... Не закозлит тебя, гляди, дачкой твоей да «Жигулем» — сам не чуешь?

Этот головой кивнул и прикусил язык, а старик уже иным тоном, дружеским, к другому обращается:

— Хорошо горишь, хорошо! Всегда бы так.

Остальные ждут уже с интересом, и старый мастер очередного и спрашивает:

— А ты, видать, не в режиме?

— Понимаешь, Петрович, какая вышла вчера история, — начал было горновой оправдываться, но старик не дал ему, перебил:

— Вчера всякое могло, а что — с утречка? — и повернулся к мастеру. — На смену он заступил — куда первым делом?

Здесь надо объяснить, что, если, не дай и не приведи бог, как говорится, пришел горновой на печь не «в режиме», у него два способа поскорее в режим войти — все о них знают, но выбирают всяк свой: один на край литейки то и дело спешит, к железным створкам — приоткрыть да свежим воздушком себе подышать; а другой сразу берется за лопату, доменный шлак бросать начинает — чтобы потом поскорей свои «шлаки» выгнать...

Мастер теперь и говорит:

— На шлак стал, на шлак!

И старик чуток подобрел:

— Тогда — надежда есть.

Тут как раз подошел к ним один деятель — из тех, кого сначала, как эстафету, из смены в смену передают, из бригады в бригаду, а потом, всюду намаявшись, всем миром выдвигают на какую-нибудь непыльную, по общественной линии, работенку — лишь бы не мешал, под руку не лез да глупостей, которые всем вот так уже надоели, не говорил бы, да под ногами не болтался... Деятель этот на правах старого знакомого теперь и спрашивает: ну а я, мол, Петрович? А я?

— Тебе, — говорит старик, — давненько уже дутья не хватает!

Тот засмеялся:

— Чтобы пошевеливался быстрей? Шибче бегал?

— Да нет! — старик отвечает. — Ха-рошенького дутья!.. Чтобы вынесло тебя не только из цеха, но и вообще бы с завода — к едрене-фене!

Пока с другими говорил, все поглядывал старик на паренька, который чуток в сторонке все никак не мог расстаться с метлой: даже когда на литейном дворе стало чисто, как у хорошей хозяйки перед праздником, — он и тут еще разок ширкнет, и там кончиком метлы подлизнет.

Старик у мастера и спрашивает:

— Просится к вам?

— Ну! — отвечает мастер. — Из училища. Практикант.

— Подойди-ка! — старик ему приказал.

А когда подошел мальчишка и напротив стал, чуток сгорбившись, старый мастер взял его клешнястой пятерней за плечо: то ли под суконною курткой мускулы пощупал, а то ли заставил выпрямиться.

— Стараешься, смотрю? — И протянул ему гляделку. — Владей!

Перекрестился сам, а потом печку перекрестил, поклонился ей чуть ли не в пояс, взял малыша за руку, пошел из литейки молча...

Через неделю старого мастера не стало, и тут уже и до тех,

до кого не успело раньше, теперь дошло: прощаться приходил. Завет дать.

Видать, история эта попала в точку, которая давно уже в сердце побаливала...

Попросил я своего товарища минуту побыть на кухне, где мы с ним чаевали, пошел к своему рабочему столу, порылся в одном из ящиков, принес и протянул ему гляделку, которая хранилась у меня больше двадцати лет — с шестьдесят четвертого, с той июльской ночи, когда в первый раз горновые пробили летку первой домны Запсиба, когда отстрелялась она с гулом летевшими по дуге через всю литейку комками пламени, покорно вздохнула и выпустила, наконец, робкий вначале, кипящий язычок первого на нашей Антоновской площадке долгожданного чугуна...

Товарищ мой приподнял в пальцах гляделку, похожую на крупную прозрачную запятую, в которую вверху вставлен темно-синий кругляш стеклышка, и чуть ли не с завистью спросил: «Это с тех пор?!»

Обратно класть я ее не стал, отнес в шкаф, где висела одежда, положил в карман пиджака и все таскал потом с собой, все в кармане на нее натыкался, иногда вынимал, держал в кулаке или рассматривал, как будто видел впервые. Однажды в театре, забывшись, на гардеробную стойку положил ее вместо номерка, и пожилая женщина в униформе, несмотря на очередь, долго смотрела молча то на меня, а то на гляделку, пока я, наконец, не спохватился — это была добрая женщина, и оба мы рассмеялись, а потом я достал номерок.

Посреди суеты и самых разных забот с печальной усмешкою я вспоминал иногда, что сам давно уже, выходит, больше двух десятков лет! — являюсь обладателем волшебного стеклышка: вытащи в любой момент из кармана, на что хочешь наведи, глянь — все и вся тебе станет ясным... Как случилось, что столько лет могло оно без дела у меня пролежать?

Эта маленькая самодельная вещица нет-нет и напоминала о старом доменщике, который, поделив меж внуками ордена, с младшим из них пришел попрощаться, и с горновыми, и, как будто она живое существо, с печкою, со стальною этой махиной — наверняка ведь, решал я, наверняка еще и затем, чтобы маленький внук, пораженный необычною и для взрослого человека картиной, вместе с жаркою леткой, с гудящим пламенем крепко-накрепко запечатлел бы в памяти и его самого, столько лет огонь укрощавшего...

И заставляла думать о самом главном из этой новокузнецкой истории: почему накануне смерти, когда, по старому обычаю, всем все прощают, был старый мастер неприступен и строг?.. Что он все-таки завещал?.. Нам всем.

САПОГИ С РЫПОМ

В Новокузнецк я приехал в марте пятьдесят девятого, когда нашей ударной стройке было уже два года от первого колышка и когда конца ее было еще не видать. Странное было время, оглядываешься сейчас: странное!

Из этой прекрасной братвы, из добровольцев-первопроходцев, почти никто ничего толком делать не умел. Когда я, газетчик, однажды пожаловался знакомому инженеру, что поступил, может быть, слишком рискованно, приехав на стройку без должной подготовки, он рассмеялся: «Тебе крупно повезло!.. Если ничего не смыслишь в строительстве — считай, здесь ты на своем законном месте! Среди своих». Потом-то я понял: и в самом деле. Повар из московского «Метрополя» грел бетон на открытом полигоне, а в нашей столовой мы давились шницелями, на которые глаза б не смотрели. Вчерашние парикмахерши орудовали ломами в «мостопоезде». Портнихи осваивали электросварку... Будто кто-то нарочно перетасовал народ, словно карты в колоде, перемешал под уверенной рукою, как мешают костяшки домино: умеешь, мол, на одном месте — будь добр, поработай-ка на другом! Ничего не умеешь — тоже поезжай в Сибирь: вдруг чему-нибудь да научишься?..

Сколько материала, и без того дефицитного, было перебито и сгублено, сколько выросло стенок, которые тут же заваливали — чтобы в недобрый час они сами не завалились. Не было в батареях тепла, надолго пропадала в домах вода, и слесари разводили руками: «Что поделаешь? Все новое, все ломается...»

Казалось бы, на то оно и новое, чтобы сто лет простоять — ан нет!

Там я не два, не три очерка написал, как одному бедолаге — герою, конечно же, считали мы тогда, конечно, герою! — пришлось зимою нырять в ледяную воду, а другому забираться в не остывшую еще топку котла: надо!

А пришлось бы, и в самом деле, одному без особой, прямо скажем, охоты «моржевать», а другому — поджариваться, если бы сразу все делалось «по уму»?

Невдалеке за нашим поселком, километрах в десяти по прямой, за Томью небо то и дело окрашивало зарево плавок на Кузнецком комбинате, вместе с Магниткой заслонившем страну броневым щитом в годы войны; еще жив был знаменитый кузнецкостроевец, «человек-экскаватор» Иван Филиппов, грабарь, выбрасывавший ежедневно земельку за четырнадцать человек; красное «кимовское» знамя передавал нам в клубе «Комсомолец» совсем уже поседевший, уже сгорбившийся, но все еще державшийся старым орлом среди птенцов Иван Громов — бывший комсорг Кузнецкстроя. Но тут, на Антоновской площадке, все начиналось так, как будто начиналось не то чтобы впервые в стране — первый раз на матушке — на земле, и, самое удивительное, получалось так, будто «от колышка», единственного пока в жизни, начинали не только неопытные девчонки из поселка Байдаевка, всем классом приехавшие на Запсиб сразу после выпускного вечера, — так же начинали и проектировщики, и заводы-поставщики, и министерства, и ведомства, и Госплан... Профессиональное умение мастеров-одиночек, и без того на стройке столь редкое, растаскивалось не только на уровне бригады — по горизонтали, так сказать. Оно безвыходно придавлено было, безжалостно принижено «вертикалью».

И верно: ну, что такое — одинокий мастер при том самом положении вещей, которое, несмотря на разницу в поле и в возрасте, все на стройке всегда называли одинаково: «кабак»?.. Что ему, такому мастеру, оставалось делать?

Николаю Любавину и Василию Шерстневу, терпеливо поправлявшим «пузатые» стенки. Великому штукатуру и маляру Ивану Лагоде, страдавшему душой из-за трещин и потеков на стенах?..

Асу-крановщику Вене Кузьмину. Ювелиру-бульдозеристу — и еще пять профессий, пожалуйста, — Вале Елфимову... Что им всем оставалось делать? Идти сдаваться?

Тут любопытно спросить: кому?

Все-таки они не сдались.

Центральная пресса — и я, грешный, внес тогда в это свою лепту — захлебывалась от велеречивых слов по адресу москвичей-добровольцев, покинувших уютные квартиры на Арбате, оставивших в ней умирающих от тоски по родному чаду пап и мам... А тем временем потихоньку, настырно, молча набирали мастерства пешком пришедшие на Антоновскую площадку из окрестных сел парни-сибиряки, и до того уже кое-что умевшие, кое-что знавшие... Не торопясь выбирали невест, тщательно обустраивали квартиры, каждый свободный пятачок по-хозяйски засаживали картошкой, и уже малы были для семьи древяанные шкафы-холодильники, встроенные в стену на кухне под окном, — кадушки да лари появлялись зимою и на балконах...

Выросшие в недостатках, в бессребреничестве, в презрении к богатству, воспитанные на фильмах да на стихах о кулаках-мироедах, сколько слов мы на стройке извели по поводу снабжавших наш крошечный базарчик квашеной капустой, солеными огурцами да помидорами жителей окрестных деревень — Нижне-Островской и Верхне-Островской площадок, Антоново да Бызово... Куркули!

Но что, если бы не они — кто с тридцатых, кто еще с двадцатых годов метр за метром терпеливо отогревавшие не столь уж ласковую сибирскую землю?

Невольный отсвет «куркульства» падал и на своих, на ребят из недальних сибирских сел, а за ними потом и вообще на всех тех, кто не ждал, пока его накормят сытно в столовке — устраивался сам. Были это в основном северяне: вологодские, вятичи, архангелогородцы... Любопытное дело: может, в какое-то время все мы вольно, невольно ли, но достаточно крепко перепутали жадное стремление некоторых к богатству с вековым умением большинства — производить его?

Когда пределы стройки, ограниченные пятачком Антоновской площадки, хоть немного для нас раздвинулись, когда уже поднадоела, может быть, «романтики сестра» — гитара комиссара москвичей Лейбензона, все страдавшая по осеннему листопаду в столице, в селе Монашка на речке Средняя Терсь я познакомился, а потом и крепко подружился со стариком, заподозрить которого в «куркульстве» было просто нельзя — даже при самом большом желании... Правда, имелось в пролетарской биографии Савелия Константиновича Шварченко одно пятнышко, имелось.

В свое время, рассказывал, его «отчислили из ячейки». За что?.. За то, что однажды он «передал оружие классовому врагу».

А было так, что в двадцатом совсем еще молодой тогда Шварченко на лошадке приехал устанавливать советскую власть в одно из дальних таежных сел. Ударил по железке, висевшей в центре, а когда люди собрались быстренько, предложил: «Давайте поговорим, мужики!» Тут и засмеялся один: «Как же нам с тобой, парень, говорить?.. У тебя винтовка, а у нас ее нет!» — «Держи! — Шварченко сказал. И швырнул винтовку тому в руки — тот едва успел поймать ее. — Теперь она у тебя». Отвернулся и стал с остальными разговаривать.

«Классовый враг» — мужичонка и в самом деле не из простых — повертел винтовку в руках, проверил патронник, затвором клацнул, туда и сюда разок-другой прицелился, потом шарахнул по макушке одинокой посреди таежного села — из-за страха перед пожарами — лиственницы, сбил ронжу, кедровку, и, когда она, все переваливаясь с верхней ветки на нижнюю, упала наконец, нарочно громко вздохнул: «Ха-рошая штукенция... ладно уж!» И вернул Шварченке винтовку.

Но «в ячейку» об этом случае кто-то услужливо настучал.

«А я ить и перед тем всегда так делал, — рассказывал нам, посмеиваясь, дед Савелий. — Без винтовки-то доверия — всегда больше... Да и руки свободны, если что. Уж я им тогда, в ячейке-то, доказывал, доказывал... Пример приводил: как перед этим в другом селе братанв того самого мужичонки одним перстом сшиб... нет!»

— Это как же одним перстом, дедушка?!

Тут надо сказать, что разговоры эти происходили обычно долгими зимой вечерами, после того как мы возвращались в избу после охоты... В это время дед всегда что-то по мелочи мастерил, или ремонтировал — то валенки подшивал, то подновлял путцы — ременные крепления на кисах, на лыжах, подбитых лосиною — непременно с ног — шкурой, или вязал сеть, а Марья Евстафьевна, жена его, либо пряла, либо постукивала набивкою на стоявшем посреди избы кросне — самодельном ткацком станке... Дед как бы председательствовал на ежевечерних этих наших беседах, а Марья Евстафьевна обычно помалкивала, но ничего мимо ушей не пропускала, всегда — если даже уходила к дежке с квашней за перегородку, на кухню, — внимательно слушала и нет-нет да в паузах и вставляла словцо — в тон кому-либо, в такт, в ритм беседы...

— Эт как же — перстом?!

— А так... и правда, перстом, — повела Марья Евстафьевна. — Подушечкой вот этой на указательном... Винтовку отдал, как всегда, те уже побаловались, постреляли, а когда уж за столом сидели да заспорили... Братан-то Мишкин озорничать сперва, а потом и вовсе угрожать стал, а все глядят, ждут... Савелий приподнялся тогда, нагнулся над столом и в лоб-то подушечкою тихонько — тюк!.. Так и опрокинул.

Рука у деда была — и правда!.. Какие молотобойцы, случалось, приезжали с нами, какие ухари — никто так и не смог ни разу «положить» дедову руку на столешницу.

«Из ячейки» его тогда вывели, но в активистах он так и оставался всегда — и на прииске, и на лесоповале, и на заготовке сена для Кузнецкстроя, — откуда только не везли его тогда для прожорливых, голодавших до этого грабарских лошадок!

На войне он пробыл «от звонка до звонка», а когда отошел от ран, когда Марья Евстафьевна его на ноги все-таки поставила, снова лес валил, вышел на пенсию да так и остался жить в селе — из которого почти все разъехались, потому что «участок перевели», кто куда «справились» по Терси, — и теперь скот кормил, держал пасеку, ловил рыбу и промышлял зверя: детей у них в Новокузнецке жило пятеро.

На сенокос съезжалось к нему полгорода, шумно было летом на том краю Монашки, где и нынче еще стоит над обрывом его изба — девятая по счету в опустевшем селе — остальные восемь

кержачьи.. Кадки с груздями, мешки с мясом да с рыбою, фляги с медом, топленое масло в артельных бачках дети увозили по последней — когда уже вовсю шуга шла — воде, а зиму зимовали они с Марьей Евстафьевной вдвоем, неделями, а то и месяцами у них — никого. Но каждый день торил он тропинку через заметенную снегом реку, по островам — до зимника, по которому грузовики шли в соседнее село. И каждую ночь горела, горела лампа с укрученным фитильком на подоконнике, едва заметным маячком светила в морозной мгле любому, который только случиться мог, знакомому ли или незнакомому попутчику.

Однажды ненастным вечером поздней осени, после того, как по вселенской грязище на зимнике, по перекатам, через двенадцать бродов мы прорвались-таки к нему на тягаче и тот заглох намертво перед тринадцатым бродом, почти напротив избы, мы часа три бились, чтобы вновь завести его, пока дед, управившись со скотиной, не переправился, наконец, к нам на лодке и в один момент все не поправил... Когда развесили потом по избе промокшую до нитки одежду, когда отогрелись, когда уже размякли от теплых, привычных тут запахов овечьей шерсти, пахты, кедрового орешка, дегтя, дубленой кожи, сухого дерева, когда все уже блаженствовали на матрацах рядом с кросном на полу, и только один из нас, самый стойкий, все еще крошил сечкою мясо трех сортов в долбленом корытце — на завтра, для настоящих, «с щепочкою», пельменей, — кто-то спросил Савелия Константиновича:

— А если посчитать, дед? Сколько профессий наберется?

Не без подначки тот согласился:

— А давай-ка!.. До ста сам буду считать, а дальше и не знаю, придется вам!

Нашли тетрадку, отыскали карандаш.

Избу рубить, полсть валять, бондарничать, коней ковать, шорничать, поросят холостить — все у нас пошло в дело, к общему восторгу перевалило вскоре за сто, и тут согласно своей шутке дед уже не загибал пальцев, не произносил цифр — только посмеивался, об очередном своем таланте нам объявлял...

Марья Евстафьевна охотно подсказывала, помогала своему «самому» очки набирать, но когда мы остановились на сто тридцать седьмой по счету профессии и тут дед, кажется, иссяк, она вдруг торжественно объявила:

— А я, значит, все сто сорок имею! Потому как все твои знаю: чего раньше не пришлось — в войну тебя догнала... И три уменья сверх всех твоих!

Дед прямо-таки опешил:

— Это какие жа?!

— Роды принимать, кровь жильную останавливать, зубы заговором лечить! — сказала Марья Евстафьевна и значительно смолкла.

— Так это же все едино! — нашелся дед. — Лекарка, и все.

— А у тебя — не едино?.. А ты на сто тридцать семь поразвел!

— У меня-то — едино? — взкипятился дед. — Это как жа?!

— А так, — уверенно сказала Марья Евстафьевна. — Одна у тебя профессия: крестьянин. Какой бы ты был крестьянин, если бы ничего из этого не умел?

И тут дед, прошадший войну артиллеристом, кинул свою козырную:

— Зато ты, баушка, из орудия не умеешь бить!

— Дело-о-ов! — потянула она не то что насмешливо, а даже как бы с презрением. — Умным хвалишься!.. Просто женщин не брали, детишечек жалели, а кабы не так — или я бы из орудия не ударила? У меня глаза твоих зорче, сам знаешь. И рука крепкая. Надо было младшенького в войну спасти — никого не позвала, одна медведя в берлоге взяла. Желчи да жиру и тебе еще однако осталось... или не так?

И дед Савелий подмигнул нам и молча, даже как будто слегка испуганно поднял руки: не стал пальцы разгибать, только растопырил слегка — глянец от лампы лег на его еще в молодости заскорузшие «подушечки»...

Конечно же, было это своего рода рыцарство, уступка даме... Хоть и ходила на шестах «в верховья» — руки с тех пор пообморожены, — и лес трелевала — все же куда ей!..

Приехал как-то дед в город, пошли мы с ним на толкучий рынок, в «железный» ряд, где развалом лежал всякий инструмент да ко всему на белом свете запчасти, и тут вдруг начал он с такой страстью торговаться, что прямо-таки сбил меня сперва с толку... Поднимает с подстилки какую-нибудь крохотную детальку, которая совсем скроется в его лапище, посмотрит на нее долго-долго. А потом:

— Однако говорю: двадцать копеек! Больше не дам.

— Ну, тридцать, три-и-идцать! — чуть не стонет доведенный до отчаяния продавец. — Сказал: тридцать!

Опять полюбуется дед малой деталькою в руке, опять долго-долго ее повертит, потом свое:

— Однако — двадцать!

Я кошелек раскрыл, вытряс мелочь, хотел было со стыда сунуть куда больше, но дед за руку поймал, потащил в сторонку: «Ливонтич! Думал, что я — жмот? Однако забыл тебя предупредить: я сюда не покупать приезжаю. Я — смотреть». — «Как это смотреть?..» — «Да так!.. Посмотрю-посмотрю, глазом размер прикину, хитрость всякую разгадаю, а приплавлюсь потом домой — лучше сделаю! У меня — такой интерес!»

Как-то он предложил: «Давай сошью тебе сапоги?.. С «рыпом!»... Знаешь, какие, бывало, ране шил!! Из Мутной парень вышел на гулянку в моих сапогах, а здесь, на Монашке, девкам слыхать: Ваня сейчас придет, берегися!»

— Ну а мне-то они зачем?

Уверенно он говорил:

— Мало ли!

Я тогда только начинал писать, человек был молодой и еще веселый, во всем смешной поворот, как по молодости бывает, искал. И мне потом представлялось: как в сапогах с «рыпом», которые сшил мне дед, приезжаю я, значит, в Москву, открываю двери какого-либо издательства, «Молодой гвардии», может, а то уже и «Советского писателя» — и только по коридору шагнул, секретарша в отделе прозы тут же встает, идет докладывать: «Этот... как его? В сапогах. Несет роман о Запсибе. Принимать рукопись?.. Или не принимать?»

Но эта идея — насчет сапог с «рыпом» — засела в нем крепко, однажды он подступил ко мне с бабушкиным сантиметром в руках.

— Все-таки сошью тебе!

— Да зачем, зачем?!

Он сел на табурет:

— А вот слушай. Во-первых, чтобы рукомесло мне не забыть... так? Так! Во-вторых, чтобы баушке доказать...

— А надо ей доказывать?

— А то как!

Марья Евстафьевна уже покачивала головой, потихоньку посмеивалась.

— Она ить говорит, что все равно я так не смогу, как дядька ее шил, сапожник...

Пора, пора было вступать Марье Евстафьевне!

— Ему даже однажды купец пьяной в ухо дал за сапоги, дяде моему!

— За то, что плохо сшил?

— Нет-ка!.. За то, что хорошо как раз! Встретил на ярмарке, а выпимший: да что ж ты, кричит, за человек такой! Что со мной сделал? Пятнадцать лет ношу сапоги и никак сносить не могу, а выбросить жалко — еще хорошие! И — в ухо... дак еле разняли-то!

— А мне никто еще за то в ухо не давал! — дед перехватил. — Вот баушка и не верит мне, что мастер!.. Ну а в-третьих...

Я замолчал.

— И что — в-третьих?

Он выдохнул:

— А память тебе будет, вот что!

Нет уже деда Савелия. Савелия Константиновича Шварченко. И по-иному читаются «Поучения» Владимира Мономаха: «А вот как я трудился, охотясь, пока сидел в Чернигове; а из Чернигова выйдя и до этого года по сту уганивал и брал без трудов, не считая другой охоты, вне Турова, где с отцом охотился на всякого зверя.

А вот что я в Чернигове делал: коней диких своими руками связал я в пущах десять и двадцать, живых коней, помимо того, что, разъезжая по равнине, ловил своими руками тех же коней диких. Два тура метали меня рогами вместе с конем, олень меня один бодал, а из двух лосей один ногами топтал, другой рогами бодал; вепрь у меня на бедре меч оторвал, медведь мне у колена потник укусил, лютый зверь вскочил ко мне на бедра и коня со мною опрокинул. И Бог сохранил меня невредимым. И с коня много падал, голову себе дважды разбивал и руки и ноги свои повреждал — в юности своей повреждал, не дорожа жизнью своею, не щадя головы своей.

Что надлежало делать отроку моему, то сам делал — на войне и на охотах, ночью и днем, в жару и стужу, не давая себе покоя. На посадников не полагаясь, ни на биричей, сам делал, что было надо: весь распорядок и в доме у себя так же сам устанавливал, и у конюхов, и о соколах и о ястребах заботился.

Также и бедного смерда и убогую вдовицу не давал в обиду сильным и за церковным порядком и за службой сам наблюдал. Не осуждайте меня, дети мои или кто другой, кто прочтет...»

Окончание следует

Евгений АНТОШКИН

КРИК

МОЯ ЗЕМЛЯ

Нет, судьбою не избалованная,
А скорее —
Наоборот.
И, порушенная, разворованная
И униженная,
Встает.

Так за что же тебя обездолили
Разумению вопреки?
Как тебя берегли и холили
Бабы русские и мужики!

И не праздными разговорами
Помогали тебе,
Как могли,
Кочетковы,
Петровы,
Егоровы —
Вековая опора земли,

Предрекали конец лжеученые.
Ты за это их не коришь.
И перстом,
И мечом крещенная,
Но не сломленная,
Стоишь.

Кто они:
Твоей веры душители?

Кто разруху принес в твой дом?
Словно в ведомственном общежитии,
Позаплевано все кругом.

В пекло им несподручно сунуться,
Много ратных полей на Руси.
И не время ли
Призадуматься
И прощения попросить?

Но — святыни твои поруганы,
Но — глумлению предан язык.
Чьими вновь они явятся слугами?
И в груди не боль уже —
Крик.

ДОРОГА

Все оглядел
Придирчиво и строго,
Как будто здесь
И не был никогда.
Спросил:
— Куда эта
Дорога?
— Дорога-то,
Вот эта?
Никуда!

— Как никуда?
Истоптана,
Обмята,
Дерюжкой заросла
И лебедой.
— А здесь любой
На тропы тороватый.
Что ни шофер,
То со своей ездой.
Дорога эта
Вроде как потеха:
И сил полно,
И техники не впрок.
Сегодня, скажем,

Прямиком проехал,
А завтра, глядь, —
Он катит поперек.
Стоишь, как на распутье,
Поневоле.
Что говорить,
И сам ты погляди —
Вся улица,
Как вспаханное поле,
По ней
И не проехать,
Не пройти.
При-ез-жий,
Потому и смотришь строго.
А здесь
Все лето
Хлюпает вода.
Где подорожник —
Там была дорога.
Так что
Дорога эта —
Никуда.

БАРАЧНЫЙ КОРИДОР И КЕРОСИНКИ

На выборы зовущие картинки.
У входа кем-то выброшенный хлам.
Барачный коридор, и керосинки,
И телогреек груды по углам.

И будни лет,
И светлый праздник брачный.
И три семьи ютятся до поры
В той комнате приземистой,
Барачной, —
Пятнадцать метров в ней на шестерых.

Как воробьи притихшие на ветке,
В той тесноте по вечерам сидим.
Как будто бы в космическом объекте
Через года в свой лучший день летим.

Здесь свадьбы небогатые игрались
Среди твоих, страна, кипучих дней.
Рождались здесь, росли и умирали,
Чтоб ты была и краше и сильней.

Мы, рано в жизнь входившие мальчишки,
Когда под утро тикали часы,
Спешили к проходной,
Держа под мышкой,
Батон с куском московской колбасы.

На выборы зовущие картинки,
Газет обрывки вбиты в пыль дворов.
Барачный коридор и керосинки
И гниль, идущая из-под полов.

Неужто в нас той боли не осталось,
И стала хата наша — сторона?
Что с нами было?
Что с тобою сталось,
Родная наша, добрая страна?

Мы в души боль земли вдохнуть сумели,
К всемирной приобщенные судьбе.
И за тебя и за весь мир болели,
Не смея лишь подумать о себе.

И черные полночные проулки,
Треклятое забытое житье.
И эти Ваньки, Нюрки, Верки, Юрки —
Опора всей страны и боль ее?

Среди твоих, страна, кипучих дней
Здесь свадьбы небогатые играли.
Чтоб ты была и краше, и сильней,
Рождались здесь, росли и умирали.

* * *

Не запомнили предков имен.
Все, что взяли,
Отдать не успели.
Мы, как отроки давних племен.
Вкось прошли по ней,
Как метели...

Ах, житье ты мое,
Бытье, —
Отзывается память эхом.
Да какой я хранитель ее? —
Посмотрел, погрустил
И уехал.

Кто-то топчет ее рубежи.
Кто-то в жажде наживы порхает.
И меня уже учит жить,
И любовью к ней попрекает.

Чтобы я безмятежно глядел
На разруху,
На боль похоронок,
Словно выросший в чуждом гнезде,
Позабывший про все кукушонок.

Я ни в чем ей
Не изменил.
Но от горестных дум мне не деться:
Ни корней,
Ни спасенных могил —
Что оставлю я внукам
В наследство?

ГЛИНА

Когда я этот бренный мир покину,
Когда в последний раз взгляну,
Вздохну,
Вновь превращусь
В бесформенную глину
И промысел твой божий
Прокляну.

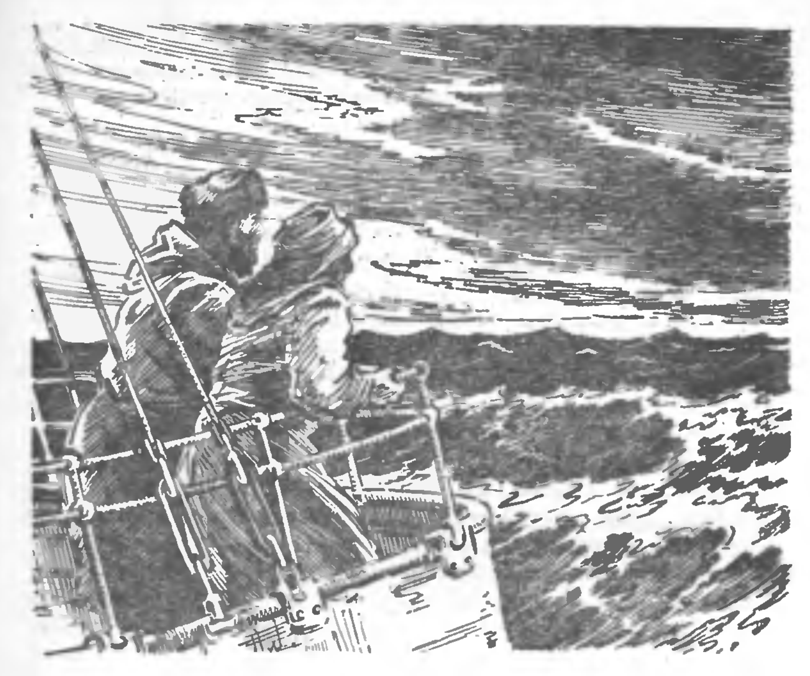
Зачем ты мне у отчего порога
Сулил удачу и далекий путь,
Зачем нарек себя всесильным богом
И обещал весь мир перевернуть?

Чтоб я из-под обломков жженой глины,
Выхватывал сквозь мусор, наугад:

Застывший череп допотопной рыбы,
Холодных губ предсмертные изгибы,
Сократа лоб
И чей-то мертвый взгляд.

ЕЩЕ РАЗ ПРО РЕПКУ

Красное лето,
Как ты скоротечно.
Вот и пришла созреванья пора.
Дед проворчал:
— Как ты, бабка, беспечна.
Ну-ка, скорей всех зови со двора!..
Дедка за репку,
За дедом —
Старушка.
Внучка и Жучка,
И кошка пришла.
Переглянулись:
— Где мышка-норушка,
Только сейчас она рядом была? —
Репка на зависть в саду уродилась.
Вот и собралась семья на совет.
Репка так важно на грядке кустилась, —
Тянут, потянут —
А проку все нет.
Дед притомился.
Устала старушка.
Жучка сбежала.
И внучка ушла...
С репкой не справится мышка-норушка,
Репка недаром все лето росла.
Скоро все злаки под ветром согнутся.
Смотрим на грядки в преддверье зимы.
Внучка и Жучка уже не вернутся.
Что будет с репкой? —
Думаем мы.
Вот уже шубу меняет зайчишка.
Вот уже небо грозится дождем.
Поле не убрано.
Где же ты, мышка?..
И обвиняем мышку во всем.

Николай РЫЖИХ

СИНЕЕ МОРЕ...

Записки рыбака

Писатель Николай Рыжих — челонек необычной судьбы. Более двадцати лет каждую весну он оставляет свое родное Подмосковье, отправляется на Дальний Восток и до глубокой осени ловит рыбу в Тихом океане.

Сейчас никого не удивишь митингами, требующими воссоединения семей, видом расхристанных юнцов, призывающих вешать коммунистов, бывших диссидентов, поучающих из-за океава, как жить матушке-России. Удивляешься только тому, что миллионы простых тружеников, не обращая внимания на сопли и вопли «прорабов перестройки», просто, но и спокойно делают свою работу. Жизнь почти ничем не радует их, а они работают и работают. Не на этих ли людях и стоиг держава?!

Н. Рыжих в своих записках рассказынает о трудной профессии рыбака, подчас непредсказуемой и опасной. Рассказывает без надрыва, без дешевого романтизма — сурово и просто. Годы, проведенные на палубе сейнера, принели писателя к глубоким раздумьям, заставили посмотреть па проблемы моря и рыбаков по-новому.

В августе наше море синее, может, потому, что, как и во всей природе, кончилось расточительное цветение и наступила пора мудрого и бережливого накоплении сил.

Автор

Над морем стоит божья благодать, тишина и покой. Низкое солнышко висит над горизонтом. Задымленное море плывет мимо сейнера, шелестит по бортам, переговаривается за кормою. Двигатель стучит глухо и четко, Коляباресков с Чичавой «подшаманили» его на славу перед этим дальним плаванием. Впереди и чуть справа маячит МРС-034, мы — два сейнера — идем в Олюторку ловить селедку кошельковым неводом. Впервые после двадцатилетнего запрета разрешили ее промысел, от нашего колхоза для этого дела послали двух самых лучших капитанов, нашего Джеламана и Женю Биюджанова. Женя на своей тридцатьчетверке в последние годы хорошо рыбачит. На тридцатьчетверке идет и сам председатель колхоза — Павленко. Экспедиция наша серьезная, план зависит от нее. К тому же Павленко только год работает председателем, раньше он работал в одном из олюторских колхозов главным инженером, все участки и базы ему знакомы, надеется чем-то помочь на промысле; договориться со сдачей или с ремонтом, всех тамошних людей он знает.

Олюторскую селедку запретили ловить в шестьдесят седьмом году, а до этого все шесть лет мы ее «форшмачили» почем зря — три рыбацких флота: Приморский, Сахалинский и наш Камчатский — как навалились на нее, думали, конца ей не будет... за какие-то пять-семь лет в Пахаче, бухтах Лаврова и Южно-Глубокой понастроили целые города и названия им дали. Через семь лет ее вычерпали, базы закрыли и эти города остались без людей. Наука утверждала, что сельдь восстановится и базы опять можно будет открыть и города заселить. Но она не начала восстанавливаться ни через пять лет, ни через пятнадцать, только сейчас вот пробуем.

Настроение прекрасное. Прекрасное оттого, что побываю в давнишних местах, где когда-то рыбачил, может, из старых товарищей встречу кого: в Пахаче и Анапке зимовал с сейнером. А сейчас иду в плавание со своим другом, Володей Джеламаном. Десять лет назад работал у него старпомом. На этом сейнере всех ребят знаю, со всеми приходилось плавать в эти годы, только вот со вторым механиком Чичавой впервые иду в море, он в колхозе недавно, с большого флота пришел.

С четырьмя капитанами я плавал: с «дядей Федей» — Федором Егоровичем Улевским, одним из первых поселенцев Камчатки, — с Колей Страхом, оригинальнейшая во всех отношениях личность была, с Ваней Аркашиным, этим талантливейшим рыбаком и очень хорошим человеком, и сорвиголовой Шаймарданом, Николаем Шаймардановичем Шаймардановым. Одну осень работал на катере, селедку отгружал на пароходы... веселая работка была, особенно перед Новым годом. И зимовать остался с этим катером.

Хорошие времена были. Наверное, потому, что молодость была — плыви куда хочешь, везде тебе дорога, как в половодье, ни камней, ни мелей. В какие переделки только не приходилось попадать... Вот двадцать девятого октября в шестидесятом году три сейнера погибло из пятидесяти семи, находившихся в море. «Двадцатка», МРС-1520 колхоза «Ударник», за нами шла, мы от урагана шли прятаться в Апуку, и проскочили между барами удачно, и обошли все косы, что перед устьями, а ее шибануло в косу, накрыло баром. Сорвало невод вместе с площадкой и покатило на берег... как солома погнулись мачты... под утесом братская могилка там с якорем.

В те времена каждый колхоз имел только по одному сейнеру, капитан подчинялся председателю — никаких тебе капитанских часов, инструкций и никаких наставлений, плыви куда хочешь, лови где найдешь, сплошная вольница, почти как у флибустьеров. Плавбаз не было, возили рыбу только на берег.

Ловили мы селедочку кошельками *, о тралах и снюрреводах ** — ими ловят треску, камбалу, минтая и навагу — мы и понятия не имели, а вообще, если положить руку на сердце, мы не хотели ими ловить — понятие, конечно, имели, — пренебрегали этими способами лова, потому что если тралом, например, ловить камбалу или снюрреводом, то целый день или два надо море пахать, чтобы набрать груз, а тут один раз метнул — и несколько грузов, не только себя, но и полдюжины друзей обеспечил. Рыбы же в те времена было — кидай в море штаны, и ты их вытащишь набитыми круглыми, тя-

* Кошелек — невод.
** Снюрревод — невод.

желыми, синеспинными, ломающимися от жира душисты-ми селединами.

Неудач и всяких невезений было, конечно, много. Да что нам? Все было нипочем. Закончили путину, а расчета не дают, замену надо ждать. Наступила зима, сейнер в Анапке на берегу законвертованный до другой путины... Чтобы не терять зря времени, я собрал бригаду любителей попробовать счастья на подледном лове наваги вентерями *.

Было нас пятеро авантюристов — в хорошем, конечно, смысле: Володя Мельников по прозвищу Граф, капитан «66-го», его матрос МАФ — Мазуров Андрей Федорович, рыбачина что надо, Витька Керченский, потомственный рыбак из Керчи, и кореец Сергей, настоящие имя и фамилия его, по которым его никто не называл, были Ан-Чиль-Ен. Сергей, по профессии зубной врач, хорошо знал английский язык. Самым же большим его достоинством была неутомимость в работе. А самым видным и могучим из нас всех был, конечно, Граф — Володя Мельников.

Взяли мы доверенность от колхоза на изготовление вентерей в комбинатовской сетепошивке, у рыбвода сняли участок — самый плохой нам достался, на выходе из залива, безрыбный, — приобрели нарты с упряжкой собачек для вывоза рыбы, в общем, все как у профессиональных наважников, что съехались с колхозов с обоих побережий Камчатки со своим скарбом, вплоть до палаток и чумов. Мы же поселились в бараке, где летом жили сезонники.

Участок у нас самый плохой, сами — новички. Ноябрь и декабрь мы не рыбачили, совсем не шла рыба, к Новому году дунул ураган, лед на бухте взломало — у выхода из бухты, в основном где стояли наши вентери, — и унесло. Все пришлось сначала начинать. А ставить их, протаскивать подо льдом каждую веревку, все же сооружение подо льдом, лед толщиной до метра, а там еще «сало» — мокрый снег до полутора, все удивлялись, как только мы могли так работать. А после Нового года навага как пошла в наши неводы, как повалила, мы не знали, куда ее девать и что с нею делать. А у профессионалов, что стояли на самых рыбных участках, пусто. На одной нарте можно увезти по семь-восемь центнеров. Это, конечно, не устраивало нас, и мы придумали ее вывозить трактором. Для этого дела в комбинате изготовили сани — исполинскую волокушу из листового железа, напоминающую противень с загнутым, как у саней, носом. На нее мы грузили уже тонны. А еще придумали — это просто до сногсшибательности, удобно и оригинально — хранение улова прямо на льду, прямо возле вентерей, на льду изо льда построили «холодильник». Пилой «Дружба» пилили «кирпичи» изо льда, скрепляли их водой при тридцатиградусном морозе. Прочнее всякого бетона получилось. И у нас всегда запасы рыбы, если комбинат завален, у нас она на своем складе, а как наступало безрыбное время, мы прямо тоннами ее на тракторе доставляли — что там собачки и нарты с семью центнерами! Нас в Анапке считали немного чокнутыми — пурга, морозище, свистящая поземка, а мы пашем и пашем... Одеты как кочаны капусты: теплое, толстое китайское белье, сверху свитер и ватные штаны, телогрейка, затем полушубок, а сверху плащ из толстого брезента. Меховые чижи в валенках, малахай — и, кстати, все равно продувает при большом морозе. В Анапке же морозы и ветры — всегда, потому что она находится напротив расщелины в Срединном хребте, и Охотское море с Беринговым держат связь непогодами через эти ворота. Самое жестокое место на всей Камчатке — это Анапка. А мы работали... Однажды директор комбината Николай Алексеевич Долгов на каком-то собрании подошел к нам.

— Ребя! Дайте хоть глянуть на вас, — впервые вижу таких рыбаков!

Еще бы! Вторую часть зимы нашей рыбой только и «кормился» комбинат, премии за перевыполнение планов с нашей рыбы получал.

А прекрасно было! Идем за волокушей, которую тащит трактор, — на ней горы, — а люди из окон смотрят на нас. А мы на Дедов Морозов похожи; и штаны и валенки во льду, плащи, как панцири. И даже рукавицы изо льда. А если в магазин зайдешь, люди очередь уступают, улыбаются: «Ну, как? Идет рыба?»

В марте погода наладилась, прилетела замена и вместе с ней разрешение уволиться из колхоза. «Хватит, — подумал я, — экзотики. Пора делом заниматься... Живут

* Вентерь — невод.

же люди как люди, а тут ни выходных, ни проходных. Как говорится: бери больше и кидай дальше!»

Приехал в свое родное Подмосковье, месяц, другой прошел... И снова меня потянуло на Камчатку, к моим милым Графам и Мафам, к пурге и снегам до труб и крыш.

Прилетел в колхоз, попал старпомом к Страху, к этой оригинальнейшей рыбацкой личности, о нем и сейчас по флоту анекдоты и всякие байки ходят. Рыбак он был, что надо. Но вот приверженность к «молоку от бешеной коровы»... В общем, в середине путины разругались с ним напрочь, и я перешел на другой сейнер, к Ване Аркашину. О-о-о! Этот человек — это необыкновенный человек, хороший и светлый, умница и талантливый рыбак. Сейчас его нету... Тяжелая история. Я с ним только одну осень отплавал, но дружба осталась на всю жизнь. На флоте его звали «Аркан», так Римма, жена его, окрестила: «Аркан! Мой Аркан». А человек он был расчудесный, мореход и рыбак на уровне теперешнего Сигая или Жени Сайки, этих героев Камчатки рыбацкой.

С Витькой Чичавой наша жизнь в колхозе шла параллельными курсами, за все двадцать лет только впервые на одной палубе, а так все на разных судах. Да и вообще, если я сбегал из колхоза в другие управы, то на научном «Колесникове» год плавал, то на три года уходил в Океанрыбфлот на БМРТ, в Атлантике вот два года рыбачил, то Витька постоянно в колхозе. После мореходки приехал, женился — и никуда. На мертвый якорь в колхозе стал. Он был хорошим капитаном, да два года назад отобрали у Витьки диплом.

Витьку Голышева на флоте зовут Чифом (от английского слова «чифмэйт»), что значит старший помощник. А вообще в это слово на флоте вкладывается какая-то лихость, удаль, моряцкость на двести процентов. Примерно так же будут звучать береговые понятия, если взять прозвища на берегу, например, «свой парень», «рубаха-парень» и даже чуть-чуть «сорвиголова». Подобный подтекст имеется в виду, когда капитана называют «кэпом», подчеркивая его морскую закваску.

Вот мы и на рыбе. Ночка темная, холодная, почти без звезд. Я стою на руле. Джеламан повис на леерах мостика справа от меня, всматривается в темноту. Под ногами у него ящик с тушенкой. Он то и дело запахивает шубу, поплотнее натягивает шапку. Мы ищем косяки «на фосфор».

Сентябрь уже. Вчера было северное сияние, исполинские полотна свисали из космоса, переливались, будто кто-то шевелил их. Все это так величественно и жутко, бесконечно, не охватываемое разумом... Наши кораблики, огоньками разбросанные по морю, казались совсем соринками, со своей пустячной жизнью. Вселенная над нами...

Сельдь сейчас подходит с океана, набирает жир, питаясь олюторским планктоном и калянусом. Собирается в косяки. Косяки, если они близко к поверхности, движутся по морю белыми пятнами — вода наша фосфоресцирует, — их-то и надо найти. Догнать косяк, зайти к нему в голову, закружить и обметать кошельковым неводом. Затем подсушить невод и рыбу перелить в трюм, другим судам отдать, если много поймается.

Рыба ходит и на глубине, эта не фосфоресцирует, эту обнаруживают эхолотом. Поэтому эхолот включен. Витька Чиф несет вахту перед ним в рубке. Парни уже одетые, разбрелись по разным укромным местечкам, дремлют.

— Чиф! — кричит Джеламан в переговорную трубу и поворачивает ее к себе. — Что-нибудь есть?

— Глухо, Иваныч. Со спичечную головку.

— Чепуха! — Джеламан отворачивает трубу от себя. — Неужели ничего не найдем?

— Ее, Володя, просто нету.

— Может, не подошла еще. А до запрета в это время брали ее?

— По-черному.

— Плохие времена настали.

Да-а, в прошлые годы ее уже в августе брали, и не пятна белые были, а целые поля, яркие до хрустальности. В этом поле вырезаешь неводом нужный круг и не знаешь, куда ее девать. И сам зальешься с палубой и еще судов пять, а было и до десяти зальешь. И почти всегда выпускаешь лишнюю. А если днем самолет-наводчик наводил на косяк, он не командовал, куда гнаться за косяком и в какую сторону невод кидать, а подводил к полю и говорил: «Крути!» Само же море по ночам все было в огнях, как будто улица с рекламами, такое количество судов было в море.

И сколько же мы ее погубили! Сдача была не организована, приемные возможности маленькие, а она идет.

Вспоминая те времена, я лично убежден, что бесхозяйственность была на уровне вредительства, добрая половина ее загублена. Ведь приемочные стандарты и допуски были: пять процентов допускалось меньше двадцати пяти сантиметров по длине тела рыбы. Это значит, если на сто рыбин приемщики находят пять штук короче двадцати пяти сантиметров, весь улов не принимается, а эти пять маленьких рыбин среди сотни больших даже незаметны. И весь улов, трюм с палубой, вместо того, чтобы в засольные чаны качать, выкачиваешь в береговой песок. Вскоре берег завалили, ни ходить, ни ездить негде стало. Начали вывозить в море и там выливать, рыбонасос под борт и вперед. Рыбонасосов всем не хватало, вручную из трюмов приходилось...

Качество, стандарт... но ведь эти пять рыбок, если рассуждать по уму, могли бы и обработчицы откидывать при укладке в бочки и ящики. Впрочем, их откидывать не надо, жирность-то одинаковая, хоть у маленькой, хоть у большой.

Странно все это, ведь все видели и понимали, от рыбака до директора комбината и начальников районов и областей. И доловились... в шестьдесят шестом году. Я рыбачил с Шаймардановым, план мы взяли всего на двадцать процентов. Колхоз в прогаре абсолютном, хорошо, что на счету в банке от недавних времен было коечто. И опять же. В шестьдесят седьмом году МРС уже не ловили, а РС в октябре и ноябре продолжали ее брать уже в глубине, кошельки у них до ста восьмидесяти метров, если у МРС шестьдесят, иными словами, добирали ее, до конца вычерпывали, чтобы искоренить решительно и окончательно.

И ее не стало. Искоренили.

Что нас ждет? Сейчас вместе с ловцами идут сейнера-перевозчики, у них на буксире живорыбницы, это на случай, если ловец заловит много, то чтоб она не пропадала, чтобы не выпускать. Как осторожно с нею ни обращайся, но среди выпускаемой, если ее некому передать, большой процент погибает. Ловить ее, конечно, по сравнению с теми временами научились, сама техника лова возросла за эти два десятка лет. Сейчас, например, невод мечем без шлюпки, вместо нее буй, он вяжется к началу невода. На низах невода, на нижней его подборе вместо колец, по которым проходил стяжной трос, карабины, это очень удобно при выборке. Концевые вертикалы невода,

торцевые веревки сейчас выбираются лебедками, они дополнительно устанавливаются на носу и корме судна. Сам же невод берегся силовым блоком, исполинская катушка, что висит на конце стрелы, тащит невод из моря, а мы раньше вручную, стропами брали. Сейчас работать на палубе легко, все удобно и продуманно...

— А может, она запаздывает? — волнуется Джеламан. — Она же может опоздать? Как ты думаешь? Ты же старый рыбак, рыбачил раньше тут.

— Володя, я же тебе сказал.

— Убыточное наше предприятие. — Джеламан поправляет шапку, потуже натягивает перчатки. — Говорят, в старые времена много ее было?

— Много.

— И в Охотском ее тоже много было. Я тогда там рыбачил.

Шелестит вода у борта, стучит дизелек, море тихое и молчаливое. Джеламан еще плотнее стягивает полы шубы, поворачивает переговорную трубу к себе.

— Как у тебя, Чиф?

— Глухо.

— Что «34-й»?

— Сделал замет.

— Хороший косяк?

— Просто невод замочил. Тренируется.

Джеламан отвернул трубу.

— А ты нас будешь тренировать?

— Вы и так тренированные. А вообще я никогда этого не делаю. Только на живой рыбе.

— Тренировка никогда не мешает.

— Иваныч, — перебил наш разговор Витька Чиф, — Сигай пришел.

— Ну-ка, ну-ка! — Джеламан прямо прыгнул к переговорной трубе, обнял ее. Потом рванул крышку жестяной коробки, где хранились запасные наушники, сорвал шапку. — Витя, дай рацию на меня.

Забегая вперед, скажу, что в эту первую ночь по приходу на промысел в Олюторку, Сигай обловил косяк — и как он только нашел такой — на две тысячи семьсот центнеров. Двое суток от него увозили перевозчики рыбу. На утреннем капитанском часе начальник экспедиции Олег Исакович Голиманс, он из года в год руководит кол-

хозными экспедициями, сказал: «Ну, товарищи, Сигай есть Сигай».

— Есть, врубил, — донесся голос Чифа, и тут же в наушниках затрещал эфирный гам, все капитаны вызывали Володю Сигая на связь, поздравляли с «приехалом», здоровались, интересовались настроением.

Наконец и Джеламан докричался до него.

— А, Вовчик! Обнимаю, — донесся радостный, хрипловатый голос Сигая. — Обнимаю, обнимаю. Уже в поиске?

— Ищем, Владимир Иванович, ищем, — ответил Джеламан. — Иду от Голенищева на полстаметровой. Чего припозднился?

— С кошельком, Вовчик, проковырялся. Тоже в поиске. От Южно-Глубокой начал, тоже на полстаметровой.

— Без признаков?

— Без них. Надо мористее идти, Вовчик, на глубину. Встречать надо.

— Попробую. Удачи, Володя.

— Взаимно. Обнимаю.

Джеламан после этого короткого разговора как-то преобразился. Оживился, стал ходить по мостику. А Сигай со всеми капитанами разговаривал, не знал кому отвечать.

— Вот уж пятнадцать лет рыбачу с Сигаем, — начал Джеламан, — и никак не могу понять, как он ищет, где он ее находит. И как берет. Вот как? По каким законам, по каким правилам? Недоступен он для моего понимания.

— Интуиция.

— Она у всех, эта интуиция. Да и всякая интуиция держится на опыте, на каком-то основании, на каких-то закономерностях. Разуму сигаевская рыбалка непонятна. Моему, во всяком случае.

— И моему.

— И вот посмотришь, он сегодня будет с рыбой. Весь флот будет без рыбы, а Сигай будет с рыбой.

Володя Сигай, капитан «022-го» колхоза имени Горького, на нашем Северном малом флоте считается... ну, я не знаю, Покрышкин или Кожедуб так считались на войне, такими необыкновенными и удачливыми были, как Володя Сигай на рыбе.

И что удивительно — он щедр до расточительности. Отдает нам все, что у него есть, а рыба будто сама идет в его невод. Он всегда в поиске, всегда на всех работает, ищет рыбу, а найдет ее скопление, сразу в эфир: «Я две двойки, внимание, внимание. Нашел рыбу, широта... долгота... за замет взял...» И все кидаются на этот огород, все берут рыбу...

По внешности очень симпатичный или, точнее, притягательный. Года два назад рыбачил он неподалеку от Ивашки — он наш, ивашкинский, Таракан его выжил из нашего колхоза, — и в безрыбное время зашел в Ивашку, и по деревне сразу слух: «Сигай пришел». И пошли к нему друзья-товарищи, соседи и знакомые. Когда я пришел на «две двойки», к нему в каюту не пробьешься.

За одиннадцатую пятилетку он был представлен к ордену Ленина и медали Золотая Звезда. Трудовое Знамя и Октябрьская Революция у него есть. И все испортил Петр Петрович Козельский, аварийный инспектор по прозвищу Таракан — за роскошные усы парни его так прозвали, — своего рода тоже знаменитость на флоте, каждый рыбак морщится при упоминании этого имени, а будь то старые времена, матери детей бы им пугали.

Десять лет назад, уже зачехлив пятилетку на третьем году, Сигай добивал второй годовой план. Рыбалка в тот год была тяжелая, все наши видные рыбаки — Сережа Николаев, Олег Ефимов, Сашка Кнороз, наш Джеламан, Валя Тяпкин — еле-еле тянули планы. Ну, там на полсотни центнеров перевыполнили, а Володе до второго годового плана оставалось тридцать центнеров.

Ну, что такое тридцать центнеров! Это если камбалой или навагой брать, то за полдня можно нашкарябать, пусть даже за замет по два центнера будет попадаться, а если треской, то за сутки все равно тридцатицентнеровый косяк найдешь. Но было уже тридцатое октября, флот уходил на свои базы, в свои колхозы. И Сигай на полсуток задержался, чтобы взять эти центнеры, захотел, чтобы «ведро было все-таки полное». В то утро наш Карагинский район, флот колхозов нашего района косяковался для перехода в заливе Корфа, «пастух», аварийный спасатель, что должен сопровождать нас, тут же пыхтел. А Володя Сигай все еще шел с тралением. К вечеру у него было, конечно, два годовых плана, но пришел домой уже первого ноября. И об этом узнал Таракан.

Ох и придирчив был он при проверке флота! До издевательства.

У Сигая Козельский за полсуточную задержку в море в период тяжелой навигации, за нарушение приказа по

флоту диплом отобрал. В сущности, пустяк, если уж рассуждать по-человечески, что его опоздание можно было бы списать на машину, мол, на переходе забарахлила, или еще какую причину придумать, или просто не обращать внимания на этот пустяк, как это бы сделал настоящий моряк, но Таракан животное серьезное, он отнял у Сигая и работу, и сейнер. С год Володя матросом работал в нашем колхозе, потом перешел в колхоз Горького. За ним в этот колхоз перешли некоторые наши лучшие рыбаки, его друзья — Олег Ефимьев, наш Джеламан... Не только районное, но и областное начальство всполошилось. Началась переписка с Дальрыбой, Министерством рыбной промышленности... Диплом Володе возвратили, но поезд ушел...

— Вот учусь, учусь у Сигая рыбалке, и никак не научусь, — продолжал Джеламан. — Просто не пойму. — Потом наклонился к переговорной трубе. — Витя, как у тебя?

— Никак.

— Рули на стометровую.

— Понял.

Я вспоминаю те зимы, когда Володя Сигай работал в нашем колхозе. Зимой, когда сейнера в отстое, механики ремонтируют дизели и «подшаманивают» все железки на судне, матросы обычно рассасываются по береговым убежищам, — стройцех, мехцех, кочегарка, подледный лов наваги вентерями, — а капитаны и старпомы в сетепошивке ремонтируют поношенные за путину снюрреводы и шьют новые, налаживают всякое-разное палубное вооружение. Эта совместная работа у нас является своеобразной «академией» — впрочем, как и у механиков в мехцехе, — потому что делятся опытом, совместно обсуждают и придумывают всякие «рацухи» — новшества, — разбирают всякие случаи и происшествия, что были в путине. Эти времена, особенно в пурговые дни, когда на обед даже домой не ходили из-за погоды, а с собой еду брали. Шутки, анекдоты... все делали и все вместе. И сигаевский портфель, черный с двумя замками, куда его Таня клала котлеты, кашу, жареную рыбу, компоты и соки, был знаменит — там были папки с чертежами снюрреводов. Всяких, какие он придумывал: облегченные тресковые с короткими ваерами, чтобы быстро косяк «хапнуть», камбальные с боббинсами на нижней подборе — боббинсы по дну катятся, и не цепляется невод за валуны и неровности дна. В сигаевских «рацухах» все было просто, экономно, удобно для работы. И Володя был самым главным в нашей компании, его невода прижились и распространились на флоте. И не только невода, но и оборудование палубы, механизмы. То сепарации на палубе завысит, чтобы больше рыбы брать на палубу, то стрелу с левого борта приставит, чтоб и левый борт был рыбачий на всякий случай, то диски на лебедку новые придумает... Или вот хоть плавбазовские каплеры, в которые сейчас рыбу сдаем на базах. Целый переворот в сдаче рыбы произошел.

А было так. Стояла тогда в очереди на сдаче неподалеку от маяка Орио в Корфском заливе под бортом плавбаза «Маршал Малиновский». Ждали, чтобы перегрузить ее зюзьгами в железные мерные ящики, что с базы на нашу палубу с громом — качает же — подаются, перемерить, установить сортность, поругаться с приемщиками: рыбак и приемщик — это два воюющих лагеря, побеждает всегда, конечно, приемщик, потому что он главный — он скажет «люмень», а не «алюминий»... потому, как я старшина, значит, «люмень», и никуда от этого положения не денешься. В этих «войнах» и рыбаку удавалось побеждать, это когда мерные ящики промеривались, их емкость оказывалась заниженной — век же вещизма настал, лишнюю рыбу приемщик реализовывал, — приемщикам или выговор, или с работы снимали их, но после рыбак страдал, ему уже никогда не удавалось доказать, что «алюминий», а не «люмень». Словом, ждем очереди. И вот малым ходом идет «022-й», залитый рыбой до брашпиля, клюзами воду черпает, и на корме под рабочей площадкой водичка прогуливается. Обошел гирлянду очереди к нерабочему борту «Маршала»... Тихо привалился. Сам Сигай поднялся к капитан-директору.

— На глазок возьмешь?

— Без промеров?

— По выходу.

— А как же с сортностью?

— Любую.

— Это все прекрасно, но как же ее перегрузишь?

— Пусть твой боцман с нерабочего борта приготовит стрелу.

— Не проблема. А дальше?

— Через час доложу. — И отправился к себе на «022-й». Собрал команду.

— Парни, надо из кутцовой дели сшить мешок подо всю рыбу.

Парни у него такие, что любую работу делают одним духом, «на раз», они тебе и слесари, и токари, и плотники, а уж рыбаки — «шить-кроить не надо говорить». Они действительно «на раз» из прочнейшей кутцовой дели сшили исполинскую авоську, повесили ее возле своего борта и перелили туда весь свой улов, плавбаза своей могучей стрелой и забрала весь этот груз. И сразу в морозильные камеры. Мы ждем, чтобы перемерить, поругаться, поспорить с приемщиками, а Сигай уже еще везет. Впоследствии, взяв в основу этот принцип перегрузки рыбы с сейнеров на базу, конструкторские бюро изготовили большие каплеры, добавив весы с динамометром.

— Иваныч, — заорал Чиф, — Тридцатьчетверка разметалась.

— Спроси, хороший косяк?

— С молодью... больше двадцати.

— Ясно, поняли. Записи нету!

— Глухо.

— Эх, хе-хе, хе-хе, — завернулся в шубу Джеламан и прислонился к тумбе компаса, на море не глядел, — крути опять ближе к берегу.

Повернули к берегу, луна висит над скалами, под скалами море совершенно черное. Косяки стали вспыхивать ярче, но все маленькие. Пошли вдоль берега. Идем час, идем два... скоро уж и светать начнет, фосфор пропадет.

— Хоть на пустую воду кидай, — ворчит Джеламан и водит биноклем. И только он это произнес, как перед носом сейнера и под ним самим стало медленно и могуче светлеть — это значит, что идем по косяку, вспугнули его и он стал обозначаться. Ну и косячище!

— Иваныч, что-то страшное!

— Тревогу!

Я бросил руль, кинулся с мостика на свое рабочее место, оно у меня на кормовой надстройке, можно сказать, самое главное при замете: я слежу за выходом невода и

докладываю Джеламану, а ребятам кричу что делать, если авария какая, мне все видно.

Разметались прекрасно, ни сучка, ни задоринки, как говорится, в блоках и вьюшках ничего не заедало, за палубные надстройки ничего не зацепилось, не сломалось и не оторвалось. Как только Джеламан подошел к бую и дал полный назад, Коля Вересков точно и очень ловко и быстро выбрал стяжной трос, невод таким образом стал похож на чашу, Шурики быстро цапнули и подняли буй, тут же выбрали носовой вертикал. Кормовой вертикал был уже выбран, и когда только успел Чичава? И карабины к борту подошли чистейшими, не захватили и не навертели дель на себя, что почти всегда бывает. Часто это бывает серьезно, до аварии, это когда они невод понакрутят на себя и порвут, это так называемая «борода». В общем, рыбка теперь наша!

Немного постояли, покурили, поулыбались, разошлись по своим местам. Я тащу из силового блока — он висит над серединой площадки и тащит из моря весь невод — балберы с верхней подборой и укладываю их ровными кругами, «гармошечкой», она, эта «гармошечка» выше меня, когда ровняешь их, прыгаешь на эту кучу. Витька Чиф делает то же самое с нижней подборой и грузилами, у него куча поменьше, но потяжелее, там свинцовые грузила. Он еще отцепляет и развязывает карабины, кидает их за борт, где висит сборочный трос для них. А Чичава и Шурики, Чичава коренной в этой тройке, тащат всю массу дели, весь невод. Под себя в кучи валят и тоже «гармошечкой». Коля Вересков управляет всем движущимся, он на лебедке. Работа идет четко, все движения, которые мы делаем все шестеро, связаны между собой, в отдельности никто ничего двинуть или подтянуть не сможет.

— Чиф! — крикнул Чичава. — Тебя когда-нибудь унесет за борт.

— Еще ни разу не уносило. — Чиф пыхнул сигаретой.

— Вот карабином долбанет, — добавил я.

— Он толстокожий, — заключил Чичава.

— Ты, мой друг Чичава, ошибаешься, я не толстокожий.

— А какой же?

— Удалой! — Чиф лихо и небрежно кидает себе под ноги подбору с грузилами и одним махом отцепляет карабины.

— Ха!

Балагуря, делаем каждый свое дело. Джеламан прохаживается по рабочим местам, поможет то одному, то другому.

Шурики, что пристяжными у Чичавы, на укладке дели, по должности матросы, как и я. Чистка палубы, кубрика, швартовые концы и всякие концы и веревки, блоки и гаки, стрелы и выстрелы, якоря и кнехты с клюзами, трюм и фор с ахтерпиком, кисти и краски, топоры и молотки с гвоздями и, конечно уж, сам невод, — наша епархия. Одного Шуру кличут Мамлюком — фамилия его Маликов, — это не зря, потому что в работе он такой верткий, ловкий и точный, что прямо как мамлюк в сражениях, когда он машет саблей или на коне вертится. А второй, Шура Бекерев, он просто Шура, без прозвища. Но у него другой талант, самый главный, самый уважаемый на судне. Он повар!

Должности повара как таковой на малых сейнерах нет. Поочередно ее, как вахту, справляют матросы. Но поскольку Шура Бекерев в этом чине — на мой, персональный взгляд — оказался выше полковника — Новиков-Прибой утверждает, что морской кок равен сухопутному полковнику, — в этой должности он у нас постоянно. Говорят, три жизненные специальности человека даются природой: повара, парикмахера и портного. И если в тебе этого нет от бога, то так и останешься шкертиком, сколько бы ни учился. В приготовлении, например, простого рассольника Бекерев — полковник!

Что рассольник? Мясо, рис, огурцы, помидоры, лук, лавровый лист, соль и вода, но Шура это все так «схимичит»-скомпонует, что... что слов нет. Огурцы с помидорами он поджаривает, точнее — выпаривает, доводит до определенного содержания сока в них, лавровый лист и перец зернышками кидает в определенное время. В общем, сам бульон рассольника будет такой вкусный, что слов нет... В борщах он часть капусты поджаривает, причем на подсолнечном масле, капусту не переваривает, а только забурлит в кастрюле, он снимает. Поджарку не одну делает, а две или три, последняя поджарка будет поджаренное сало.

Кудесник он и в приготовлении каш. Хоть той же гречневой. Он как перемешает ее с поджаренным свежим мясом и луком, как заправит тушенкой и определенной крутости сделает, ну прямо голова кругом идет от запаха, а во рту она будет таять. Даже с простыми макаронами чудеса делает. Что же касается рыбных блюд — хоть в книге о вкусной и здоровой пище много рецептов, но так невероятно вкусно, как это делает Шура, никто ни в какой книге не опишет. Самое главное, на мой взгляд, то, что Шура все берет прямо из невода. Делали наши коки опыты с треской и даже с камбалой. Треску, например, только отваривали, без всяких приправ, и как же отличается та треска, которая сварена из неводной рыбы, от той, которая хоть сколько-нибудь полежала. То же самое и с камбалой, у нас, кстати, она называется «морской курицей». Тут связано со вкусом и внешним видом. А если взять Сашкину уху... У бычка он берет губы для ухи, брюшко лосося, плавники трески. И селединку или сардину добавит. Словом, он так ее сделает, что с ума сойти можно. Капитан флота как-то обедал у нас... Потный и икающий, все добавляя и добавляя из кастрюли, наконец умоляюще прошептал:

— Саня, пощади...

Теперь о работе... Конец мая, июнь, июль... Ну хоть июнь. Солнышко встает в три, и Джеламан начинает крутить заметы. И мы выходим на палубу, мечем и выбираем снюрревода, сортируем рыбу и грузим в трюм. Безостановочно. Только разделались с тем, что невод поднял с грунта, и вот он, опять улов со дна моря идет. Тонны через руки проходят, снюрревод без глаз, иногда как вывалит кучу на палубу, и чего там только нету: и рыбы разные, которые опять в море надо выкинуть, а в море им несть числа, всяких, даже перечислять не хочу, и камни, и водоросли... даже сапоги, выкинутые каким-нибудь боцманом. Только отобрали, отгрузили, опять ревун, опять невод брать. И эдак весь световой день. На ветру, на холоде. Не замечаешь, как эти двадцать часов хлопот и беготни по палубе пролетают. Потому и не замечаешь, что в напряжении, в занятости, не успел с одним делом покончить, как ждет второе, за все же переживаешь.

Самая трудоемкая работа пильщика продольных досок, затем у косцов. Но рыбацкая берет больше сил, потому что, чтобы ты ни делал, ты максимум энергии тратишь. А у косца или пильщика усилие равное. Мы же не устаем оттого, что работы и движения все разные. А трудоемкость-то больше получается. Силы надо восстанавливать. И это великое удовольствие у нас и на-

слаждение в нашей палубной жизни, когда под ложечкой засосет, залетаешь в Сашкино заведение, а там: рассольники и борщи давят запахом, каши с ног сшибают ароматами, а тут икорка, хоть тресковая, хоть лососевая или минтаевая, поджаренные молоки, головки, брюшки, осьминог, сначала сваренный, а затем в масле сливочном обжаренный с укропчиком. Крабы в кастрюле дымятся, только и ждут... хочешь жарь глазунью или морскую капусту, перчиком приправляй. Нет, все это надо испытать самому.

Вот поэтому в нашей палубной жизни Сашкин камбуз является самым главным на свете, а сам Сашка — великий человек.

Вот таков Шура Бекерев.

Итак, берем невод. Переговариваемся, острим, подковыриваем друг друга. Джеламан свесился за борт, зюзьгой что-то исследует там.

— Иваныч, — заорал Чиф. — Дыра.

Джеламан и все мы кинулись к Витьке. Он растягивал дель возле нижней подборы, там шла бесконечная прореха, будто шов разошелся, нижняя подбора просто отделена от невода. Только держалась отдельными нитками на местах, где крепятся поводцы, крепления там усилены шнуром. И сердце сразу упало — ремонт предстоит большущий, это же нижнюю подбору перевязывать почти всю и пришивать к ней дель. А рыбы уж само собой не видать как своего затылка.

— Карабинами раздербанило, — бросил Шура-Мамлюк.

— Карабины выходили чистыми, — возражает Чиф.— Отвечаю...

— За какой-нибудь штырь или гвоздь зацепило? — предположил Вересков.

Чиф пожал плечами, Джеламан дальше растягивал дель и подбору, что с блока за борт свисала. Дыра не кончалась.

Стали невод брать дальше, он шел оторванным от нижней подборы. Только возле пожилин и в местах крепления карабинов и то не везде держался.

— Напрочь... сплошь.

И все возле подборы.

— Чиф, ты наколбасил. Небось карабины перепутал. Или не так как-нибудь взял.

— Нишкни.

— А тогда как же?

— И с такими дырами хотели что-то поймать.

— Ну, поехали, — сказал Джеламан и потянул дель на себя, откидывая в сторону нижнюю часть невода, где предстоит делать ремонт.

Работка предстоит... да еще на палубе, где как следует ни растянуть — места мало, обычно большой ремонт неводов производят на берегу, — ни разровнять.

— Внимание, внимание, — донеслось вдруг из рубки, рацию Джеламан никогда не выключает, — я «ноль двадцать второй». Широта... долгота... сделал замет на стометровой глубине, отловил косяк тысячи на две, прошу перевозчиков».

Это Сигай...

Мы молчали.

Ремонтировались весь остаток ночи и до обеда, ремонт был не такой страшный, просто вырезали пожеванную часть невода у нижней подборы и гнали вставку полосой, по всей длине. Лохмотья рвали, обрезали, иногда клинья приходилось вставлять. Пришлось перевязывать и поводцы и карабины.

— Чиф, — сказал Джеламан, когда весь ремонт был закончен и невод, как новенький, уложен аккуратненько и приготовлен к замету. — обследуй всю палубу и площадку, и даже борта. Может, бяка какая, торчащий гвоздик или остаток электрода. Или сваркой где наляпано. Сам понимаешь.

— Исключено, Иваныч.

— Бог бережет береженого... и только береженого.

— Есть.

Перед вечером, перед выходом в поиск немного вздремнули. И опять по своим местам.

И опять стою на руле. Опять Джеламан топчет ящик с консервами и вглядывается в темноту. Ласково стучит дизелек, и весь сейнер, притихший, поникший и покорный, безотказно слушается руля и мудро молчит. Вода ласково шелестит, дремлют ребята.

— Ну что? — после долгого молчания говорит Джеламан. — На море тишина?

— Значит, быть непогоде.

— Лучше нет, когда сам себе шьешь неводок, каждый узелок облизываешь. Мишин-то опытный, но в послед-

ние двадцать лет, после трагедии селедки шестидесятых годов, в нашей пошивке кошельки не шили. И Мишин... он же кроил его по чертежам. Сколько за свою жизнь я переделывал все, что по чертежам. Сигай как-то полученные из Дальрыбы чертежи хотел в «Крокодил» отсылать. Вот сколько я рыбачу, и всегда приходится переделывать, подгонять.

— В этом смысле «Герой» гениален.

— От и до.

Есть в нашем колхозе Герой Социалистического Труда Евгений Павлович Савченко — его зовут просто «Герой», даже по отчеству никто его не называет, как обычно зовут уважаемых рыбаков. Он рыбачит на ставных неводах. Перво-наперво заставляет свою бригаду, только что полученные из сетепошивки невода распороть, все швы, отвязать все грузила и балберы, растакелаживать все концы и веревки и... начинать с самого начала. По этим же самым швам шить, к этим же самым местам все привязывать и прилаживать. И эту особенность в его работе некоторые считают причудой, «заскоком» — невод-то он получает новенький, со знаком качества. А он вроде людей заставляет делать ненужную работу, совершенно лишнюю, одно и то же. Получается, что распорол и тут же сшил. Иногда, да почти всегда, совершенно без изменений. Чудак? И только очень немногие понимают, какое это неоценимое благо для самих рыбаков, потому что рыбак, прощупав все своими руками, изучив каждый шов и каждый узел, запомнив каждое грузило, балберку, где и как она закреплена, уже знает и представляет всю сложность устройства невода, его работы. Он будет чувствовать, если произойдет порыв или путаница, что там в море могло случиться. На рыбалке же, это ее особенность, всякие путаницы и порывы неизбежны, потому что работаешь всегда в неспокойном море, оно редко бывает тихое — и рыба, она живая, она мечется, она бесится, она все путает и рвет.

— Надо в колхоз бежать, Володя. Все проверять. Нужна пошивка.

— Путину прохлопаем... Хоть в перевозчики.— И опять замолчали... Прав, конечно, Джеламан, все дело в оснащении невода. Да и кройка и шитье небрежные.

— Не так, не так... все не так... — застучал Джеламан кулаком по леерам. — Там даже шов вязан не под узелок, нитка одинарная, страховочных, дублирующих узлов по шву нет, гнали, чтобы побыстрее отделаться.

— Мне кажется, и посадка в некоторых местах маленькая.

— В некоторых местах ее нет. Там и рвется... при напряжении слабины не получается. Вот и отлетает все.

— Но ведь мы посадку увеличили почти по всей длине порыва.

— Поэтому я и не бегу в колхоз, еще на что-то надеюсь. Ну, посмотрим.

— Но все равно, тревога есть.

— Чиф! — наклонился он к переговорной трубе, — что-то тебя давно не слышно.

— Глухо, Иваныч... хотя стоп, что-то пошло. Но на глубине.

— Ну-ка, ну-ка.

— И близко к поверхности, — будто рассуждает Витька. — О! Пошло, Иваныч, пошло. Совсем у поверхности, и вы там должны увидеть...

И только он произнес эти слова, как море перед судном стало светлеть, сразу почувствовалось, что не только хороший косяк, а просто встретили рыбацкую удачу.

— Иваныч, давай мечи!

— Жми ревун.

— Жму!

Под рев ревуна кинулся на свое место, согнувшись и прижав локти, летели Шурики на нос, с треском распахнулась дверь машинной тамбучины. Коля спешил, Чичава уже согнулся над своей вьюшкой. Чиф, выйдя из рубки, все рассматривал по-хозяйски.

Разметались хорошо, при хорошей погоде и таком большом поле Джеламану не понадобилось гоняться за косяком, выбирать где поярче пятно, он спокойно подвел сейнер к бую. Без слов, ни одного звука и возгласа не было, будто онемели. Шурики тяжело дышали, а Коля стирал пот со лба. Все хорошо, правда, часть карабинов пришла с «бородой», но это не страшно, никуда не денутся, распутаем, главное — рыба, хапнули ее прекрасно.

— Иваныч, через балберы валит, — сказал Шура-Мамлюк, всматриваясь в дальнюю от борта часть невода. — Не вмещается.

— Кыш! — цыкнул на него Чиф.

— Вот и сбылась наша мечта, — не обратив внимания

на Чифа, прокричал Мамлюк и тут же оказался на своем месте. — Ну давайте, что ли?

— Чичава, толкни его по голове! — крикнул Чиф.

— Ума нет, считай, калека, — откликнулся Мамлюк.

— Ты про себя? — спросил Чиф.

— Кому надо, тот догадается.

Подошел Джеламан, по-хозяйски все осмотрел. Потом взял лом, стал помогать Чифу распутывать «бороду» на карабинах, выворачивал, отделял карабины, чтоб поднять их гаком на палубу.

— Иваныч, она балберы затопила, — опять заорал Шура-Мамлюк, Джеламан поморщился, а Чиф подлетел к Шурику с кулаками.

— Выкину!

— Все нормально, Чифуля. — И Шура съежился, будто ждал удара по спине. Потом подлетел к борту, зюзьгой стал ловить за бортом рыбу, выкидывал на палубу. Рыба была крупная и ровная, почти без молоди.

— На место!

— О'кэй! На весь флот хватит.

— Поехали! — Коля Верესков опять включил лебедку. Силовой блок потащил невод из-за борта на площадку.

Берем... все идет вроде нормально, только бы не сглазить, и «борода» поддается, совсем мало возни с ней. А в неводе — даже страшно подумать — кипит все и бесится, дальние балберы утоплены и задавлены массой рыбы, и лишняя кипит, валится из невода.

— Вот хапнули, так хапнули.

Работаем молча, даже Чиф ничего не мурлычет себе под нос, «Синий платочек» не напевает, что у него обычно бывает при хорошем настроении. Шура же Мамлюк вообще весь в движении.

— Стоп! Дыра! — заорал Чичава.

Молчание и будто ужас. Прямо замерли все. А Чичава растягивал нижнюю часть невода, где подбора и грузила, дыра шла точно такая же, и все оторвано по тем швам, где мы шили и вчера, и позавчера. Все точно так же.

— Ой-ей-ей!

— Да ну! Да что! — Мамлюк подлетел к борту и стал тервать невод, растягивать по длине, по нижней подборе — порывы сплошные и точно такие же, как и прежде были. Будто насмешка над нами.

— В перевозчики, — сказал Джеламан. — Хватит. — И пошел в рубку.

— А рыбы-то? Гля-а-а...

— Ну, черпай зюзьгой.

— Или ведром.

— Отдать вертикал и брать жваком, — скомандовал Чиф.

В Южной Атлантике, у берегов Кубы и Бостона, а особенно на банке Джорджес, туманы душные и даже горячие. И что любопытно, работаем в тумане, солнышка нет, а обгораем до черноты. Для носов и щек сплошное наказание. Не видно ни бортов судна, ни кончиков мачт. Штурманская вахта — одно мучение, гудки раздаются со всех сторон, а если БМРТ сигналит, то прямо с мачт летят звуки. И путаница порядков, и сцепление тралами, и столкновения. Один БМРТ врезал другому прямо в каюту стармеха. Аж нос с якорем вошел. А уж сцепление «теленков» — так называется порядок сетей — как норма. Тут дело в том, что на Джорджес два течения, одно постоянное, оно над грунтом, другое поверхностное, отливно-приливное. Направление их рассчитать сложно, сети же мечут капитаны на разные глубины, это зависит от скопления рыбы, и сети наносит друг на друга, путает и перекручивает так, что придумать трудно — один раз мы двое сток распутывали и расцепляли сети, снесло и закрутило четыре «теленка». Ну и работка была! Не приседали. Под конец уж все кромсали и рубили, что еще распутать можно. Злые и валились с ног, всю эту рвань с невытрясенной рыбой валили на палубы, суда зыбью колотило друг о друга — хорошо, что шторма не было.

...Рыбалка, рыбацкая работа. Где и когда и при каком способе лова она хорошая? Хоть дрифтерными сетями, хоть кошельковым неводом, хоть тралом, хоть снюрреводом, хоть вентерями, хоть переметом? Где и когда она без путаницы, без нервов, без предельной усталости, неразберихи и всяких аварий?

— Канитель, а не рыбалка, — сказал как-то молодой матрос.

— А какая же рыбалка без канители? — удивился старый капитан.

Вот лов дрифтером, дрифтерными сетями, будто самый

простой. Ну, в самом деле, что тут сложного, кинул в море сети и жди, когда в них наловится рыба. Не надо ни догонять косяк, ни заходить ему в голову и закручивать, не надо переживать, что она уйдет в какие-нибудь дырки и «ворота». Все просто: сетка представляет собой полотно дели десять метров на тридцать и висит в воде, сверху держится на кухтылях, низ ее вяжется к вожаку, тросу толщиной в руку. Поводец, на котором она вяжется к кухтылям, тридцать метров. Это значит, что скопление рыбы находится на тридцати метрах. Если они глубже, эти скопления, вяжутся два поводца, если еще глубже — три. И так до четырех поводцов. Со ста двадцати метров рыбу можно доставать. Поводцы один к другому вяжутся рифовыми узлами, эти узлы раздергиваются одним движением.

Сетей выметывается обычно до ста, мы, например, больше девяноста не метали, трудно обработать такое количество за световой день. Один знаменитый капитан выметывал до двухсот, но от него команда всегда разбегалась: не выдерживали ребята.

Работа начинается с выметки сетей эдак часов в девять или одиннадцать вечера, когда разделались с уловом, рыбу засолили и уложили в бочки, бочки погрузили в трюм, сети и поводцы приготовили к выметке. Траулер идет по ветру малым ходом, за борт ползет змея-вожак, дрифмастер одним махом нахлестывает на него рифовые узлы поводцов, другой конец поводцов тоже рифовыми узлами боцман вяжет к нижней подборе сетей. А к верхней матросы хлестают поводцы с кухтылями. И если глубина большая задалась, то и поводцы один к другому вяжут. Остальную работу — подавать определенным образом поводцы вязальщикам узлов, подавать и раздергивать сети, кидать как можно дальше от борта кухтыли, делают остальные матросы. Работа идет быстро и точно, промахи исключаются, потому что ни вожак уже, ни гирлянду сетей, летящих за борт, не остановишь. Когда с мостика смотришь, как парни работают, не можешь не восхищаться расторопностью, ловкостью и быстротой, с какой они шуруют все в обрамлении прыгающих и летящих веревок. А ведь петля, хоть от поводца, хоть от подбора сетей может любого «акробата» захлестнуть и утащить в море. Циркачи. При сильном ветре судно на малом ходу не лежит на курсе, и приходится или ход до среднего добавлять, или ставить кливер — парус на носу

судна. Тогда все не только летит за борт с палубы, а свистит. Один раз Иван Павлович, капитан, в плохую погоду метали, под кливером, смотрел, смотрел с мостика, как ребята шуруют и не выдержал:

— Ай да черти, ай да молодцы!

Итак, разметались уже к полуночи. Вырубили ход. Теперь достаем бочки и устанавливаем ими всю палубу. Установили и пошли спать, а вахтенный матрос и вахтенный штурман проверяют их, не текут ли они. Заливают водой. Те, которые текут, бондарят, осаживают обручи.

Встаем в шесть. Или в пять. Завтракаем, потеплее одеваемся, затягиваем поплотнее нарукавники, в них всегда вода просачивается, впрочем, хоть как затягивай, все равно к концу работы руки мокрые до подмышек. Выходим на палубу, над морем только чуть-чуть засерело, кухтыли пляшут по волнам. Подруливаем к головному бую, ловим его, вытаскиваем. На нем держится головная сетка, поднимаем ее, заправляем в рол. А вожак выбираем шпилем. И пошла работа: одни тащат, другие трясут, третьи грузят рыбу на засольные столы, четвертые перемешивают ее с солью и набивают ею бочки, пятые бондарят и катают эти бочки... грузят в трюм. И так до тех пор, пока последняя сетка не будет вытрясена и приготовлена к выметке, а последняя бочка не спущена в трюм. Палуба ходит, ветер свистит, волны залетают на палубу, брызги хлещут по лицу. Иногда волны и беды какой-нибудь наделают — то рыбу слизнут с палубы, то сети перепутают, а иногда и засольные столы поломают или унесут пустые бочки...

Проснулись однажды, а на палубе не устоишь, еле-еле добрались до головного буя. С горем пополам выбрали первую сетку, заправили вожак. Работать почти невозможно. Но надо... судно так и валяет, старпом никак не удерживает его в рабочем положении, то на сети наедет, то к сетям никак не подберется, поводцы то и дело на винт наматываются. С палубы рыбу то и дело уносит, ломает столы засольные, у трясильщиков вырывает сети. Ну прямо... И вот она, «девятая».

— Полундра! — заорал старпом.

Мы — кто куда, скорее хвататься, что поближе к рукам. Она зависла над судном, и гребень ее бузнулся на палубу, переломал все и понес с палубы. А матроса Ва-

ценина — уж сколько лет прошло, а помню его фамилию, — унесло, замелькала его спина среди пустых бочек. Засольный мастер потянулся багром, но не дотянулся... Ну все. Нету Ваценина. И вдруг еще большая волна бухается на палубу и возвращает Ваценина, тут уж мы его цапнули за сапоги и за шиворот.

— Кончай работу! — кричал старпом.

При выметке был случай, когда матроса Гену захлестнуло за сапог поводцом и унесло в море, на глубину сетей. Боцман быстро обрубил сетку, а поводец мы потащили назад. И вытащили Генку, уже без сознания. Откачали.

— Ну, как там, Гена?

— Все зеленое.

Сегодня мы схватили удачу за хвост. Нашли такой косяк... Столько было радости после поисков, переживаний и ремонтов, но рыбы уже нет. Она ушла и так просто. Как пшено из мешка. Сейчас за бортом висит пустой невод... а совсем недавно он был набит рыбой. И она даже не вмещалась в него, и мы радовались, а сейчас — пустые.

— Стоп! — заорал Чиф, — надо отцеплять карабины!

— Витя, а может, чайнем? — предложилАересков.

— Годится! — И Чиф яростно бухнул карабин о палубу.

Снимаем перчатки и плащи, спускаемся в Сашкино заведение, оттуда поднимаемся с мисками и всем, что можно взять и вынести. Чиф оккупировал угол трюма, миску обставил горчицей, чесноком, луком, перцем, аджикой, салом, икрой.

— Может, мы за грунт цапанули? — предположил Мамлюк. — Невод и разошелся.

— Не должны, — сказал Чиф, — глубина большая.

— Может, карабинами...

— Все бывает.

— А грунт здесь какой?

— Скалистый.

— Ну вот...

— Ну, если и сегодня разорвемся, иду в перевозчики. — Джеламан яростно стукнул кулаком по колпаку компаса. И еще раз опустил кулак на колпак.— Клянусь!

Двое суток мы возились с неводом, ремонтировали его,

впрочем, не ремонтировали, а заново делали всю нижнюю часть. Возле подборы увеличили посадку, посадка дели была неправильной. Нитку по швам для страховки пустили двойную, у пожилин поставили клинья, чтобы избежать порывов. Все делали по уму и тщательно, как это умеем делать, если очень захотим. Не разгибались и не уходили с палубы почти двое суток, весь невод прощупали и пропустили через руки, теперь уже всякие порывы должны исключаться, иначе будет разуму непонятно, ведь рыбачим мы и ремонтируем орудия лова не один год... да что там? По два десятка лет каждый из нас игличку держит, всякое видели.

И опять в поиске. Усталость страшная, плечи так и гнутся, и только холодный ветер, хлещущий по лицу, прогоняет дрему. Джеламан выглядит свежее, перед концом ремонта мы его отпустили вздремнуть, у него голова должна быть свежая, сейчас ребята разбрелись по «шхерам», дубеют и хоть завидуй им, отступай от своего правила — я никогда никому не завидую.

Ночь темная, холодная, со злым ледяным ветром, он прямо рвет верхушки волн. Осень... камчатская осень. Часто у нас до снега земля бухает, трескаясь, а палуба, естественно, покрывается ледком.

— Ты думаешь, невод наладили до конца? — спросил Джеламан.

— Я ничего не думаю.

— Плохо.

— Спать хочу.

— Уф! — Он отошел от компаса, навалился на поручни, схватился за голову. Потом подошел к переговорке.— Чиф! Как у тебя?

— Глухо, Иваныч.

— Докладывай о любом косяке.

— Ясно-понятно.

Косяк мы нашли только к утру и разметались нормально. Косяк был хороший, уже радовались, что повезло, что наконец-то возьмем рыбу, но на половине выборки дель опять оказалась отколотой от нижней подборы, по тем же швам, где мы пускали дублирующую нитку. Джеламан кинулся к рации, позвал председателя.

— Александр Петрович, — официальным тоном начал он, — прошу добро идти в Ивашку сгрузить невод и взять живорыбину. Буду работать в режиме перевозчика.

— Опять порывы?

— По тем же швам.
— У нас то же самое.
— И тоже в Ивашку?
— Да нет, Володя. Выберем невод, пойдем в Апуку, у них в сетепошивном цехе разберемся. Мы через часик тронемся.
— Тоже в замете?
— Тоже.
— И те же дыры?
— Те же.
— Мишина надо повесить.
— В Ивашке это с ним и сделаем. Словом, Володя, выбирай невод — и в Апуку.
— Есть.
И только Джеламан закончил переговоры, собрался только отойти от рации, как Сигай позвал его.
— Вовчик, — слышался его хрипловатый голос, — где шили невод?
— В нашей Чувашке под руководством гумгугума Мишина.
— Ясно-понятно. Подобная штука у меня была в прошлом году, меня ведь посылали делать пробные заметы. Тут вот что. Первое. Литеры сколоты шнуром?
— Шнуром.
— Будешь ремонтировать, выкинь шнур, замени жгутом дели. Это первое. На нижней подборе сделай полуторную посадку.
— Полуторную! — удивился Джеламан.
— Никак не меньше. И бардюру выкинь, в ней только грузила путаются, она совершенно не нужна.
— Благодарю, Владимир Иванович...
— Владимир Иванович, прошу на связь, — послышался голос Павленко.
— Слушаю, Александр Петрович.
Они стали консультироваться, а Джеламан подошел к нам.
— Жваком! Жваком берите, как попало, после будем разбираться.
Подходим к Апуке, вот они, эти устья, где двадцать лет назад Егорович сдувал пену с верхней губы... сейчас море зеркальное, даже не определишь, где эти косы, на которых волны заворачивались гусиными шеями раза в три выше сейнера. Настроение у меня сейчас прекрасное, я поспал, побывал в Сашкином заведении, свежего

чая заварил. И блаженствую со стаканом — побываю в тех местах, где не был столько лет, где однажды была кошмарная осенняя ночь и я не спал, что делать с собой.
Вот уж и строения на берегу видны, головы кранов на причалах и голубятня диспетчерской, опутанные проводами и антеннами. Кончики мачт судов. И скалистый угрюмый лоб скалы справа при входе. Второй берег отлогий, песчаная коса до самого горизонта, по ней я тогда ушел бог весть куда, тоска у меня тогда была какая-то нечеловеческая...
Пришвартовались к Апукинскому причалу, Апука стояла на месте, но перемены большие. Весь берег в строениях, и пилорама, длинное большое здание в окружении штабелей бревен и теса, появилась на косе, и мехцех, и диспетчерская. Сами причалы бетонированные и уставлены красными рядами контейнеров. Там дальше, где стояли хаты-завалюхи, стройные ряды двухэтажных домов. Еще одно здание, одноэтажное, детский сад, наверное, потому что среди деревцов виднеется голова Черномора и домик Бабы Яги.
Не успели еще как следует привязаться к причалу, как на мотоцикле — уже раздобыл где-то — подлетел Павленко. Потребовал Джеламана.
— Володя, завтра с утра пришлю трактор и сани, невод будете ремонтировать на аэродроме, там все дыры видны будут. А пирс займет «34-й».
— Понятно.
— Грузчиков прислать?
— Петрович, ты нас обижаешь.
— Ну и добро.
Павленко унесся. А Джеламан все еще протирал глаза. Потом подозвал Витьку. Тот подошел с миской чего-то душистого и жевал сало с чесноком, хлеб был густо намазан горчицей.
— Спать, Чиф!
— О-о-о! Это у нас не заржавеет.
— Авансом.
— Это мы знаем.

Солнышко уже село, но было еще светло. И тихо. Както хорошо, звезды уже появлялись, на море этот период от захода солнца до полной темноты называется навигационными сумерками, определение места судна секстан-

том делать хорошо: и светила есть, и горизонт еще виден. Взял куртку, пошел бродить.

Возвращался на сейнер уже потемну. Причал ярко освещен прожекторами. Контейнеры отодвинуты — равостлан невод триддатьчетверки, уже и швы начали распарывать, нижнюю подбору с грузилами откололи и откинули... Женю Бнджанова, их капитана, в колхозе зовут Бегущим, всегда летит куда-то. В рубке горит свет, видны головы ребят. Завернул на огонек.

— Будь гостем, Инженер, — сказал их старпом Сеня Пальчиков. Они перекуривали. Распределение по своим местам обычное, как и на всех сейнерах во время чаевания: в кресле, что перед рулевой баранкой и напротив эхолота и компаса, сидел сам хозяин, Женя Биджанов, по правую руку от него, напротив фиш-лупы и запасного экрана эхолота, Сеня Пальчиков, он и здесь, как всегда впрочем, в своей знаменитой на весь флот фураге. Чисто выбрит, усики прилизаны, под воротником рабочего свитера виднеется воротничок светлой свежей рубашки, элегантен, как всегда. Матросы тоже по своим штатным местам, сам Павленко в спецовочке сидел среди них, из-за голенищ его сапог, как и у всех присутствующих, торчали набитые иглички и рукоятка ножа. Павленко вполне сходил за молодого матроса, особенно чуб из-под рыбацкого шерстяного чепчика снимал с него все адмиральские чины. Зато уж Пальчиков в своей фураге — она у него ллойдовская, с большим щегольским угластым козырьком. Лиховато осажена назад — пружина ослаблена, — золотой плетеный шнур по козырьку и большой, каких сейчас нету, разлапистый краб с глобусом, якорем и пшеничными колосьями, регалия высшего командного состава. Сам же Сеня роста маленького, — когда идет по колхозу, то будто фурага движется, — тонколицый и тонкокостный, но щеголь — страшное дело! Изящен и элегантен, черненькие усики в ниточку, челочка и ресницы у него белейшие. Твердый воротничок, что из-под рабочего свитера проглядывает, сверкает золотая печатка с иероглифами на безымянном пальце. Стармеха Ильи Куркова не было на своем месте, он возился с электромотором. Павленко понурый и задумчивый. Посредине рубки стояли чайники и подносы со всеми причиндалами, что можно добавить к чаю и кофе. Вплоть до сала и горчицы с луком, и чесноком, и аджикой.

Я налил себе чаю. Все молчали.

Вообще «34-й» надул нас, причал захватил не без участия Павленко. Мы завтра свой невод будем только вывозить на аэродром да растаскивать, а они вон уже сливную дербанят.

— Ваши спят?

— Дремлют.

— Родную маму проспите, — заметил Пальчиков. Потом повернулся к Павленко: — Наверно, еще литерок замесим, как ты думаешь, Саша?

— Как капитан, — шевельнул бровью Павленко, — он хозяин.

Павленко с Сеней Пальчиковым однокашники, в одном классе в мореходке учились, вместе приехали и в Апуку, вместе начали и старпомничать. После того как Павленко назначили председателем к нам, он друга за собой перетащил.

— «34-й», я «Земля Кольская», прошу на связь, — донесся из рации голос начальника экспедиции Галиманса. Пальчиков метнулся к микрофону:

— На проводе «34-й».

— Кто у микрофона?

— Старший помощник капитана Семен Пальчиков.

— Старший помощник капитана Семен Пальчиков, пригласите, пожалуйста, к микрофону председателя колхоза.

— Слушаю Вас внимательно, Олег Исакович, — устало сказал Павленко, взяв у Пальчикова микрофон.

— Доложите обстановку, Александр Петрович. Надеюсь, в Апуке?

— В ней. К ремонту уже приступили.

— Когда полагаете быть на промысле?

— По ходу ремонта доложу.

— Желаю удачи. До связи.

— До связи.

В море выскочили, когда уже наступила ночь. Всякие мелочи по неводу делали уже на ходу. Сейчас все стоят по своим местам, хотя к рыбе, где флот ее берет, еще далеко. Все эти три дня, что мы возились с неводами, рыба по всему флоту шла как из прорвы, все ловцы заливались, перевозчики не успевали вывозить ее из неводов, базы не успевали обрабатывать. Как насмешка над нами, только ушли с промысла, и она повалила. Ко-

нечно же, мы не уходили от невода весь световой день и ночь прихватывали, под освещением прожекторов работали. И женщин из апукинской сетепошивки попросили нас не бросать. Они все понимали, оставались. Они же рыбацкие жены. Павленко — даже как-то приятно, что такому парню доверили колхоз, — не слезал с мотоцикла, снабжая нас то нитками, то делью, то продуктами. Женщин увозил на обед и с обеда привозил, на работу и с работы.

— Что-то мне вспомнилась путина семьдесят первого года. Это когда ты ко мне пришел старпомом, — поморщился Джеламан.

— Ты тогда горел.

— Но настроение у меня тогда было хорошее, как и сейчас вот. Это после всех прогаров.

— Да-а-а, Вовчик, путина у тебя тогда была позорная.

— Хм-м! Пальцами показывали...

— Тяжко было?

— В том-то и дело, что нет! Чем больше я боролся, тем больше мне не везло. Помню, Сережа Николаев, Сигай, наш Чиф, Андрюша Пак, Миша Битков, ну, по-всякому старались мне помочь. И глухо. И когда под Начикой хватанули на винт ваера, а невод зацепился за грунт, и заглохла машина, и полетела лебедка — приехали! Уж дальше некуда. Кинулись запустить вспомогательный — воздуха нету, прошляпили, аварийный баллон механики в горячке не закрыли плотно. К рации — не работает, аккумуляторы сели. Не было сил смеяться...

— Представляю.

— А я делал все, что мог и больше чем мог. Это я знал... Впрочем, как ни горько об этом говорить, все знали, что я сделал больше, чем мог. И когда «пастух» приволок меня в колхоз, почти вся моя команда — шух! И нету.

— Витя, — крикнул Джеламан в переговорку, прервав мои воспоминания, — признаки?

— Без них.

— Секи!

— Секу.

А ночка сегодня на редкость благодатная. Эти дни дул южный ветер, надул теплую погоду. И небушко светлое, и даже не верится, что это север Берингова моря, что осень уже. Видно, сейчас бабье лето, в морях оно тоже бывает.

— Бабье лето, — сказал Джеламан, озираясь по сторонам.

— Только думал об этом.

— Бывает.

— Иваныч, — донеслось из переговорки, — попадаются маленькие косячки, но мне думается, не будем по мелочам.

— Правильно думаешь.

— А невод проверим на большой.

— Еще правильнее. — И Джеламан повернулся ко мне. — Все знает наперед меня, отгадывает все мои мысли и желания.

— Вообще Витька — человек.

— Редкий человек, с ним легко работать. Вот сколько он уже у меня старпомничает, и мы ни разу не поссорились. Даже мыслей об этом не было.

— Иваныч, груза на три-четыре. Может, побольше. Пробуем?

— А ты как думаешь?

— Думаю — надо.

— Поехали.

Разметались прекрасно, точно и быстро, невод и все причиндалы к нему шли за борт «как по маслу», с легким, деловым, глуховатым шумом, наши ребята делали работу без единого слова и не торопились, а все получалось быстро, сама работа будто обгоняла ребят. Когда подсушили и взяли пробу — вообще было предчувствие, что на плохую рыбу попали, — то оказалось двадцать три — двадцать пять процентов молоди. Связались с базами, они отказались принимать. Выпустили.

— Шура-а-а, — орал Чиф, когда выпускали, — не ной! — Орал как-то лихо, как будто у нас удача. Невод же выходил без единой дырочки и трещинки, как мы его ни растягивали при выборке.

Микрофон был включен на палубную трансляцию, все переговоры по флоту слышны нам. Все переговоры спокойные, деловые, все берут рыбу, у некоторых тоже молодь, но огорчительных переговоров нету, работа на флоте идет нормально. Очень больших уловов, как у Сигая в первый день по приходу на две тысячи центнеров — это треть планового задания на всю селедочную путину, — нет, а так, на две-три заливки...

Нас неудача не огорчила. Обычно ведь, когда берут

другие, а у тебя неудачи и многоразовые, одна за другой, то начинаешь завидовать тем, кому везет.

Выбрали неводок, аккуратненько приготовили его к замету. Все будто бы обычно и в то же время все необычно, какая-то сладость на душе как будто... как будто с моря домой возвращаемся или ждем любовного свидания.

— Крути мористее, — сказал мне Джеламан. Сказал как-то лихо и радостно: — Чайку бы?

И вот они лезут на мостик, чего никогда не было, Чичава и Шурики с чайником и подносом, накрытым полотенцем.

— Пришли вас проведать, — сказал Шура-Мамлюк.

— Небось пропадаете в одиночестве? — добавил Чичава.

— Инженер, дай покручу, — сказал второй Шура, — куда крутить?

— Где больше огней.

— Ну и духи, — улыбаясь, сказал Джеламан.

Расположились кружком, курим, болтаем. Похлебываем чаек. А ночка прямо душит очарованием — вот по логике и на первый взгляд покажется, ну какое может быть очарование от воды, от водного пространства? От неба со звездами? Ведь это всегда видишь, привыкаешь и тут будто бы ничего необычного нет, море и небо. И воздух. Но иногда в них, в водной равнине, бездонности неба, воздухе, звездах бывает такое сочетание добра и красоты, что не можешь не восторгаться, не можешь не радоваться. Радуешься тому, что видишь все это, что чувствуешь, что живешь и сам это понимаешь.

— Иваныч, как ты думаешь, поймаем мы сегодня рыбу? — спросил Мамлюк.

— Поймаем, Шура, и большую.

— Я тоже думаю, что мы сегодня большую рыбу поймаем, — редко и внятно сказал Чичава.

И тут же под судном во все стороны от него под водой началось будто северное сияние, это при северном сиянии так меняются, то тают, то возгораются, цвета. Только там желтые, а тут белые. Иногда они были белые до синего пламени.

— О-о-о!

— О-о-о!

— Иваныч, не могу-у-у! — заорал Чиф.

— Ну, господи, благослови, — тихо сказал Джеламан и бесшумно подошел к рулю. Мы швырнули кружки,

перевернули поднос и горохом с мостика. По палубе, обгоняя друг друга, неслись Коля Induced Вересков с Чифом к своим местам. Даже про ревун забыли.

Как оно бывает? Нет ни гроша, и вдруг алтын. Когда кидали невод, сейнер шел прямо по рыбе, видимо, нижние слои косяка, вспугнутые, метнулись вверх и выперли на самую поверхность; рыба плескалась и прыгала по воде. И во все стороны от сейнера. На какое-то чудо наехали. И была только одна мысль, и я думаю, что она была не только у меня, но и у всех, чтобы чего-нибудь случайного, какой-нибудь аварии не произошло, чтоб ни зацепа, ни путаницы. И Чиф, и Чичава, и Коля спокойно оглядывались по сторонам и на невод, но было видно, что они в напряжении. И когда брали вертикал, и проводник, и стяжной, чтобы завершить замет, возгласы под поспешные и резкие движения — «держи», «давай», «да не спеши, не спеши», «а ну, еще раз дерни», «хорош» — были глухие, почти шепотом. Джеламан, надо отдать должное, сверхкрасиво сделал свое дело.

Мне вдруг подумалось, что какая же у нас замечательная команда. Ну, прямо как хорошо отлаженный и смазанный механизм, все в нем крутится и работает. И без шума и грома. И главное здесь не в умении, ловкости, физической силе или притертости, а в духовном единстве. Ведь мы всерьез еще ни разу не ссорились и не было никаких глупых разногласий, например, из-за самолюбия или гордости. Даже сам Джеламан, он для нас царем и богом являлся, все его желания для нас закон, не страдает этим делом. Он никогда не пользуется своей властью, никому ничего не приказывает, ни над кем не командует и ни над кем не возвышается. Ни разу не было, чтобы он был кем-нибудь недоволен или на кого-нибудь дулся, косо смотрел. А я ведь с ним не один год работал. Вот хоть и в те годы, когда на «четверке» у него старпомничал — и намеков не было на серьезную ссору. Правда, один раз он орал на Беса, когда тот напился в море. Саданул шапкой о палубу и орал:

— Поставлю на край площадки и расстреляю как врага народа. — И ко мне: — Чиф, неси мою пятизарядку. — Он всегда, впрочем, как и сейчас, в море берет свое пятизарядное ружье-автомат. Хоть и мало стреляет, но если выдаются штормовые дни и приходится днями простаивать в какой-нибудь пустынной бухте, на природе пропадает целыми днями.

Взяли пробу, рыба была отменная, одна в одну, как снарядики.

Как ее описать, эту переливку-заливку, перегруз рыбы из невода судна-ловца в трюм и живорыбницу судна-перевозчика. В шестидесятые годы, когда рыбы было много, нужды в нем не было. В те времена кинул невод на целое поле, взял сколько тебе надо. Зацепил лишнего, подозвав кого-нибудь и его залил. Обычно же лишнюю рыбу выпускали, потому что трудности ее поймать никакой не было. Искать ее тоже проблемы не было, была проблема, куда ее деть. А сейчас проблема, где ее взять, поэтому каждая рыбка не бросается, не отпускается в море, а доводится до дела.

Перевозчик за собой таскает живорыбницу, это железная баржа с дырками в трюме для вентиляции воды, чтоб рыба была свежая, даже живая. По емкости, если рыбу в нее плотно налить, в три раза в нее больше вмещается, чем сейнер на себя берет.

Передача улова из невода ловца в емкость перевозчика происходит следующим образом. Перевозчик со своей живорыбницей, она у него под бортом, подходит к нерабочему левому борту ловца — кошелек выкладывается только с правого борта. Живорыбница оказывается между судами, оба судна с верхушек стрел кидают ходовые шкентали на каплер, который будет черпать рыбу в неводе и выносить ее в живорыбницу и в трюм перевозчика. Каплер — это исполинский мешок из дели емкостью в две тонны, низ его распускается, когда он над трюмом или над живорыбницей, и затягивается при черпании рыбы из невода. Поверху у того мешка металлический круг диаметром в два метра. Таким образом каплер ходит из невода до живорыбницы и трюмов, а таскают его шкентели с лебедок судов, которые идут через топы — это оконечности стрел. Этот способ передачи грузов на флоте называется «телефон».

В хорошую погоду работать легко, только слышно «вира», «майна», но если бы вы знали, как приходится в плохую, когда на палубе стоять трудно, и до каких фантазий-придумок и всяких движений доходят ребята, чтобы управлять этой движущейся «паутиной» стальных тросов, чтоб они не порвались от напряжения, не погнули стрелы, не вырвали блоки. Тут уж все бывает. Что

говорить? Рыбак трижды, четырежды, если не десятикратно, моряк. Скажу откровенно, что это «духи». Циркачи, дьяволы и акробаты! Если бы береговые люди посмотрели на нашу работу, то получили бы большее удовольствие, чем от цирка. Помню на «Колесникове», как чуть качнет, боцман уже ставит штормовые леера, чтобы «науку» не сдуло за борт, когда они ходят по палубе. А тут шустрить надо, про себя уже не думаешь, а думаешь, как бы что не треснуло, не зацепилось, не заело... Интеллект же человека, внимание, собранность, фантазия нужны, чтобы находить выход из безвыходных положений. Физические нагрузки на пределе. А как по-другому? Не сможешь, не одолеешь, не найдешь выход, прошляпишь — сдавайся, откидывай лапки.

Вот так...

Мы залили оба своих перевозчика, одного перевозчика из колхоза Горького, Сашку Кнороза, друга Джеламана, они вместе работали, когда Джеламан был там, и одного апукинца. Всего рыбы вышло больше двух тысяч центнеров, плановое задание на всю путину пять тысяч... работали, конечно, на два «телефона». С палубы не уходили двое суток, только к вечеру второго дня апукинец забирал у нас последнюю, уже снулую рыбу, залегшую на дне невода.

Устали? Расскажи где-нибудь на берегу — не поверят. Но это действительно так: перевозчики приходили и уходили, а мы со своей палубы никуда не могли уйти и бросить работу не могли. Это ведь на сенокосе бригадир воткнул косу, и все воткнули и стекаются к нему покурить, токарь остановил станок и полез за папиросой — ни сено никуда не денется, ни станок никуда не убежит. А у нас — рыба живая, за нею надо следить, не упустить, не допустить, чтобы она задавила самою себя и легла, тогда она может, эдакая масса, перевернуть сейнер, что и было не раз в шестидесятые годы, когда капитаны хапали ее много, она душила саму себя и шла на дно, утаскивая судно. Невода в этих случаях обрубали, и невод уходил на дно вместе с рыбой. Да и просто не бросишь работу, когда на очереди стоят перевозчики — «давай».

В этой работе не замечаешь, как проходит время, только начнет темнеть, включим палубное освещение, стало светать, свет не нужен, выключили. Не замечаешь время потому, что занят неотложным делом, которое бросить

нельзя. Нет, мы, конечно, на рабочих местах менялись, чтоб не утомляло однообразие, и подменялись, чтобы нырнуть в Сашкино заведение, где все дышит ароматами, кипит и шкворчит на сковородках, и перекуривали, остановив механизмы. Но как таковой процесс работы не бросали. И не замечали усталости. Ее почувствовали только в конце, когда стали готовить невод к очередному замету.

— Ровнее, ровнее, — хрипел Чиф на Шуриков, которые подбивали последние «штрихи» по укладке невода на рабочей площадке.

Я глянул на море — оно было все усеяно чайками, которые наелись рыбы и теперь дремали.

Мы поснимали робы, развесили в сушилке и спустились в кубрик.

Джеламан расхаживает по рубке слегка взлохмаченный, — недавно проснулся. В руке — кружка чая. Замок шерстяной куртки спортивного костюма почти распущен, шлепанцы на босую ногу. И было видно, что хорошее настроение в нем не вмещается.

Джеламан подошел к окну, смотрит на прыгающие волны и поет:

Течет речка по песочечку,
Моет золотишко...

— Что-то, командир, у тебя новая песня.

— Не у меня, это песня моего кореша. — Он стал ерошить волосы. — Ну и чума был. Флибустьером звали.

— А сейчас нету? — спросил Чичава.

— Как это нету? — встрепенулся Джеламан. — Да сейчас в Океанрыбфлоте работает на «Советских профсоюзах». Вечный старпом.

Проснулись рыбаки. Подходили с мисками в рубку. Вот ведь до чего привыкли за путину «чаевать» в рубке, что даже и сейчас, когда ничем не заняты и не одеты в мокрую одежду, не стали в кубрике обедать, где все по-человечески. А вот топчемся с мисками или притулились на своих штатных местах, в руках их держим. Если бы погода была хорошая, то непременно на палубе бы ели. Чиф уж точно уставил бы свой угол трюма горчицами да аджиками, окружил бы миску салом, чесноком, икрой, помидорами, огурцами. А сейчас ему некоторые кусочки приходится держать между пальцев свободной руки. Рулит Шура Бекерев, виновник пиршества, а мы блаженствуем. Море плохое и портится на глазах. А Джеламан лихо продолжает:

Ты, начальник, начальничек,
Отпусти на волю,
Она соскучилась, ох, замучилась,
На свободе дроля.

— От чума, — прервал он песенку. — В мореходке неразлучные были, и направление в Дальрыбе взяли в Северо-Курильск на сейнера. И вместе капитанили. Потом, в семидесятом году, я к вам переехал, а он подался в Океанрыбфлот, на БМРТ, по шарику полазить захотелось. Флибустьер же.

— Вольница, — сказал Коля Вересков.

— Ну, — утвердил Джеламан. — Ни пределов, ни ограничений, ни каких-нибудь там правил или законов не признавал. В последние годы командовал «Мысом Орехово» и погорел. Капитально. Капитанский диплом отобрали навечно.

— Нафулюганил? — спросил Чичава.

— Хуже. Власти захотел надуть.

— Х-ха! — значительно хмыкнул Чиф. — Чего захотел.

— Все знает, — буркнул Мамлюк.

— Наш Чиф еще не безнадежен, — сказал Джеламан, — авось Борис Семенович смилостивится. А вот мой друг-товарищ Леша Кузяев для капитанов погиб навечно. И никто уже не поможет, ни Дальрыба, ни министр рыбной промышленности.

— Значит, серьезно флибустьерил, — предположил Чичава.

— Пиратствовал... ловил рыбу там, где ее не надо ловить, плавал, где не надо плавать. Рыбу ловил на выбор, какую хотел. Три года назад, когда послали ловить минтая возле наших берегов, нырнул в Кронацкий залив за тресочкой. А там заповедничек. И как он ни прятался, какие ночи ни выбирал, все равно узнали. И искать его. Он в Усть-Камчатск, да еще название судна и бортовые номера брезентами завесил. Но вертолет рыбнадзора припалубился спокойно. А в карманах и морозильных камерах треска. И добра молодца к ответу, умел воровать, умей и ответ держать.

— Бывают лихачи, — сказал Коля.

— Но мореход, от и до, — продолжал Джеламан. — И рыбак. Когда рыбачил в заграничных водах по лицензии, возле Австралии и Мадагаскара, пищевой продукции один раз нарыбачил на четыре миллиона вместо восьмисот тысяч плановых.

— Там тоже пиратствовал? — предположил Коля.

— Естественно. Грабил капитализм. Ловил самые ценные породы, словом, делал, что хотел.

— А если бы там поймали? — спросил Шура. — Во было бы!

— Но мореход лихой, — продолжал Джеламан. — Вот хоть шесть лет назад, когда ввели двухсотмильную зону, японцев отодвинули из наших вод и к нам в колхозные ставные невода хлынул лосось, несколько БМРТ Океанрыбфлот присылал на выручку. И он пришел на своем «Мысе Орехово», в режиме приемных баз они работали. Так что он делал? Этой громадиной, у которой осадка восемь метров, швартовался прямо к садку невода. А под неводом глубина девять-десять метров. При отливах меньше.

— Не верится что-то, — сказал Вересков, — неправдоподобно.

— Он отдавал с кормы якорь и на якорном канате спускался к неводу. Подгадывал, конечно, под полную воду.

— Три фута! — сказал Чичава.

— Да. Под килем оставалось ровно один метр.

— Ну и дьявол.

— И пока на других неводах рыбаки перельют рыбу в живорыбницу, а катер оттащит эту живорыбницу к борту БМРТ, Лешка подползает к садку, запускает свой могучий каплер в невод, вычерпывает рыбу в три-четыре подачи и скорехонько к другому неводу. Обчищал невода один за другим, капитаны других БМРТ пишут, жалуются, ругают бригадиров неводов. А бригадирам-то да председателям все равно кому сдавать, сдать бы ее только, да побольше сдать, да побыстрее. Словом, Лешка за полпутины взял пять планов и ушел в порт. Вот так-то вот.

— Оля-ля-ля! — присвистнул Чиф.

— Да, лихач.

— На всю жизнь эта его песня мне врезалась, — продолжал Джеламан и допил самые вкусные последние капельки из кружки. — Рыбачили мы с Лешей в Северо-

Курильске, через два года после мореходки уже капитанили. Радости-то сколько, по двадцать два года нам, а уже хозяева. Ну и, конечно, лихачили. А для Леши это хлебом не корми, не может чтобы как все. И вот идем раз, с Явчинской банки камбалу везем, залитые до клюзов. Сдавали на Рогачевский комбинат, а там же при подходе, когда мыс огибаешь, подводная вулканическая плита выпирает в море. Ну вот. Вошли в пролив, обошли Чертов палец, я с одной стороны, он с другой стороны. И оказались нос в нос. И вздумали перегоняться, и летим. Ни он меня не обгоняет, ни я его. Вот уже и причалы комбината видны, никто уступать не хочет. Пацаны же. И Леша решил обойти, срезает угол, жмется к плите, летит прямо по вехам и буям, что огораживают косу. И за буи заходит, я как увидел, что он делает, шапка на голове зашевелилась, так и подумалось, что врежется в плиту. Дал сирену, сбавил ход, мол, подходи первым. Но тут его судно дрогнуло и сбилось с курса, и вырубило ход. Долихачился мой кореш, скорее к нему. Когда подошел, его сейнер уже заполнялся водой, кренился, он зацепился боком за плиту и распоролся от носа до кормы. «Не подавай концы, Вовчик, тебя на дно утащу», — крикнул Леша и пошел в кубрик. Судно кренится, команда с вытаращенными глазами толпится у борта, давят друг друга, на себя не похожи... спасательными кругами кидаются и спасательные пояса пялят на себя. Старпом хочет навести порядок, из ракетницы стреляет, да где там! Повариха позади всех мечется с чемоданом, орет. Они все очумели от страха. А Леша выходит с гитарой, спокойно садится на кнехт и:

Течет речечка по песочечку,
Мост золотинко...

Толпа стала притихать, улыбаться, спокойно стали перелазить ко мне на борт, повариху передали вместе с чемоданом.

Затем, когда палуба уже совсем скосилась, прыгнул ко мне на борт. За траловую дугу гитарой зацепился. И только подхватили его, как показалось красное днище его парохода и пароход тут же булькнул. А Леша смотрит на гитару, она раскололась:

— Такой инструмент был.

— Сразу на дно ушло? — спросил Мамлюк.

— Такой выхлоп дало, что нас всех окатило. Камбалой

же загружено. Потом, конечно, стали всплывать всякие ящики, тряпки... На всю жизнь мне запомнилась его «течет речечка по песочечку».

— Конечно, такой человек в науку не пойдет, — заключил Коля.

— Какая там наука, — поморщился Джеламан, — чтобы Леша усидел на месте? В мягком кресле? Да это же авантюрист чистой воды.

— Тихо, ребята, — прервал мои воспоминания Чиф,— капчас начинается.

— Нечего его слушать, — сказал Джеламан и подошел к окну, там прыгали волны, — курс на Пахачу, Шура.

И точно. Джеламан отгадал, Олег Исаакович объявил первым делом, что «море на замок» и всем в укрытия, надвигается шторм. Нам ближе всего была Пахача.

Вот я и в Пахаче, бреду по поселку. Мне грустно, будто это и не Пахача.

Зашел в современный, весь из стекла и бетона, магазин... ряды различных банок в витринах, полки за спинами продавцов тоже заставлены; пол из синих плиток, все очень красиво, а народу никого.

Двадцать лет назад здесь стоял большой деревянный сарай, на окнах решетки, перед входом трава до земли вытоптана, да кучи пустых ящиков за ним. А народом этот сарай был всегда набит. Команды сейнеров за продуктами приходили шумной толпой, несли мешки и ящики, обработчики и обработчицы прямо в рабочей одежде вваливались, и все это было весело. А сейчас жизни нету — пустота и унылость, как и по ту сторону реки, где раньше бушевали утки, гуси, чайки, кулики... — обычно мы на той стороне, да и не только мы, а все сейнера ремонтировали кошельки, расстилали их по тундре, чайки прямо из-под рук вытаскивали застрявших в неводе рыбок. Утки тоже стаями летали-перелетали с одного озерца на другое, бросишь игличку, потянешься к ружью, когда над тобой стая проходит... Сейчас Пахача мертвая, рыбцехи с проломанными крышами, от некоторых только стены остались, и ни плеска воды оттуда не доносится, ни криков, ни запаха рыбы.

Закурил. Показался бегущий Чичава, он так спешил,

что прямо летел. Судя по радостному лицу, все свершилось, родила Тоня.

— Сын! — крикнул он и поднял руку.

— Да подожди!

— Щас приду.

— Да остановись же.

Вместо ответа он провел ладонью по горлу и помчался к зданию, где располагались местные власти...

Грустный берег, причалы, пустые и полуразрушенные, кое-где дырки от провалившихся досок. И рыбцеха мертвые. На одном крыша сползла, у других стены покосились. А когда-то здесь шумела, плескалась вода, двигались черные резиновые ленты конвейеров, грузчики цепочкой с мешками на спинах. В цехах женщины укладывали рыбу в бочки и ящики, трафаретили их, мужики бондарили и катали эти бочки, носили и грузили ящики. У причалов ряды сейнеров, с залитыми рыбой палубами, баржи, на которые бригады грузчиков катали бочки уже готовой рыбы. Бочки укладывались между цехами в исполинские холмы в десять, двадцать ярусов, соль тоже укладывалась в исполинские кучи, вровень с цехами вышиной.

А сейчас между цехов горбатились почерневшие от старости, полуразбитые, похожие на обглоданные скелеты бочки — не вывезли, списали. Осевшие кучи соли прорастают травою. И трава вокруг прет, даже дорожки и тропинки между цехов к причалам задавила.

Как же все быстро пронеслось! Будто и не было этих двадцати лет. Двадцати лет плаваний, учебы, поисков, страданий, радостей, работы.

Ветер к вечеру усилился, и заметно похолодало, скоро затрещат морозы, забухает пушками земля, обледенеют причалы. А потом повалят снега. Сугробы наворочает такие, что одноэтажные дома утонут по трубы, от окон и дверей придется прокапывать траншеи.

Наш «018-й» осиротело стоял в одиночестве у причала. Флаг трепетал, иллюминаторы светились неярко, в рубке совсем темно. Спускаюсь в кубрик, пахнуло теплом, трап блестит, с содой Шурики вымыли, под нижней ступенькой влажное полотенце. Двери в Джеламановой каюте и в Колиной открыты. Джеламан лежал с книгой на диване. В кубрике свет вырублен, сереет стекляшка телевизора, все сидят перед нею. Все в чистом и даже

нарядные, когда долгое время не снимаешь рабочую одежду, без всякой причины хочется одеться получше.

— Чичаву не видел?

— По поселку мечется.

— Наверное, еще не родила.

— Родила.

— Кого? Он сказал?

— Вроде сына.

— О-о-о! Сына он и ждал.

Забираюсь на свою койку, включаю коечное освещение, поудобнее подбиваю подушку под голову, из-под подушки достаю Лермонтова и задергиваю шторку — не люблю я эту стекляшку, что телевизором называется. Сам не знаю почему. Наверное, не привык, телевизор-то всего два года появился у нас. А может, и по другим причинам. Нет, спортивные передачи или фигурное катание я смотрю, а вот кино не воспринимаю. Ну, например, «Белеет парус одинокий» в современной постановке, где матрос с «Потемкина» Жуков похож на современного молодого модного человека, и прическа падает на плечи, и интеллигентная бородка. Или «Станционный смотритель» по Пушкину, там у гусара Минского бородка как у современных хиппи, которых называют «парубками», и челка... не смог бы я смотреть и «Чапаева», если бы его показывали в джинсах. Не могу, «не могут они, Василий Иваныч, к утру стать врачами, не могут...».

Послышался голос Джеламана. Он спрашивал про Чичаву. Потом раздернул мою шторку.

— Дай что-нибудь?

— Вот.

— Лермонтов? А еще что есть? Ну, давай Лермонтова, — он, зная, где лежат книги, полез под мое изголовье, достал еще Гоголя. — О-о-о! Вот что я почитаю, вот это здорово. А то надоели все эти Штирлицы, Мирлицы, Мюллеры и прочие Борманы.

В рейс я много набрал книжек. Для себя Пушкина, Бунина, Гоголя, Толстого, а для ребят детективов, они больше всего это любят, и «роман-газет».

Джеламан, опустошив мое «подподушье», ушел к себе в каюту, а я задумался.

Джеламан рассказывал о своем друге, Леше Кузяеве, которого звали Флибустьером, Шаймардан, пожалуй, похлестче будет, во всяком случае, по лихости, бесстрашию и хорошему авантюризму не уступит. А в честности,

порядочности, конечно же, превзойдет. Но вот работать с ним было... не то чтобы плохо или трудно, работать с ним было хорошо. Но очень хлопотно, а порою и страшно.

Бесстрашие рыбацкое, я имею в виду рыбацких капитанов, мне не в новость, и дядя Федя Улевский был начисто лишен чувства страха, и Аркан, да хоть и теперешний наш Джеламан, но вот Шаймардан — это какое-то вызывающее, веселое, упрямое приглашение всех опасностей и страхов на борьбу с собой. Вызов судьбе и заигрывание с ней? Когда же наступал предел, когда мы попадали по его милости в безнадежное положение... Ну вот все, крышка пришла, конец — он просто ржал. Вызывающе, презрительно и весело, когда другим плакать хотелось. У меня так и стоит перед глазами:

— Ха-ха, ха-ха! Эх, вы! Еще не знаете, что такое рубаха пузырем.

Один раз в шестьдесят пятом году увлеклись мы поиском, рыбы уже мало было, погода стояла ужасная, осень — холод и шторм. Приказ по флоту «всем в укрытие», а это «чудо», по фамилии Шаймарданов, а по прозвищу Шаймардан, не хочет уходить с моря, все хочет найти рыбу. И вот подходит тайфун, барометр сразу упал, а барограф пошел вниз чертить, небо почернело, и чаек уже над морем нет. Шаймардан не слезает с мостика, начальнику экспедиции дал ложные координаты, что на подходе к укрытию. И метать-то не хочет на маленькие косячки, хочет на «капитальную рыбу», чтобы «под жвак». Находились мы под мысом Серый, это концевой мыс в Олюторке, там же начинается океан до самой Аляски. Буря идет, естественно, с океана. И тут показалось пятно. На скатах волн засияло.

— Берем! — без всяких эмоций сказал он. — По местам.

— Что ты делаешь? — заорал стармех, Ваня Дикур.— В гробину... душу...

— Гришка в шлюпке?

— Да.

— К замету.

— Чума-а-а... — орал Дикур.

Упрямство... наверное, и у самых упрямых крымских ханов не было такого упрямства. Оно, это упрямство, было за пределами безрассудства и в то же время в радостном превосходстве надо всем.

— Николай Шаймарданович, делать замет невозможно, ты сошел с ума.

— Крути.

— А за выходом невода смотреть? — Это были мои обязанности, а он оставил меня на руле, сам ни за что не брался. — Коля! Опомнись.

— Эх! Чиф! Ты еще не знаешь, что такое рубаха пузырем, — он стоял гордый, вызывающий и насмешливый.

Еле-еле обметал я косяк, к шлюпке пришлось подходить полным ходом, судно сдувало, и тащило невод. Гришка два раза кидал выброску, ему невозможно было подняться на ноги, хоть на полминуты постоять на ногах, чтоб размахнуться выброской. А невод трещит, его ведь тащим, ребята по палубе мечутся, как на пожаре, точнее, будто зверей диких дразнят, управляясь на своих местах.

— Ха-ха, ха-ха...

— Поговорим...

— Не дрейфь!

— Лебедка не потянет.

— Кормой будем подрабатывать.

— На винт хватанем.

— Не хватанем.

— К рыбам отправишь всех, идиот! — орал сквозь ветер Дикур.

Так и получилось, при подработке к неводу кормой, чтоб лебедке было легче брать невод, намотали на винт. Это уже крышка.

— Ну! — стоял перед ним Дикур, — добесился?

— Ха-ха, ха-ха!

А положение стало безнадежным, судно без хода, несет на гранитные стены Серого мыса, там пена до облаков летит, по телу шла дрожь и горячка. Надо давать SOS, чтоб шли на спасение, но кто подойдет, кто успеет, если все давно по базам и бухтам разбежались. Да и чем они помогут? Помочь как-то смогли бы, хоть на воде ловить нас по одному, но ведь не успеют.

Итак, мы без хода. Несет на мыс Серый, прыгай в воду — не прыгай, хоть десять спасательных кругов на себя надень, но на скалы не вскарабкаешься, да и нежностей там никаких нету, все равно конец гарантирован — амба! Приехали. Дикур полез к спасательному плотику, уже дергал шнур отдачи.

— Назад! Ха-ха, ха-ха! В машину!

Я кинулся к рации, набирать шифр кода, чтобы она автоматически работала на SOS.

— Брысь!

— Надо же что-то делать.

— Ничего не надо.

— А ведь и мы можем взбеситься!

— Заводи на невод все оставшиеся стропы, что есть на судне, заводи подкильный и крепи намертво за кнехты...

— Винтом рубить невод хочешь?

— Да...

— Дербанулся! Там же пожилина и, возможно, нижняя подбора накрутилась.

— И дублируй стяжным тросом, — продолжал он, не слушая меня, — чтобы невод пел как струна.

— Я не дам машину гробить, — сказал Дикур.

— А я у тебя и спрашивать не буду.

Боже мой, что же это получается, я ничего не соображал, но ему подчинялся, мне больше и делать ничего не оставалось, и от него исходило обаяние силы, власти, не хочешь, да будешь подчиняться, кролик так же не хочет лезть в глотку удава, да лезет. Невод застропили и втугую прикрепили стальными концами к кнехтам. И стяжным еще раз, через лебедку, добавили набивки, теперь он был действительно как струна натянут.

— И еще одни стропы положи, Чиф.

Я с матросами еще одни стальные концы наложил на крепление невода.

— А теперь, дед, — сказал он Дикуру, — ныряй в машину, поставь регулятор скорости на аварийный самый полный ход и вруби сразу все обороты, какие есть.

— Не дам, — сказал Дикур, он тоже взбесился, — в машине все разлетится, угробим ее с полуоборота.

— Тогда я сам пущу. — И он полез в машину. — Брысь.

— Пиши в судовой журнал, что сам пускал машину.

— Запишу, запишу.

И ведь победил... сам в машине все сделал, поставил предельные обороты и сразу дал аварийный — винт разрубил все веревки и дель, что были намотаны на винт, стальные стропы, что натягивали невод, повисли. Ну, тут уж... выбрали пустой рваный невод и на базу в Пахачу.

— Ха-ха, ха-ха! Я центральную ставного невода так рубил, а там тросы потолще.

Кстати, когда он в машине давал аварийный ход, машина никак не могла врубиться в предельные обороты. Мы стояли в оцепенении, когда он возился там.

Еле догреблись до Пахачи, погодка уже разыгралась на полную мощность, вход в устье был рискованный и опасный. Входил я — он завалился спать, ему это пустяки, до лампочки, — все ребята торчали возле меня, все переживали. О нем не было сказано ни слова, будто это и не человек, а что-то страшное и сверхъестественное.

Другой случай. Был в бухте Кавача.

Бухта Кавача оригинальна тем, что она очень большая по площади, а соединяется с морем узким и длинным проливом. Да еще подводный камень в этом горле. В бухту Кавача малые сейнера заходят, но когда там нет ни приливного, ни отливного течения — бухта-то по площади большая, и при спаде воды или подъеме течение в горле как в аэродинамической трубе! И никакой аварийный ход судна не пересиливает его. Один раз на «тридцатке» я пытался войти при отливном течении, уж на что у буксирного катера могучий ход, и катер кидало от одного берега до другого в устья, но вперед он не продвигался.

Но в этот раз у нас было безвыходное положение, шторм был сильный, и ни до Апуки, ни до Пахачи, ни до Лавровой мы выгрести не могли. Все, разумеется, из-за его упрямства. Оставалась Кавача, мы поблизости от нее находились.

— Глянь, Чиф, по таблицам, какое течение в Каваче?

— Ты в Кавачу?

— А ты думал.

— Так ведь в такую погоду исключено.

— Ха-ха, ха-ха.

Течение было в бухту, и небольшое, прилив уже спадал. Но все равно нас заносило туда боком, по счастливой случайности нас пронесло мимо камня, что в горле,— вообще говоря, когда я задумывался над его поступками, ему сказочно везло, вот один шанс из ста удачный, и этот удачный шанс выпадал ему, — но когда уже занесло в бухту, мы не могли и не успели вывернуться, нас течением привалило на косу, что за горлом в самой бухте. Это, конечно, нестрашно, при полной воде сойти можно. Мы шибко-то и не расстроились.

— Будем сниматься при полной воде, — сказал он, — а сейчас спать.

Это было часов в восемь вечера, полная вода часа в два ночи. В это время мы проснулись и пробовали сойти с мели. Но что-то никак, полный вперед, полный назад, судно как прилипло к косе. А вода на глазах спадает, еще больше осыхаем, ждать следующей полной воды, следующей ночи надо. Но он не захотел еще сутки лежать на косе, впрочем, это было небезопасно, потому что косу то размывает, то намывает. Могло и песком замыть сейнер.

— Будем сниматься лебедкой, — сказал он, —пока течение прет. Заведем якорь на тот берег горла, стяжной трос к нему и лебедкой. Иначе приливное течение замоет.

Решение грамотное и единственное, ждать нельзя. Ночь, ветер, дождь, за полоской берега и бухты стонет море. Мы с Гришкой отклепали якорь, положили его в шлюпку, прикрепили к нему стяжной трос, он длинный, в полкилометра. Все приготовили, я сел на весла. Гришкины обязанности — стравливать трос. И только хотел я отходить, как Шаймардан:

— Гриша, брысь! Я сам.

Он сам сел на корму, набрал на колени несколько шлагов. Я гребу, он кидает витки за борт. С судна нас освещают прожектором. Вдруг шлюпку закрутило, вокруг нее закипели пенистые бурлящие барашки — это такое сильное отливное течение, — и шлюпку подхватило и понесло.

— Греби! — Он судорожно кидает шлаги троса за корму.

Я так гребу, что глаза лезут на лоб...

Но где там! Трос вот-вот кончится, тогда рванет якорь, а он сломает шлюпку. Шаймардан кинулся к якорю, он весит сто пятьдесят килограммов, и швырнул за борт. Не успели, как говорится, моргнуть, как один гребень бухнулся в шлюпку и мы по пояс в воде, зависает другой... шлюпка на склоне волны встает на дыбы.

— Греби-и-и! Ха-ха, ха-ха!

Но я бросил весла и судорожно срываю сапоги...

— Ха-ха, ха-ха!

Мы выровняли шлюпку, поставили против волны, нас унесло в море. На другой день подобрал нас РС «Громобой» из колхоза Ленина. И курить хотелось, и пить, и окоченели, но дело не в этом. Вот этот пиковый момент,

когда надо было грести, чтоб поставить шлюпку против волны, я бросил весла и срывал свои сапоги — я спасал самого себя, свою шкуру. А он, «ха-ха, ха-ха». Теперь, когда я читаю в книгах, что, мол, в страшные моменты, когда дело связано с жизнью, люди делают общее дело, спасают друг друга. В кино подобное приходится видеть, но я не верю в это — в тот страшный момент я думал о себе, о своей жизни. Вот так вот...

— Я, Чиф, не могу сидеть на одном месте, — часто говорил Шаймардан, — никак не могу.

После каждой путины осенью он исчезал, не заботясь ни об отпусках, ни о трудовом непрерывном стаже. Весной, когда флот готовился к выходу в море, появлялся. И обязательно на другой год в другом колхозе, на обоих побережьях Камчатки его знали и... И везде он был желанный. Потому что планы перевыполнял, председатели ссорились из-за него. Появлялся в колхозах он обычно с опозданием, ему давали самый плохой сейнер, никому не нужный — ведь это не только в нашем колхозе, что вот Джеламан уже десять лет работает на «018-м» или другие капитаны всю жизнь на одном, смотрят за судном, ухаживают, ремонтируют, сейнер становится для них как бы своим собственным, это естественно, а те сейнера, что были без команд и капитанов самые плохие, — и готовил к путине. Обычно он приезжал со своим механиком и даже матросами, это были, конечно, его единомышленники. Мастера в рыбацком деле, конечно, высшего класса — ведь Ваню Дикура и Гришку-шлюпочника он из нашего колхоза утащил с собой в колхоз Ленина, кстати, — они сами все налаживали, сами готовили промвооружение, шили тралы, кошельки и снюрревода. Понятно, что все это на высшем уровне, потому что случайных людей он не брал себе, обрастал только асами. Выходили в море они иногда попозже других, но путину заканчивали если не первыми, то среди передовиков. Председатели пытались удерживать его в колхозах, все предоставляли, и жилье, и новые сейнера, но он был бродяга.

С ним было интересно работать, но хлопотно, а иногда и страшно. Он, пожалуй, не уступал джеламановскому Флибустьеру. Во всяком случае, по честности, тут он был даже сверхчестен и не терпел никакого лукавства. Помню, приемщик как-то, напрашиваясь на угощение — у нас на судне была водка, — что-то стал темнить: вот, мол, рыба передержанная, хотя рыба была только из воды. Он не выдержал:

— Дорогой! Вон бог, а вон порог.

Чичава пришел сам не свой, вытирал вспотевшее, разрумяненное лицо, словно после бани. Ни на кого не обращая внимания, молча ставил на стол картонные ящики. В таких вина только по двенадцать бутылок.

— Хуже гадости не достал. — Он вытаскивал и ставил на стол бутылки «Каберне». — У председателя сельсовета был, у директора рыбкоопа был, всем показал телеграммы, что сын народился. Да и у директора комбината был, потому что от него зависело, он тоже командует винными заначками. И даже в милиции был.

— А в милиции-то зачем?

— А что временно наш флот приписан к Олюгорскому району и получает снабжение в рыбкоопе этого района.

— Ты смотри.

— И дали только вот этой гадости, — продолжал Чичава. — Ну, давайте, мужики, вспрыснем моего Пашку.

— Парень все-таки!

— А Инженер разве вам не сказал?

— Сказал, сказал. — И Шура-Мамлюк прыжком кинулся в Шуры Бекерева заведение.

Зашел Джеламан с книгой, обнял Чичаву за плечи.

— Парень все-таки!

— Ну. — Чичава был неузнаваем, и этого не опишешь.

Он открывает бутылки, а сам не знает, зачем их открывает. Он делает все механически. И ребята притихли, у каждого, конечно, было что-то подобное.

— А все не понимают меня, — продолжал Чичава, — говорю же им, что у меня сын, а они улыбаются, поздравляют, а дали вот это...

— Сойдет.

— Значит, Пашка!

— Деда так звали, кавалер всех орденов Славы. Ну, давайте?

— Да погоди ты, Шурики сейчас на стол накроют.

— Ах, да...

Сидим. Пьем. Едим. Разговоры всякие и разные. Путаные, но слова в этих разговорах хорошие, хоть и не всегда четко связанные в предложения. «Пашка... Паш-

ка...» — часто повторяется. Таких хороших, счастливых, мечтательных разговоров за этим столом, кажется, еще не было у нас...

— Твой Пашка тоже рыбаком будет? — спросил Шура-Мамлюк.

— Кем будет, тем и будет, — ответил Чичава, настраивая гитару. — Я его насиловать не буду, пусть будет кем захочет.

— Только не рыбаком, — выдохнул Коля. — Пусть будет нормальным береговым человеком, нормально будет спать, ходить в кино, есть яблоки, помидоры, Будет видеть, как растет трава, цветут сады. А не как мы, — за полгода только море да небо и видишь. И рыбу. Заметы да подъемы. Не пускай его, Чичава, на море. Пусть лучше будет токарем, шофером, учителем, футболистом, но не нашим карлой.

— Это смотря на кого выучится, — вмешался Шура-Мамлюк.

— Эх, ребята, все это чешуя, о чем вы толкуете, — вмешался Джеламан. — Токари, слесари, футболисты, рыбаки, учителя. Никто не знает, кем Пашка будет, и Пашка ничего не узнает и не поймет, кем он станет и почему. Почему он станет токарем, рыбаком или футболистом. И куда бы Чичава с Тоней, как родители, ни направляли Пашку, на кого бы ни учили, Пашка будет тем, кем судьба захочет.

— Это что, командир? Мистика?

— Не знаю, мужики, что это, мистика или не мистика, — Джеламан поднялся со своего места, стал расхаживать со стаканом чая. — Я вот смотрю на свою жизнь и ничего не могу понять. Ну, хорошо, пусть я ошибся, когда мне было пятнадцать лет и мой старший брат Васька взял к себе на траулер матросом второго класса. И вот уже двадцать пять лет я не могу уйти с палубы. Я знаю, что есть другая жизнь, береговая. Она лучше нашей, там я буду есть свежие огурцы и яблоки, буду видеть, как растет трава и цветут сады, я с женой буду ходить в кино и по гостям, я буду воспитывать своих малышек. Буду спать не на качающейся постели и работать семь часов в день. Но я уже двадцать пять лет не могу уйти с палубы, я живу жизнью, которую я не люблю, я не вижу даже, как растут мои Наташка и Оксанка. Уходил в море, Оксанка была в пеленках, пришел — уже девочка бегает по квартире с бантиком. Кто

заставляет меня жить на этом плавающем корыте, почему я его не могу бросить? Кто на всю жизнь приколдовал меня к этой рогатой баранке, — проходя мимо рулевого колеса, Джеламан толкнул его, — и я кручу ее уже двадцать пять лет. Но ведь я мог бы работать на берегу по любой специальности, по какой захотел бы, даже институт закончить не проблема. У меня есть квартира удобная, машина тоже не проблема. Рыбу я бы мог ловить удочкой. Я бы мог жить удобно, уютно, выгодно, спокойно. Но, как только начинает припекать весеннее солнышко, еще снег не сошел и не появилась травка на пригорках, я ухожу в море. И до ноября, когда от морозов трескается земля. Заметы, траления, штормы, дожди, качки, швартовки, аварии. Зачем мне это? Бессонные ночи, усталость, нервотрепка... Я бы мог спокойно стоять у станка семь часов, потом бы шел домой, прогуливался бы с Оксанкой, со Светкой. На выходные бы ездил на рыбалку... Костерок, уха. Но я не могу. А разве я знаю, почему я не могу? Разве я знаю, почему я рыбак? И кто знает, кем будет Пашка, какую баранку с рогами он будет крутить и кто его заставит выбирать эту баранку? Тоня или Чичава? Ерунда. Единственное, что могут Тоня с Чичавой делать, это вот нянчить Пашку, кстати, это будет делать Тоня, потому что Чичава будет в морях. Учить и за учебой будет следить тоже Тоня. А остальное, после пятнадцати лет, никто не знает и не узнает Пашкиной дороги.

— На двадцать лет примерно, командир, дети к нам приходят, — заметил Коля, — затем уходят... Крутить свои баранки.

— Примерно так. Отклонения, конечно, есть, но в основном на двадцать лет дети к родителям приходят. Но дело не в этом, мужики...

— Чтоб человеком был, — вмешался Шура-Мамлюк.

— Ты, Шурочка, конечно, гениален, — ответил ему Джеламан, — но об этом уже Пашка знает. А дело в том, мужики, что Пашка есть!

— И это факт, — вдруг все время молчавший, сказал Шура Бекерев, он у нас всегда молчит, только улыбается.

— Гениально!

Естественно, из Пахачи мы выскочили, как только плохая погода пошла на убыль, не стали ждать капитан-

ского часа, когда дадут «добро» на выход, а потемну. Пошли поиском на юг вдоль западного берега и тут же, возле Крещенного огнем, напали на косяк. Хороший по величине, Джеламан сбил его в одну кучу и закрутил и обловил нормально, хоть погода была еще плохая, зыбистые волны и судно откидывали от косяка, и сам косяк неясно обозначался из-за пены. Конечно же, на палубе была акробатика, во-первых, стоять трудно и брать надо «под зыбок», пользоваться моментом, ослабла снасть или весь невод, — тащи, а стала набиваться — крепи, чтоб из рук не утащило, иногда даже давая слабину, чтоб совсем не порвало. Такая работа и напряжения от человека требует повышенного, и затягивает саму работу, иногда очень продолжительно идут эти «танцы» перед неводом. Но все шло нормально, если учесть погоду. И вот добрались до сливной — мама родная! В каждой ячее сидит маленькая селедина, иногда до половины корпуса влезла — на молодь зафинтилили. Ну теперь «пошла писать губерния», эту шубу трясти, освобождать от рыбок дель невода, до вечера теперь хватит. Это же всю сливную трясти, как одеяло от пыли.

И настроение сразу упало. Носы повесили и замолчали, теперь «морду клином и шуруй», другого выхода не придумаешь.

И вот что удивительно, когда Джеламан вызвал «на провод» Сигая, тот тоже еще потемну выскочил в море, еще раньше нас, и Сигай сообщил, что у него не только сливная, но и все десять литеров забиты этой вот малышней, нам полегчало. Нет, не от того, что «пусть и у соседа хата горит», а что нам еще повезло, у нас маленький косяк, только сливную забил, нам еще можно жить, а вот Сигаю... Сигая Нептун наказал, подсунул ему не косячок, а косячище.

Когда рыба так объячеит весь невод, это очень опасно. В прошлые годы с одним океанским сейнером — РС — произошел несчастный случай. Им попалась «пестрая», то есть с крупной рыбой была и молодь. И молодь, естественно, объячеила невод, и они не стали ее выколачивать из невода, а навалили его исполинской кучей на площадку, спешили на сдачу, после, мол, выколотим, когда будет свободное время. Пришли на сдачу, выгрузили из трюмов и стали отходить от причала. И только швартовые концы отдали, стали переворачиваться. Жертв

не было, всех спасли, у причала все произошло, а если бы в море? На одном сейнере тоже была пестрая, и она объячеила невод, а вся остальная масса, потому что смены воды нет, стала задыхаться, рыбки поумирали и стали тонуть, всей массой, что было их в неводе, и потащили за собой сейнер. Пришлось невод обрубить, и хорошо, что успели обрубить. Это было в шестидесятые годы. Была комиссия по разбору этого случая, затем собирали всех капитанов по этому случаю, я сам был на этом совещании. Малякин, Герой Соцтруда, капитан «Варосьмы», внес тогда предложение: каждому матросу иметь еще топор, кроме ножа — нож рыбак должен иметь всегда при себе на рабочем месте, это инструмент. Предложение было принято и вписано в рабочие инструкции.

Сигай, конечно, сразу, как только понял, что невод объячеен, выпустил рыбу. «Шуба» вот теперь у него по всему неводу осталась. Когда Джеламан спросил, как у него идут дела, он ответил: «В час по чайной ложке». — «Дня на два выколачивать?» — спросил Джеламан. «Больше, Вовчик, больше», — вздохнул Сигай.

По флоту успехов почти не было, редко кто заметал хорошую, у многих была молодь. Наверное, за эти штормовые дни с океана подвалила на жированье.

Итак, с этой «шубой» мы возились почти сутки... возня — руки отваливались, хорошо, что погода улеглась, впрочем, как и налетела, — почти сразу. Уже к обеду тихо сияло солнышко и зыби были ласковые, смеялись, переливаясь под солнцем, будто извинялись за трехдневное бушеванье.

За полночь разделались, приготовили невод к замету и опять делали замет. И — опять мелочь. Правда, не сплошная, но с 40 процентами молоди, база не брала. Как не спешили поскорее ее выпустить, все равно позабивалось прилично. Меньше, правда, чем в прошлый раз, но все равно опять запряглись, опять «вашим-нашим» — это такая поговорка есть у пильщиков бревен на доски, один внизу, другой вверху и «вашим-нашим», только там летят опилки, или, когда трясут одеяла, пыль летит, а тут рыбки. Мертвые, с израненными тельцами. А какая наполовину в ячее, никак вылетать не хочет, с психости как рванешь дель, полетели за борт две половинки от рыбешки... и теперь они уже никогда не склеятся, эти половинки, и рыба не будет плавать. Кровь летит и обрывки рыбин и на лицо попадают. Отплевыва-

емся. А чайкам раздолье, а чайкам приволье! Они тучами над нами и над водой с веселым криком «а-а-а» вьются, и к воде за рыбкой кидаются, но в основном на лету ее хватают, как говорится, «в рот подаем им». Чего же тут не радоваться. И сивучи тут же с легким шумком семействами — по три, по четыре — прохаживаются под бортом, хватают рыбок. Они уже наелись, но все равно никак с нами расстаться не могут, возьмет рыбку в самые передние зубы или, точнее, в губы, потому что есть ее не собирается, и плывет с ней, держа морду над водой. Потом выплюнет, иногда кивая головой и раскрывая рот, начнет кидать ее поближе к горлу. Пожует и выплюнет. Чайки же, наглотавшись, тяжелеют, садятся на воду, прихорашиваются, хохлят затылки, втягивая шеи, кладут носы на твердые зобы и закрывают бледные пленки-веки.

— А сколько, мужики, ее было бы, если она подросла? — четко и редко, словно диктант диктует, говорит Чичава.

— Ну, сколько? — задумался Шура-Мамлюк. — В пять-шесть раз больше, чем этой...

— Теперь уже не подрастет, — грустно сказал Коля.

— Если ей не даем вырасти, как же она подрастет, — сказал Чиф, — мы не рыбаки, а мясники.

— Живодеры мы, — это Коля добавил. — Чего там скромничать.

— А план? — крикнул Мамлюк.

Опять замолчали. Опять «вашим-нашим», прыскают рыбьи рваные тельца в воздух к чайкам. А чайки прямо как свои, будто голуби или цыплята, когда им кидают зерна или какую-нибудь кашу. Молчим. Казалось, должно бы быть стыдно за такое обращение с рыбой, но мы, наверно, очерствели душами, невод-то от рыбы чистить надо. Таков наш удел как рыбаков, делать вот такую бессовестную работу, уничтожать маленьких рыбок. А ведь нам жалко рыбок, поэтому мы и молчим, молча делаем грязное дело. Хлебороб, наверно, когда ему приходится топтать зерно или плохо как-нибудь с ним обращаться. от чего оно гибнет, тоже молчит. Какое тут веселье?

Мне опять вспомнились шестидесятые годы, когда ее было очень много, сейчас вот 20 процентов молоди должно быть, а тогда 5 процентов. Пять маленьких на сотню — рыбонасос под борт и отвози, выливай в море.

Хоть мы и приспосабливались и косяки не все облавливали, а только «откалывали» от косяка сколько тебе нужно, хоть и тоже выпускали. Но сколько же мы ее гробили! Как и сейчас вот. А ведь если подумать — даже не имея в голове много извилин, — то ведь пять рыбок и обработчицы могли откинуть, или бы пускать их в консервы и прессеровку. Так нет же! За борт! Вкусовое же качество и жирность одинаковые, что у большой рыбины, что у маленькой. На фосфор, какой это косяк, маленькой или большой рыбы, не определишь, эхолот и фиш-лупа тоже не определяют, они только показывают, что это рыба, а какая она? Они могут и поле медузы обнаружить, и рыбаки думают, что это рыба, а метнут невод, станут выбирать, а это медуза.

А что если бы у зерна были какие-нибудь приемочные стандарты, как у нас вот. Ну, было бы пять зернышек меньше, чем другие девяносто пять, и все зерно... в яму бы, например, которую бы мог в поле вырыть бульдозер, или сжечь. Из чего бы пекли булки?

— То ли еще будет, — улюлюкал Мамлюк.

— Не каркай, — цыкнул на него Чиф.

— Чиф, — обратился Коля к Витьке, — может, чайнем?

— Годится. — И Чиф лихо тряхнул себе под ноги виток грузил.

Слово «нормально» можно встретить чаще всего у моряков, потому что у них оно родилось, когда какое-нибудь дело сделано отлично или сверхотлично, то моряки говорят «нормально».

При нормальной работе будет и нормальное настроение, и вот если я вспомню какие-нибудь свои работы, то хорошее настроение у людей тогда, когда идет хорошо работа, причем общая, когда ты зависишь от товарища и твой товарищ зависит от тебя. Вот хоть у вальцовщиков, когда четыре человека, два старших и два подручных, следят, направляют, кантуют раскаленную добела заготовку. Направляют ее в прокатные вальцы, где придается ей нужная форма. Там акробатика, напряжение предельное иногда, потому что она носится по каткам быстро, и очень быстро остывает и твердеет, и надо успеть. И как в атаке... и все зависит от каждого. И когда все идет «нормально», то прямо сладкое настроение, так и хочется раздуть грудь от достоинства и сказать: «Вот мы

какие». А уж на нашей палубе пахота самая разная: и тащить, и узлы вязать, и резать и... да мало ли чего? Особенно когда облавливаешь рыбу, и все непредвиденно, все соображать надо. И тут тоже главное — помощь тому, кто стоит рядом, а он или другой тебе помогают, за твоими движениями следят, твою работу страхуют и контролируют. И получается такая слаженность, такой задор, такие у человека выявляются способности и таланты, что прямо получается все нормально. Не зря же когда-то в Атлантике Иван Павлович, глядя, как ребята в штормище акробатничают на палубе с сетями, не выдержал:

— Ай да бесы! Ай да молодцы!

И был прав. Мы прекрасно знаем, что жизнь устроена органично — все в ней есть. Красота есть в человеческом теле, в человеческой душе, в произведении природы и искусства, значит, она есть и в работе. Кстати, в работе же, в этой красоте виден характер человека.

Вот Чиф. Он делает свою работу небрежно и будто нехотя, как будто «шаляй-валяй», но когда присмотришься — у него все точно, сто раз рассчитано и примерено, экономно и быстро, — то любуешься его работой. Красиво. У него даже карабины, которые он не глядя кидает за борт, делают одинаковое количество оборотов. А когда он царем прохаживается мимо свистящих за борт веревок и всяких штук, чем оснащены низы невода, даже страшно смотреть.

— Чиф! За борт унесет.

— Еще ни разу не унесло.

Шура-Мамлюк весь похож на пружину, только эта «пружина» мягкая, «телесная», он всегда спешит. Ну, он еще молодой, чуть больше двадцати ему, хотя это, может, и не оправдывает его торопливость. Как и у всякого молодого матроса, у него пронзительная любовь к судну, к морю. Джеламан или Витька Чиф для него боги. На палубе он работает как ковбой, что на скаку догоняет бычка, прыгает на него с лошади и связывает веревкой, он еще за своим заведованием — у него по инструкции носовая половина судна, смотрит как... Все механизмы у него ухожены, концы уложены ровно и красиво, брашпиль, лебедки, вьюшки зачехлены — пальчики оближешь.

Главное в нашей жизни, что при работе у нас нет скидки на должности и чины, все говорится прямо, как

есть, обсуждается честно. Если сказал — отвечаешь за свои слова, делом, конечно, а если старший по чину сказал тебе что-нибудь, то это для тебя закон. Прав ли он, не прав, этот старший, тебя это не касается. И неподчинение старшему исключается, хотя старший — вот тут-то и парадокс, вот тут-то и собака зарыта — никогда тобой не командует. Вон Витька Чиф заправляет всей работой на палубе, даже шире возьмем, всей работой на судне. Но он никому ничего не указывает и не приказывает. Балагурит будто бы и все пререкается с Мамлюком и Чичавой да кидает карабины. Но если кто-нибудь из нас ослушается его, то он просто удивится, точнее, если кто-нибудь из нас сделает не так как он хочет, не по-Виткиному.

Молодые матросы, когда попадают в команду сейнера, где все «нормально», многого не понимают и путаются. Их учат, иногда не совсем нежно, но если он, этот матрос вздумает обсуждать приказ старшего — на самом деле оброненные между делом слова, будто бы и незначительные, — то ему, может, и простят один раз. Но во второй раз не простят. А если этот молодой еще вздумает показать свое самолюбие или как-нибудь выделить свое «я», то ни ругать ни воспитывать его не будут, а просто скажут: «Прошу». И укажут рукой с судна, ну хоть в направлении отдела кадров. Без всякого размазывания манной каши на чистом столе. Тут воспитывают традиции, а не команда.

Уж две недели гоняем мы молодь, трясем кошелек, кормим чаек и моржей. Базы простаивают, Галиманс нервничает, кричит на капитанов, что не делают заметов, не ищут хорошую рыбу, не подают сырец. И дал разрешение брать рыбу с тридцатью процентами молоди.

И вот нам попался косяк с тридцатью процентами и работа опять пошла нормально. В последние дни плоховато у нас было, начали нервничать, а Джеламан вообще замкнулся в себя и не выходил из рубки. А сейчас настроение пошло вверх. Погода же в те дни, когда мы целыми днями «вашим-нашим» совершали, доводя до обжорства чаек и сивучей, прекраснейшая была, море с небом прямо радовались друг другу. Косяк этот обловили, конечно, умело, залили трюм и палубу и идем на сдачу к «Земле Кольской».

— Может, она и установится, рыбалка эта, — сказал

Чиф, когда мы чаевали в рубке, — середина путины уже, а толковой рыбы и нету.

— Не верю я, Витя, что-то в нынешнюю путину, — сказал Коля, — добра не будет.

Мы сидели в рубке, потому что палуба залита рыбой, а нераздернутый каплер лежал на трюме.

— Рыбачить не хочется, — сказал Чиф, — ненормально все.

Когда я проснулся, стояли под бортом «Земли Кольской». Была ночь, борт базы черный и высокий, сейнер в темноте. На мачтах базы где-то высоко-высоко горели яркие прожекторы, далеко мерцало под луной море свинцовыми бликами. Подошла наша очередь на сдачу. Проснулся я с тяжелым настроением, хотя шло все будто бы хорошо, сдадим улов и, возможно за ночь, еще найдем косячок.

Вдруг Джеламан поспешно вышел из рубки, накидал рыбок на безрыбное место на палубе, стал считать. У меня сердце упало, к нему стали стекаться ребята, уже одетые по-рабочему, они в разных местах палубы возились, готовя всякие мелочи для сдачи.

— Иваныч, в чем дело? — спросил Чиф, в его голосе слышалась тревога.

— Наелись, — сказал Джеламан, вставая с корточек. — Не берут.

— Как так? Какой же сейчас допуск?

— Опять двадцать.

— Так зачем же они заставили нас ловить?

— Ну-ка, ну-ка, не берут, да? — подлетел Мамлюк. — А нам как же?

— Г-ха! Как же. Да за борт, как же.

— Да ты чо, Чиф?

— А ничо, вот чо!..

— Они не успевают обрабатывать хорошую. Наелись, — сказал Джеламан.

— Дак это чо?

— Они не успевают обрабатывать хорошую рыбу, им навезли хорошей, — спокойно повторил Джеламан, — а нашу не берут.

— Да это ж, да это ж, — кипятился Мамлюк, — да что же это такое? Это же они гады.

— Сегодня почти все с рыбой, — вздохнул Джеламан и пошел в рубку, отряхивая от чешуи руки.

— Их расстрелять надо. Инженер, — подлетел ко мне Мамлюк, — давай пиши в газету, чтоб их с работы поснимали. Они ж оборзели.

— А может, и правда об этом бы написать?

— А что толку, — сказал Чичава, — статья выйдет через месяц, а рыбу сейчас выкидывать.

— Да это преступление. А Галиманс что говорил, он же нам разрешил такую рыбу ловить, — не утихал Шура-Мамлюк. — Он же давал указание.

— У них некуда брать хорошую рыбу, — повернулся к нему Чиф. — Иваныч же объяснил.

— А мы что? Мы что? Карлы?

— А кто ж ты, как не карла, — сказал Верещков.

— Инженер, обязательно напиши.

— Не суетитесь, мужики, — серьезно, что у него бывает очень редко или почти не бывает, сказал Чиф. — Раз дано указание брать рыбу определенного стандарта, ничего не сделаешь. Хоть к министру обращайся. Устройство этого велосипеда я знаю, изучил за свою жизнь. Иваныч, — крикнул он Джеламану, — отходить?

Джеламан высунулся из окна рубки, молча кивнул.

— Стоко рыбы, рыбы стоко-о-о! — кричал Шура-Мамлюк. — За борт!

— Володя, — обратился Верещков к Джеламану, — а что говорит Галиманс?

— У него радиограммы из Камчатрыбпрома, у него за кормою все чисто.

— Обставился буйками...

— А он при чем, если поступило указание свыше.

— Хорош базарить, — сказал, морщась, Чиф, — поехали.

Мне вспомнились шестидесятые годы... то же самое, и горько и обидно становится за наши порядки, так и встали перед глазами заваленные береговые пески гниющей рыбой в Лавровой, в Пахаче, в Апуке... и почему это так? Рыбу не считаем за рыбу. Будто ее у нас — не сосчитать! Да пусть и много, но зачем же уничтожать ее?

С отгрузкой рыбы в море управились, собрались в рубке, перекуриваем. К замету все, конечно, готово, судно с обоими трюмами и со всеми шхерами вымыто и вычищено. Джеламан колдует над картой, молчаливый и тихий. Мы ждем, что он скажет, что нам делать дальше.

Вдруг из рации голос Сигая, он вызывал нас на связь.
— Как дела, Вовчик? Нептуну рыбку подарил?
— Ему.
— И что же ты думаешь делать дальше?
— Да что, Владимир Иванович, тут поделаешь. Наверное, смотаю удочки. А ты?
— Уже.
— А вот как на нас посмотрит начальство?
— Они же нам не отцы родные.
— Я тоже так думаю.
— Обнимаю, до связи.
— Взаимно.

Джеламан повесил микрофон на место, опять к карте.
— А нам что делать, Иваныч? — спросил Чиф.
— Спать, — поднял брови Джеламан, — спать, Витя, спать.

И запел песню своего друга Флибустьера. Потихоньку, но внушительно.

Входим в Лаврово — боже мой! Мертвый город.

В эту бухту я попал двадцать пять лет назад, когда с дядей Федей рыбачили, она была почти пустынна, строительство только начиналось. Потом постоянно бывал и со Страхом, и с Ваней Аркашиным, и с Шаймарданом вплоть до закрытия ее, до запрета ловли сельди.

Бухта эта редкостная и знаменитая своими природными данными. Она окружена со всех сторон высоченными скалами, следовательно, защищена от всяких непогод, площадь долины, что обнесена горами, такая большая, что здесь город построили. По долине бегут речушки и ручьи. Много березовых рощ, зарослей кедрача, рябины и всякой всячины. Необыкновенна она еще тем, что может вместить весь камчатский флот. Уступает только Аваче, где расположен Петропавловск. Вода здесь берется судами прямо со скалы, откуда летят потоки родниковой воды. Очень удобно, и этим ценится бухта: флот бункируется здесь пресной водой.

И вот, как только открыли олюторскую селедку, навалилось на нее три рыбацких флотилии и управление этих флотов стало строить свои базы. Людей своих и по оргнаборам привезли десятки тысяч всех специальностей. И вот за какие-то два-три года вырос городок со стандартными, камчатских проектов, одноэтажными и двухэтажными домами, кочегарками, больницами, аптеками,

магазинами. Словом, со всеми учреждениями, что нужны для жизни людей в городе. И конечно же, причалы, склады, мастерские, рыбцехи, холодильники. Поселок назвали «Дружный».

Была рыба. Много было рыбы. И был богатый и красивый город и порт.

Но через шесть-семь лет рыбу вычерпали, работы у людей не стало, и они уехали. А городок остался. Директора комбинатов и председатели колхозов увезли, конечно, все оборудование баз, и вообще все, что можно увезти. Но ведь рыбцехи и дома не увезешь, причалы и склады не разломаешь и не погрузишь на пароходы. Не увезешь и сараи, заборы, огороды. И город умер. За двадцать лет камчатские пурги, дожди и ветры разломали крыши на домах, подняли их на рыбцехах, стены у рыбцехов покосились. Кругом бурьяны, помойки, свалки металлолома, разломанные причалы, заросшие травой дороги и тропинки, мхи и лишайники на досках. В общем, городок стал похож на кладбище. Запущенно и заброшенно. Все пустынно до жути.

— Много потеряешь, — сказал мне Витька Чиф, — первый пар пропадает.
— По новой раскочегарю.
— Ну, раз так.

Все наши парни слаженной толпой, как это, между прочим, и всегда, если где-нибудь сходим на берег, подались в баньку к метеорологам, про которую по флоту ходила хорошая слава. Многие сейнера уже здесь были, парились у них.

Я с ребятами не пошел, мне захотелось побродить по знакомым — ведь что-то родное осталось, кусочек жизни моей тут прошел, и труд, и душевные переживания связаны со всеми этими, разломанными теперь, причалами, рыбцехами, домами и улицами. Хоть я и представлял все это, в Пахаче насмотрелся, но все же...

Это прекрасная и приветливая бухта по-матерински принимала и Атласовых, и коряков с чукчами, и дикарей, как и наши три дальневосточных рыболовных флота приняла четверть века назад и тысячи обработчиков.

Сейчас бухта Лаврова мертва. Есть только остатки дел человеческих. Наших, рыбацких, дел и дел рыбообработчиков.

А может, придут сюда через десятки лет новые люди

добывать уголь, или нефть, или еще что-то, чем богата природа, богата эта бухта. Все выгребут, как мы в свое время, и уедут! А если взять всю землю, все ее богатства, что в морях плавают, на земле растут, под землей находятся, и люди все эти богатства вычерпают, куда тогда? Куда бежать? На Марс? На Венеру?

Нам, нашим праправнукам оставаться на этой земле. А что они будут ловить, что они будут добывать из земли?

Но мы о них не думаем. Мы думаем только о себе, «а после нас хоть две лужи». Ведь рыбу мы ловим хуже дикарей, в том смысле, что они не всех мамонтов убивали, а оставляли на развод. Если же взять рыбу, то мы не оставляем, по этой причине вот здесь, в Тихоокеанском бассейне, нет уже алеутского окуня, явинской камбалы, жупановской — и скоро не будет и охотоморской — сельди. Нету иваси, престипомы, угольной. Такая же, наверно, процедура происходит и с углем, с нефтью, с лесом... О чем мы думаем и как мы живем? На кого мы похожи?

Сам человек, физическая его форма — одно поколение сменяет другое, одни люди уходят, другие приходят — на земле вечен. Вечны и его потребности, и желания. Но вечны ли богатства Земли, если их бездумно «форшмачить», не оставляя на развод, как мы поступаем с рыбой?

Если бы мы двадцать пять лет назад придерживались бы определенного баланса, не рубили бы под корень, то «Дружный» и сейчас бы благоухал. Были бы клумбы с цветами, в сквериках играли бы дети, во Дворце культуры играла бы музыка. Кто-то бы собирался в турпоход, кто-то бы налаживал удочки в верховьях речушек и ручьев ловить форель и гольца.

Ведь это так просто, знать и понимать это явление, оно же на глазах происходит. Вот сейчас мы форшмачим молодь, и знают обо этом — и Галиманс Олег Исакович, и Камчатрыбпром, и Рыбакколхозсоюз, и хозяева Камчатки. Мы же ее отправляем к мамонтам. Коле, Чичаве, Джеламану ясно уже, что профессия рыбака скоро уйдет в воспоминания, как профессия загонщика мамонтов.

Вот с картошкой, с житом и ячменем, с яблоками и огурцами, помидорами и кукурузой, даже с той же рыбой в прудах научились обращаться. Сначала сеют, а потом жнут, сначала копают, затем плоды собирают.

Что думают наши хозяева, наши руководители, все

атаманы нашей жизни, которым доверен наш труд, наша жизнь, наша судьба? Судьба и жизнь людей всей нашей большой страны?

Наш Джеламан забастовал против этого форшмака, снялся с промысла и ушел мыться в баню к метеорологам. Галимансу он докладывает на капитанских часах, что находится в поиске, а Витька Чиф в судовом журнале пишет выдуманные координаты поисков, глубину и вообще всякую чушь.

А найдутся ли в нашей стране еще Джеламаны, у которых хоть сколько-то есть совести?!

Снова утюжим свинцовую рябь моря. На эхолоте ни единого проблеска.

— Ну, как дальше будем жить, Владимир Иваныч? — спросил Джеламан Сигая по рации.

— Стыдно про это говорить, Вовчик, — с грустной хрипотцой ответил Сигай.

— Лапки у меня совсем засушились.

— У меня, Вовчик, лебедка что-то совсем не крутится. Да и брашпиль барахлит.

— У меня, Владимир Иванович, оба якоря погнулись и мачта сдвинулась с места.

— Не говори... то же самое. Ну, до связи Вовчик.

— Обнимаю, Владимир Иванович.

И только Джеламан хотел водворить микрофон на свое штатное место, как раздирающе громко — рация на плавбазе «Земля Кольская» могучая — голос Галиманса:

— «Восемнадцатый», «восемнадцатый»! Прошу на связь.

— Слушаю вас внимательно, Олег Исакович.

— Уже две недели вы не дали ни одного хвоста, хотя рыба в море есть и допуск стандартов мы увеличили до тридцати процентов. На каждом капитанском часе вы докладываете, что или в аварийном замете находитесь или ремонтируетесь. Или в поиске. Я подозреваю элементарный саботаж.

— Вы обижаете меня, Олег Исакович, — подмигивает мне Джеламан, — были, конечно, аварии, но сейчас все нормально, нахожусь в поиске на траверзе бухты Лавровой.

— Но вы уже две недели в поиске.

— Да как заколдовало, Олег Исакович, ни одного косяка, хотя с мостика не схожу.

— «Двадцать второй», —позвал он Сигая, — ваша обстановка?

— «Земля Кольская», я «двадцать второй», — послышался голос Сигая. — Нахожусь в районе Южно-Глубокой, выбираю аварийный замет, была намотка на винт, обрубил, ремонта минимум на трое суток.

— «Тридцать четвертый», прошу на связь, — позвал он нашу тридцатьчетверку.

— На связи, — ответил Биджанов.

— Где находитесь и что делаете?

— Находимся в районе Лавровой, широта... долгота. Был аварийный замет, ремонтируемся. В судовых условиях ремонт произвести сложно. Прошу добро зайти в бухту Лаврова.

— Что? Что?

— В судовых условиях аварию устранить нельзя, Олег Исакович, была намотка на винт, винт освободить полностью не смогли, машина полные обороты не дает, заметы производить нельзя.

— Евгений Евгеньевич, пригласите к микрофону председателя колхоза Павленко.

— Слушаю вас внимательно, Олег Исакович, — отозвался Павленко.

— Что получается с вашим флотом, доложите мне реальную обстановку, пожалуйста?

— Флот находится на промысле, работает, все нормально.

— Какая там нормальность, если в течение двух недель ни одно ваше судно не подало сырец. У вас на «тридцать четвертом» ремонта надолго?

— Предсказать трудно, требуется осушка, вытаска на берег. Машина полные обороты не развивает.

— А «восемнадцатый»?

— Он ремонтирует невод.

— Да ничего он не ремонтирует, он даже не мочил невод, как я подозреваю. У него мачта с места сдвинулась и якоря погнулись.

— Ни про мачту, ни про якоря он мне, Олег Исакович, не докладывал.

— Вы не работаете. Все ваши сейнера.

— Мой флот работает. Но обстоятельства. «Восемнадцатый» никак не мог найти рыбу.

— Он не искал ее. Он в Лавровой в бане парился. И сейчас там, по всей вероятности, бездельничает.

— Об этом он мне не докладывал.

— Словом, не надо мне, Александр Петрович, пудрить мозги. Обстановка ясна. Весь флот нормально работает, а ваш — ни одной сдачи. Ставите под угрозу план...

— Олег Исакович, я дал радиограмму в Рыбакколхозсоюз на предмет плана, поскольку сельди нет, я прошу флот снять с добычи сельди и перевести на донные, на добычу камбалы.

— Почему не доложили?

— В связи с чрезвычайным положением на промысле.

— Какое чрезвычайное положение? Рыба есть, но вы ее не хотите брать.

— Я вас не понимаю.

— Пока флот с добычи сельди не снимали, и вы должны вести промысел.

— Делаем все возможное.

— Срочно выводите флот в рабочее состояние.

— А он выведен, ха-ха! — раздалась в эфире насмешливая реплика.

— Не мешайте работать, — раздраженно закричал Галиманс. — Хулиганство... Александр Петрович, повторяю приказ: подавайте сырец. Вы рыбак, в конце концов должны понимать.

— Вот именно, — вздохнул Павленко.

— Что вы хотите этим сказать?

— Что я рыбак. Только и всего.

— Но вы еще и руководитель предприятия. До связи. Ваш колхоз план выполнил только на пятнадцать процентов.

— Что ж, будем голодать...

— Ну это знаете ли... До связи!

— Всего наилучшего.

Этим разговор и кончился, мы все были в рубке, весь разговор слышали. Все было понятно, и было немного грустно. Грустно оттого, что рыбы нет. Оттого, что путина неудачная и что она заканчивается.

— Правильно, конечно, Павленко отмахнулся от Галиманса. Совсем оборзел со своим планом!

— В колхоз-то без пятаков придем, — вмешался Мамлюк, — только мечтали.

— На камбале отыграемся, — сказал Чиф.

Вечерело уже, погодка портилась, и уже закидывало верхушки волн на палубу.

— Так что будем делать, Иваныч? Раздеваться, да? — спросил Чиф Джеламана.

— Сейчас, парни, пока погодка не разыгралась, хватанем любой косячок на гостинчики в деревню — и в Южно-Глубокую растакелаживаться. Кошелек разоружим и приготовим на сдачу в склад, наладим палубу для работы снюрреводом, под камбалу.

— А как гостинцы в деревню брать, бочек-то у нас нету? Не запаслись в Пахаче.

— Кинем прямо в трюм, в Южно-Глубоком бочки должны быть. Там и засолим. А если бочек не достанем, в трюме прямо повезем. Пусть приходят и берут кому сколько надо, — сказал Чиф.

— Вообще правильно, — согласился Мамлюк, — пусть сами и будут в бочки укладывать. Со своими бочками и придут.

— Иваныч, — обратился Чиф к Джеламану, — а если Павленку заставят, чтоб флот ловил, а он нас заставит, а кошелек разобран. Тогда как?!

— Да кто меня заставит? — поморщился Джеламан. — Капитан я или не капитан? Пусть сейнер отбирают, но на грязное дело не пойду.

— Да и Павленко не захочет, чтоб мы душили молодь. Он же наш рыбак. И не дурнее паровоза, против ребят не пойдет. А Галиманс брешет, что кто-то ловит, никто не ловит.

— Павленку, конечно, могут заставить.

— Галиманса можно понять, — вмешался Коля Вересков, — базы простаивают, весь план Камчатки по селедке горит, тем, что на плавбазах, зарплату надо платить. Они же ехали заработать.

— Перебьются, — сказал Чиф.

— Галиманса могут погнать с работы за срыв плана.

— Не пропадет, — равнодушно бросил Джеламан.

— Он, конечно, таскать невод не будет, если его с работы снимут.

— Г-ха!

— А толпа на базах небось ноет. За длинным же рублем приехали, золотые горы им обещали.

— Проловные заплатят, дорога у них оплачена. Ныть, конечно, будут.

— Перебьются, — отрезал Чиф. — Они приехали и уедут. А что я в будущем году ловить буду?

— Чиф, позови Павленку, с места вставать не хочется, — сказал Джеламан, он удобно развалился в своем кресле. Витька вызвал «тридцать четвертый» и передал микрофон Джеламану.

— Так, Петрович, — начал Джеламан, — заканчиваю выборку, кстати, два раза ночью метал. Невод весь разодран и по нижней подборе и по центру, при выметке, видно, карабин попал в дель и раздербанил все напрочь. В судовых условиях ремонт произвести не могу, прошу «добро» зайти в Южно-Глубокую и на берегу отремонтироваться.

— Давай, Володя, у нас тоже или карабин, или скоба какая отлетела и попала в кошелек, тоже сплошные порывы. Тоже, наверно, в Южно-Глубокую пойдем.

— Ясно, понятно, — Джеламан улыбнулся, — до связи.

— До связи.

— «Тридцать четвертый», прошу на связь, — опять голос Галиманса.

— Слушаю вас внимательно, Олег Исакович!

— Подробно доложите карту обстановки, где ваши суда и чем занимаются?

— «Ноль четверка» в Лавровой воду берет, «двести семьдесят третий»... — Павленко докладывал про свой флот, видимо, Галимансу нужно было официальное подтверждение о работе колхозного флота.

— Ну, парни, падайте в робу, а то уже забыли, когда надевали ее.

— А в бочки, Иваныч, не надо, повезем прямо в трюме.

— Там видно будет.

— Так в бочке-то подарочек сделать приятнее.

— Хватит митинговать, — вмешался Джеламан. — Чиф, у тебя же запасные чехлы есть, от брашпиля, от лебедок и от кошелька брезент есть.

— О! В них и засолим.

— Ор-р-ригинально!

Вдруг слева по борту раздался вой сирены, мы вышли из рубки. «Двадцать второй», переваливаясь с волны на волну, шел параллельным курсом и приваливался к нашему борту. На палубе, уперев руки в бока, стоял улыбающийся Сигай, белая шевелюра трепалась по ветру.

— Сбавь ход, Вовчик, — крикнул он Джеламану.

— Владимир Иваныч!!!

Мы все еще ближе подошли к борту. «Двадцать второй» шел с нами нос в нос и все ближе валился к на-

шему борту, у них на палубе возле борта, точнее возле самых бочек, которые шеренгой были уставлены по борту и увязаны, стоял матрос с сеткой бутылок вина. Вся палуба у них вдоль бортов уставлена бочками. И вот «двадцать второй» уже чуть ли не прилипает к нашему борту, каких-то тридцать сантиметров осталось — ну и умелец у них на руле.

— Ваня, не хлопай ушами! — крикнул Сигай матросу, тому, что стоял с сеткой вина. Этот Ваня сначала попятился назад, потом попробовал залезть на бочки и опять назад. В общем, восьмерку описал.

— Да за оттяжку схватись, — не выдержал Витька Чиф, — иначе не залезешь.

Ваня послушался, перешел к оттяжке, залез на бочки и передал Чифу сетку с вином. А на руле у них, видно, мастер стоял, потому что, пока Ваня топтался возле оттяжки, то приближался к бочкам, то отступался назад, сейнера шли ровно на расстоянии двадцати сантиметров, и не стукнулись, и не разошлись — видно, старпом стоял на руле.

— Где достал? — спросил Джеламан.

— Еще в Пахаче, — сказал Сигай, — у двух моих матросиков дни рождения были.

— Значит, путину зачехлили? — спросил Джеламан.

— От и до, — сказал Сигай.

— А сейчас?

— Поближе к дому... где-нибудь медведей погоняем. Хоть в Ложных Вестях.

— Владимир Иваныч, — крикнул Чиф, — ты не из Южно-Глубокой ли?

— Конечно, оттуда, — улыбнулся Сигай, — раскидал кошелек.

Я глянул на рабочую площадку «двадцать второго», кошелек был уже без карабинов, и отдельно лежали закрепленные по-штормовому все концы от невода и всякие веревки, сам невод был укутан брезентом и закреплен. И вообще все на палубе было закреплено по-штормовому — Сигай уже готов к переходу домой.

— Бочкотара в Южно-Глубокой есть? — спросил Чиф.

— Кучи и горы.

— Ясно-понятно. А соль?

Сигай двинул плечами: зачем, мол, спрашиваешь? И улыбался, глядя на нас. И опять меня поразила его улыбка, что-то необыкновенное в ней, тихая и простая. И особенно глаза. Лучистые.

— Ну, рот фронт, Вовчик! — Сигай поднял руку.

Сейнер плавно отвалил от нашего борта. А он так и стоял, глядя на нас, пока не скрылся в предвечерней дымке.

— Ну и Сигай, — сказал Чиф, неся сетку вина. — Уже и кошелек растакелажил.

— Сигай есть Сигай!

Ну прямо и стоит он перед глазами, уперев руки в бока. И улыбается. Обволакивает тебя взглядом и силой чувства, исходящего из его глаз. Или вот в Петропавловске на Доске почета области он смотрит этими же лучистыми глазами. И в районе, в галерее передовиков. Смотрит тебе в душу, и от этого взгляда теплее становится.

Он стоял... его сейнер удалялся и наконец растаял в дымке светлого тумана.

Эх, Владимир Иваныч, Владимир Иваныч... После того как проводили его, качающегося от волн, — он не качался, сейнер качался, про него ходит по флоту поговорка: «Сигай не пьет, Сигай пригубляет» — и приняли от него сетку стекла, пошли искать рыбу на гостинчик в деревню. Но погода стала поддувать не по часам, а по минутам, к наступлению фосфора уже и на ногах не устоишь. И тут пошло-поехало, три раза пришлось метать невод. В первый замет попались спички, стыдно такую в подарки везти. Прямо сразу выпустили, но она успела все-таки немного объячеить невод, пришлось повозиться, закончили чистить невод и приготовили его к замету только далеко за полночь. И работа предельная настала, все трещит. Но разделались со всеми трудностями, с грехом пополам и наконец-то пошли во второй раз в поиск. На косяк наткнулись сразу, но медуза попалась. Целое поле медузы, полный невод, при волнении она тоже фосфоресцирует, а на ленте эхолота записывается сплошным черным пятном, думаешь, что большой косяк.

А погода уже очень плохая. И неизвестно, как оно дальше пойдет, поджилки затряслись, и мысленно мы ненавидели наших ивашкинских друзей.

— Вот что, — сказал Джеламан, собрав нас всех в рубке. — Кажется, не до смеха. Но рыбку мы должны взять. Любую. Ни позориться не будем, ни рыбацкую традицию нарушать. Это я сказал свое предложение. Но,

может, кто по-другому думает, может, не будем метать?
Мы молчали. А что тут скажешь? Прав Джеламан. Как людям в глаза смотреть, если они нас там ждут не дождутся — не из-за гостинцев, конечно, просто в поселке традиция, приходить всем на пирс, даже тем, у кого мужья и сыны не работают на море, когда ребята возвращаются с путины. Да и во Дворце небось уже идут хлопоты, и самодеятельность репетируется, и пироги пекутся, и столы сдвигаются, и Нептун готовит речь.
— Да что ж, Иваныч, — сказал Чиф, щурясь на ветер, — какие могут быть возражения. Осилим как-нибудь...
— Не впервой...
— Тогда, мужики, поехали.
Под утро, часу в пятом, нашли и обметали косячок, большой нам был не нужен, рыбка в нем оказалась средняя. Годилась... Но работать начали, выбирать невод уже с серьезным настроением, того и гляди какой-нибудь фокус-мокус получится.
Берем... все вроде идет нормально, если такую работу можно назвать нормальной, следим друг за другом, страхуем друг друга, не спешим, даже не слышно, чтоб кто-нибудь сказал «покурим» или «чайнем». Джеламан тоже накинул прорезиненную куртку, мечется от одного рабочего места к другому, то тому поможет, то другому. Микрофон от рации вынес на палубу и повесил на мачту. Особых новостей не слышно, из малых сейнеров в эту ночь никто замета не делал, только два РС отчаялись, но рыба у них поймалась с низкой сортностью. Малыши в основном еще с вечера разбежались по укрытиям.
И вдруг близкий, точнее — сильной громкости голос Сигая:
— «Восемнадцатый», прошу на связь.
— На связи, Владимир Иванович, — подошел Джеламан к микрофону.
— Вовчик, где находишься?
— Траверз Южно-Глубокой.
— Что делаешь?
— Да в замете.
— Ч-ч-черт! «Шестьдесят шестой», прошу на связь.
— На проводе, Иваныч, — отозвался Сашка Кнороз.
— Где находишься?
— Да здесь... тут, неподалеку от Лавровой.
— Сашка, подскочи к Ложным Вестям, возле маяка

вылетел на берег. На косу. Корма пока на плаву, успел с кормы якорь кинуть. Пока держусь, винтом работать нельзя.
— Понял, Иваныч, понял. Даю аварийный. Часика четыре подержись.
— Попробую... погода...
— Владимир Иваныч, я — «ноль четверка», прошу на связь, — закричал Миша Битков.
Джеламан сначала распрямился, глаза его обводили всех нас. Да и мы все как онемели, потом медленно стал садиться на кнехт и медленно стащил шапку. Мы все тоже побросали работу, поближе подошли к нему. Джеламан был как одеревеневший. Кроме «ноль четверки», только «шестьдесят шестой» из Апукинского колхоза спешил на спасение Сигая.
— Ой, ей-ей, — начал раскачиваться из стороны в сторону Джеламан. — Это ж ему крышка! Если ребята не успеют. Ой, ей-ей! Неужели пропадет?
Я еще ни разу за все пятнадцать лет, что знаю его, не видел его таким отрешенным.
— Ой, ей-ей, — раскачивался он, потом встрепенулся и бешеным криком, в глазах одна злость и предельное отвращение, а голос срывался на истеричность, заорал: — Чиф! Эту сетку с пузырями о борт и за борт. Сейчас! Немедленно! — Орал он. — Быстрее! Иначе расстреляю как врага народа!
— Да ты что, Иваныч, — бормотал перепуганный Витька, побрел в рубку, и из ее окна за борт мелькнула сетка с вином.
— Ой, ей-ей... — Джеламан обхватил голову.
— Все, Иваныч. — Витька тихо подошел к нам, присел рядом с Джеламаном и тоже стащил шапку. Свою шапку Джеламан перекидывал в руках, отрешенно смотрел в одну точку. Коля Вересков присел на краешек трюма, достал сигареты, у него взяли по сигарете Шурики, тоже присели. Чичава стоял, оперевшись спиной на лебедку. Все мы молчали.
— Я даже представляю, как это получилось, — продолжал Джеламан. — Шли они в Ложные Вести параллельным курсом к берегу. Мимо косы. Ветер и волна — на берег, возле маяка заход в бухту. Сигай, конечно, ушел отдыхать, оставил старпома, обстановка безопасная, вход в Ложные Вести безопасен, да еще маяк на косе. А старпом был, наверно, налит...

— Старпома надо повесить, — сказал Чиф.

— Или матроса оставил на руле, — продолжал Джеламан. — И когда обходили маяк с севера, врезались в косу. Тут волна, ветер на косу, там же сейчас такие дураки валят...

— Там сейчас колотит, — вставил Чиф, — место открытое. Скорее всего, Иваныч, старпом оставил кого-нибудь из Шуриков.

— А при чем тут Шурики? — возмутился Мамлюк.

— Да при том, что ночью расстояние скрадывается почти вдвое, — закричал Чиф, — и когда обходили маяк, не рассчитали!

— Да если у них шары залиты были, то хоть старпом, хоть Шурик мог не рассчитать расстояние, — четко и спокойно рассудил Чичава. — Без разницы.

— Да что с пьяных взять, — тихо сказал Коля.

— Теперь там ад творится, — вздохнул Витька.

— Там, Чиф, теперь не ад, — опять заорал Джеламан, — а сто адов! Это ж середина пролива, коса открытая, шторм на косу... Да там на них сейчас такие гусиные шеи валятся, что не представляю, как они еще держатся. Их же колотит о косу.

— А там и валуны есть, — вставил Чиф.

— Даже без валунов сейнер может разбить, — продолжал Джеламан. — С палубы у них все, конечно, выломало, наверное, кошелек вместе с площадкой сорвало. Хорошо, если трюмы не пострадали, если лючины не посрывало.

— У них все на палубе было по-штормовому.

— Наверно, и покалечило кого или смыло.

— Он же ничего не сказал.

— А что он тебе сейчас скажет?

— Сто раз прав Коля Карташов, — морщился Джеламан, — когда Осадчеву на переаттестации говорил, что ГАЗ-151 возит, а просто ГАЗ сбивает. Этот-то моль, что сетку передавал, на бочки не мог забраться.

— Восьмерки выписывал.

— Эх, Сигай, Сигай, светлая головушка. — Джеламан тоже закурил.

— Если через три-четыре часа Кнороз с Битковым не подскочат, сейнер погиб. Расколотит, — выдохнул Чиф.

— Если и не расколотит, — махнул рукой Джеламан, — и погода сразу не утихнет — замест песком. Сейнеру крышка!

— Ребят бы не побило, — сказал Коля.

— В семьдесят четвертом Серега канаву от кормы копал, — продолжал Чиф. — Ох, мы тогда и поуродовались, в три тяги тащили. Ты помнишь, Инженер?

— А чего ж я не помню.

— На третьи сутки только стянули. ...Серега тогда почернел.

— Почернеешь, — поднял брови Джеламан. Поднялся и устало подошел к микрофону, что висел на мачте. Снял его и, сматывая провод, побрел в рубку. А голос Галиманса в микрофоне перекрывал все голоса.

— При таком волнении ты, Владимир Иванович, ты не сможешь сойти самостоятельно, аварийный спасатель «Боец» посылаю, он выходит из Ильпыря, он там топливо брал.

— «Бойца», Олег Исакович, не надо, — спокойно, с хрипотцой отвечал Сигай. — Кнороз или Битков подадут ваера, придержат, чтобы меня не завалило и не кинуло баром на берег, и я под бары сам сойду.

— Сам ты не сойдешь, — настойчиво продолжал Галиманс, — получено штормовое предупреждение, шторм будет нарастать. Без спасателя нельзя, это гарантия...

— Можно, можно, Олег Исакович. Сойду.

— Конечно, Сигай не хочет спасателя, — сказал Витька Чиф, — тот такие деньги за спасение накрутит, что колхозу не рассчитаться.

— А Галиманс все-таки хочет спасателя, — вмешался Мамлюк.

— Так он же буйками загораживается, если Сигаю крышка, ему же отвечать.

— Не базарьте, — сказал Джеламан, входя в рубку, — послушаем, что дальше будет. Чиф, закрепите все веревки на неводе.

— А если разыграется, тогда взять-то не сможем.

— Ну и... с ним, — поморщился Джеламан и к Мамлюку: — Шура, тащи чаю.

— ...по судну все нормально, Олег Исакович, — доносился голос Сигая, — корма на плаву, машина в готовности.

— Винт?

— Проверить нельзя, машина заглушена.

— Течь?

— Течи тоже нет, все нормально.

— Г-ха! — усомнился Витька. — Так он тебе и ска-

жет, тогда у Сереги по всему днищу свистело, все матрацы затолкали под дизель, еле догребся до Ивашки, а в эфир докладывал, что тоже все нормально.

— «Двадцать второй», прошу связи, — позвал Джеламан Сигая, — я — «восемнадцатый».

— На проводе, Вовчик.

— Кошель?

— Все нормально, Вовчик...

— «Двадцать второй», я — «Земля Кольская», — перебил разговор Галиманс. — «Боец» идет, готовьте всевозможные средства для принятия буксиров.

— Да не нужен «Боец», Олег Исакович, не нужен. Я уже огоньки вижу: «ноль четверка» и «шестьдесят шестой» идут.

— Через пару часиков, Иваныч, подскочу. Держись, — закричал Кнороз, — иду на аварийных, ветер в корму, буи и ваера готовы.

— Как они будут подавать эти веревки с буями, — усомнился Коля, — ведь ничего не видно.

— По ветру, по ветру, — сказал Чиф, — а к буям привяжут хоть от спасательных кругов светящиеся буйки. Или от спасательных поясов лампочки с батарейками прицепят. Это не проблема. А вот как Сигай их ловить будет.

— Вот именно, — вздохнул Джеламан.

— Могут и промазать, — добавил Чиф, — тогда второй заход. И может, не один придется.

— Да моряки там грамотные, там же и «ноль четверка» на стреме будет, страховать будет, если «шестьдесят шестой» промахнется.

— Не кинуло его бы дальше.

— Корма на плаву.

— Сейчас на плаву, а через минуту на берегу.

— А грунт? Якорь-то удержит?

— Грунт там надежный, — сказал Чиф, — галька и валуны.

— Все равно, якорь может сорвать. Или поползет.

— Тише, — оборвал Джеламан.

— Саша, заводи двойной, — советовал Сигай Кнорозу, — и заходи чуть севернее, чтоб буи на меня несло, течение здесь на юг прет вдоль берега, мою корму на юг валит.

— Понял, Иваныч, понял... подержись еще чуть-чуть... Кидаю... видишь?

— Я вас обоих вижу. Кто из вас севернее?

— Миша, Миша севернее, «ноль четверка».

— Иваныч, я тоже все приготовил, Сашку страхую, — послышался голос Миши Биткова.

— Близко не лезьте, самих может выкинуть.

Можно представить даже не моряку, что там творилось. И темнота, и волны, сейнер лежит на боку, его корму, а наверное, и всего его самого подкидывают валящиеся на косу волны. Они падают и скорее всего накрывают. По палубе бегать можно только с риском. Им же надо поймать буи, крепить концы...

— Докладывайте обстановку, «двадцать второй», почему молчите?

— Подождите, Олег Исакович... Саша, иди на второй заход. Промахнулись, буй пронесло.

— Миша, Миша заходит, его буи лови.

— «Двадцать второй», я — «Земля Кольская», если возьмете буи и не сможете сойти, продержитесь пару часов. «Боец» на подходе, он подаст свои буксиры.

— Да подождите, «Земля Кольская», — ответил Сигай. — Никакой «Боец» не нужен. Саня, выбирай свой ваер. Мишин вижу.

— «Двадцать второй», «Боец» нужен в любом случае... «Двадцать второй», «двадцать второй», я — «Земля Кольская»...

Но в эфире пропали голоса и Сигая, и Кнороза, и Биткова. Только одна «Земля Кольская» звала «двадцать второй». Голос Галиманса был такой же настойчивый и спокойный.

Джеламан рацию переключил на второй канал, на запасной.

— Иваныч, ну как там? — послышался голос Кнороза. — Я пошел на второй заход.

— Подожди, Мишин буй подходит, страхуй его... Миша, Миша! — с тревогой закричал Сигай. — Куда прешь, тут мелко, самого кинет...

— Лови, лови, Иваныч...

— «Двадцать второй», я — «Земля Кольская», — и снова, на второй канал влез Галиманс, — готовьтесь к работе с «Бойцом».

— Иваныч, еще чуть подержись... Якорь пока не отдавай.

— Я вообще его отдавать не буду, брошу вместе с канатом. Канат проходит мимо винта? Тебе видно?

— Ничего не вижу, Иваныч.
— А ты, Саня? Куда смотрит мой якорь-канат?
— Он совсем ослаб... Не работай, не работай, Иваныч, подожди...
— «Двадцать второй», я — «Земля Кольская»...
— Спаренный буй давай, Миша, спаренный, что ты делаешь, Миша! — кричал Кнороз.
— Лопнул... — отозвался Битков, — теперь ты давай.
— Иваныч, пока не работай машиной, ваер треснул у Мишки. Сейчас я зайду.
— На пределе...

Через пару часов Сигая спасли, стащили с косы. Сашка Кнороз делал два захода, в первый раз он промазал, буи пронесло мимо, с такой же процедурой пошел Миша Битков и тоже промазал. Тогда Кнороз отдал якорь и на якорном канате стал приспускаться к Сигаю, это в этот момент Сигай кричал: «Сашка, что ты делаешь, выкинет», — тут буи, к которым были привязаны ваера, подать было проще, риск только был со стороны Кнороза, его самого могло выкинуть на берег.
Но любопытный разговор был по эфиру после, утром же.
— Владимир Иванович, отметьте в вахтенном журнале, что «Боец» снимался с Ильпыря по твоей аварии, — кричал Галиманс.
— Олег Исакович, — ответил Сигай, — я его не вызывал, и в аварии он не участвовал.
— Посылал его я в связи с выбрасыванием тебя на берег, и он четыре часа шел аварийным ходом, ему надо оплатить рабочее время и расход топлива согласно «Морскому праву», разделу «Без спасения нет вознаграждения».
— Олег Исакович, — начал было Сигай, но тут по эфиру начались посторонние реплики, типа «с чего бы», «на халяву и уксус сладкий», или просто издевательские «ха-ха... спасение», что Галиманса невозможно было расслышать, потом Сигай обратился в эфир — не мешать обсуждению серьезного дела.
— Владимир Иванович, — продолжал Галиманс, — аварийный спасатель «Боец» снимался с Ильпыря и следовал в район твоей аварии. Это записано в вахтенном журнале «Бойца», это юридический документ.

— Олег Исакович, — доносился голос Сигая, — но в вахтенном журнале «Бойца» не записано, что я его вызывал, поэтому я к нему не имею никакого отношения. А если он следовал добровольно, то мы с ним по нулям, этим летом в Оссоре я затратил полсуток, вытаскивая его из Гнилого угла, он в Оссоре брал воду, и его снесло в Гнилой угол, и я его спасал.
— У вас в судовом журнале записано?
— Подобные происшествия не всегда записываются в вахтенный журнал. Не записано, конечно.
— Значит, доказать вы ничем не можете. «Боец», я — «Земля Кольская», прошу на связь!
— На связи, я — «Боец».
— У вас случай посадки на мель был и «двадцать второй» вас снимал с мели?
— Не помню, — отозвался «Боец», — в какое время?
— Июнь, июнь, — отозвался Сигай.
— Посмотрю в документах, — отозвался «Боец».
Через какое-то время «Боец» доложил на «Землю Кольскую», что посадка на мель в Оссоре не отмечена в судовых и машинных журналах. Ни в июне, ни в июле.
В эфире слышались хихиканья и реплики, была видна явная, фактическая несправедливость, но документы, законы мореплавания требовали другое. Было ясно, что Галимансу как начальнику экспедиции была нужна формальная, документальная сторона дела.
— Все правильно, — сказал Джеламан, — Галимансу и самому надо выкручиваться, и оправдать действия «Бойца». «Боец» ведь в его подчинении.
— А при чем Сигай? — завозмущались все наши ребята, молчал только Витька Чиф, он битый волк в этих формальных делах.
— Тихо, — оборвал Джеламан наши возмущения, — все будет зависеть от Кнороза и Миши Биткова. Послушаем, что там дальше будет.
— Прекрасно, — доносился голос Галиманса, — Владимир Иванович, а сейчас у вас в судовом журнале все отмечено?
— Безусловно, Олег Исакович, согласно «Морскому праву», раздела ведения документации, параграфу: «Что наблюдаю, то и записываю».
— Сколько времени затратили «шестьдесят шестой» и «поль четыре» на стаскивание вас с мели?

— Они нисколько не затратили на устранение моей аварии, они не участвовали в устранении моей аварии, я сам с мели сошел. Своим ходом.

— Как так? Может, вы их не видели?

— Огни в море я видел. Это, видимо, были они. Но с мели я сошел сам, сел я на мель вечером, в малую воду, с кормы у меня был отдан якорь, утром по полной воде сошел. Это у меня отмечено в судовых документах.

— «Шестьдесят шестой», прошу на связь. Я — «Земля Кольская».

— На связи, «Земля Кольская», я — «шестьдесят шестой».

— Вы принимали участие в снятии «двадцать второго» с косы Семенова?

— Нет, не участвовал.

— «Ноль четверка», вы участвовали в снятии с косы Семенова «двадцать второго»?

— «Земля Кольская», я — «ноль четверка», я не участвовал в снятии с мели «двадцать второго». После того как услышал об аварии «двадцать второго», сразу пошел на помощь. Но не успел, к моему приходу к косе Семенова «двадцать второй» уже устранил аварию. Сейчас нахожусь в общей группе судов.

Больше по эфиру разговоров не было, только несколько совершенно несимпатичных реплик и в адрес «Земли Кольской», и в адрес «Бойца».

Я стою на штурвале и смотрю на воду. Быстро-быстро катятся валы вдоль бортов. Они синие, как все наше синее море. Закончилась эта путина, нам не повезло... Что ж, на следующий год будет новая, может, более удачная. И мы снова будем как черти делать заметы, переливать рыбу в погрузчики. Материться в штормовую ночь и радоваться в хорошую погоду...

Мы сами выбрали профессию моряка. И тысячу раз прав Джеламан: не за деньгами мы выходим в синее море, а работать.

●

Бернардо ГИМАРАИНС

РАБЫНЯ ИЗАУРА

Роман

ГЛАВА XIV

Кадриль наконец закончилась. Радостный и восторженный, Алваро пригласил свою прекрасную партнершу отведать прохладительных напитков и повел ее в одну из отдаленных комнат. Они пробивались сквозь толпу, провожаемые доброй сотней взглядов, в которых выражались нескрываемая ревность и зависть, ненависть и восхищение. Алваро еще до сих пор так и не объяснился Элвире в любви, хотя любовь его, усиливавшаяся день отб дня, угадывалась во всем: в словах, взглядах, жестах и поступках. Он считал, что за два месяца, пролетевших после их первой встречи, досконально изучил свою возлюбленную и пришел к выводу,

---

Окончание. Начало в № 10.

что она само совершенство. Он нисколько не сомневался в чистоте души Элвиры и в искренности ее чувств и решил, что нашел свое счастье. Во имя этой любви он готов был отдать все, чем владел: душу, сердце и состояние. Происхождение Элвиры нисколько не волновало его, и он даже ни разу не попытался выяснить, откуда она родом. Его широкой демократической натуре чужды были расистские взгляды и теории социального неравенства. Его любовь к Элвире нисколько не изменилась бы, узнай он, что она принцесса, или, напротив, родилась в глинобитной лачуге нищего рыбака. Ему было вполне достаточно сознавать, что она рядом, что она самое чудесное существо на свете.

Как уже известно нашему читателю, Алваро придерживался пуританских воззрений квакеров, поэтому он даже не пытался злоупотреблять любовью, которую питала к нему прелестная девушка, хотя, признаться, удержаться от греховных мыслей было ох как трудно.

Но в эту дивную ночь влюбленный молодой человек, окончательно покоренный и ослепленный божественной красотой и поразительным музыкальным даром Элвиры, уже не мог более сдерживаться. Признание в любви светилось в его глазах и готово было в любой миг слететь с его губ, поэтому, как только наша парочка очутилась в безлюдной комнате, Алваро взволнованно заговорил:

— Донна Элвира, если в своем доме и в райском саду вы ангел, то здесь, на этом балу, вы несравненная богиня. Мое сердце уже давно принадлежит вам. Вы властительница моей души, и с сегодняшнего дня моя судьба в ваших руках и зависит только от вас. У меня приличное состояние, я пользуюсь почетом и уважением в обществе, но я никогда не стану счастливым, если вы не согласитесь разделить со мной все блага, что даровала мне судьба.

Пылкие и нежные слова Алваро, подсказанные самой любовью, в другое время могли бы стать целительным бальзамом для израненного сердца Изауры, но теперь они жгли его раскаленным железом, звучали как жестокая насмешка коварной судьбы. С одной стороны, добрый ангел пытался увлечь ее за руку в вечную гармонию и блаженство Эдема*, с другой — мрачный демон тянул ее в преисподнюю.

Сейчас самое время поведать, что Изаура, кружась в вихре озорной кадрили, успела заметить Мартиньо, который с подленькой улыбкой прислонился к косяку и пристально ее разглядывал, время от времени сверяясь с бумажкой, что держал в руке. Взгляд пронзил ее; Изаура ни секунды не сомневалась, что тайна раскрыта. В глазах у нее внезапно потемнело, и ей показалось, что пол разверзся у нее под ногами и она проваливается в бездонную пропасть. Чтобы удержаться, она обеими руками обняла Алваро за плечи и склонила голову к его груди.

— Что с вами, моя сеньора? — испуганно спросил Алваро. — Вам плохо?

— Немного, — пролепетала Изаура, с трудом приходя в себя. — Мне вдруг стало больно вот здесь, но сейчас уже легче... Я не привыкла к такой толчее, да и голова чуть-чуть закружилась.

— Ничего, это пройдет, — ответил Алваро, обвив рукой гибкий стан девушки. — Вы родились, чтобы блистать на балах... Впрочем, если хотите уйти...

— Нет, нет, — спохватилась Изаура, — давайте продолжим, тем более что танец заканчивается.

Алваро успокоился и, подхваченный вихрем финала кадрили, даже не заметил, как побледнела девушка. Несчастная уже не могла танцевать и лишь старалась следовать за Алваро, послушная ритму; мысли ее витали вдали от танцевальной залы, и она не видела ничего, кроме отвратительной фигуры Мартиньо, застывшего, словно сфинкс, в проеме дверей. Сердце девушки сжалось в предчувствии зловещей беды, надвигавшейся на нее.

Томясь от страха и тоски, Изаура даже не смогла вымолвить ни слова в ответ на искреннее и пылкое признание молодого человека. Бедняжка не могла и рта раскрыть, что Алваро воспринял как признак взволнованности и смущения.

— Ну скажите хоть слово, — взмолился он наконец. — Одно слово, и я...

— О, сеньор, — чуть слышно прошелестела Изаура, — что смею я сказать после столь нежных слов, что я услышала? Я очень тронута, поверьте, но...

Она внезапно запнулась, вздрогнула, пошатнулась и ухватилась за руку Алваро, который, в свою очередь, посмотрел на девушку с испугом.

— Это он!.. — еле выдавила она дрожащим голосом. Изаура вдруг заметила, что в комнату, где они уединились с Алваро, входит Мартиньо, и почувствовала, что ноги ее холодеют, а сердце колотится так, словно вот-вот вырвется из груди.

— Простите, сеньор, — пролепетала она, — мне трудно слушать такие чудесные нежные слова... Что-то мне нездоровится. Будьте так любезны, проводите меня к моему отцу...

— Конечно, конечно, донна Элвира! — засуетился ничего не понимающий Алваро. — Но... Боже, как вы побледнели! Вы белая как полотно! Вам, верно, очень плохо? Может, позвать врача?

* Эдем — мифологический рай, где обитали Адам и Ева.

— Спасибо, сеньор Алваро, не беспокойтесь из-за меня. Это пройдет, просто я, наверное, устала. Приду домой, прилягу, и все как рукой снимет.
— Как, вы хотите уйти, не сказав мне ни слова утешения и надежды?
— Утешения, возможно, а вот надежды...
— Но почему?
— Потому что у меня самой ее больше нет...
— Значит, вы не любите меня?
— Я вас очень люблю, поверьте.
— Тогда вы согласны стать моей?
— Нет, это невозможно...
— Невозможно? Но что нам может помешать?
— Мне, право, тяжело вам объяснить, сеньор; это мой крест, мой злой рок, если хотите...
Разговор двух влюбленных был прерван на самом интересном месте внезапным появлением Мартиньо, который возник, точно джинн из бутылки, и отвесил глубокий поклон. Взбешенный Алваро уже открыл было рот, собравшись прогнать бесцеремонного невежу, как прогоняют шелудивого пса, тогда как Изаура оцепенела от страха.
— Сеньор Алваро, — с подчеркнутым уважением заговорил Мартиньо, — с вашего позволения я хотел бы сказать пару слов с глазу на глаз этой сеньоре, которую вы держите за руку.
— Этой сеньоре? — изумился Алваро. — Что за дело может быть к ней у вас?
— Поверьте, сеньор, дело весьма важное и не терпит отлагательства, и ей это известно лучше, чем нам с вами.
Алваро, который прекрасно знал подлый и гнусный нрав Мартиньо, решил, что это козни какого-нибудь завистливого и трусливого соперника, который решил использовать этого негодяя для мести или какой-то низости. Поэтому он переборол свой гнев и спокойно спросил Изауру:
— У вас есть какое-нибудь дело с этим человеком, донна Элвира?
— У меня? Конечно, нет. Я его и в глаза не видела, — дрожащим голосом пролепетала побледневшая как смерть девушка.
— Господи! Что случилось, донна Элвира? На вас просто лица нет. Как вы смеете так волновать ее, негодяй? Умоляю, донна Элвира, не бойтесь! Я рядом с вами, и никто не посмеет вас обидеть!
— Я вовсе не хотел оскорбить вас, сеньор Алваро, — не унимался Мартиньо, — но дело значительно серьезнее, чем вы предполагаете.

— Хорошо, сеньор Мартиньо, довольно играть в кошки-мышки. Выкладывайте все начистоту — что вам угодно от этой сеньоры?
— Я готов сказать, но для вас же лучше, если вы это не услышите.
— Ах, вот как! У вас какие-то тайны!.. В таком случае заявляю, что ни на минуту не оставлю эту сеньору в вашем обществе, и если не хотите изложить свое дело, то можете ступать на все четыре стороны.
— Нет, сеньор, со мной этот номер не пройдет. Не на такого напали. Я не собираюсь понапрасну тратить время и, тем более, пять конто на дороге не валяются.
Последние слова Мартиньо процедил сквозь зубы.
— Послушайте, сеньор Мартиньо, — закипел Алваро, — не злоупотребляйте моим терпением, прошу вас. И вообще, буду вам крайне признателен, если вы избавите нас от своего присутствия.
— О, сеньор, — невозмутимо ответил Мартиньо, — видит бог, что я пытался этого избежать, но уж коли вы настаиваете, извольте. Так вот, я имею честь заявить вам, что женщина, которую вы держите за руку, — беглая рабыня!
Алваро, хотя и знал цену словам этого проходимца и был внутренне готов к самой подлой выходке с его стороны, все же мысли не допускал, чтобы поверить этому гнусному заявлению, поэтому сразу решил, что стал жертвой какой-то грязной игры. Да и отвратная личность Мартиньо, который нередко становился орудием выполнения подлых умыслов других таких же негодяев, не вызывала в нем ничего, кроме омерзения.
— Сеньор Мартиньо, — отчеканил Алваро с нескрываемым презрением в голосе, — если вам кто-то заплатил, чтобы вы разыграли этот гнусный фарс, то назовите мне сумму, и я заплачу вам в два раза больше, чтобы вы оставили нас в покое.
Слова прозвучали как пощечина, но на наглой физиономии Мартиньо не дрогнул ни один мускул.
— Еще раз повторяю, — процедил он, дерзко повысив голос, — эта сеньора — беглая рабыня, и мой долг — схватить ее и вернуть хозяину!
Тем временем Изаура увидела своего отца, который повсюду разыскивал ее, и, отпустив руку Алваро, бросилась к Мигелу и зарылась лицом на его груди.
— Господи, какой позор! — причитала она вперемешку со всхлипываниями. — И ведь я предчувствовала, что именно так и будет.
— Этот человек либо отъявленный наглец, либо сумасшедший, или же просто пьян в стельку! — воскликнул Алваро, вне себя

от гнева. — В любом случае его следует выгнать отсюда за недостойное поведение.

Друзья Алваро схватили Мартиньо за руки, собираясь выставить его вон как пьяницу или сумасшедшего, но негодяй вдруг заговорил, причем в тоне его звучала непоколебимая уверенность:

— Постойте, сеньоры. Прежде чем расправиться со мной, послушайте, что я вам зачитаю, и если вы потом сочтете меня неправым, то можете надавать мне по физиономии и вышвырнуть в окно.

Ссора эта не осталась незамеченной, и вокруг уже собралась толпа, причем число любопытствующих росло с каждой минутой. Роковые слова: «Эта сеньора — беглая рабыня», — нарочито громко произнесенные Мартиньо, в мгновение ока облетели все уголки особняка и танцевальную залу, и теперь все, кто здесь был, дамы, кавалеры, музыканты, швейцары и лакеи, подталкивая друг друга локтями, стремглав неслись в дальнюю комнату, чтобы поспеть к невиданному зрелищу. Чтобы лучше разглядеть происходящее, зеваки вытягивали шеи, вставали на цыпочки и жадно ловили каждое слово трагического спектакля.

Стоя в самой середине изумленной, безмолвной, жаждущей сенсации толпы, Мартиньо, упиваясь каждым мигом своего торжества, подчеркнуто медленно вытащил из кармана уже известную нам бумагу, развернул ее и принялся зачитывать звучным голосом, явно наслаждаясь эффектом.

— Нетрудно заметить, — сказал он, закончив чтение, — что все приметы полностью налицо, лишь слепой не разглядит в этой сеньоре ту самую беглую рабыню, о которой идет речь в циркуляре. А чтобы окончательно рассеять все сомнения, надо посмотреть, есть ли у нее над грудью след от ожога. С позволения сеньоры, я готов проделать это прямо сейчас.

С этими словами, Мартиньо с бесстыдной развязностью начал приближаться к Изауре.

— Стой, негодяй! — выкрикнул Алваро и, схватив Мартиньо за руку, резко оттолкнул его от Изауры; Мартиньо пошатнулся и, если бы не толпа, окружавшая их плотным кольцом, неминуемо рухнул бы на пол. — Не прикасайся к ней. Рабыня она или нет, не смей трогать ее своими грязными лапами.

Изаура, сраженная мучительным стыдом, высвободилась из объятий отца, повернулась к толпе, приподняла голову и, сцепив трясущиеся, словно в лихорадке, руки, заговорила срывающимся голосом:

— Прошу вас, не надо трогать меня... Умоляю вас, дамы и господа, простите меня. Я совершила тяжкий, непростительный

грех!.. Но Бог свидетель, что принудил меня к этому жестокий рок. Господа, то, что сказал этот человек — правда. Я... рабыня!..

Голова бедняжки после этих слов безжизненно поникла, в лице не было ни кровинки. Как обрушивается мраморная статуя при жестоком смерче, так пошатнулась, потеряв сознание, Изаура, и упала бы на пол, если бы ее не поддержали сильные руки Мигела и Алваро.

Рабыня! Слово это, вырвавшееся из груди Изауры, будто предсмертный хрип, еще долго, передаваемое из уст в уста, эхом проносилось под сводами роскошного особняка, напоминая зловещий посвист ночного ветра в мрачной лесной чащобе.

Случившееся было сродни реакции на взрыв порохового погреба: сперва испуг, шок, ошеломление, потом выкрики, всеобщий гам, переполох и сумятица.

Алваро и Мигел отнесли бесчувственную Изауру в дамскую комнату, где несколько сердобольных сеньор помогли им уложить девушку поудобнее и не отходили от несчастной, пока она не пришла в себя. Мартиньо не отходил от них ни на шаг, как стервятник, опасающийся, что добычу похитят у него из-под носа.

Разоблачение воистину наделало много шума: никто не остался в стороне, гул и гвалт стояли невообразимые. Самым поразительным было следить за тем, как меняются выражения на лицах у дам, первых красавиц, по мере того как они узнавали, что незнакомка, затмившая их красой, изяществом, обаянием и талантом — ничтожная рабыня! Никаких слов не хватит, чтобы описать эту палитру чувств... Вы уж сами догадайтесь, дорогой читатель. У многих из бывших здесь дам к чувству оскорбленного достоинства, унижения и жестокого разочарования примешивалось и особое, по-своему мстительное внутреннее удовлетворение, лучше всего заметное у тех, чьи не слишком любезные и галантные спутники выказывали непомерное восхищение прелестью неведомой красавицы-певуньи. Особенно ликовали те, кто еще лелеял хоть призрачную надежду завоевать сердце Алваро: публичное унижение и посрамление знатного молодого человека казалось им знамением божьим.

— В хорошеньком положении очутился наш Алваро, — судачили они. — Раб рабыни, ха-ха-ха! Как у него вытянулась физиономия, когда он услышал ее признание!

— Держу пари, что он ее освободит, а потом женится на ней. Он ведь ненормальный и способен выкинуть любой фортель.

— Каков герой-любовник, а! Заполучит сразу и жену, и певицу, и прекрасную судомойку!

Впрочем, никакие злые языки, жалящие и ранящие как кин-

жал, не способны были унизить Изауру, лишить ее той прелести и необычайного дарования, по сравнению с которыми кокетливые и жеманные светские красотки выглядели жалкими и убогими.

Молодые люди восприняли случившееся совершенно иначе. Лишь немногие из них остались равнодушными к судьбе несчастной рабыни, которой еще совсем недавно восторженно рукоплескала вся собравшаяся знать. Повсюду, куда ни кинь взгляд, кавалеры, разбившись на небольшие кучки, оживленно обсуждали столь взбудоражившую всех новость. Нашлись и такие, которые, несмотря на очевидное совпадение примет, отказывались смотреть правде в глаза и подвергали сомнению даже признание самой Изауры.

— Нет, — говорили они, — такая женщина просто не может быть рабыней, это совершенно невозможно. Здесь должна быть какая-то тайна, которая непременно откроется.

— Какая еще тайна? Все реально, и она сама в этом призналась. Только хотел бы я посмотреть на этого жестокого и бездушного фазендейро, что держит в неволе такое прелестное создание!

— Должно быть, какой-но надутый и чванливый болван с грязной душонкой.

— Ничтожный царек!

— Или какой-нибудь новоявленный султан, который держит ее как наложницу для своего гарема.

— Как бы то ни было, он изверг и надо заставить его дать ей вольную. Не могу представить, чтобы женщина, достойная сверкать на королевском престоле, маялась в грязной сензале.

— Только такой алчный и низкий негодяй, как Мартиньо, мог разглядеть рабыню в подобном ангеле. Какое бесстыдство! Я готов растерзать его на куски.

Между тем Мартиньо уже успел обзавестись ордером на задержание Изауры и, явившись в сопровождении судебного исполнителя, настойчиво требовал, чтобы беглянку выдали ему. Однако Алваро, использовав все свое влияние и авторитет, решительно восстал против притязаний Мартиньо и добился того, что ему позволили поручиться за рабыню после того как он, призвав в свидетели всех присутствующих, клятвенно пообещал вернуть рабыню хозяину по его требованию.

ГЛАВА XV

С тех пор пролетел почти целый месяц. Благодаря самоотверженному вмешательству и заступничеству Алваро, Изаура и Ми-

гел продолжали жить в своем уютном домике в районе Санту Антониу. Они даже не помышляли о том, чтобы попытаться бежать или перебраться в более укромное местечко, но, следуя совету своего бескорыстного покровителя, вели самый незаметный образ жизни в ожидании результатов энергичных действий, что предпринимал Алваро по их спасению. Тем не менее жили они в постоянном страхе.

Алваро навещал их каждый день. Втроем они долгими часами обсуждали все возможные и невозможные способы добиться освобождения Изауры, и надежда на это еще теплилась в их сердцах.

Чтобы выяснить, что произошло после той роковой ночи, по завершении трагичного для Изауры бала, перенесемся в домик беглецов и послушаем, о чем беседуют Алваро и его друг, доктор Жералдо.

Жералдо уже на следующее утро после бала покинул Ресифе и поскакал в один городок в глубинке провинции, где у него были спешные дела. Возвратившись несколько недель спустя, он тут же кинулся разыскивать Алваро, побуждаемый даже не столько дружескими чувствами, сколько любопытством. Он не раз наведывался в дом Алваро; но, так и не застав его, понял, что надо искать друга у Изауры, если, конечно, она по-прежнему живет в Ресифе. И он не ошибся. Алваро, узнав голос друга, выкликавшего его имя от калитки, заверил хозяев, что человеку этому можно полностью доверять, и испросил разрешения пригласить его в дом.

Войдя, Жералдо очутился в крохотной передней, где царили полумрак и прохлада и благоухали цветы. Цветы были повсюду: они свешивались пунцовыми, алыми, рубиновыми и ослепительно белыми гирляндами с окон и стен, обвивали входную дверь, отчего передняя больше походила на райскую беседку или дышащий утренней свежестью сказочный грот. Застекленная дверь открытой веранды выходила на берег Атлантики. За верандой виднелись горделивые стволы кокосовых пальм, которые дарили домику благословенную тень и прохладу. За сочной смарагдовой зеленью глаз погружался в переливающуюся на солнце лазурно-сапфировую синь океана, сливавшуюся вдали с чистым бирюзовым небом.

Мигел и Изаура, поздоровавшись с гостем и обменявшись двумя-тремя учтивыми фразами, удалились в глубь дома, чтобы оставить друзей одних, благо тем было о чем поговорить.

— Что ж, Алваро, — сказал со смехом доктор Жералдо, — домик и впрямь премиленький, неудивительно, что ты проводишь здесь столько времени. Какие дивные цветы! Словно в таинствен-

ной пещере сказочной феи. Жаль только, что проклятый колдун одним махом уничтожил очарование твоей феи и превратил ее в обыкновенную рабыню!

— О, не смейся надо мной, мой милый доктор! Я до сих пор не пришел в себя от пережитого; не могу выбросить из головы кошмар той злополучной ночи. И все же, клянусь тебе, мои чувства к ней не изменились; я люблю ее с той же страстью, как и прежде...

— Что ты говоришь? Воистину, нет предела твоим чудачествам!

— Ничего не поделаешь, таким уж я родился. В первый миг я был совершенно ошеломлен. Я чувствовал себя растоптанным и униженным: подумать только, какая-то рабыня столько времени водила меня за нос и в конце концов выставила на всеобщее посмешище! Я готов был сгореть от стыда, особенно перед дамами, которые из-за меня провели весь вечер в обществе рабыни...

— Да еще такой рабыни, — добавил Жералдо, — которая заткнула их всех за пояс. Ты словно нарочно подложил им свинью. Этого тебе никогда не простят.

— Знаешь, Жералдо, сейчас я даже рад, что это случилось. Мне кажется, Всевышний специально подверг меня такому суровому испытанию, чтобы наглядно показать, насколько жалки и нелепы те различия, которые обусловливаются не умом, благородством или иными человеческими качествами, а даются человеку от рождения, в зависимости от его происхождения. Вот Господь, по-моему, и решил поставить на место нашу тщеславную, чванливую и самодовольную знать, возвысив над ней простую рабыню. Извини, я несколько отвлекся. Так вот, довольно скоро я пришел в себя и вновь ощутил в своем сердце такую любовь, которую не смог погасить никакой скандал; я мигом позабыл нанесенную мне обиду и решил любой ценой защитить прелестную пленницу, чего бы мне это ни стоило. Как только я увидел, что бедняжка пришла в себя и убедился, что она вне опасности, я отправился к своему доброму знакомому, шефу полиции, чистосердечно выложил все и получил разрешение на то, чтобы Изаура с отцом — а Мигел и в самом деле ее отец — продолжали жить в своем доме. Я поручился, что они не сбегут. Слава Богу, так оно и вышло, несмотря на все истерики, которые закатывал Мартиньо, с упорством идиота доказывавший, будто нельзя оставлять Изауру на свободе. Однако уже на следующий день сам начальник полиции, пораскинув мозгами над возможными последствиями этого скандала, пожелал, чтобы Изаура явилась к нему для допроса и выяснения личности. Боже, как жаль, что тебе не довелось увидеть ее тогда! Какое благородство души, какая искренняя и добрая натура открылись в этой донельзя перепуганной и заплаканной девушке. Словно горестный ангел спустился с небес и явился в облике Изауры. Начальник полиции был восхищен и тронут до глубины души и, надо воздать ему должное, вел допрос очень мягко и даже учтиво. Бедное наивное создание! Видел бы ты, с каким простодушным смущением она чистосердечно призналась во всем содеянном. Да, они бежали вместе с отцом, чтобы вырвать ее из рук жестокого, развратного и мстительного сеньора, который пытался путем изощренных издевательств принудить ее сносить его грубые приставания, исполнять его самые изощренные и низменные прихоти. Что было делать в такой ситуации бедной Изауре, этой утонченной, необычайно образованной девушке, которую с детства воспитывали в духе высокой нравственности и целомудрия? Она решительно отбивалась от притязаний этого животного, но когда обстановка стала вконец невыносимой — девушку стали подвергать побоям и всевозможным унижениям, — Изаура поддалась уговорам отца и решилась на побег...

— Да, Алваро, причина побега понятна и даже оправдывает и возвышает девушку, но, тем не менее, она считается беглой рабыней.

— Тем более она достойна сочувствия и жалости. Самое трагичное состоит в том, что у нее есть право на свободу и она может попытаться доказать его. — И Алваро поведал историю о невыполненном обещании старой сеньоры.

— Да, и впрямь печально. Что же ты собираешься делать дальше?

— Я хочу добиться, чтобы Изауру оставили на свободе и назначили защитника, который будет отстаивать ее права.

— А как ты рассчитываешь раздобыть доказательства или хоть какие-то документы, подтверждающие ее права?

— Увы, Жералдо, я в смятении. Хотел посоветоваться с тобой и поэтому с таким нетерпением ожидал твоего возвращения. Ты со своими юридическими познаниями сумеешь растолковать мне все хитрости и тонкости этого дела. Впрочем, первый, очевидный для меня шаг я уже сделал: на следующий день после того злополучного бала я написал письмо хозяину Изауры, в котором в самых учтивых и изысканных выражениях предложил ему назначить цену за освобождение рабыни. Боюсь, однако, что я только все испортил; этот самолюбивый и ревнивый царек, видимо, разозлился и решил встать в позу, и прислал мне в ответ грубое и вызывающее послание (я его только что получил), в котором обзывает меня соблазнителем и укрывателем чужих рабынь и сообщает, что предпримет все предусмотренные законом меры, дабы вернуть похищенную собственность...

— Вздорный и неучтивый султанишка, — в сердцах бросил Жералдо, быстро пробежав глазами письмо, которое передал ему Алваро, — хотя, если не принимать во внимание грубые выражения...

— За которые он мне ответит, обещаю тебе.

— Так вот, если не принимать во внимание грубые выражения, хозяин имеет юридическое право востребовать рабыню в любое время, где бы она ни оказалась.

— Боже, какое это позорное и жестокое право, Жералдо. Можно ли называть правом узаконенные варварские обычаи, недостойные цивилизованного общества. Какой ужас, что общество терпит такое положение, при котором капризный и безнравственный тиран, влекомый низкими и постыдными инстинктами, имеет право всячески измываться над слабым и невинным существом. Я считаю это верхом ханжества и разложения.

— Ты не совсем прав, дорогой Алваро; конечно, любые случаи жестокого обращения с рабами следует решительно пресекать, но, подумай сам, как могут власти вмешиваться в личную жизнь гражданина или вторгаться в его частные владения, даже если там и творятся самые отвратительные и постыдные безобразия? И как узнает об этом правосудие, если порой и соседи не ведают о делах друг друга? Увы, Алваро, пока существует рабство, подобных мерзостей не избежать.

— Что касается меня, Жералдо, то я клянусь: пока в моей груди бьется сердце, я буду бороться не только за свободу Изауры, но и за полную отмену рабства, и я надеюсь, Всевышний поддержит меня в этом справедливом и святом деле.

— Согласись, Алваро, сейчас твоими устами говорит не только филантроп... Ты ведь отчаянно влюблен в эту рабыню, не так ли?

— Ты прав, Жералдо, я безумно люблю ее и буду любить вечно; здесь нет никакой тайны. И что странного и постыдного может быть в любви к рабыне? Патриарх Авраам полюбил свою рабыню Агар и оставил из-за нее Сару, свою жену. Разве Изаура становится менее благородной, чистой и возвышенной от того, что она рабыня? Разве она утрачивает светлый ореол доброты и нравственности, которым окружена? Нет, настоящая красота и целомудрие — две звезды, которые сияют еще сильнее, когда вокруг сгущается кромешный мрак несчастья и зла.

— Твоя философия прекрасна, друг мой, но жизнь сурова, и тебе потребуются весомые доказательства прав твоей подзащитной. Перед лицом закона раб — всего лишь собственность.

— Боже, какие позорные у нас законы. И все же я разобьюсь, но приложу все силы, чтобы освободить бедняжку от позорного и

тяжкого ига. И вдохновляет меня не только великодушие, но и страстная любовь, которой я не стыжусь.

Доктора Жералдо, признаться, изрядно напугали эти пылкие возвышенные речи его друга, который, как искренне считал наш ученый муж, до сих пор еще витал в облаках и не хотел считаться с суровой реальностью окружающей жизни.

— Вот уж не думал, — серьезно начал он, — что ты так далеко зайдешь в своей восторженной и безумной любви. Ты, конечно, богат, Алваро, и твое состояние дает тебе право поиграть в эти романтические игры и удовлетворить прихоти своего романтического воображения. Но тебе никогда не изменить вековых предрассудков нашего общества и не добиться того, чтобы рабыню, даже самую образованную и блестящую, принимали как равную в высших слоях... даже при условии, что ты согласен связать с ней свою судьбу.

— Плевать мне на эти высшие слои! Но ты ошибаешься, Жералдо. Люди всегда лебезят и заискивают перед богатством, в чьих бы руках оно ни находилось. Блеск золота ослепит их взор и заставит их закрыть глаза на любые дефекты в социальном происхождении. Будь уверен, пока у нас хватит денег, никто не откажет нам в дружбе и уважении.

— Но, Алваро, ты упускаешь из виду одно немаловажное обстоятельство; а вдруг тебе не удастся освободить свою протеже?

Мертвенная бледность разлилась по лицу Алваро, который сразу осекся, съежился и ушел в себя, глядя невидящим взором на океан. Так он безмолвствовал, пока кучер, поджидавший его на передке кареты подле калитки, не возвестил, что сеньора Алваро спрашивают какие-то люди, желающие переговорить с ним и с хозяином.

— Почему меня спрашивают здесь? — проворчал Алваро. — Почему не у меня дома? И при чем здесь хозяин?.. Хорошо, пусть войдут.

— Алваро, — сказал Жералдо, всматриваясь в окно, — если не ошибаюсь, они из полиции. А этот, справа, по-моему, судебный исполнитель. Неужто нас ждет продолжение истории на балу?

— Нет, это невозможно! И какое право они имеют беспокоить меня здесь, ведь начальник полиции доверяет мне? И как они смеют нарушать мое право на неприкосновенность личности?

— Не рассчитывай на начальника полиции, друг мой. Фемида*, увы, непостоянная и лживая богиня, полагаться на нее нельзя. Сегодня мы рушим то, что еще вчера с таким трудом возводили...

* Богиня правосудия в древнегреческой мифологии.

ГЛАВА XVI

Вы не забыли, любезный читатель, как у Мартиньо сорвалась попытка схватить Изауру прямо на балу? Так вот, еще не остыв от гнева, Мартиньо сел и настрочил длинное письмо хозяину Изауры.

Он не пожалел слов и красок, подробнейшим образом описал все старания, которые приложил для того, чтобы опознать беглянку, особенно расхвалив собственные усердие и проницательность. Без зазрения совести искажая факты и не гнушаясь откровенной лжи, Мартиньо написал, что Мигел с Изаурой по-прежнему пребывают в Ресифе, что отец наживается на красоте дочери, раскидывая повсюду сети для юных лоботрясов, сынков богатых родителей, а один местный толстосум из Пернамбуку уже клюнул на эту удочку. Зовут сего легковерного олуха Алваро, он миллионер, хотя и совершенно безмозглый, влюблен в рабыню по уши и готов хоть сию минуту жениться на ней. Вконец потерявший голову балбес дошел до того, что притащил свою пассию на бал, где он, Мартиньо, сумел раскрыть обман и чуть не схватил самозванку с целью вернуть ее законному владельцу, но бесцеремонное вмешательство сеньора Алваро не позволило справедливости восторжествовать. Мартиньо совершенно убежден: Алваро попытается любыми правдами и неправдами добиться освобождения Изауры, чтобы жениться на ней или сделать своей любовницей. Долг же Мартиньо как добропорядочного гражданина — поставить Леонсио в известность обо всем этом.

Таково вкратце содержание послания Мартиньо, следовавшего в Рио-де-Жанейро в одном пакете с письмом Алваро, в котором, как мы знаем, в учтивейшей форме излагались предложения об освобождении Изауры. Леонсио возликовал было, узнав, что беглянка найдена, но тут же, обуреваемый черной злобой и ревностью, составил наглый и оскорбительный ответ Алваро; по иронии судьбы, письмо это отправилось в обратный путь опять же в одном пакете с конвертом, адресованным Мартиньо, которому Леонсио поручал без промедления схватить Изауру, для чего наделил его особыми полномочиями. В этот же конверт Леонсио вложил подписанную несколькими важными лицами записку начальнику полиции Ресифе с просьбой оказать Мартиньо всяческое содействие.

Получив письмо, Мартиньо припустил в полицию, предъявил начальнику все бумаги и потребовал, чтобы ему помогли взять рабыню под стражу. Тщательно изучив документы, начальник полиции распорядился придать ему в помощь двух конвоиров и судебного исполнителя.

И вот Мартиньо, наделенный всеми необходимыми полномочиями, появился во главе своего отряда перед домом Изауры, чтобы отобрать у Алваро его возлюбленную.

— Опять этот мерзавец! — процедил сквозь зубы Алваро, узнав входящего Мартиньо. На душе сразу стало тоскливо. — Что угодно от меня сеньору?

— Я думаю, вы догадываетесь, сеньор, о причине моего визита, — уклончиво ответствовал Мартиньо.

— Я вовсе ни о чем не догадываюсь, хотя, признаюсь, удивлен, что вас сопровождают полицейские.

— Сейчас вы перестанете удивляться. Я пришел востребовать выдачи мне беглой рабыни по имени Изаура. Мне поручено отослать рабыню ее господину в Рио-де-Жанейро, чему ваша милость без всяких законных оснований пытались воспрепятствовать, взяв рабыню под свое покровительство.

— Довольно, сеньор Мартиньо! Кто вы такой, чтобы судить о законности моих действий! Я назначен опекуном этой девушки, и она находится под моей защитой с согласия властей.

— Нет, сеньор, с вашей стороны это было самоуправством, но ему пришел конец, поскольку вы не смогли представить документы, которые доказывали бы право рабыни на обретение свободы. Более того, — он протянул Алваро ордер, — вот подписанное шефом полиции распоряжение, предписывающее мне взять означенную рабыню под стражу. В соответствии с законом я требую, чтобы вы подчинились.

— Я вижу, сеньор Мартиньо, — сказал Алваро, быстро пробежав глазами бумагу, — вы так и не отказались от своих подлых помыслов и готовы за горсть серебреников стать орудием в руках палача и расправиться с несчастной девушкой? Неужто вы не сознаете, что вершите постыдное и отвратительное дело?

Мартиньо, которому придавало уверенности присутствие полицейских, ответил с подчеркнутой развязностью и высокомерием:

— Сеньор Алваро, я пришел не за тем, чтобы выслушивать ваши бестактные нравоучения, а за тем, чтобы востребовать именем закона беглую рабыню, которая укрывается в этом доме. Потрудитесь сию минуту подчиниться, иначе я воспользуюсь своим правом и...

— Каким еще правом?!

— Правом обыскать дом и увести рабыню силой.

— Вон отсюда, негодяй! — выкрикнул Алваро, полностью утратив контроль над собой.

— Сеньор Алваро... Вы пожалеете!..

Тут доктор Жералдо, хранивший доселе молчание, осознав, что

гнев затмил разум Алваро, посчитал своим долгом вмешаться и, шагнув вперед, крепко сжал руку друга.

— Опомнись, Алваро, — прошептал он. — Не лезь на рожон, так ты только все испортишь и еще более осложнишь участь Изауры. Будь благоразумен, молю тебя.

— Но что же мне делать?

— Отдай ему Изауру.

— Ни за что! — отрезал Алваро.

На несколько мгновений воцарилось молчание. Алваро, казалось, о чем-то задумался.

— Кажется, я кое-что придумал, — шепнул он на ухо Жералдо. — Сейчас попробую...

И, не дожидаясь ответа, шагнул к Мартиньо.

— Сеньор Мартиньо, — начал он вполголоса, жестом увлекая корыстолюбивого совладельца таверны в сторону, — я подозреваю, вы затеяли всю эту историю с судебным преследованием несчастной девушки ради вознаграждения в пять конто, что вполне объяснимо, поскольку человек вы, видно, небогатый. Да, да, я вас прекрасно понимаю, сумма довольно приличная. Но вот мое предложение: если вы откажетесь от этого дела и оставите рабыню в покое, то я обязуюсь заплатить вам вдвое больше.

— Вдвое... Десять конто? Десять миллионов рейсов! — воскликнул Мартиньо, вытаращив глаза.

— Вот именно: десять конто, причем сегодня же.

— Но, сеньор Алваро, как же быть?.. Я дал слово хозяину рабыни, договорился с полицией и...

— Ерунда! Скажете, будто она снова сбежала или придумаете другую отговорку...

— Но какую? Всем ведь известно, что она находится под защитой вашей милости.

— Я уверен, вы найдете выход, сеньор Мартиньо. Человек вы, по-моему, смышленый и ловкий и такие пустяки вас, конечно, не смутят.

— Ладно, по рукам! — после некоторого раздумья сказал Мартиньо. — Коль уж ваша милость так дорожат этой рабыней, я отступлюсь и больше не причиню вам хлопот, тем более что у меня эта история тоже уже вызывает отвращение. Все, я принимаю ваше предложение, сеньор.

— Благодарю, вы оказали мне значительную услугу.

— Но как мне все-таки достойно выйти из этого положения?

— Это уже ваше дело, сеньор. Подумайте, напрягите воображение, может быть, мысль о десяти конто вас вдохновит...

Несколько минут Мартиньо, потупив взор, в задумчивости грыз

ногти. Наконец он выпрямился и торжествующе воздел вверх указательный палец.

— Нашел! — воскликнул он. — Сказать, что рабыня снова бежала, не годится, поскольку это подставит под удар вашу милость. Я заявлю: после тщательной проверки выяснилось, что вышла ошибка, и эта девушка, которой покровительствует ваша милость, вовсе не та рабыня, которую разыскивают... И дело с концом. Ну как?

— Неплохо... Правда, как быть со свидетелями?

— Это просто. Ваша милость изволит помнить о следе от ожога под левой грудью, о чем упомянуто в циркуляре? Так вот, я скажу, что следа этого, а он служит главной приметой, у нее нет, следовательно, установить идентичность личности не удалось. Еще я добавлю, что девушка, в которой ваша милость так заинтересованы, тогда ночью смотрелась совсем иначе, чем здесь, при дневном свете, и вовсе не похожа на ту красивую рабыню, о которой идет речь... И лет ей не двадцать, а все тридцать, а то и сорок, а красивой она тогда показалась, потому что была искусно накрашена и хорошо смотрелась лишь при свете канделябров.

— Ваша изобретательность делает вам честь, сеньор, — улыбнулся Алваро, — такие подробности... И не придерешься. Но есть еще одна трудность, сеньор Мартиньо. Я имею в виду ее собственное признание, сделанное публично. Здесь уж нелегко ошибиться...

— Это проще пареной репы! Я скажу, что с ней случаются истерики и галлюцинации.

— Браво, сеньор Мартиньо! Теперь я вижу, такой пройдоха, как вы, выпутается из любой передряги. А что дальше?

— Дальше я все это выложу шефу полиции, добавлю, что умываю руки, и на сем поставим точку. Хозяину рабыни я напишу, будто произошла ошибка, после чего он не станет больше искать рабыню в ваших краях, а перенесет поиски в другие провинции. Как вы находите мой план?

— Он восхитителен. Приступайте же, сеньор Мартиньо, не теряйте времени.

— Бегу, бегу! И двух часов не пройдет, как я вернусь за обещанным вознаграждением.

— Нет, сюда не приезжайте, я здесь долго не задержусь. Я буду вас ждать в своем доме и подготовлю оговоренную сумму.

— Ступайте, вы мне больше не нужны, — сказал Мартиньо полицейским и судебному исполнителю, выйдя за дверь. Проводив их взглядом, он радостно потер руки и пробормотал себе под нос: — А ставки-то удваиваются, господа — совсем как в ландс-

кнехте. Нет, эта рабынюшка — золотая жила, и она еще отнюдь не иссякла, хи-хи...

И ушел, мурлыкая себе под нос.

— О чем ты договорился с этим негодяем, Алваро? — взволнованно спросил Жералдо, едва Мартиньо вышел вон. Алваро в двух словах рассказал другу о заключенной сделке.

— Ну и фрукт этот Мартиньо! — воскликнул Жералдо. — Я на твоем месте не стал бы на него полагаться. Такой мерзавец готов заложить родного отца за приличную сумму. Кстати, Алваро, ты уверен, что многого добился?

— Пусть и не многого, но кое-чего. Хотя бы выиграю время. Как говорится в пословице: «Пока палка не бьет, спина отдохнет». Пока Леонсио, убедившись, что Изауры здесь нет, будет разыскивать ее где угодно, кроме Ресифе, она преспокойно поживет у меня под крылышком, избавленная от преследований и скотского обращения этого варвара. А я воспользуюсь передышкой, чтобы собрать документы и доказательства, подтверждающие ее право на свободу.

— Как ты жестоко заблуждаешься, мой бедный Алваро!.. Ты наивно полагаешь, что, избавившись от Мартиньо, добьешься прекращения преследований твоей подзащитной? Ты не представляешь, сколько у нас доносчиков, готовых за пять конто продать душу дьяволу! Для них это баснословная сумма, поверь. Они набросятся на вас, как стервятники на падаль.

— Ты неисправимый пессимист, Жералдо, и во всем склонен видеть дурное. А я вот верю, что скоро все позабудут ложные измышления Мартиньо и никто даже не вспомнит о какой-то рабыне. А тогда пусть хоть сотня сыщиков рыскает в поисках юной рабыни! Все-таки я приобретаю отсрочку и постараюсь воспользоваться ею, чтобы вызволить Изауру.

— Хорошо, Алваро, но не кажется ли тебе, что ты роняешь свою честь и достоинство, ввязываясь в эту историю? Вот смотри — Леонсио осыпал тебя самыми изощренными оскорблениями, потом, согласно букве закона, ты и впрямь становишься похитителем и укрывателем чужих рабов...

— Прости, дорогой Жералдо, но я никак не могу с тобой согласиться. То есть, по существу, ты, конечно, прав, но совершенно не учитываешь, что мы с Изаурой поставлены в особое положение.

— Ладно, Алваро, поступай как знаешь; я исчерпал все возможные аргументы, чтобы предостеречь тебя, но по-прежнему считаю твое поведение безрассудным и мальчишеским, а главное — совершенно недостойным тебя.

Последние слова доктор Жералдо произнес с нескрываемой горечью. Он любил друга и искренне страдал, считая, что сжигающая Алваро страсть помрачила его разум и побуждает совершать сумасбродные поступки. Поэтому он и не думал о том, чтобы подсказать Алваро лучший путь к освобождению Изауры, но, напротив, старался всячески отговорить его, рисуя перспективы самыми мрачными красками. Если бы мог, он не преминул бы вернуть Изауру хозяину, чтобы вызволить Алваро из плена слепой и безумной страсти.

ГЛАВА XVII

Оставшись один, Алваро уселся за стол и, подперев голову руками, погрузился в глубокое раздумье.

Он даже не заметил, как в комнату вошла Изаура, которая по воцарившейся тишине догадалась, что посторонние покинули дом.

— Сеньор Алваро, — робко сказала она, приблизившись к нему, — простите меня... вы, верно, так устали от меня... я понимаю...

— Нет, нет, милая Изаура, — встрепенулся Алваро, — что ты такое говоришь? Напротив, ты всегда мне желанна.

— Мне горько видеть вас таким опечаленным!.. Здесь было столько шума... Приходили какие-то люди... Это из-за них вы так закручинились, мой сеньор?

— Вовсе нет, Изаура. Просто заходили знакомые доктора Жералдо, которые разыскивали его.

— Но почему же вы такой грустный?

— Нет, уверяю, тебе это кажется, Изаура. Просто я раздумываю, как освободить тебя, мой ангел, как вырвать тебя из бездны рабства и вознести до той жизни, которую ты заслуживаешь, для которой тебя создал Всевышний.

— О, сеньор, молю вас, не мучайте себя из-за любви несчастной, недостойной вашего внимания и заботы. Тем более что бесполезно пытаться спасти меня от неизбежной участи.

— Не говори так, Изаура, не разбивай мое сердце. Ты не знаешь, как окрыляет меня любовь к тебе, какие силы придает!

— О, сеньор мой, я недостойна ваших нежных слов. Вы должны полюбить другую, которая заслуживает вашей любви, и выкинуть из сердца бедную невольницу, которая подвела и унизила вас, скрыв свое происхождение.

— Замолчи, Изаура, прошу тебя!.. До каких пор ты будешь вспоминать этот кошмарный случай? Я сам виноват, что заставил тебя идти на бал, когда ты так противилась... и правильно

делала. Выкинь это из головы, умоляю! Ради нашей любви, Изаура!..

— Не могу, сеньор, уж слишком безжалостно гложет меня совесть, и слишком сильно терзают воспоминания об этом позоре и бесчестье. Несчастье — плохой советчик, оно омрачает душу и точит сердце. А я слишком люблю вас и с каждым днем все сильнее и сильнее... простите меня за эти слова, неподобающие рабыне.

— Нет, Изаура, говори! Почаще говори, что ты любишь меня. Я готов хоть целую вечность жадно внимать этим словам, срывающимся как капельки меда с твоих уст!

— Господи, что может быть печальнее и трагичнее на свете, чем любовь рабыни, любовь без радости и надежды? Но что может сравниться с тем счастьем, которое подарила мне ваша любовь! Я возношусь до небес, возвышаюсь в собственных глазах и даже забываю о своем унизительном и горестном положении.

— Мы любим друг друга, и ничто остальное не имеет значения. Если, встретив тебя впервые, я полюбил тебя, сраженный твоим сказочным обаянием и прелестью, то теперь, когда ко всем твоим достоинствам добавился еще и ореол великомученичества, я люблю тебя во сто крат сильнее, я боготворю тебя.

— Вы любите меня, сеньор, и от того мне становится еще горше. Сколь жестока и коварна эта любовь, если мне даже не посчастливится стать вашей рабыней, а суждено погибнуть от руки палача!..

— Нет, клянусь тебе, что этого не случится, Изаура! — пылко выкрикнул Алваро. — Я отдам все, чем владею, — состояние, дело, жизнь, наконец, — но вызволю тебя из-под ига гнусного тирана!..

После злополучного бала, на котором открылось, что таинственная незнакомка — беглая рабыня, Алваро продолжал обращаться с Изаурой с прежней нежностью и учтивостью. Вести себя по-другому ему не позволили бы ни природное благородство и утонченность натуры, ни нежные чувства, что он питал к Изауре. Ни разу нежные щеки прелестной невольницы не заливались краской стыда от излишне смелого жеста или двусмысленного словца, ни разу губы Алваро не прикасались в самом легком поцелуе к невинным девичьим щекам. Лишь в самые последние дни, уступив, наконец, постоянным настойчивым просьбам Изауры, Алваро позволил себе вольность обращаться к ней на «ты», и то лишь в тех случаях, когда влюбленные оставались вдвоем.

А вот сейчас впервые Алваро, влекомый самыми нежными и

пылкими чувствами, произнеся последние слова, обвил руками плечи Изауры и мягко прижал ее к груди.

Влюбленные словно оцепенели, очарованные сладостью и гармонией этого первого робкого объятия любви, как вдруг шум подкатившей к домику кареты и последовавший за ним грубый оклик — «Эй, там, в доме!» — разрушили этот мимолетный миг счастья.

Послышался стук в дверь, и в комнату вошел кучер Алваро. Держа шляпу в руках, он возвестил о том, что сеньора спрашивает какой-то незнакомец.

— О, Боже, неужто конца этому не будет, — раздосадованно пробормотал Алваро, решив, что еще один шпик разнюхал след Изауры. Повернувшись к своей возлюбленной, он сказал:

— Будет лучше, если ты покинешь нас, моя милая. Мало ли, кто это окажется, а я не хочу, чтобы тебя лишний раз видели.

— Да, сеньор, конечно, — ответила Изаура и, потупив взор, вышла из комнаты.

Несколько мгновений спустя дверь распахнулась, и в ее проеме возник элегантный, изысканно одетый и красивый молодой человек аристократического вида. Впрочем, если присмотреться повнимательнее, можно было заметить, что в красоте его есть что-то от Лузбела* — неуловимо зловещее и жестокое выражение, мрачный взгляд из-под нависших бровей, внушающий ужас и отвращение.

«Нет, это явно не шпик», — подумал Алваро и предложил вошедшему стул: — Присаживайтесь и рассказывайте, что вас привело сюда.

— Простите, сеньор, — сказал незнакомец, окинув взглядом комнату, — но я хотел бы говорить не с вами, а с тем, кто проживает здесь, или хотя бы с его дочерью.

Алваро содрогнулся. Увы, худшие его опасения подтвердились: если этот молодой человек и не шпик, то он определенно пришел по следу Изауры. И все же, прежде чем позвать хозяев, Алваро решил выяснить намерения незваного гостя.

— Хозяин уполномочил меня вести все их дела, — твердо сказал он, — так что можете смело говорить со мной.

— Хорошо, сеньор, скрывать мне нечего и тайных умыслов у меня нет. В этом доме прячется беглая рабыня по имени Изаура, и я приехал потребовать ее выдачи.

— В таком случае вы обратились по верному адресу, так как я являюсь попечителем рабыни.

— Ах, вот как! Так вы и есть сеньор Алваро?

— К вашим услугам.

* Лузбел — то же, что Люцифер (дьявол).

— Наконец-то мы свиделись. Думаю, вы догадались, что я Леонсио, законный хозяин этой рабыни?

Леонсио!.. Хозяин Изауры! Алваро замер, как громом пораженный. Он чувствовал себя раздавленным тяжестью этого зловещего открытия. Вот он какой, этот человек с выражением мрачной решимости на жестоком лице, коварный и злобный, как Люцифер, готовый схватить несчастную жертву и утащить ее в ад.

«Это он!.. Сам палач!.. Ах, бедная Изаура!..» — унылое эхо вырвалось, казалось, из самой глубины души, охваченной невыразимым ужасом.

ГЛАВА XVIII

Возможно, что читатель не менее Алваро поразился неожиданному появлению Леонсио в Ресифе. Следует поэтому объяснить причину этого необычного события.

Леонсио, как мы уже знаем, отправил по почте два письма: одно — Алваро, другое — Мартиньо, но на этом не успокоился. Ведь сообщение о том, что Изауре покровительствует влюбленный в нее молодой богач, поразило его в самое сердце. Мысль о том, что прекрасная рабыня уже, возможно, принадлежит другому, зловещей опухолью разъедала его душу и все жарче разжигала там нечестивую страсть. Поэтому, едва получив вести об Изауре, Леонсио покинул столицу и отправился туда, где сам мог принять участие в ее поимке. Накануне отплытия своего парохода, написав и отправив два известных нам письма, молодой человек провел остаток дня в мрачном беспокойстве. Мучительное напряжение не позволяло ему оставаться на месте и терпеливо дожидаться результатов. В те дни пароходное сообщение вдоль берегов Бразилии только начиналось, и почта перевозилась крайне медленно. К тому же, как понимал Леонсио, издалека он никак не мог подогревать усердие полицейских и судебных чинов, тем более что действовать им предстояло против Алваро, который пользовался в Ресифе куда большим влиянием, чем он сам. Так что нашему герою оставалось только отправиться вслед за своими письмами.

Окончание на стр. 161

Обидно за наших деревенских мальчишек... Ничего не видят они за три летних месяца, кроме комбайна, трактора да стада телят. А ведь где-то есть «Артек», «Орленок»...

Николай **РОДИЧЕВ**

МАЛЬЧИШЕСКИЙ ХЛЕБ

На исходе лета решил побывать на родной Брянщине. Погода в те дни выдалась хорошая. Земля радовала неслыханным урожаем. Золотились на солнце, ходили волнами под легким ветерком налитые колосья пшеницы. Не собери эти нивы вовремя, злой ветер или проливной дождь за один час разметает стебли злаков по земле, смешает с грязью. Да и свезенный на ток бурт зерна без должного пригляда может намокнуть, сопреет. Такое на глазах пахаря случалось не раз.

Ох, как нужны на время косовицы сильные, умелые руки! Но где их взять, если в село ныне ехать люди не торопятся? А Евдокимовка к тому же не столица красоты. Так себе село, без реки, и лес отодвинулся от изб далековато. Улицы изрезаны затравеневшими оврагами. Без малого тридцать верст до железной дороги. Ни пройти, ни проехать, если глинистый проселок оросило дождем. Так что помощи ждать неоткуда. Вот тут-то и вспоминают взрослые сельчане о первых своих помощниках — школьниках.

На ночлег остановился в доме Михаила Ивенкова. Ему тридцать два года, но трудовой стаж под двадцать лет. Трагически погиб отец. А Миша был старшим среди пятерых детей в родительской семье. Надо было помогать маме поднимать младших на ноги. Мама — телятница, дотемна возле скота, а дома огород и корова, куча малышни. И свои уроки надо готовить. Миша закончил курсы трактористов, был бригадиром, затем избрали в правление колхоза. Сейчас все братья Ивенковы окончили кто курсы механизаторов, кто техникум. Один из них, Виктор, в двадцать лет стал заведующим молочной фермой, другой, Петр, садовод, и остальные, как говорят, все при деле. Имеют семьи, никто далеко от родительского дома не уехал. И у Михаила теперь своя семья — две дочери, сын. Мальчишке тринадцать лет. Отец представил мне его как первого помощника, надежную опору в хозяйстве.

— Алексеем назвали! После окончания четвертого класса сам запросился в пастухи. Нашел напарника из школьных дружков. Правление дало им лошадь и триста голов скота доверило. Все лето так и пасли стадо. Ну, и за конягой ухаживали. А сейчас Алеша за руль машины сядет и на комбайне может.

— Как на комбайне? — удивился я.

— Помощник комбайнера! — подтвердил отец.— В колхозе таких юных механизаторов десятка два наберется. А вот Ирочка,— указал глава семьи на пришедшую с улицы десятилетнюю дочь,— с бабушкой за телятами колхозными ухаживает.

Алеша небольшой ростом, но коренастый, крепкий на вид, очень застенчивый мальчик. Ни слова не проронил, пока отец с дядей разговаривал. По годам он еще ребенок, но как много перенял от взрослых по уходу за скотом, все делает в доме, что велят, и в пригляде за младшими сестренками.

Мы с Михаилом вскоре поехали на «газике» за околицу. В тот день убирали пшеницу. Прошел дождик, и механизаторы позволили себе нечто вроде перекура в ожидании, когда просохнет недокошенное поле. Неподалеку от взрослых, которые, осматривая механизмы, делились новостями, обменивались мнениями о видах на урожай, я заметил под кузовом грузовика с десяток мальчишек в засаленных куртках и кепчонках. Возраст любого из них был не больше пятнадцати.

— Вот это и есть наша молодая гвардия! — бодро представил ребят член правления колхоза.— Все они с дипломами механизаторов, а сейчас — помощники комбайнеров.

Запыленные лица, одежда не первой свежести, кое-где меченная масляными пятнами. Мальчики без робости, даже с любопытством разглядывали меня. Никто их не гнал в поле и не заставлял работать летом, в пору, когда другие школьники отдыхают. Прежде чем заступить рядом с опытным механизатором на мостик степного корабля, каждый из них не меньше двух лет учился после уроков на курсах механизаторов при колхозных мастерских, затем разбирал и собирал машины. На звание помощника сдают экзамены, получают свидетельства. Работушка в поле от зари до зари. Но терпят мальчишки все тяготы полевой работы, не жалуются на усталость. За день каждый из них получает тридцать, а то

и сорок рублей. Иначе говоря, три четверти от заработка комбайнера полагается по всем нормам специалисту-помощнику. Мне захотелось узнать имена юных героев жатвы.

— Сергей Легков,— откликнулся первым высокий, широкоскулый паренек. Михаил, стоявший рядом, объяснил: Сережа — сын председателя колхоза. Пятнадцать лет. На комбайне второй сезон. Если поле ровное, бывший восьмиклассник становится за штурвал. Комбайнер доверяет ему. Ясное дело, сам механизатор далеко от мостика не уходит.

Вторым отозвался еще один Сергей, по фамилии Ветчинов. Он не здешний, сын инженера из Волгодонска. Каждый год приезжает в брянское село. Здесь ему нравится природа. А мечта такая: самому заработать за лето на японскую куртку, а если сложить прошлогодний заработок с нынешним, родители купят за его же деньги мопед. Вслед за этими двумя поднялись евдокимовские. Назвали себя только по фамилиям: Абрамкин, Куфтовы... Приземистый, со спокойным, немного застенчивым взглядом Алеша Куфтов водит по полю машину напеременку с отцом, Павлом Даниловичем. А вот худощавый, со светлым русым чубчиком, Коля Зайцев оказался тоже гостем в Евдокимовке. Он живет с родителями в районном центре, в двадцати километрах отсюда, учится в восьмом классе и очень любит растения. Сюда ездит к агроному, учится у него ухаживать за посевами, а когда начинается уборка, садится на комбайн, имеет допуск к самостоятельной работе на машине. Сережа Танюхин приезжает в село из города Дмитриева Курской области. В мальчике задатки отменного хозяина земли.

И так я познакомился за один приезд с двенадцатью юными механизаторами. Целый трудовой лагерь в одном колхозе!

Позже, когда зашел в колхозную контору и представился руководителю хозяйства Василию Петровичу Легкову,— отцу того Сережи, что самостоятельно водит комбайн,— зашел разговор о мальчишках, занятых не по возрасту серьезным делом на уборке. В разговоре осторожно заметил, что день-то летний долог. А механизатору нужно не просто себе стоять да любоваться картинами природы, а вкалывать наравне со взрослыми.

— А что я успел бы летом без этих мальчишек? — спросил председатель.— Где людей взять? Да и привычные они к труду сызмальства. Чуть на ноги встал крестьянский сын, уже нужна его помощь по дому. Девочки идут на ферму к матерям, а мальчишки к машинам тянутся. Так шло от веку, что сын у своего родителя профессию перенимает.

Восхищаясь самоотверженной и даже какой-то вдохновенной отдачей деревенских подростков, мы с председателем колхоза Легковым и вожаком сельских коммунистов Ивенковым повели речь о том, что труд сам по себе не губителен для подростков. Прежде чем допустить к работе, старшие десять раз приглядятся к своему мальцу. Ясное дело, работают они под присмотром, и если кому из подростков труд не под силу или простудится ненароком, взрослые тут же отошлют домой, и никто не поругает за слабость. Скорее, наоборот, не поскупятся для старательных на доброе слово и подарком не обойдут. Что заработал — твое. Да еще в конце молотьбы каждому школьнику полагается ценный подарок от колхоза: часы, радиоприемник, а то и мотоцикл.

— Обидно за наших мальчишек в другом,— заметил с грустью сельский голова.— Не замечает их вклада в дела взрослых держава. Ничего не видят они за три летних месяца, кроме комбайна, трактора да стада телят. А где-то ведь есть «Артек», «Орленок», другие пионерские лагеря, турбазы для молодежи. Здесь уж нам за городскими не угнаться! Все подметут для себя, о нас не вспомнят! Есть, конечно, большие города

с музеями, театрами, спортивными площадками... Стыдно сказать: за многие годы ни одной путевки в пионерский лагерь для евдокимовской детворы. Никто не собрал юных хлеборобов на исходе лета на слет, хотя бы в областном центре! Не поблагодарили за честный и благородный крестьянский труд. А вклад школьников в полевые заботы, скажу вам как руководитель хозяйства,— очень весомый!

И тут я вспомнил: в белокаменной нашей столице есть хороший обычай — московские школьники приглашают к себе ровесников из других стран. Из Польши, Чехо-Словакии, ГДР и даже Америки. В частности, средняя школа № 715 дружит с одной из финских школ. Сколько радостных волнений испытывают юные москвичи, принимая сверстников из соседней страны, какие готовят подарки! А учителя и родители заранее покупают зарубежным гостям билеты в московские театры и музеи, заказывают автобусы для экскурсий по городу и окрестностям. И все это прекрасно! У нас тоже есть что показать гостям, есть чем одарить приезжего издалека ребенка. Славно, что у русских существует древний обычай: гостю мягкая постель и самый дорогой подарок!

Но вот обидно: столичные школьники и дети других крупных городов совсем не замечают своих ровесников, живущих в глубинке. Не водят с ними дружбы. В лучшем случае группку приезжих школьников, скажем, с Кубани или из Челябинска, Донбасса или Симферополя, поселят в опустевшем классе какой-нибудь школы. Сопровождающая их учительница покажет им станции метро, какой-нибудь не очень загруженный посетителями музей. Много времени провинциалы проводят в очереди в третьеразрядную столовую, где супчик подешевле. А где же их столичные ровесники в это время? Почему не пригласить по одному, по двое в семью, как приглашают финнов или чехов? Отчего бы не расспросить ребят из деревни о житье-бытье на селе, не одарить подарком на память о московском гостеприимстве?

Ни один из моих знакомых школьников из брянской Евдокимовки, выращивающий вместе с родителями и хлеб и мясо для горожан, не был в Москве, не имеет представления, как живут здесь их ровесники. Полное отчуждение! Почему? По какой причине? Или свои мальчишки хуже?

Этот вопрос я мог бы адресовать и взрослым москвичам, даже пенсионерам. Что мешает нам, знающим, почем фунт хлеба, проявить любезность к юным героям жатвы, позвать в свою семью на осенние или зимние каникулы одного или даже двух помощников комбайнера? Обеднели бы от такого гостя, много потеряли? Да он и со своим харчем, глядишь, пожалует! А уедет с запасом тепла от новых знакомых, со светлыми думами о добрых горожанах.

ИСТОРИЧЕСКИЙ КАЛЕЙДОСКОП

КАЗНА БОГАТЕЛА

Бюджет России с 1837 по 1897 год увеличился более чем в девять раз, в то время как бюджет Англии, например, возрос лишь в 2,5 раза (с 1831-го по 1897-й), Франции — в 2,75 раза (с 1840-го). Если даже принять во внимание, что рубль в это время утратил треть своей ценности, то возрастание бюджета в России шло более чем вдвое быстрее, чем во Франции, и почти втрое быстрее, чем в Англии.

ДАЕШЬ «ДЕТСКУЮ РЕСПУБЛИКУ»!

Долгие годы жителям Ленинского района города Новосибирска приходилось мириться с тем, что в самом его центре находится колония строгого режима, окруженная высоченным забором с колючей проволокой и вышками охранников. Они уже давно свыклись с завыванием сирены, лаем собак, сумасшедшими криками из шизоштрафного изолятора.

Местные родители даже научились использовать лагерь под своими окнами в педагогических целях, внушая детям, дескать, не будешь маму-папу слушать, попадешь не в пионерлагерь, а вон туда!

Но во времена гласности новосибирцы начали все-таки выражать недовольство столь беспокойным соседством. Они устали от криков и блатных песен освободившихся зэков, которые частенько приходили под стены зоны продемонстрировать солидарность с дружками-подельщиками. А при случае и перебросить за забор пару-тройку бутылок водки или одеколона «Кармен».

Конечно, в застойный период милиция очень оперативно погасила бы конфликт с местным населением. Но теперь другие времена, и поэтому, идя навстречу пожеланиям общественности, МВД СССР решило расформировать учреждение УФ-91/5. А молодежный хозрасчетный центр «Арсенал», действующий при Новосибирском горкоме комсомола, тут же выступил с призывом отдать территорию колонии со всеми постройками под комплекс по трудовому и нравственному воспитанию подростков — «Детская республика». Проект впечатляющий. А главное — очень гуманный по своей сути и выполненный с большой фантазией и любовью к юным. В нем запланирован и драматический театр «Арс», и кафе-столовая, спортивно-оздоровительный комплекс, детский комбинат, ПТУ. И даже лицей! А также поликлиника, где станут лечить юных алкоголиков и наркоманов. На прилегающей территории планируется разбить парк.

Такая забота просто необходима, ведь в районе только в прошлом году подростками было совершено свыше 550 преступлений, сотни ребят стоят на учете в инспекции по делам несовершеннолетних. И ведь не от интересной жизни они шли на правонарушения — от безделья и от того, что негде с толком провести свободное время. А в «Детской республике», кроме досуга, им обещана и работа на мебельном производстве, и приличные заработки.

Комсомольский почин поддержало городское руководство, включая обновленный ГК КПСС и вновь избранный горсовет. Но вот уже почти год миновал с тех пор, а колония по-прежнему продолжает существовать в центре района и под окнами местных жителей совершенствует свою гуманную деятельность по нравственному перевоспитанию рецидивистов.

— Нам продолжают внушать в управлении исправительных дел, что расформировать преступный контингент — дело непростое,— говорил мне генеральный директор «Арсенала» Сергей Захаров.— А тем более решить проблемы с мебельным производством, на котором ударно трудятся заключенные. Тогда мы предложили арендовать это предприятие и построить дом для его сотрудников. А нам говорят: мол, одни только лагерный забор стоит миллион рублей — его так просто не спишешь. В общем, наши гуманные органы больше заботятся о выпуске своей низкокачественной мебели, нежели о том, чтобы 600 трудных подростков, проживающих в районе, попали бы в «Детскую республику».

— Я лично обеими руками «за»,— заявил мне начальник УВД Новосибирского облисполкома А. Кашутин.— Прекрасная идея создать детский центр. Но вы сами понимаете, что принять такое решение не входит в мою компетенцию, и у нашего министерства огромные производственные планы по выпуску полезной продукции. Здесь нужно все просчитать и обдумать, однако это уже дело главка исправительных дел МВД...

И все-таки я надеюсь, что хотя бы «в порядке эксперимента» ГУИД МВД проявит наконец неприказную гуманность и отдаст центр города во владение юным хозяевам «Детской республики».

Александр НЕВСКИЙ

ПОРНОГРАФИЯ — ПРИЧИНА РАЗВОДОВ

Американское бюро переписи населения вместе с рядом социологических организаций предоставило конгрессу доклад, из которого следует, что за последние 20 лет началось активное размывание традиционной семьи. Цифры неутешительные: число супружеских пар, имеющих детей, сократилось с 44 до 27 процентов. Почти в два раза возросло количество матерей-одиночек.

Средний возраст людей, вступающих в первый брак, стал старше. Но при этом резко увеличилось число разводов. Сейчас в мире, пожалуй, по числу повторных браков с американцами никто сравниться не может. Американские социологи в распаде семей винят порнографию. И хотя непристойные открытки запрещены законом, они общедоступны.

Г. МАЛИНИЧЕВ

С 16 февраля по 30 августа 1919 года в Киеве во второй раз после революции была установлена Советская власть. Чувствовала она себя весьма неуверенно, и посему первое советское учреждение, возникшее в городе — Губернская чрезвычайная комиссия,— карать принялась с места в карьер — сурово и беспощадно.

БОЙНЯ

Вначале власти взялись за «русский национализм». С памятника Богдану Хмельницкому сбили слова: «Волим под царя Московского, православного» и «Богдану Хмельницкому — Великая и Единая Россия». Столыпинскую улицу переименовали в улицу маньяка-террориста Гершуни. ЧК открыло список своих жертв 68 членами существовавшего в Киеве до революции «клуба русских националистов». Большинство из них состояли в клубе чисто номинально, к тому же половине перевалило за семьдесят лет. Среди них были такие уважаемые в городе люди, как профессора университета Армашевский и Флоринский, судья Раич и т. д. Всех их расстреляли даже без формулировки вины, со ставшим вскоре традиционным клише: «В порядке красного террора». Аресты и расстрелы (также «в порядке красного террора») членов киевского Союза русского народа продолжались почти до ухода большевиков. Расстреливали не за «преступления», а за убеждения. Типичный пример: преподаватель инженерных советских курсов и бывший директор гимназии Д. П. Янковский оказался монархистом и посмел своих убеждений не скрывать. И вот «коллегия ВУЧК, рассмотрев дело монархиста Янковского, постановила: гр. Янковского расстрелять в порядке красного террора и приговор привести в исполнение в течение 24 часов, подвергнув конфискации все имущество расстрелянного» (Известия ВУЦИК, 1919, 3 авг.).

Волна «конфискаций» и «реквизиций» накрыла город. Начавшаяся с марта кампания по реквизиции у «буржуев» домов и вселению туда «бедствующих пролетариев» привела, однако, к преимущественному занятию этого жилого фонда чиновниками новых советских учреждений, которые росли как грибы (один СНК Украины отхватил сразу для своего аппарата 3 тысячи комнат). При реквизиции «буржуям» разрешалось забирать с собой только самое необходимое, поэтому утварь, драгоценности, дорогая мебель разбирались, или проще сказать, расхищались новыми жильцами. В первых рядах здесь шли сотрудники губчека. В их руках осела значительная часть той 200-миллионной «контрибуции», которой под страхом расстрела была обложена в первую же неделю новой власти киевская «буржуазия» (к ней отнесли даже присяжных поверенных). Бывший следователь Киевской ЧК Михаил Болеросов вспоминал: «...Чекисты в это время производили обыски и аресты, неприкрыто грабя население. Особенной любовью пользовались у них золото, бриллианты и спирт. Служба превратилась в беспрерывный кутеж, сопровождаемый и изнасилованием женщин, и истязанием арестованных» (На чужой стороне. Сборник. Прага, 1925, т. 9, с. 118).

В помещении губчека на Елизаветинской улице, рядом с хранилищем для реквизированных ценностей, чекисты организовали под видом «коммунистического клуба» ресторан с развлечениями, фактически особую «коммуну», где все живущие вскоре «переродились» и переболели всеми венерическими болезнями... Здесь балы и вечера, сопровождаемые кутежами и попойками, чередовались с закулисными интригами заинтересованных в той или иной материальной выгоде или служебном повышении служащих губчека.

Кто же возглавил киевское губчека? Болеросов дал любопытные характеристики его руководящих работников: «Блувштейн (он же Сорин). Председатель ЧК... играл роль большого вельможи, знающего свой высокий удельный вес у большевиков... Его участие в убийстве низложенного императора Николая 2-го и его семьи создавало особый революционный ореол... Побуждая младших сотрудников закреплять свое революционное сознание собственноручным расстрелом жертв Че-ка, Сорин сам лично участвовал в расстрелах...

Лифшиц Яков (зав. оперативным отделом.— **А. В.**)... Обладал колоссальным влиянием на дела Че-ка. Жестокий до беспредельности... В расстрелах жертв Че-ка участвовал не как гастролер, а как профессионал...

Фаерман-Михайлов, комендант Че-ка... Жесток, трус, нахален, самоуверен, сластолюбив... Был долго палачом жертв киевской Че-ка (пока не сошел с ума и, по ходившим в городе слухам, расстрелян.— **А. В.**).

Шварцман Яков... крупный политический работник и деятель. Самолично расстреливал. Избивал и пытал арестованных...

Рубинштейн — дипломат, коварен, сластолюбив, по-своему добр, жесток с заключенными. Участвуя в расстрелах из любопытства, он смаковал агонии жертв, в одну из которых он выпустил последовательно около 30 пуль...

Рабичев — приехал из Саратова после «присвоения» 70 000 рублей. Тихий, спокойный человек. Пристрастился к советской власти ради службы и наживы...» (М. Болеросов, с. 120—121).

«Пристрастившихся» к власти была целая волна. «К сожалению, ряды этих чиновников пополняются в большинстве своем буржуазной молодежью, преимущественно еврейской»,— отмечала в своем дневнике киевская студентка (еврейка) (Арх. Рус. Рев., т. 15, с. 213). Огромную роль в упрочении аппарата новой власти на Киевщине сыграли также части «интернационалистов» (венгров, румын, китайцев и т. д.), формировавшихся для разжигания «мирового пожара» в Центральной Европе, но в связи с «особой ситуацией» приданных ЧК и бывших главной силой для подавления бесконечных кресть-

Киевская чрезвычайка

Жертвы Киевской чрезвычайки

Один из подвалов ЧК. Темные пятна — следы крови.

Разстрѣленные красными монахи (х Игуменъ).

янских выступлений. В докладной записке командующего Украинским фронтом Красной Армии Антонова-Овсеенко, отправленной в Москву 17 апреля 1919 года, говорилось: «...В правобережной Украине работа «чрезвычаек» и продэкспедиторов, опирающихся на «интернациональные» отряды, возрождает национализм, поднимая на борьбу с «оккупантами» все население без различия...» (К тому же глава украинского СНК «палач в белых перчатках» Х. Раковский инструктировал этих «интернационалистов»: «Первое условие в борьбе с бандитизмом — это считать деревню коллективно ответственной за бандитские действия, которые происходят в ее районе». В результате, по воспоминаниям А. А. Дородницына, еще долго в деревнях Киевщины именами местных чекистов пугали маленьких детей...) После ухода красных из города на некоторых трупах нашли следы невероятных истязаний половых органов. Их только и могли приписать «деятельности» китайской роты Ли Сю-ляна из Особого отряда ЧК...

«Интернационалисты» активно использовались и для усмирения «бунтов» рядовых красноармейцев, отношение которых к чекистам характеризовалось самими же большевиками как «неприязнь» и даже «ненависть». Весной 1919 года мятежные красноармейцы штурмовали ГубЧК и освобождали ее узников. О положении в городе в конце мая того же года Антонов-Овсеенко писал: «...обнаружилось, что в частях Киевского гарнизона идет подпольная агитация за предъявления сообща требования «всефронтового съезда» под антисемитскими и античекистскими лозунгами. Эта агитация в конце концов стала проводиться вполне открыто...» Однако вспыхнувшие выступления были подавлены.

Несколько раз в Киев с инспекцией приезжал — в царском поезде, с охраной из 300 латышей председатель РВС Л. Троцкий. Выступая на митинге 19 мая, «вождь Красной Армии» заявил: «...здесь у вас на улицах Киева буржуазия не чувствует себя еще опрокинутой и представляет собой тот бульон, в котором усиленно развиваются микробы всяких заговоров». Позже, летом, когда территория Советской Украины стала стремительно таять, Троцкий в ярости бросил: «По колено в крови контрреволюционеров уйдем из Киева!» (Воспоминания Екатерины Гауг. Сб. «Белое дело». Берлин, 1927, т. 2,с. 204)

Слово у Троцкого не расходилось с делом. Расстреливали в ВУЧК, в Особом отделе 12-й армии, в ГубЧК, в ГорЧК, в многочисленных комендатурах ЧК, которых только на Елизаветинской улице было пять. Расстреливали обычно ночью или утром, а в полдень к зданиям ЧК подъезжали специальные подводы. Как-то одному из возчиков при виде очередной груды трупов, вываленной в телегу, стало дурно, и он зашатался. Комендант Угаров (сменивший свихнувшегося на расстрелах Фаермана) выхватил револьвер и заорал: «Что воротишь морду, хочешь рядом с ними лежать?»

Трупы обычно увозились в анатомический театр, тайно хоронились на городском Лукьяновском кладбище, во дворах, парках. В бетонированном сарае горчека ввели усовершенствование: «Трупы убирать не было времени, для этого был заготовлен особый ящик шириной в нормальный рост человека и такой длины, что могут в него лечь рядом 6 человек. Обреченные клались в него ничком и пристреливались выстрелом из револьвера в голову, сверху клался еще ряд живых, опять пристреливался, так, пока ящик не заполнялся. Ящик с групами вываливался в Днепр или прямо на свалку (свидетельство чиновника Н. Б.)» — «На чужой стороне», т. 10, с. 221).

Немудрено, что при такой «работе», помимо золота и драгоценностей, палачей ЧК интересовали спирт и особенно кокаин, реквизировавшийся в медицинских учреждениях. Он им помогал быть хладнокровными во время расстрелов и пыток. Пять сестер Красного Креста, которым большевики, желая сбросить с себя всякие заботы даже о питании заключенных, разрешили помогать заключенным в тюрьме ВУЧК, определяли «правящий класс», верхушку ЧК, как «кокаинистическую интеллигенцию». Немудрено. Комендант ВУЧК Анохин признался одной из сестер: «Спать не могу. Всю ночь мертвецы лезут...» (Впрочем, были и другие методы «саморегулировки». Один из палачей харьковской ЧК говорил: «...мучился, да товарищ научил выпить стакан крови. Выпил — сердце как каменным стало».) (Архив Русской Революции. Берлин, 1922, т. 6, с. 338.)

Один за одним в Киеве «славная ЧК», как трещала пропаганда, раскрывала очередной «империалистический», «белогвардейский» или петлюровский заговор. О методах, которыми они «раскрывались», красноречиво свидетельствует М. Болеросов: «...Вызвав к себе в камеру Алиева, Манькин (двоюродный брат Сорина-Блувштейна.— **А. В**) сразу как безумный накинулся с шомполом в руках на свою жертву. Из соседней комнаты... были слышны лишь удары и возгласы: «Скажи!.. скажешь!»... Затем все стихло. Через некоторое время к окровавленному Алиеву входит друг Манькина Наум Рубинштейн и спрашивает: «Голубчик, кто же тебя так избил? Почему у тебя везде кровь?» На это Алиев дипломатично отвечал: «Я сам расшибся». Тогда Рубинштейн выхватил из-за спины спрятанный там шомпол и стал также избивать арестанта Алиева с возгласами: «А, ты врать? ты врать...» Туда же влетел и Манькин, и все смешалось в крики «следователей» и стоны истязаемого». (В итоге этот Алиев во всем «сознался» и был расстрелян.)

Характерным в этой цепи «заговоров» явилось «дело Пирро». В июне 1919 года невесть откуда в Киеве появился голубоглазый 30-летний блондин, по словам персидского консула, «похожий на латыша». Несмотря на отсутствие у него документов, СНК Украины немедленно признал его как «консула Бразильской республики графа Альберта Пирро». Видевших его людей «бразильский граф» поражал балтийским акцентом, неумением обращаться с ножом и вилкой за столом, явным незнакомством с консульской работой, а также странным покровительством, которое ему оказывали советские органы и ЧК. «Чрезвычайка» помогла «графу» расклеить по всему городу приглашения киевлянам «записываться в бразильское подданство», которое Пирро тут же и оформлял. Доведенные до отчаяния репрессиями ЧК, несколько десятков легковерных «буржуев» «записались в подданство» и, приготовившись уже к отъезду, с радостью соглашались на предложения «графа» передать за границу кое-какие «письма». В середине августа все новоявленные «бразильцы» были арестованы, а «письма» были объявлены «шпионскими шифровками». От этого «дела», несмотря на весь пафос пропагандистской шумихи, так отдавало провокацией, что ЧК пришлось объявить о расстреле вместе с «буржуями» и самого Пирро. Однако после оставления красными Киева труп его так и не был найден...

Под грохот выстрелов шум склок виутри ЧК был почти ие слышен. В коице мая Сорина-Блувштейна, слишком явио попавшегося на какой-то провокации, сменил его бывший зам. Дегтяренко, Фаерман-Угаров, и доселе «почти исключительно» еврейский, по словам Болеросова, командный состав ГубЧК (впрочем, например, в

[illegible]

дроблены. — Это мера большевиков, чтобы труп не был опознан. Половина из них носила на себе следы допроса...»

Е. Гаут: «При нас также был откопан труп девушки лет 17-ти. Совершенно нагая, лежала эта девушка, почти ребенок, перед нами. Голова ее изувечена до неузнаваемости. Все тело было в ранах и кровоподтеках. А руки! Эти руки носили следы дикого зверства. С них до локтя была снята кожа и белела пристегнутая каким-то изувером бумажка. На ней было написано: «Буржуазная перчатка»... «Все трупы за исключением трупов заложников (им повезло — комиссары торопились. — **А. В.**), носили следы пыток. У мужчин на лбу были вырезаны офицерские значки, на груди портупеи, на плечах погоны... Изувеченные трупы родные пытались опознать хотя бы по зубам — но золотые зубы и мосты были вырваны чекистами». Среди жертв были интеллигенты, буржуазия, крестьяне окрестных сел, рабочие завода «Гретера и Криванека», восставшие против «диктатуры пролетариата». Старики, женщины, даже 12-летние дети. В числе последней партии расстрелянных заложников были русские, украинцы, поляки, евреи. Так было во всех отделениях Всеукраинской и Губернской ЧК в Киеве — на Садовой, Екатерининской, Елизаветинской, Институтской, Пушкинской улицах. Так было в Одессе и Харькове, где местные ЧК за полугодовой период Советской власти уничтожали по три тысячи человек... Так было и на всех горах и равнинах Великой, Малой и Белой Руси, превращенных в полигон «великого эксперимента».

А. ВИНОГРАДОВ

ИСТОРИЧЕСКИЙ КАЛЕЙДОСКОП

ХОЛСТИНА ДЛЯ ПРОСТОЛЮДИНА

Разнообразие материй и яркость их красок поражали всех иностранцев, побывавших на Руси в XVI—XVII веках. История не сохранила нам полного перечисления тканей того времени, но некоторые наиболее употребительные остались. АКСАМИТ — плотная ткань, шитая золотом и серебром на золотой земле. АЛТАБАС — ткань по серебряной и золотой земле. БАЙБЕРЕК — гладкая тяжелая шелковая ткань или с крупными узорами золотом или серебром. АТЛАСЫ были венецианские, травные, китайские, косматые, рытые. ЗВИНДЕНЬ — шелковая ткань. ЗАРБАТ-ИЗАРБАТ, или ЗЕРБАФ — ткань — «травчатая» или «струбчатая». СУКНА были — кармазиновые, скорлат, лундыш, перпияи, настрафиль, чецкие, табединские, английские.

Всех названий не перечислить. Что касается простых людей, то народ одевался в КИНДЯК — толстую байковую ткань и в ПЕСТРЯДЬ — холстину, вытканную из разноцветных ниток, прародителей нынешних холстов, полотен, ситцев.

СТРЕЛЯЛИ В СВЯТЫНЮ НАРОДА

У людей, не занимающихся историей профессионально, представления о прошлом нашей страны складываются, как правило, из смутных воспоминаний о школьном курсе, сведений, почерпнутых в исторических романах, увиденного на кино- и телеэкранах. В результате многие даже не подозревают, что между «киношным» изложением исторических событий и истиной «дистанция огромного размера».

К примеру, в фильме «Сердце России», посвященном октябрьским событиям 1917 года в Москве, есть эпизод: на Воробьевых горах изготовлена к стрельбе батарея тяжелых орудий. На позиции появляется делегация православного духовенства во главе с митрополитом. Чуть ли не на коленях он просит артиллеристов не обстреливать Кремль, дабы не пострадали соборы. Революционный солдат цыкает: не мешай, мол, и кивает на находящегося невдалеке П. К. Штернберга (один из руководителей восстания, профессор астрономии), который смотрит на Кремль в теодолит и что-то подсчитывает. Раздается команда. Бах! Согласно профессорским вычислениям, снаряды попадают точно в штаб контрреволюционеров, а храмы стоят себе в целости и сохранности. Изумленные враги Советской власти в панике покидают Кремль, преследуемые по пятам красногвардейскими отрядами.

Создатели этой «развесистой клюквы» хотя бы не отрицают факта обстрела. По-иному смотрит на эти события специалист в области охраны памятников Е. Б. Овчинникова: «Не был ли вообще обстрел Кремля инсценирован? Не явился ли он скорее психологической атакой, чем серьезной артиллерийской операцией? Ведь иначе разрушения могли быть намного сильнее» (1918 год. Кремль. Реставрация после обстрела.— «Архитектура и строительство Москвы», 1989, № 5, с. 9).

Что же происходило в действительности? Общеизвестно — взятие большевиками власти в Москве проходило не так гладко, как в Петрограде. Руководители Московского Военно-революционного комитета (МВРК) не сумели отнестись к восстанию как к «искусству», что в сочетании с некоторыми объективными факторами привело к затяжным уличным боям, многочисленным жертвам с обеих сторон. Среди членов МВРК было много хороших агитаторов, но практически отсутствовали военные специалисты. Почти все офицеры гарнизона и прибывших в Москву частей остались верны Временному правительству в лице командующего МВО полковника К. И. Рябцева и избранного из числа гласных Городской думы «Комитета общественной безопасности» (КОБ). В распоряжении Московского Совета были тысячи солдат и красногвардейцев, но почти не было командиров, особенно на первом этапе восстания. Вследствие этого революционные войска действовали стихийно, неэффективно, отдавая инициативу противнику. Используя нерешительность МВРК, контрреволюционеры прочно укрепились в центре города, расчленили силы революции, заняли важнейшие стратегические пункты — телефонную станцию и Кремль. Противники Советской власти не только умело оборонялись, но и переходили порой в наступление. Бывали моменты, когда члены МВРК готовились оставить центр города и укрыться в Замоскворечье. Бои затягивались, рабочие и солдаты несли большие потери. В сложившейся ситуации зазвучало требование председателя Замоскворецкого ревкома П. К. Штернберга использовать тяжелую артиллерию. «Только после долгих колебаний,— свидетельствует М. С. Ольминский,— когда пришлось выбирать между жертвой людьми и жертвой кремлевскими зданиями, начался обстрел Кремля из орудий».

Исполняя приказ МВРК, большевики Мастерских тяжелой осадной артиллерии (Мастяжарт), где производились сборка и ремонт японских шестидюймовых гаубиц, сформировали несколько батарей. Одна из них, под командованием двух офицеров и общим политическим руководством старого члена РСДРП (б) А. Д. Блохина вела огонь с Воробьевых гор. Орудия другой, высвободившейся после капитуляции Алексеевского военного училища (Лефортово), частью были установлены около Большого театра для обстрела гостиницы «Метрополь», остальные два заняли позицию на Швивой горке, в ограде церкви Никиты Мученика (ныне ул. Володарского). Также была развернута гаубица напротив Никольских ворот, так как снаряды легких пушек не могли пробить в них бреши. Кроме того, красногвардейцы Замоскворечья перевезли на набережную у Крымского моста два французских осадных 155-миллиметровых орудия. Правда, с использованием этих пушек возникли определенные трудности — прислуга не успела обучиться обращению с ними, а французские инструкторы сбежали, прихватив прицелы и таблицы стрельб. Наводить орудия пришлось самому П. К. Штернбергу, причем стрельба «на глазок» требовала длительной пристрелки, а снаряды могли ложиться достаточно далеко от цели. Так, когда профессор астрономии начал обстрел штаба МВО на Пречистенке (ныне Кропоткинская улица), первое попадание было в строения на значительном удалении — на Остоженке — дом, где жил генерал А. А. Брусилов, который получил осколочное ранение в ногу.

Однако не вся артиллерия революционных войск обслуживалась дилетантами. По свидетельствам очевидцев и участников событий, Кремль помогали обстреливать артиллеристы унтер-офицеры австро-венгерской и германской армии, находившиеся в плену. Командовавший орудиями на Швивой горке Н. С. Туляков в воспоминаниях отмечал, что проблем с заменой орудийной прислуги не было: «Когда я приехал на батарею, с тем чтобы приступить к обстрелу Кремля, то увидел, что вся батарея пьяна и что нужно ее сменить. Артиллерийский кадр был у нас достаточный, и мне удалось сделать это быстро». Он же с восторгом описывает, как эффективно действовала его батарея: снаряды летели в цель с большой точностью, будь то Николаевский дворец или кремлевские башни. Туляков гордился тем, что «влепил» снаряд в часы Спасской башни и те перестали играть «старорежимный» гимн «Коль славен»

Есть рассказы и тех, кто в это время находился в Кремле и испытывал на себе прелести «психологической атаки».

Обеспокоенные судьбой кремлевских соборов-храмов, члены Священного Собора Православной Российской Церкви, проходившего в это время в Москве, решают послать делегацию во главе с митрополитом Платоном к руководителям воюющих стран. Представители церкви умоляли воздержаться от действий, которые могли бы привести к разрушению российских святынь. Они вручили ВРК следующее обращение:

«Во имя божие Всероссийский священный собор призывает сражающихся между собой дорогих наших братьев и детей воздержаться от дальнейшей ужасной кровопролитной брани. Священный собор от лица нашей дорогой православной России умоляет победителей не допускать никаких актов мести, жестокой расправы и во всех случаях щадить жизнь побежденных. Во имя спасения Кремля и спасения дорогих всем нам святынь, разрушения которых и поругания русский народ никогда и никому не простит, священный собор умоляет не подвергать Кремль артиллерийскому обстрелу.

Председатель собора митрополит Тихон».

Это обращение вызвало споры среди членов МВРК. Одни прислушивались к мнению В. Ногина о недопустимости продолжать обстрел, другие не были уверены в окончательной победе, но не особо ратовали за дальнейшие разрушения. Позицию третьих выразил Е. Н. Игнатов: «Раз наши враги считают возможным укрываться за историческими зданиями и оттуда громить нас, то мы должны громить их вместе с этими историческими зданиями». Спор был решен самими артиллеристами, которые, не дождавшись приказа МВРК, открыли убийственный огонь по Кремлю. Это произошло в ночь с 1 на 2 ноября.

Днем 2 ноября КОБ вступает в переговоры с МВРК об условиях капитуляции. Штаб восстания отдает приказ о прекращении стрельбы. В 17 часов капитуляция подписана, а в 21 час приказ об этом приходит в войска. Правда, юнкера не везде сложили оружие, и в некоторых местах боевые действия продолжались до утра 3 ноября. Но Кремль был давно уже свободен от юнкеров. В донесении большевистской разведки от 2 ноября (11 ч. 40 м.) сообщалось: «В Кремле войска почти нет, только стоят пулеметы». Очевидцы, из тех трех тысяч пленных солдат и красногвардейцев, которых держали под караулом в различных зданиях Кремля, вспоминали, что юнкера начали готовиться к эвакуации еще вечером 1 ноября. К концу следующего дня кремлевские укрепления перешли в руки вчерашних пленников, а прапорщик Берзин вновь принял на себя обязанности коменданта, расставив часовых в нужных местах. Некоторые большевики покидали Кремль беспрепятственно во главе целых отрядов солдат. И тем не менее целую ночь (со 2 на 3 ноября) в кремлевские памятники летели снаряды. Вошедших в раж революционных артиллеристов остановить оказалось не просто. Даже получив приказ об окончательном прекращении огня, батарея у Крымского моста выпускает оставшиеся восемь снарядов (видимо, чтобы не везти их обратно на склад).

В официальном сообщении МВРК значилось: «...Кремль в целом, как исторический памятник, сохранился. Ни одно здание, имеющее археологическую ценность, не разрушено до основания или хотя бы частью». Созвучным является и заключение Комиссии по охране памятников Моссовета: «...все снаряды, попавшие в Кремль, меньше нанесли вреда художественно-историческим памятникам, чем невежественная малярная реставрация дивных фресок Успенского собора». Каковы же были разрушения в действительности? Повреждения разной тяжести получили

семь башен: Беклемишевская, Спасская, Константино-Еленинская, Никольская, Угловая и Средняя Арсенальные, Троицкая. Попадания тяжелых снарядов были практически во все кремлевские соборы, более всех пострадал собор 12 Апостолов, где оказались разбиты алтарная и часть боковой стены. Малый Николаевский дворец имел множество пробоин в стенах, снаряд разорвался в домовой церкви Петра и Павла, разрушив иконостас работы Казакова, восстановить который не удалось. Часть снарядов не разорвалась вообще. К примеру, в Никольской башне таких насчитали двенадцать. Однако не все, видевшие разрушения Кремля, разделяли оптимизм реставраторов. Член Священного Собора епископ Нестор Камчатский представшее перед его взором описал в брошюре «Расстрел Московского Кремля». Специальная комиссия Собора подтвердила истинность написанного и рекомендовала это произведение для широкого распространения в народе. Увы, книга эта до сих пор томится в спецхране, так как священнослужитель посмел клеймить позором большевиков за их негодные средства, которые избрали они для достижения высоких целей. Некоторые слова епископа Нестора созвучны и нашему времени: «...Позор этот может загладиться лишь тогда, когда вся Россия опомнится от своего безумия и заживет снова верой своих дедов и отцов, созидателей этого Священного Кремля, собирателей Святой Руси. Пусть этот ужас злодеяния над Кремлем заставит опомниться весь русский народ и понять, что такими способами не создается счастье народное, а вконец разрушается сама, когда-то великая и Святая Русь».

А. КОКОРЕВ

●

БЕЗ ИМЕН НЕ ОБОЙТИСЬ

В разговоре о причинах разрушения исторических памятников часто ограничиваются словами об энергии революционного разрушения, захватившей наше общество снизу доверху. («Весь мир насилья мы разрушим!») Однако восторг рабочего с тремя классами образования по поводу открытия в церкви клуба нельзя путать с иконоборческими лозунгами Емельяна Ярославского. Мера заблуждения и мера вины здесь различны. Надо изучать конкретный вклад каждого и не топить проблему в призывах ко всеобщему покаянию. Без имен здесь не обойтись.

Среди палачей Храма Христа Спасителя чаще всего называют Сталина и Кагановича. Но были и другие.

В 1931 году совет строительства Дворца Советов (Ворошилов, Енукидзе, Каганович, Крюков и др.) объявил конкурс на лучший проект Дворца. В условиях конкурса значилось: «...Избран участок площади Храма Христа Спасителя с расширением последней и сносом самого храма...» Между тем первые проекты были поданы на конкурс еще до определения этого условия. Авторы ранних работ имели право сами выбрать место для будущего строительства. Мнение архитекторов, несомненно, влияло на решение совета строительства. Как же они использовали свободу выбора? Об этом свидетельствует обнаруженный в архиве документ.

СПИСОК

предварительных эскизных проектов по сооружению ДВОРЦА СОВЕТОВ, представленных на выставку в ГИМе по состоянию на 18/VII —31 г.

Автор проекта	*Предлагаемый участок строительства Дворца*
ИОФАН Б. М.	*Участок храма Христа*
ИОФАН Д. М.	*—//—— Охотного ряда*
ФИДМАН	*—//——ГУМа*
ЛОВАНО /РОЗЕНБЛЮМ/	*—//——Охотного ряда*
НИКОЛЬСКИЙ	*—//——Охотного ряда*
ЩУСЕВ	*—//——Хамовнической свалки*
КРАСИН	*—//——храма Христа*
БРОНШТЕЙН	*—//——храма Христа*
ЛЮДВИГ	*—//——храма Христа*
ЛАДОВСКИЙ	*—//——храма Христа*

(Документ публикуется впервые. ЦГАОР г. Москвы, ф. 694, оп. 1, д. 2, л. 21.)

Приведенный материал не требует комментариев. Скажем лишь, что разрушительные планы архитекторов-«добровольцев» нельзя объяснить недостатком образования или некомпетентностью. Это не пролеткультовский экстаз, а преступление.

В. КИШИЛОВ

ЗАЩИТИТ ЛИ НАС МИЛИЦИЯ?

Тревожны сводки Министерства внутренних дел СССР. Каждый день в стране совершаются ограбления, разбои, нападения. То в одном регионе, то в другом происходят вооруженные столкновения, процветают рэкет, наркомания, проституция, терроризм.

Небывало выросла преступность среди молодежи. Если удельный вес преступности несовершеннолетних в послевоенные годы постепенно снижался и достиг четырех-пяти процентов, то, начиная с 1950 года по настоящее время, эта доля выросла до 10—20 процентов. Большую распространенность среди молодежи получили кражи государственного и личного имущества, грабежи, преступления против личности.

В росте преступности некоторые винят милицию, считая, что у нее много недоработок. Но сегодня сама милиция оказалась в сложном положении: не хватает кадров, машин, техники. Порой преступники технически оснащены лучше, чем стражи порядка, действуют организованно, изощренно.

Люди хотят жить спокойно. Они надеются, что слова «моя милиция меня бережет» станут реальностью, а не поэтической строкой, если качественно изменится профессиональная подготовка личного состава.

На снимке: майор милиции, помощник начальника 134-го отделения милиции Москвы Алексей Ермаков (справа) делится опытом работы с товарищами по службе.

Фото А. САЛЮКОВА

«Сценарий ясен...»

Провокациями в наши дни никого не удивишь. Слухи о еврейских погромах, разжигающие межнациональную рознь, с указанием конкретных дат, подкрепляются теперь «сценариями» расправ. Яркий образчик этого — стихи из газеты Общества еврейской культуры Молдовы «Наш голос» (№ 9, 1990). Стихи настолько саморазоблачающи, что не требуют комментария.

СЦЕНАРИЙ ЯСЕН...

Сценарий ясен. Следом будем мы:
Нас некуда везти на вертолетах.
И ужаснутся «лучшие умы»
От зверства «настоящих» патриотов.
И танки будут срочно введены
На Невский, на Арбат и на Крещатик.
Опять обманут жителей страны,
Что будет суд суров и беспощаден.
И надписи на стенах «Бей жидов!»
Замажут краской, похоронят трупы,
Оденут изнасилованных вдов
В бесплатные солдатские тулупы.
И без ночных кошмаров будут спать
Куняев, и Белов, и Шафаревич,
И снова приютит казашка-мать
Девятой дочкой Сарру Янкелевич.
Так будет, будет! Это так старо:
Молчанье — повитуха преступленья.
Молчит Собчак. Молчит Политбюро.
В молчанье коренное населенье.
Молчите Вы, товарищ Горбачев.
А «Бей жидов!»— под Вашим кабинетом.
Когда история потребует отчет,
То наша кровь Вас призовет к ответу.

Марк РАЙЗМАН,
лауреат Государственной премии СССР

Кто исполнители?

«Я НЕ ВИДЕЛ АНТИСЕМИТИЗМА В СССР»

— Пока никто (из желающих эмигрировать.— **Ред.**) в анкете не доказал, что он пережил в СССР проявление антисемитизма. Говорят, что «Память» грозит погромами, что по телефону угрожают. Но все это можно только принимать на веру...

— Может быть, в СССР вообще нет антисемитизма?

— Я лично его не видел. Все мои друзья из системы советского МИДа, высших эшелонов власти также убеждают меня в этом.

Из интервью советника посольства ГДР в СССР Клауса Рихтера
Газета «Демократическая Россия», № 2, 1990

ОСКВЕРНИТЕЛИ МОГИЛ

По сообщениям информационных агентств из Израиля, суд в Хайфе приговорил к максимальному наказанию — трем годам тюремного заключения — еврея Давида Голднера, признавшегося в том, что вместе с Гершоном Танненбаумом осквернил свыше трехсот еврейских могил на местном кладбище. Голднер объяснил свой поступок тем, что надеялся на то, что в осквернении обвинят арабов, а это поможет еврейскому сплочению против арабов. Приговор Танненбауму будет вынесен после окончания психиатрического обследования. Оба «шалуна» принадлежат к религиозной группе, исповедующей мистическую форму иудаизма в надежде ускорить приход Мессии.

«Русский голос» (США), 14 июня 1990

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС?

«Дело об антисемитизме» — так газета «Вечерняя Москва» (24 августа 1990 г.) назвала судебный процесс над К. В. Осташвили, привлеченным по статье 74, часть 2 УК РСФСР.

Этому процессу отечественная и зарубежная просионистская пресса придала вселенский размах. Еще бы: впервые за годы перестройки в Москве, столице России, идет суд над противником сионизма.

Напомним вкратце историю дела. 18 января в Центральном Доме литераторов писательская организация «Апрель» проводила «Открытый микрофон». На него пришли посторонние лица. Приглашенные. Ведь это был открытый диспут. В представлении прокуратуры Москвы «О принятии мер по устранению причин и условий, способствовавших совершению преступления...», направленном на имя первого секретаря правления СП СССР В. Карпова, отмечается, что «еще до начала собрания в зале сложились объективные предпосылки для возникновения конфликтных ситуаций». Обстановку накалило выступление Н. Ивановой, ее слова о присутствии в зале фашистов. Вслед за этим из задних рядов поднялся К. Осташвили и в резкой форме дал ей отповедь. Разразился скандал, с обеих сторон зазвучали непарламентские выражения. В этот миг, как по команде, засверкали вспышки фотоаппаратов, появились кинокамеры, диктофоны. Конечно, можно предположить, что владельцы прихватили их, чтобы увековечить собрание «Апреля». Однако после скандала все они исчезли так же дружно, как и появились..

Во время инцидента, сообщается в представлении прокуратуры, по распоряжению сопредседателя «Апреля» В. Соколова двери зала были закрыты, «что еще больше накалило обстановку».

Началось следствие против К. Осташвили. Его обвинили в совершении уголовных действий, направленных на возбуждение национальной вражды, унижение национальной чести и достоинства.

С такого рода фактами мы знакомимся едва ли не ежедневно — стоит развернуть газеты. Кровопролитие в Армении и Азербайджане, откровенный расизм в Прибалтике, шабаши сионистов в Москве... Появились русские, азербайджанские, армянские беженцы. Вот где, казалось бы, и применить 74-ю. Но наше правосудие как будто ничего не замечает. Не заработала эта статья и после открытых антирусских выступлений в Туве. Впрочем, может, все эти события не относятся к действиям по разжиганию межнациональной розни? Вот и прокурор Москвы Г. Пономарев еще в начале февраля задавался «казуистическим вопросом»: а что, собственно, подпадает под определение действий? («ВЕСК», № 4, 1990). Но стоило желтой прессе из искры цэдээльского скандала раздуть пламя «русского фашизма», провокационно оповестив при этом весь мир о готовящихся пятого мая еврейских погромах, вопрос о «действиях», похоже, сразу прояснился.

Когда в первый день суда в зале появились общественные обвинители — Ю. Черниченко, Ю. Афанасьев и адвокат А. Макаров, отличившийся при защите брежневского зятя Чурбанова, многие догадались, что затевается политический процесс, преследующий далеко идущие цели. И здесь не обошлось без провокации. На одном из заседаний А. Макаров потребовал вывести из зала «фашистских подонков». Чего добивался Макаров, известный своими аморальными методами защиты на процессе Чурбанова? Нового скандала, аналогичного цэдээльскому (и он, возможно бы, и начался, не объяви судья перерыв). А может, надеялся, что теперь-то и произойдет настоящий погром — не железное же терпение у этих патриотов, чтобы раз за разом вытирать плевки.. Трудно судить, тем более что судья — Александр Иосифович Муратов — не усмотрел в поведении общественного обвинителя Макарова «действии» по статье 74.

Собственно, после этого случая стало ясно, по какому сценарию пойдет процесс. Разбирательство факта разжигания межнациональной розни свелось к «делу об антисемитизме», о чем проговорилась «Вечерняя Москва» и некоторые другие издания. В самом деле, если речь идет о межнациональном конфликте, как можно суду отводить вопросы обвиняемого о национальной принадлежности свидетелей, да и самого состава суда? Но в таком случае, между кем разжигалась эта самая рознь? Может, между «Апрелем» и сионистской организацией «Иргун Циони», носительницей расистской идеологии, члены которой тоже находились в ЦДЛ? Впрочем, такие вопросы отводились с полуслова... Зато о «погромщиках» из «Памяти» информации было предостаточно. Все та же Н. Иванова повторяла надоевшую всем сплетню о якобы имеющихся у «Памяти» списках евреев. Будь они на самом деле, Н. Иванова давно бы опубликовала их в «Огоньке». Но вот списки, составленные сионистами, имеются.

На проходившем в июне в Копенгагене международном симпозиуме — в рамках Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе — американская сионистская организация «Объединенные советы в защиту советских евреев»* распространила объемный документ — «Антисемитизм в Советском Союзе. Доклад о положении дел». В нем имеется специальный раздел «Отдельные лица в системе антисемитизма», который соседствует с разделом «Главные антисемитские организации». В списке мы встречаем имена Д. Васильева и М. Горбачева, В. Рабиновича и В. Емельянова. Рядом с фамилиями — краткие обвинительные справки. К примеру, бывшему работнику Ленинградского горкома КПСС Дегтяреву ставится в вину помощь в выпуске книги А. Романенко «О классовой сущности сионизма»;

КРАТКАЯ СПРАВКА: Осташвили Константин Владимирович, 1936 года рождения, беспартийный. Отец — Осташвили Владимир Ильич, погиб на фронте в 1943 году. С 1960 года К. Осташвили работает в НИИ «Сапфир» (в настоящее время — оператор-наладчик 6-го разряда). Рационализатор, его фотография не раз помещалась на Доску почета, почетный донор СССР.

*О деятельности этой организации в СССР мы рассказали в статье «Кто остановит агрессора» — «МГ», 1990, № 3.

Александру Невзорову — его монархические взгляды. Глава московских коммунистов Ю. Прокофьев попал в черный список после того, как успокоил руководителя местного общества еврейской культуры Ю. Сокола по поводу погромов, сказав, что их в столице не будет. И такое говорит человек, который, как отмечено в документе «Объединенных советов», состоит в организации Ю. Сокола! Есть от чего прийти в негодование...

Есть в списке и фамилия К. Осташвили. Его антисемитизм якобы выражается в требовании пропорционального представительства евреев во всех сферах жизни.

Вот еще несколько цитат из этого доклада.

«Илья Глазунов: антисемит, ректор Всероссийской академии художеств, скульптуры и архитектуры; российская дешевка; популярен; его имя занесено в «Архитектурный дайджест».

«Петр Проскурин: секретарь Союза писателей РСФСР, председатель Фонда культуры РСФСР и надежный сторонник «Памяти».

Одного только не сообщают творцы документа: для каких целей им понадобился этот список? Если признать точку зрения наших «демократов» в отношении «списков евреев», то вывод будет однозначным. Но не будем им уподобляться и кричать о грядущих русских погромах. Судя по тому, с каким рвением заокеанские сионисты и их помощники в нашей стране добивались обсуждения на Съезде народных депутатов вопроса об антисемитизме, с принятием соответствующего документа, очевидно, что занесенные в данный список «антисемиты» рано или поздно должны предстать перед советским судом. Впрочем, советским ли? Главный редактор «Вестника еврейской советской культуры» Т. Голенпольский обратился за помощью к сионистской организации Антидиффамационная лига «Б'най Б'рит» с просьбой начать мониторинг расистских изданий, выходящих в Советском Союзе, дабы совместно с советскими еврейскими организациями готовить международные судебные процессы против их авторов» («ВЕСК», № 11, 1990). Не является ли процесс над К. Осташвили лишь первой репетицией в готовящихся судебных расправах?

Символично, что начало судебного разбирательства совпало с годовщиной принятия Советом Народных Комиссаров постановления об антисемитизме 25 июля 1918 года. Этот документ стал «правовым обеспечением» геноцида славянских народов. Но история не повторится. За политические репрессии сегодня вправе спросить народ!

Вячеслав ЕРОХИН

ОТ РЕДАКЦИИ. Когда этот материал был направлен в набор, пришла информация ТАСС о том, что убит протоиерей Александр Мень, приход которого находился в Новой деревне Пушкинского района Московской области. Труды А. Меня публиковались в свое время только за границей. Он всеми доступными священнику и порядочному человеку средствами, говорится в информации, боролся с лжепатриотизмом и антисемитизмом.

В сообщении ТАСС ничего не сказано ни о мотивах убийства, ни о том, кто его осуществил. Это предстоит выяснить следствию. Не исключено, что это убийство находится в одном ряду с теми, которые произошли в последнее время в разных регионах страны, в том числе и на национальной почве. Например, в Кишиневе был зверски избит и умер в больнице восемнадцатилетний студент Дмитрий Матюшин только за то, что позволил себе разговаривать по-русски. Вызывает тревогу и то, что подобные убийства остаются либо нераскрытыми, либо они замалчиваются. До сих пор, например, неизвестны результаты следствия по факту гибели Е. Евсеева, ученого, который занимался исследованиями проблем сионизма.

Эти и другие подобные факты говорят об усилении насилия и жестокости в стране. С другой стороны, определенные силы пытаются использовать их для разжигания русофобии и антисемитизма. Власть, все честные люди не должны допустить дестабилизации обстановки в обществе. Убийство человека, каких бы политических воззрений он ни придерживался, вызывает у нас чувства возмущения и скорби. Мы должны сделать все, чтобы не допустить братоубийственной войны.

НАС НЕ УНИЗИТЬ!

Золоченые шарики вместо крестов, свиноподобные когтистые медведи, олицетворяющие то ли «Православие, Самодержавие, Народность», то ли современную русскую церковь, рабочий класс и армию,— это обложка одного из авторитетных американских журналов февраля 1990 года. Впрочем, дух глумления по отношению к России нам хорошо знаком теперь, в эпоху перестройки, и в «отечественном» варианте.

Но великую страну и великий триединый народ невозможно унизить жалкими ужимками убогих духовно, хоть и разжиревших торгашей.

Животный страх перед незыблемыми национальными ценностями России, перед ее неизбежным возрождением и расцветом свидетельствует об ущербности жалких гедонистов, не способных ценить то, что цены не имеет, о роковой приземленности талмудических начетчиков. Уместно здесь вспомнить слова Пуанкаре, сказанные об Америке: «Она пришла от варварства к цивилизации, миновав культуру».

«ТОВАРИЩ»

При Московском институте народного хозяйства имени Плеханова действуют курсы оздоровительного центра «Освобождение», где людей избавляют от нелепой и вредной привычки самоотравляться табаком и алкоголем. Журналист Александр ДОНСКОВ беседует с врачом-психотерапевтом центра Ниной ЕМЕЛЬЯНОВОЙ.

РОМАНТИЧЕСКИЕ ЯДЫ

— Нина Григорьевна, что, на ваш взгляд, мешает борьбе с алкоголизацией населения нашей страны?

— Причин несколько. Назову основные. Прежде всего это широкий доступ к алкоголю населения, социальная установка на его потребление, которая формируется у большинства людей с раннего детства и даже с рождения. Ведь дети сначала неосознанно привыкают к запаху табака и алкоголя, исходящему от самых близких, а иногда, что особенно страшно, и к присутствию этих ядов в материнском молоке.

Большинство людей, к сожалению, беззащитны перед массированным наступлением на наше подсознание и формированием устойчивых стереотипов потребления алкоголя и табака. Убеждена: человека надо вооружать серьезными знаниями о природе и вреде алкогольного и табачного ядов, начиная буквально с детского сада. Это, по-моему, самый эффективный путь борьбы за здоровый образ жизни. Да и нам всем не мешало бы без всяких оговорок признать, что алкоголь и никотин — протоплазматические яды нервно-паралитического действия. Просто яды без всякой романтики...

— Выходит, работа наркологов пока что идет вхолостую?

— Если говорить по-крупному, то да. Наркологи не могут добиться коррекции сознания людей, потребляющих алкоголь и табак. Только за последние десятилетия, чтобы добиться отвращения к этим ядам, использовались всевозможные методики и средства: гипноз, химия, кодирование, страх смерти... Но доступность и жесткая социальная установка на потребление алкоголя, к сожалению, делали свое черное дело. Многие срывались даже за колючей проволокой ЛТП, даже под страхом смерти.

Малоэффективны оказались и скоропалительные антиалкогольные программы, которые периодически проводились в стране. Прежде чем начинать наступление на алкоголизм, следовало бы хорошенько изучить социальную природу явления, поражающего помимо жизненно важных органов человека глубины его подсознания. И в этом отношении любопытна методика по борьбе с алкоголизмом, которую разработал известный психофизиолог, научный сотрудник экспериментальной медицины Геннадий Андреевич Шичко.

— Что же это за методика?

— В течение ряда лет, анализируя низкую эффективность существующих антиалкогольных методик, он пришел к выводу: все они не затрагивают глубин нашего подсознания, поэтому со временем алкогольная и табачная запрограммированность, порочная доминанта, дает новые всходы. Чтобы стала понятней схема действия этой доминанты, представьте дерево. Его корень — программа на потребление алкоголя, ствол — самопотребление, ветви — привычка, листья — пристрастие. Спилите ствол, ветви — листья скоро засохнут, но ненадолго. Корень-то остается. Со временем дерево вновь зашелестит листвой. Так же и человек, временно прекративший пить, снова тянется к бутылке.

Геннадий Андреевич разработал свою методику, направленную на вытеснение порочной программы, заложенной в наше сознание с детства, и опробировал ее на различных группах населения: как на тех, кто «отравляется культурно», так и на хронических алкоголиках, оказавшихся на социальном дне. Вся сложность системы Шичко в том, что надо проникнуть в глубины сознания. Ведь у взрослого человека сформированы взгляды и отношения к различным сторонам нашей жизни, а для стабильности личности природа предусмотрела механизмы ее психологической защиты. Эти механизмы или барьеры активно фильтруют разнообразную информацию и пропускают в наше сознание только ту, которая поддерживает уже сформировавшиеся взгляды. Поэтому рядовая, однократная лекция не только не изменяет отношения к алкоголю и табаку, но нередко обостряет желание «расслабиться», «отвлечься», «затянуться». Суть методики Шичко не просто в вытеснении порочной доминанты, а в создании совершенно новой установки на активное неприятие алкоголя и табака под словесным воздействием «шоковой» информации, пробивающей психологические барьеры бывшего потребителя зелья.

— В чем суть такой информации?

— Ученые подсчитали: с увеличением потребления алкоголя населением на литр ровно на процент возрастает реальность рождения психически и физически нездоровых младенцев. Довольно быстро под влиянием проникающей в глубины сознания нужной информации человек производит личный психоанализ, а помогают этому собственные аналитические дневники. В процессе их заполнения происходит очищение, вытеснение из глубин подсознания порочной запрограммированности и формирование новой доминанты на трезвость и некурение.

— Насколько эффективна методика Шичко?

— На весь курс обычно уходит 10 дней. Уже через несколько дней к человеку возвращаются утерянный интерес к жизни. Нередко слушатели, не написавшие в жизни ни одной рифмованной строчки, начинают писать стихи, у них просыпается чувство гражданской активности. Мы работаем, как правило, с группами численностью 25—30 человек в течение года без перерывов. Сегодня в Москве таких курсов более десятка.

— Скажите, кто проходит курсы?

— В основном рабочие, немало студентов, есть и представители интеллигенции. Обращаются к нам за помощью и офицеры.

— Приходят и через десять дней забывают о своих пагубных пристрастиях?

— Нет. Такое не забывается. Ведь они освобождаются от наркотического рабства. Освобождаются навсегда, как бы рождаясь заново. Они меняются буквально на глазах. Внешне и духовно. Это совсем другие люди. И как новорожденным, им нужна на первых порах помощь.

Прошлым летом на озере Тургояк состоялся праздник Славянской культуры, духовного единства и гуманизма. В нем приняли участие посланцы Москвы и Магадана, Алма-Аты и Новосибирска, Свердловска и Вологды — многих городов и областей нашей Родины.

РОССИЯ ВАС ДЛЯ ПОДВИГА СВЕЛА

Сотни патриотов собрал здесь под славным Российским флагом Челябинский областной и Миасский городской Славянские культурные центры, которые возглавляют поэт Геннадий Суздалев и Владимир Ермолаев. Организаторы праздника Славянской культуры, духовного единства и гуманизма поселили собравшихся в оборудованном всем необходимым палаточном лагере, создали в нем все условия для плодотворного труда и отдыха.

Посланцы России работали в многочисленных секциях. Обменивались опытом борьбы за трезвость и оздоровление народа, слушали доклады о политике, которая проводится сейчас в государстве, о трудностях, переживаемых в смутное время экономикой и сельским хозяйством, о забвении молодежью национальных традиций. Особо говорили о тех темных силах, которые стараются нас закабалить, о том, что только единством славян в борьбе с недругом можно помешать им осуществить задуманное. Та же мысль прозвучала и в Обращении ко всем славянам, принятом в последний день пребывания на озере:

«Мы присутствуем в критический момент истории, когда потеря национальной гордости и политической бдительности уже сказывается в бесконечных шараханиях из крайности в крайность под воздействием националистических, демагогических лозунгов и популистских высказываний.

Надо стряхнуть оцепенение, вспомнить, что мы — потомки победителей на Чудском озере и Куликовом поле, у Бородина и в Чесменской бухте. Наши отцы сломали хребет фашизму и освободили Европу. Когда славянина вынуждали, он брался за меч.

...Бездействие сегодня может быть поставлено в один ряд с предательством».

Добрая песня утраивает силы людей. И в добрых песнях, и в их исполнителях на Тургояке недостатка не испытывали. У вечерних костров всех роднили старинные казачьи напевы, частушки сельского гармониста Михаила Велесова, выступления Елены Сапоговой. Западали в душу проникновенные слова вологодской исполнительницы Надежды Бурдуковой:

Богатыри, оружие не палица,
Богатыри, оружие слова.
Россия без защиты не останется,
Россия вас для подвига свела.

Строки из песни русской женщины могут стать своеобразным эпиграфом слета славянских патриотов.

М. АЛЫШЕВ

На снимках: момент открытия слета; заместитель председателя Союза борьбы за народную трезвость В. Жданов.

Фото И. РОСТОВСКОГО

Памятник Ивану Сусанину в Костроме.

Фото Б. РАСКИНА

Бернардо ГИМАРАИНС

РАБЫНЯ ИЗАУРА

Роман

Окончание. Начало на стр. 107

Дабы действовать наверняка, перед отъездом Леонсио побывал у министра юстиции, с которым поддерживал приятельские отношения, и получил у него письмо шефу полиции Пернамбуку с рекомендацией — равносильной, впрочем, официальному приказу — содействовать розыску и задержанию беглой рабыни. Запасся Леонсио и ордером на арест Мигела, против которого он возбуждал уголовное дело по обвинению в краже и укрытии рабыни. В общем, уязвленный рабовладелец не жалел сил, чтобы обеспечить себе полное торжество над противниками.

Получив необходимые документы, Леонсио на следующее утро отплыл на Север тем же пароходом, который увозил и его письма Алваро и Мартиньо. Впрочем, письма эти достигли своих адресатов несколькими часами раньше, чем их автор ступил на берег в Ресифе.

Едва сойдя с парохода, Леонсио поспешил к шефу полиции, дабы вручить ему письмо министра юстиции, дополненное, разумеется, собственными настоятельными требованиями.

— К сожалению, вынужден сообщить вам, сеньор Леонсио, — объявил шеф полиции, — что не прошло и двух часов, как от меня вышел человек, которого вы уполномочивали задержать беглянку. Он приходил заявить, что обознался и что подозревавшаяся им девушка никак не может быть сбежавшей от вас рабыней.

— Вы имеете в виду сеньора Мартиньо?

— Именно его.

— Подумать только... — Леонсио покачал головой.

— С ним были еще судебный исполнитель и два стражника, — добавил полицейский чин.

— Выходит, я опоздал! — молодой человек не скрывал досады. — Но я больше не верю этому Мартиньо. Думается, дело здесь нечисто: говорят, сеньор Алваро очень богат...

— Конечно, этот бездельник Мартиньо на все способен, — согласился шеф полиции. — И вы, сеньор Леонсио, будучи лицом заинтересованным, имеете право все проверить сами.

— Именно этим я и займусь. Сам отправлюсь туда и собственными глазами во всем удостоверюсь. И сделаю это немедленно!

— Как вам будет угодно. Здесь все еще сидит тот судебный исполнитель со стражниками, который может показать вам дорогу и в случае опознания задержать вашу рабыню.

— Прекрасно, — кивнул Леонсио и, доставая ордер на арест Мигела, продолжил: — Мне также необходимо, чтобы полиция исполнила вот это постановление. Нельзя оставлять безнаказанным мошенника, выкравшего чужую собственность.

Шеф полиции согласился и с этим требованием, и несколькими минутами позже Леонсио в сопровождении судебного исполнителя и стражников уже спешил по направлению к дому, где находилась Изаура.

Для нашей героини и для Алваро ситуация становилась критической, если не сказать безнадежной. Противник обладал бесспорным юридическим правом разъединить молодых людей. Алваро оставалось лишь безропотно наблюдать за тем, как Изауру закуют в железо и уведут на поругание. Само существование рабства, права одного человека владеть другим позволяло торжествовать пороку, преграждая путь добродетели.

Леонсио явился за Изаурой, охваченный гневом, ревностью и жаждой мести. Как можно сильнее оскорбить и унизить противника — в таком удовольствии он не мог себе отказать.

— Мне прекрасно известно, — заявил Леонсио, продолжая разговор, который мы прервали в предыдущей главе, — что вы не только укрывали беглую рабыню, но и ввели власти в заблуждение ложными показаниями. Но сейчас я сам занялся этим делом, и вам больше не удастся никого водить за нос!

— Я никого не водил за нос, сеньор! — пытался возражать Алваро. — Я лишь хотел защитить несчастную девушку от жестоких домогательств...

— Э, выходит, у нас в стране можно теперь безнаказанно красть рабов у законных хозяев, стоит лишь объявить, что вам не нравится обращение с ними? Любопытное у вас понимание законности...

— Сейчас не время для насмешек, сеньор, — твердо произнес Алваро. — Я желаю освобождения Изауры и ради этого готов пойти на любые жертвы, готов заплатить вам любые деньги, лишь бы дать счастье этой девушке...

— Деньги ваши меня не интересуют, ибо ее я не продам и за все золото мира, — усмехнулся Леонсио.

— Какая варварская прихоть! — Алваро весь дрожал от возмущения.

— Пусть прихоть, сеньор, да законная. Почему бы мне не иметь прихотей, коли они не нарушают чужих прав? А прихоть-то есть и у вас: захотелось чужую рабыню заграбастать, да только это против закона. А я такого нарушения своих прав не потерплю! — выкрикнул Леонсио.

— Моя прихоть благородна, сеньор, и несет другому человеку свободу и счастье, а ваша — рабство и страдание. Вы забываете и о последней воле вашей матушки, которая вырастила Изауру с такой любовью и завещала вам дать ей вольную. И сейчас на небесах она проклинает своего сына, который держит в позорной неволе создание столь совершенной красоты и способностей.

— По-вашему, сеньор, стоит рабыне оказаться смазливой да смышленой, так она уж и вольную заслужила? Ошибаетесь, уверяю вас. И если вам угодно вспомнить мою матушку, так следует и сообразить: коли она растила эту девицу не для удовлетворения, как вы выражаетесь, моих прихотей, то уж тем более не думала о ваших. И если вам, сеньор, так уж не терпится заполучить в наложницы смазливую рабыню, покупайте ее в другом месте!

— Сеньор Леонсио, вы забываете, что здесь не ваша фазенда, и разговариваете вы не со своим управляющим. Предупреждаю вас: думайте, что говорите!

— Ладно, сеньор, — пренебрежительно отмахнулся Леонсио. — Надоела мне эта болтовня; я приехал сюда не нравоучения выслушивать. Я хочу одного, чтобы вы вернули мне мою собственность. И не заставляйте прибегать к силе...

Взбешенный поведением своего противника, Алваро быстро терял самообладание. Он чувствовал, что из складывающейся ситуации у него остается единственный выход — убить ненавистного врага. Поддавшись порыву отчаяния и ярости, Алваро вскочил со стула и вцепился в ворот Леонсио:

— Палач! Насильник! Твоя рабыня у меня, но прежде чем получить ее, ты мне за все ответишь.

— Помогите! Убивают!.. — Леонсио с криком вырвался и бросился к двери. Алваро лишь скрежетал зубами в бессильном гневе.

В эту минуту, привлеченные шумом, в комнату вошли с одной стороны Изаура и Мигел, а с другой — судебный исполнитель со стражниками. Нашей героине хватило одного взгляда, чтобы понять: все пропало. И дабы предотвратить любые опрометчивые действия, к которым мог обратиться обезумевший Алваро, она

решила пожертвовать собой. Приблизившись к Леонсио, девушка произнесла лишь три слова:

— Я здесь, хозяин.

— Вот они! Берите их, берите! — Леонсио принялся подталкивать стражников в сторону Изауры и Мигела.

— Иди, Изаура, любовь моя, и помни: я не брошу тебя! — шептал Алваро дрожащим голосом, следуя за уводимой пленницей. — Помни, я вырву тебя из когтей палача. Господь мне поможет...

Часом позже в доме Алваро объявился Мартиньо. Он пришел в самом благостном расположении духа, считая, что успешно выполнил данное ему поручение и заслуживает немедленной награды.

— Десять тысяч, десять тысяч... — все приговаривал Мартиньо, направляясь за деньгами. — Прощайте, жесткие скамьи в Академии — теперь я буду сидеть только на мягких диванах! Прощайте, засаленные учебники — я выброшу вас в окно! Отныне я свободен, я богат! Скоро все убедятся, как ловко я смогу вести дела.

Подсчитывая в уме будущие доходы от биржевых спекуляций, Мартиньо без труда за несколько минут увеличил обещанную Алваро сумму раз в сто.

— Мой дорогой сеньор Алваро, — объявил незадачливый вечный студент, явившись за деньгами, — я все сделал, как вы пожелали. Можете теперь наслаждаться обществом прекрасной беглянки, ничего не опасаясь. Я и письмо этому болвану написал, наврал ему с три короба. Вот, извольте взглянуть...

Мартиньо уже протягивал бумагу Алваро, когда тот, не в силах более сдерживаться, вздохнул:

— Достаточно, сеньор Мартиньо... Дело уже сделано, и я не нуждаюсь более в ваших услугах.

— Как... сделано? А я?

— Рабыня снова во власти своего жестокого хозяина.

— Леонсио? Невозможно!

— К сожалению, возможно. Если вас интересуют подробности, обратитесь в полицию.

— А как же мои десять тысяч? — заскулил Мартиньо.

— Я думаю, вы их не заслужили.

Услышав такой ответ, Мартиньо лишь застонал и, круто повернувшись, выскочил из дома Алваро.

Вряд ли стоит описывать душевные муки незадачливого студента; в любом случае уважаемые читатели без труда могут представить себе жалкое состояние этого существа, так внезапно потерявшего все надежды на быстрое обогащение.

ГЛАВА XIX

— Роза, посмотри, что ты опять натворила! Да в господском доме тебя дальше кухни пускать нельзя! — выговаривал лакей Андре новой горничной.

— Вот еще, начальник выискался! Да кто тебя звал сюда, зануда? — не осталась в долгу Роза. — Твое место не в гостиной, а на конюшне. Возись себе с лошадьми и не лезь, куда не просят.

— Ну ни капли мозгов, и руки-крюки вдобавок, — вздохнул Андре, выравнивая стулья. — Вот как должны они стоять. А посмотри на вазы — тоже все перепутала. И зеркала не протерла... Да, при Изауре в гостиной всегда порядок был, зайти приятно. А сейчас что? Не годишься ты для такой службы, это уж точно...

— Изаура, Изаура, — фыркнула раздосадованная Роза. — Теперь вы все о ней вздыхаете... да что-то не спешите ее навестить. Отнесли б ей цветочков.

— Хватит, Роза. Сама можешь там очутиться...

— Я-то? Ни в жизнь! Я не беглая.

— Не зарекайся. Приспичит, так и с чертом в бега пустишься... А Изауру, верно, всем жалко. Такая девушка хорошая была, культурная... А сейчас ее как преступницу какую на цепи держат... И тебе ее совсем не жалко?

— Жалко? Держи карман шире! Сама виновата, раз в бега ударилась.

— Да, верно... — опять вздохнул расчувствовавшийся лакей. — Только знаешь, я сам готов был в тюрьму сесть, лишь бы с ней вместе оказаться...

— Так за чем же дело? — насмешливо бросила Роза. — Давай по ее следам, вот и все. Отправляйся погулять в Пернамбуку — и живо окажешься в одной компании со своей милашкой.

Андре, казалось, не слышал слов Розы.

— Бедняжка Изаура... — продолжал он. — Скоро она покинет нас навсегда. Как ее будет не хватать в этом доме...

— Покинет? Навсегда? — оживилась Роза. — Это как? Ее что, продали?

— Если б продали...

— В городской дом отсылают?

— Нет.

— Неужто вольную дают?

— Ну и любопытная ты девица! Потерпи немножко, может, к вечеру сама все узнаешь.

— Секретничаешь, с другими жалко поделиться?

— Да нет... Просто и сам еще наверняка не знаю... Подозреваю только, что скоро в доме кое-что произойдет, и очень интересное... Пойду послушаю, что господа говорят.

— Давай-давай, да не забудь уши пошире растопырить! — хохотнула горничная.

— Тише, — вдруг замахал руками лакей. — Хозяин идет.

По этому разговору читатель, конечно, догадался, что мы вновь оказались на фазенде Леонсио, в той самой гостиной, где в начале нашего повествования мы впервые увидели Изауру, напевавшую свою любимую песню.

Прошло около двух месяцев с того времени, как Леонсио отправился в Ресифе за беглой рабыней. На днях он помирился с Малвиной, и накануне молодые хозяева возвратились на фазенду из города. Челядь приводила в порядок усадебный дом. Рабы мыли полы, вытирали пыль, расставляли мебель. Роза и Андре как раз возились в гостиной, немой свидетельнице самых различных сцен — и трогательных, и постыдных — и хранительнице всех семейных тайн.

Какова же была судьба Изауры и Мигела после того, как их увезли из Ресифе? Какую судьбу уготовил Леонсио для своих жертв? И каким образом удалось ему помириться со своею женою? На этом мы и хотели бы остановиться, прежде чем продолжить наш рассказ.

Привезя Изауру назад на фазенду, Леонсио подверг ее строжайшему заключению и поместил под самую надежную охрану. И сделал он это не только из желания наказать строптивую рабыню. Рабовладелец знал, какую пылкую любовь питал к девушке Алваро, и помнил его прощальные слова, которые содержали ивную угрозу для хозяина фазенды. Богатый и влиятельный житель Пернамбуку имел немало возможностей исполнить свое обещание и освободить пленницу силой или хитростью. Поэтому Леонсио не только надежно заточил беглянку, но и вооружил специальный отряд рабов, которые были освобождены от другой работы и находились начеку круглые сутки, словно гарнизон осаждаемой крепости.

При всем этом пылкая и жестокая душа рабовладельца не отреклась от своей страсти, ибо он все еще не терял надежды преодолеть непреклонность Изауры. В этом Леонсио направляли, пожалуй, не столько любовь или чувственность, сколько упрямое самолюбие тирана и навязчивое желание отомстить более удачливому сопернику. Раздосадованного рабовладельца вполне устраивало бы овладеть гордой невольницей хотя бы на один день, а затем, обесчещенную и оскверненную, отдать ее Алваро, презрительно бросив: «Можешь купить себе эту девку, мне она больше не нужна, и я готов продать ее по дешевке».

Поэтому, привезя Изауру на фазенду, Леонсио начал новую кампанию обещаний, обольщений и заверений, за которыми последовали угрозы. К грубому насилию, правда, молодой человек прибегнуть не решался, и не потому, что для этого ему не хватало жестокости. Просто, зная стойкую натуру Изауры, он понимал, что такими мерами можно добиться лишь смерти девушки, а это никак не удовлетворило бы ни чувственности рабовладельца, ни его стремления к мести. Кроме того, Леонсио понял, что для успеха своих замыслов ему совершенно необходимо помириться с Малвиной. Двигали им, разумеется, не честь или супружеская любовь, а корыстные расчеты, о которых читатель вскоре узнает.

Будучи законченным лицемером, Леонсио в совершенстве владел таким оружием, как ложь, клевета и обман. Поэтому, представ перед Малвиной, он весьма убедительно изобразил стыд и раскаяние, вслед за чем поклялся в стремлении искупить прошлое сумасбродство будущим безупречным поведением. Демонстрируя чистосердечное раскаяние, Леонсио признал, что он действительно некоторое время находился под действием чар Изауры, но это было лишь временное наваждение, не оставившее в его сердце ни малейшего следа. Не преминул он вылить изрядную дозу помоев и на саму Изауру. Малвине было сообщено, что та действовала как самая коварная соблазнительница, стремившаяся совратить хозяина и этим купить себе вольную. Леонсио наплел кучу небылиц и в конце концов сумел убедить Малвину в том, что Изаура, не сумев обольстить его самого, сбежала со своим тайным любовником; что именно этот любовник вначале добыл денег для ее отца на выкуп, а когда это сделать не удалось, организовал побег в Ресифе; что по прибытии в город беглянка нашла себе другого покровителя, сколь богатого, столь и безмозглого, который сделал ее своей первой любовницей; что Изаура, выдавая себя за благородную сеньору, так одурачила беднягу, что тот готов был жениться на ней; что, даже узнав правду о происхождении девушки, сумасброд из Ресифе не стал отказываться от нее и пустился во все тяжкие ради ее незаконного освобождения.

Малвина, женщина наивная и доверчивая, к тому же обладавшая нежным, готовым к прощению сердцем, полностью поверила уверениям мужа. Она даже не подозревала, что Леонсио каялся не столько за прошлые грехи, сколько с целью подготовить жену к тем делам, которые собирался предпринять в будущем.

Малвина вначале, естественно, испытывала по отношению к

Изауре определенный гнев. Он, впрочем, скоро бы рассеялся, если бы Леонсио не принялся искусно его распалять. В результате гнев Малвины не утих, но постепенно переродился в некое чувство, соединявшее в себе раздражение, презрение и сострадание — подобное чувство молодая хозяйка могла испытывать к любой другой дерзкой и не умеющей вести себя рабыне. Для замысла Леонсио этого вполне хватало. Он сознавал, что нежная душа Малвины не позволит ей согласиться на жестокое физическое наказание Изауры, поэтому задуманное должно было лишь болезненно унизить строптивицу.

— Так что же ты собираешься сделать с Изаурой? — осведомилась у мужа Малвина.

— Дать ей мужа и вольную, — небрежно отвечал Леонсио.

— И ты уже нашел такого мужа?

— Разве для рабыни это так сложно? Мне и фазенду не пришлось покидать.

— Ты хочешь выдать ее за какого-нибудь раба? Но это слишком жестоко, Леонсио...

— И в таком случае мне пришлось бы давать вольную еще и мужу. Вообще-то я подумал было об Андре... Мошенник надышаться на Изауру не может, но именно поэтому он ее и не получит. Собственно, есть жених получше, и к тому же свободный...

— Кто же это, Леонсио?

— Разве не догадываешься? Белшиор.

— Белшиор?! — Малвина чуть не подавилась со смеху. — Все шутишь... Так кто же, серьезно?

— Я же серьезно сказал — Белшиор.

— И ты думаешь, Изаура согласится?

— Не согласится — ей же будет хуже. Вольную не получит и остаток дней проведет в кандалах.

— О, как ты жесток... Зачем ей свобода, если она не сможет сама выбрать мужа? Дай ей просто вольную, и пусть выходит за кого хочет.

— Да не будет она ни за кого тогда выходить. Стоит ее выпустить, и она махнет прямехонько в объятия своего наглого щеголя в Ресифе, и оттуда они будут вдвоем потешаться надо мной.

— А тебя-то это почему так волнует? — осведомилась Малвина с некоторым подозрением.

— Почему волнует? — слегка смутившись, переспросил Леонсио и помедлил с ответом. — Еще бы не волновало! Да этот тип надо мною так издевался, когда Изауру отдавать не хотел! Оскорблял еще вдобавок... Если бы не завещание покойной матушки, ни за что не дал бы этой девке вольную, хотя бы ради того, чтобы сбить спесь с этого наглеца.

— Хорошо, Леонсио. Но все же мне кажется, что Изаура скорее даст закопать себя заживо, чем выйдет замуж за Белшиора.

— Об этом, дорогая, не беспокойся. Мы убедим девчонку, что брак ей выгоден, — у меня уже есть отличный план.

— Ну, если она согласится, я препятствовать не стану.

Леонсио действительно тщательно продумал хитроумный план. Привезя из Ресифе под стражей не только Изауру, но и Мигела, рабовладелец засадил несчастного португальца в тюрьму в Кампусе. Более того, он добился судебного решения, по которому Мигел обязан был возместить все связанные с поимкой Изауры расходы, вылившиеся в весьма значительную сумму. В результате отец нашей героини не только лишился всех сбережений, но и оказался под бременем огромного долга, погасить который он мог лишь годами труда. Бороться с богатым и влиятельным владельцем фазенды, водившим дружбу даже с министрами, у бедного португальца не было никакой возможности.

После того, как Леонсио потерял надежду сломить упорство Изауры уговорами и угрозами, он решил применить свой план и отправился в тюрьму к Мигелу.

— Сеньор Мигел, — вежливо обратился рабовладелец к томившемуся в грязной камере узнику. — Несмотря на убытки и волнения, причиненные мне вами и вашей дочерью, я испытываю к вам христианское сострадание. Поэтому я желаю помочь вам обоим, а также раз и навсегда покончить со смутой, которую ваша дочь вносит в мой дом.

— Я готов разговаривать с вами, сеньор Леонсио, если ваши предложения будут носить честный и достойный характер, — сдержанно отвечал отец Изауры.

— Разумеется, в этом можете не сомневаться, — поспешил заверить Леонсио. — Я хочу, чтобы ваша дочь вышла замуж за достойного человека, при этом она получит вольную. Но мне нужно ваше содействие.

— Чем я могу быть полезен? — оживился Мигел.

— Изаура, возможно, чувствует некоторую неприязнь к человеку, которого я предназначаю ей в мужья. Причина того кроется в глупой и безнравственной страсти, которую ваша дочь, по всей видимости, продолжает испытывать к этому франту из Ресифе, сбившему девушку с толку своими сумасбродными обещаниями.

— Я уверен, что Изаура вспоминает об этом молодом человеке не иначе, как с чувством благодарности.

— Нужна ему эта благодарность! Неужто вы думаете, что ваша дочь для него много значила? Да не больше старого башма-

ка. Так, мимолетный каприз пресыщенного хлыща, фантазии разгоряченного рассудка. Впрочем, судите сами — посмотрите на это письмо. Досточтимый сеньор Алваро с беспредельной наглостью уведомляет меня, что собирается жениться и при этом просит ничего не предпринимать относительно Изауры, ибо собирается взять ее к себе служанкой. Каков цинизм, а?

— Это действительно так, сеньор? Зная сеньора Алваро, в такое трудно поверить.

— Читайте сами. Почерк, я думаю, вам знаком... — с этими словами Леонсио небрежно протянул письмо, где почерк Алваро был искусно подделан умелым писцом.

— Рука его, сомненья нет, — согласился Мигел, пораженный прочитанным. — Сколько же подлости в этом мире... — с горечью добавил он.

— Надеюсь, вы не забудете этого урока, сеньор Мигел. А письмо можете оставить себе, покажите его дочери. Ей лучше знать всю правду и не обольщаться относительно человека, который так легкомысленно затуманил ей голову. Ну а вы, со своей стороны, постарайтесь склонить дочь к выгодному замужеству. В случае удачи я, кстати, готов не только простить все ваши долги, но и вернуть уже взысканные деньги. Откроете в Кампусе какое-нибудь дело и будете спокойно жить там вместе с дочерью и зятем.

— Хорошо, — кивнул Мигел. — Ну а кто же будет этим зятем? Вы так ничего и не сказали о нем.

— Верно, забыл. Это Белшиор, мой садовник. Вы, пожалуй, его знаете?

— Конечно, — ошарашенно ответил португалец. — Послушайте, сеньор, вы действительно хотите выдать мою дочь за урода? Бедная Изаура! Да разве она согласится?

— Мне кажется, вы слишком уж преувеличиваете значение внешности. Главное, что у Белшиора добрая душа; он честный человек и отличный работник.

— Все верно, но вот согласится ли с этим Изаура?

— Ну, если отец убедит ее в правильности выбора...

— Я постараюсь, сеньор, но, вы понимаете, она девушка норовистая, к тому же с образованием...

— Если станет артачиться, — оборвал собеседника Леонсио, — хуже будет вам обоим.

Мигел сокрушенно закивал головой. Пленение и заключение дочери разрушили все надежды, грядущая нищета вызывала чувство ужаса и подавленности. Поэтому цену, назначенную бесчеловечным рабовладельцем, он счел не слишком дорогой за вызволение дочери из неволи и возможность безбедно прожить с ней остаток своих дней.

ГЛАВА XX

В то время, как Роза и Андре, весело переругиваясь, наводили порядок в гостиной, в расположенном рядом с лачугами рабов темном тюремном сарае, где вот уже два месяца томилась прикованная цепью к стене Изаура, разыгрывалась грустная и трогательная сцена. Мигел, прибывший сюда по приказанию Леонсио, пытался уговорить дочь на брак с Белшиором. Печальное зрелище являли собою наши герои. Бледные, изможденные и подавленные свалившимися несчастьями, они отрешенно смотрели друг на друга в полумраке вонючего сарая. Униженные и обездоленные как никогда ранее, Изаура и Мигел встретились впервые за два долгих месяца, и поэтому вместо словесного приветствия они лишь обнялись и долго смотрели друг на друга полными слез глазами.

— Да, доченька, жертву от тебя требуют немалую, но придется уж смириться... Другого выхода у нас нет, иначе сидеть тебе здесь в цепях до скончания века... — обреченно молвил Мигел.

— Палач мой на выбор дает две неволи, и кто знает, которая горше... — вздохнула Изаура. — Говорят, я красива; я получила воспитание, как знатная сеньора; мне внушили чувства женского достоинства и целомудрия — и теперь... теперь меня хотят подарить убогому горбуну? Веселая же меня ждет свадьба...

— Все не так страшно, девочка, как тебе кажется. — Мигел попытался утешить дочь. — Время залечивает раны, и ты, покорившись судьбе, рано или поздно привыкнешь к новой жизни. А она, наверняка, будет куда лучше, чем эти адовы муки... Бог даст, мы с тобой еще поживем, если не в счастье, так хоть в спокойствии...

— Для меня спокойствие наступит только в могиле, отец. И кроме двух путей, предложенных мне хозяином, я вижу и третий... Господь бережет его для тех несчастных, у которых не остается другого выхода...

— Ты имеешь в виду полную покорность, доченька?

— Когда покорность невозможна, отец, лишь смерть может...

— Замолчи, девочка! — оборвал дочь Мигел. — Не богохульствуй и не теряй рассудка. Ты должна жить! И неужто у тебя хватит духу оставить своего старого отца в одиночестве и нищете?

— Простите меня, отец... Конечно, я должна жить, хотя бы ради вас... Но неужто для этого надо выйти замуж за урода? Лучше бы меня заточили навеки в темницу или пожизненно определили мотыжить плантацию под жарким солнцем.

— Да Белшиор не такой уж и урод, доченька... Лицо у него

красивое, и вообще со временем ты к нему привыкнешь. И манеры у Белшиора неплохие, человек он добрый, душевный... Так что соберись с духом, доченька. Ты выйдешь из этой мрачной тюрьмы, воздух свободы вернет тебе радость жизни, и даже с таким мужем можно жить счастливо.

— Счастливо? — Изаура горько усмехнулась. — Не говорите мне о счастье, отец. Если бы еще сердце мое было свободным... А сейчас оно принадлежит Алваро. Видеть его, даже быть его рабыней — вот это для меня было бы счастьем. Но горе мне! Могу ли я еще думать о нем? И помнит ли он о бедной пленнице?

— Не стоит, доченька, больше мечтать о нем. Выброси из головы его сумасбродство, не рассчитывай больше на сеньора Алваро.

— Почему, отец? Разве могу я забыть его любовь?

— Любовь, любовь... В твоем униженном положении разве можно думать о любви такого знатного господина? Между вами пропасть. Может, он и любил тебя слегка, да только капризом все было, фантазией господской... Тяжко мне такое говорить, девочка, да ничего уж не попишешь, такова жизнь...

— Как вы можете, отец! Каждое слово мне как нож в сердце! Уж лучше б вы позволили мне тешиться надеждой, что он все еще любит меня...

— Конечно, доченька, да только ты должна знать все. Этот человек... — Мигел умолк, не решаясь продолжать.

— Что этот человек? — дрожащим голосом переспросила Изаура. — Говорите, отец. Он... не умер?

— Нет, девочка моя. Он... женится.

— Женится? Алваро женится?... Нет, быть такого не может! Откуда вы взяли?

— Он сам пишет, — вздохнул Мигел. — Вот, почитай...

Дрожащей рукой Изаура взяла письмо и быстро пробежала его глазами. Ни звука не вырвалось из ее груди, ни слезинки не скатилось по бледным щекам. Губы застыли в странной улыбке. Несколько долгих минут Изаура оставалась в жуткой недвижимости, пока наконец не нарушила ее судорожными рыданиями.

Слезы, пролитые на грудь отцу, облегчили страдания девушки. Вытерев слезы, она вдруг обрела спокойствие — спокойствие ледяное, кладбищенское. Казалось, удар судьбы уничтожил прежнюю Изауру, от которой осталась лишь внешняя оболочка, призрак...

— Все кончено, отец, — молвила узница. — Я умерла. Можете делать с телом что угодно.

Это были ее последние слова.

— Не унывай, доченька, — бормотал Мигел, целуя Изауру в лоб. — Все еще уладится, уладится...

Обладая добрым сердцем, Мигел все же был человеком простым и практическим и никак не мог уразуметь всю глубину любовной трагедии дочери и непомерность жертвы, требуемой от нее. Рассматривая счастье с самой приземленной точки зрения, он осмеливался надеяться на спокойную и счастливую семейную жизнь для Изауры, не понимая, что предлагаемый брак разбивает ее сердце и унижает душу.

Между тем в господском доме, в гостиной, Малвина ожидала результатов разговора португальца с дочерью. Здесь же стояли Роза и Андре, готовые исполнить хозяйские поручения.

Когда двери распахнулись и Мигел под руку ввел Изауру, сердце Малвины на мгновение сжалось. С мертвенно-бледным лицом, растрепанными волосами и отсутствующим взглядом бывшая горничная нетвердым шагом вошла в ту самую залу, где совсем еще недавно под звуки рояля лилась ее песня... Но даже теперь несчастная узница оставалась прекрасной. Худоба, заострившая черты лица, лишь подчеркивала их прелесть. Огромные остановившиеся глаза светились подобно траурным свечам под темным сводом часовни. Волосы, в беспорядке обрамлявшие лицо, напоминали побеги молодого плюща, обвивающие древний мрамор античной статуи.

— Бедняжка Изаура... — на глаза Малвины навернулись слезы, и она уже готова была заступиться перед мужем за свою бывшую служанку. Но тут молодая хозяйка вспомнила о развратном поведении рабыни и ее дурных наклонностях, рассказами о которых ее усердно потчевал муж, и решила притвориться безразличной.

— Итак, Изаура, готова ли ты выйти замуж за человека, которого выбрали тебе твои хозяева? — недрогнувшим голосом осведомилась Малвина.

Несчастная девушка стояла молча, не поднимая глаз.

— Да, сеньора, — ответил за нее Мигел. — Она согласна с волей вашей светлости.

— Прекрасно. Для меня невыносимо, чтобы бедняжка продолжала страдать в заточении, и пока я здесь хозяйка, я не могу согласиться с таким положением. Моя покойная свекровь растила ее с нежностью и любовью совсем не для того. — Малвина перевела взгляд на девушку. — Так вот, Изаура, несмотря на твое недостойное поведение, я желаю тебе добра и хочу изменить твою жизнь к лучшему. Мы с сеньором Леонсио даем тебе одновременно свободу и прекрасного мужа.

— Прекрасного? Господи, как же можно... — прошептала девушка.

— Я считаю Белшиора вполне подходящей для тебя парой. Молодой человек честен, трудолюбив, добр. Уверена, тебе с ним будет совсем неплохо. И, кроме того, свобода требует жертв, верно?

Изаура в немом ужасе слушала хозяйку.

— Итак, мы договорились. Я вижу, ты девушка разумная и послушная. Андре! — позвала Малвина лакея. — Сходи за Белшиором, я сама хочу объявить, что его давняя мечта сбылась. Думаю, что сеньор Мигел доволен тем, как устраивается судьба его дочери: она получает вольную и выходит замуж за белого, а это лучше, чем беглянкой скитаться по свету. И чтобы доказать, что я желаю тебе, Изаура, только добра, на свадьбе я буду твоей посаженой матерью.

С этими словами Малвина открыла стоящую на столе шкатулку и, достав оттуда дорогое золотое ожерелье, надела его на шею неподвижно стоявшей рабыни:

— А вот это мой свадебный подарок.

— Благодарю вас, госпожа, — откликнулась наконец Изаура, а про себя подумала: «Вот и веревка, которую палач набрасывает на шею жертве».

Тут двери растворились, и в сопровождении Андре в гостиной появился Белшиор.

— Вот он я, госпожа, — объявил садовник. — Что вам угодно от вашего ничтожного слуги?

— Я хочу поздравить вас, Белшиор, — торжественно произнесла Малвина.

— Поздравить? С чем?

— Могу сказать. Изаура получает свободу и... Ну, об остальном догадайтесь сами.

— Неужели она теперь уедет отсюда? Жалость-то какая!

— Я вижу, вы не очень догадливы. Нет, пока Изаура не уезжает, потому что она решила выйти за вас замуж.

— Ох, да что же вы такое говорите, хозяйка? И как же мне в такое поверить? Вы, пожалуй, смеетесь над бедным садовником...

— Я говорю вам чистую правду, Белшиор. Видите, Изаура здесь и готова подтвердить свое намерение. Так что готовьтесь, и скоро, быть может завтра, мы сыграем вашу свадьбу.

— О госпожа! Как же мне благодарить вас? — ошеломленно бормотал Белшиор, припадая к ногам Малвины и пытаясь их поцеловать. — Счастье-то какое...

— Вставайте, Белшиор. Благодарить надо Изауру.

Садовник поднялся на ноги, чтобы на этот раз плюхнуться на колени перед Изаурой.

— О принцесса моего сердца! — пылко воскликнул горбун, обнимая ноги девушки. Бедная ослабевшая рабыня чуть было не упала на пол, потеряв равновесие от столь восторженных объятий. У человека, не знающего истинной подоплеки происходящих событий, эта сцена, пожалуй, вызвала бы улыбку.

— О, божественная Изаура, — продолжал Белшиор. — Почему ты не смотришь на своего покорного раба? Ну дай же мне твою руку, дабы я мог облобызать ее...

— Боже, какой страшный фарс, — еле слышно промолвила девушка и, отвернувшись в сторону, протянула руку Белшиору, который тут же принялся покрывать ее поцелуями.

— Ты только посмотри, что за дура, — тихо заметил Розе стоящий с ней возле дверей Андре. — Точно говорят — метать бисер перед свиньями!

— Я раньше тоже хотела выйти замуж за какого-нибудь болвана, — отозвалась служанка.

— А замыслы у хозяина ну прямо как у самого дьявола, — продолжил Андре. — Сумел же придумать: такую красавицу — и за урода!

— Да ты просто завидуешь! Небось сам бы хотел сейчас быть в его шкуре и Изауре ручки целовать. Ладно, дело сделано. Не хватает только, чтобы хозяин отдал тебя Изауре в приданое...

— А чего? Я бы не против... Об заклад бьюсь, девчонка выходит замуж не по доброй воле. Так что потом... мы бы с ней сговорились и обвели бы горбуна вокруг пальца.

— Ну и нахал! С чего ты взял, что Изаура потом тебя выберет?

— Ладно-ладно, не ревнуй заранее. Ты, в конце концов, тоже девчонка ничего себе. Только особо не зазнавайся, помни: на безрыбье и рак рыба.

— Чтоб ты треснул. И попридержи язык, потише говори, а то хозяйка услышит...

ГЛАВА XXI

— Слушай, Леонсио, ты обо всем распорядился, чтобы покончить с этим делом сегодня? — осведомилась Малвина у своего супруга утром следующего дня.

— Послушай, дорогая, ты меня об этом уже в сотый раз спрашиваешь, — со смехом отозвался Леонсио. — И я тебе в сотый раз готов ответить, что все сделано. Еще вчера я отправил посыльного в Кампус, и оттуда вот-вот должен прибыть нотариус, который оформит Изауре вольную. Приедет и священник, кото-

рый обвенчает ее с Белшиором. Видишь, я ничего не забыл. А ты, кстати, не забудь распорядиться, чтобы к венчанию приготовили часовню. Этого венчания, пожалуй, мы ждем больше, чем ждали своего собственного, — с улыбкой добавил Леонсио.

Малвина вышла из гостиной, оставив мужа в компании еще одного действующего лица нашего повествования, с которым читатель еще не встречался. Человек этот носил имя Жорже и принадлежал к классу профессиональных приживал и паразитов, неизбежно окружающих богачей.

Этот тип людей весьма разнообразен, и каждый его представитель имеет свои отличительные черты. Жорже был мужчиной видным, услужливым, любезным и остроумным, то есть обладал всеми качествами, необходимыми успешному приживале. Заметим, что паразит сей не питался соками единственного дерева, а предпочитал кочевать от одного хозяина к другому. Тактика эта была хорошо продумана, ибо давала возможность жить легко и разнообразно, не будучи при этом излишне обременительным для многочисленных зажиточных знакомых. Жорже поддерживал приятельские отношения со всеми помещиками, живущими по берегам Параибы от Сао-Жоао-да Барра до Сао-Фиделис. С виду всегда занятый тысячью важных дел, Жорже всегда был готов отбросить их в сторону по просьбе любого из друзей и провести в его компании пару недель.

Когда Леонсио после ссоры с Малвиной остался на фазенде в одиночестве, в лице Жорже он нашел прекрасного компаньона. Тот готов был играть с хозяином фазенды в карты и ездить на охоту, развлекать его за обедом скабрезными анекдотами и участвовать в иных малоприличных развлечениях. Леонсио, искренне считавший Жорже другом, делился с последним всеми семейными тайнами и обсуждал с ним свои планы. Давайте же послушаем, о чем вели беседу два этих стоящих друг друга прохвоста.

— ...Вот так, Жорже, я и придумал все устроить, — говорил Леонсио приятелю.

— Уверен, — отозвался тот, — все выйдет как надо, и скоро я смогу поздравить тебя с успешным исполнением всех планов.

— Конечно. Ты же видишь, что, освобождая Изауру и выдавая ее замуж, я удовлетворяю все требования жены: девчонка теперь вроде как не в моей власти. Да только и отца ее и муженька я буду держать вот так! — Леонсио сжал кулак. — А дальше сам знаешь: со временем самую дикую кобылу объездить можно. Так что и я буду доволен, и, главное, Малвина. А с ней мне обязательно надо оставаться в наилучших отношениях. Дело в том — только это между нами, я тебе верю...

— Разумеется, — быстро отозвался Жорже. — Можешь говорить откровенно, буду нем, как рыба...

— Так вот, я, честно говоря, не обращал бы особого внимания на капризы жены, если бы не полный разлад в моих делах. Из-за всяких дурацких обстоятельств состояние мое под угрозой, и я не знаю, смогу ли я спасти его без чужой помощи. А помощь эту и рассчитываю заполучить у тестя...

— Весьма разумное решение. И тестя твоего я хорошо знаю. Его торговый дом — один из самых богатых во всем Рио-де-Жанейро. Не может же он оставить в беде любимую дочь и допустить, чтобы ее муж разорился?

— Вот и я так думаю. Но это не все. Слушай дальше. Выдавая Изауру замуж, я также навсегда разделаюсь с этим франтом из Ресифе, Алваро. Ты же знаешь, сколько неприятностей причинил мне сей борец за освобождение чужих рабынь. Он не только не постыдился соблазнить ее, но и публично покровительствовал ей. Теперь же ему навсегда придется расстаться со своими претензиями. Вот видишь, как много я связываю с этой свадьбой!

— Действительно, твой план просто великолепен, — напыщенно объявил Жорже. — Ты прекрасно все продумал. Да займись ты политикой — о тебе вскоре узнал бы весь мир. А над этим охотником до чужих рабынь мы еще здорово посмеемся, вздумай он опять домогаться твоей девки.

— Я, честно говоря, в этом сомневаюсь, но если попробует сунуться...

Беседа двух приятелей была прервана Андре, объявившим о появлении у ворот фазенды группы всадников.

— Это, должно быть, те, за кем я посылал: нотариус, священник и еще кое-кто... Правда, они приехали раньше, чем я ожидал. Ну, ничего. Пригласи их спешиться, Андре, и проводи сюда.

Когда лакей вышел, Леонсио колокольчиком вызвал Розу.

— Будь любезна, пригласи сюда сеньору Малвину, а также Изауру, сеньора Мигела и Белшиора. Я думаю, они уже готовы, — отдав распоряжение, хозяин фазенды повернулся к Жорже. — Знаешь, мне не терпится поскорее кончить эту комедию, но я должен обставить ее поторжественней, чтобы потешить Малвину серьезностью своих намерений. Мне же этот фарс доставит огромное удовольствие. Уверен, что Изаура до глубины души презирает этого несчастного урода, который будет ее мужем только по закону. Я же буду спокойно дожидаться лучших времен, которые, надеюсь, не за горами.

— Что касается меня, то я нисколько не сомневаюсь, что вскоре девка эта будет твоей, и ты уж...

Не успел Жорже закончить свою мысль, как в дверях гостиной появился молодой кавалер в элегантном дорожном костюме. За ним виднелось еще трое или четверо человек. Леонсио, пребывавший в самом благодушном настроении, вдруг напрягся.

— Это... это не те, кого я жду, — пробормотал он. — Кажется... кажется это... Алваро!

— Сеньор Леонсио, — учтиво поклонился вошедший молодой человек.

— Сеньор Алваро, — ответил опешивший Леонсио. — Что ж, рад вас приветствовать у себя. Не изволите ли присесть? Вы, верно, решили попутешествовать в наших краях? — произнося банальные фразы, хозяин фазенды старался выиграть время и прийти в себя от столь неожиданного поворота событий.

В ту же минуту в двери с другой стороны залы стали входить Малвина, Изаура, Мигел и Белшиор, одетые соответственно предстоящей церемонии.

— Господи, что же это?! — Изаура замерла на пороге, сжимая руку Мигела. — Или я ошибаюсь? Нет, это он, точно он!

— Да-да, девочка моя, это сеньор Алваро. Как же так?

— О-о! — еще раз вздохнула Изаура и с этим полувздохом-полукриком как бы сбросила с себя тяжкий груз горестей и печалей, сдавливавших ее сердце. Лицо ее, казалось, навсегда обреченное на мертвенную бледность, вдруг озарилось румянцем; в глазах той, которая словно была погребена заживо, вдруг загорелись огоньки надежды.

— Я не предполагал, что буду иметь честь принимать вас в своем доме, — продолжал Леонсио, поспешно принявший надменный и хладнокровный вид. — Тем не менее, я должен поздравить и вас, и себя самого со столь своевременным появлением здесь. Приезд таких досточтимых гостей предопределен, несомненно, самим Провидением.

— Да? Тогда я тоже рад. Но не могли бы вы сообщить причину вашей радости нам? — осведомился Алваро.

— С удовольствием. Знайте же, что моя рабыня, ради которой вы приложили в Пернамбуку столько усилий, сегодня получает вольную и выходит замуж за достойного человека. Вы приехали как раз вовремя, чтобы собственными глазами увидеть претворение в жизнь ваших филантропических идей. Мне очень приятно ваше участие в предстоящей церемонии, это, несомненно, придаст ей еще большую торжественность.

— И кто же, осмеливаюсь спросить, дает Изауре свободу? — с усмешкой спросил Алваро.

— Кто же, как не я, ее законный владелец, — самоуверенно ответил Леонсио.

— В таком случае должен вас разочаровать, сеньор, — спокойно произнес Алваро. — Вы не можете освободить Изауру, ибо она вам больше не принадлежит.

— Не принадлежит?! — Леонсио буквально подпрыгнул на месте. — Вы что, спятили? Или издеваетесь надо мною?

— Ни в коем случае, — так же спокойно продолжал Алваро. — Но я повторяю: эта рабыня вам более не принадлежит.

— И кто же посмел лишить меня прав на эту собственность?

— Ваши кредиторы, сеньор, — твердо объявил Алваро. — Отныне эта фазенда со всеми рабами, усадебный дом со всей обстановкой вам не принадлежат. Вы не имеете права распоряжаться здесь даже мелочью. Извольте обратить внимание, — Алваро показал пачку бумаг, — на эти векселя. Как оказалось, ваши долги значительно превосходят ваше состояние. О дате продажи имущества за долги вас известят.

По знаку Алваро сопровождавший его нотариус предъявил Леонсио ордер на наложение ареста на его имущество. Трясущейся от гнева рукой тот схватил документ.

— Уж больно быстро вы все устроили; боюсь, что и незаконно, — выпалил Леонсио. — Разве я не имею права получить отсрочку и попытаться спасти свою честь и имущество?

— Ваши кредиторы уже не раз делали вам поблажки; возможно, вам бы удалось уговорить кое-кого из них опять. Но на сегодняшний день ваш главный, если не сказать единственный кредитор — это я. В моих руках находятся почти все ваши векселя, и я не намерен давать вам отсрочку. Все отговорки бессмысленны.

— Проклятие! — затопал ногами Леонсио, в бессильной злобе потрясая кулаками.

— Боже мой... Боже мой... Какое несчастье!.. И какой позор... — зарыдала Малвина.

ГЛАВА XXII

Наблюдая за происходящим в гостиной, нельзя было не подумать о столкновении благородного льва с коварным тигром, который, потерпев поражение, напрасно извивается и рычит, придавленный мощными лапами противника. Но давайте ненадолго прервем эту сцену, чтобы рассказать, какие же обстоятельства привели Алваро в дом Леонсио в самый напряженный момент.

Алваро, после того, как Изауру увели прямо из его дома, впал в тоску. Лишенный предмета своей любви, оскорбленный наглым рабовладельцем, молодой человек поначалу не видел выхода из

своего отчаяния. Адвокат Жералдо, узнав о горе друга, немедленно поспешил на помощь. Благодаря стараниям заботливого приятеля боль Алваро постепенно теряла свою остроту. Под влиянием уговоров Жералдо наш герой вот-вот готов был согласиться, что в его положении лучше — постепенно забыть Изауру.

— Все твои возможные попытки освободить девушку, — втолковывал другу адвокат, — будут явным безумием и не принесут успеха. Наоборот, тебя ожидают лишь новые разочарования. Вспомни, какое унижение ты уже испытал два раза: первый раз на балу, а второй — в собственном доме. Тогда ты чуть не стал преступником, вырывая рабыню из рук законного владельца. И если ты будешь упорствовать далее, то, обещаю, рано или поздно скатишься в пропасть.

Внимая этим доводам, Алваро и впрямь решил крепить свой дух и постараться отказаться от любви к Изауре. Но тщетно искал молодой человек забвения в умственных занятиях и легкомысленных развлечениях. Образ Изауры не покидал его. Она представала перед его мысленным взором то блистательной и грациозной, как в вечер бала, то согбенной горем и бледной, как в день разлуки. Алваро все время чувствовал на себе горящий взгляд, который как бы умолял его: «Не оставляй меня! Помни обо мне! Только ты можешь разбить мои оковы!»

После месяца внутренней борьбы молодой человек пришел к убеждению, что небо не случайно свело его судьбу с судьбой этой прекрасной и несчастной рабыни. Оно само предначертало ему освободить невинную красавицу из рабства. С чувством божественного вдохновения Алваро дал себе обет продолжить благородную борьбу за спасение девушки, невзирая ни на какие трудности.

Приняв это решение, но не имея еще конкретных планов, Алваро отправился в Рио-де-Жанейро, намереваясь отбыть затем в Кампус. Предчувствие подсказывало ему, что, находясь ближе к Леонсио, легче разведать возможности вызволения Изауры. Перед тем, как выехать в Кампус, наш герой стал наводить справки о своем противнике у столичных негоциантов.

— Э, я прекрасно знаю этого субъекта! — усмехнулся первый же коммерсант, к которому обратился Алваро. — Этот малый полный банкрот. Если вы тоже его кредитор, вам не повезло. И будьте начеку: у соседей глаза разгорелись на его имущество.

Новость эта показалась Алваро молнией, вспыхнувшей вдруг в ненастную ночь и осветившей заплутавшему путнику тропинку к ближайшему приюту.

— А вы случайно не входите в число кредиторов этого человека? — осведомился наш герой.

— Увы, да, — горестно вздохнул коммерсант. — И к тому же один из главных...

— Насколько же велики долги этого сеньора, если не секрет? — продолжал допытываться Алваро.

— Пожалуй, — его собеседник на минуту задумался, — долги его уже раза в два превосходят все его состояние. Долгов набежит на пятьсот конто, а его фазенда под Кампусом вместе с рабами и всем остальным не потянет и на двести, совсем в упадок пришла... Мы с другими кредиторами и предупреждали его, и отсрочки давали... Дольше, честно говоря, терпеть невозможно, надо принимать суровые меры.

— Кстати, как насчет других кредиторов? Могли бы вы назвать их?

— Почему нет? — пожал плечами коммерсант и принялся перечислять имена и адреса.

Негоциант, с которым беседовал Алваро, не случайно указал на состояние фазенды Леонсио, которая еще со времени его покойного отца стала приходить в упадок. Старый командор, проведя остаток своей жизни в городе, не только прокутил значительную часть своего состояния, но и изрядно подзапустил фазенду. Без хозяйского глаза упали урожаи, из-за смертей и частых побегов сократилось число рабов. С появлением Леонсио дела пошли еще хуже: для рачительного управления большим поместьем характер у молодого хозяина оказался самым неподходящим. Бестолковое хозяйствование усугубилось безумной страстью к Изауре, чьи поиски и поимка обошлись в круглую сумму и окончательно подорвали состояние Леонсио. В конце концов он обнаружил, что остался без единого реала в кармане, в то время как кредиторы принялись готовить векселя к опротестованию. Вскоре выяснилось, что взыскать они смогут, в лучшем случае, не более половины долгов, и поэтому решили поспешить с наложением ареста на имущество, пока оно не растратилось окончательно.

Переговорив с кредиторами Леонсио, Алваро предложил выкупить векселя за половину стоимости. Дабы не возбуждать неприязни со стороны других помещиков, он объявил, что, взыскивая долги, не собирается засуживать их непутевого собрата и доводить его до полной нищеты. И действительно, несмотря на испытываемые к Леонсио отвращение и презрение, Алваро не предполагал прибегать к исключительному способу мести, который судьба вкладывала в его руки. Собственно говоря, будучи раз в десять богаче своего противника, наш герой за освобождение Изауры охотно бы заплатил Леонсио сумму, равную его долгам.

Кредиторы без колебаний приняли предложение Алваро, пре-

красно понимая, что лучше сразу же и без хлопот получить по векселям половину, чем затевать сложный и дорогостоящий процесс, не имея при этом никакой гарантии получить больше. Скупив векселя, Алваро заехал в Кампус и, выправив там необходимые документы, в сопровождении нотариуса и двух судебных исполнителей направился на фазенду Леонсио.

Мы оставили этого участника нашего повествования как раз в тот момент, когда, услышав объявление о наложении ареста на остатки его имущества, Леонсио с проклятиями потрясал кулаками. Затем, ошеломленный, бросился вон из гостиной.

— Не спешите, сеньор, — поймал его за руку Алваро. — Вы еще не объяснили, что собираетесь делать с Изаурой.

— Я же сказал — освободить ее! — бросил Леонсио.

— Вы также, кажется, сказали, что выдаете ее замуж? Кстати, а ее согласие вы получили?

— Нет! — закричала ожившая вдруг Изаура. — Он меня заставил!

— Это правда, сеньор Алваро, — робко заметил Мигел. — Замуж ее выдают насильно. Сеньор Леонсио в качестве платы за вольную потребовал выйти замуж вот за этого несчастного.

— За... этого? — Алваро с недоумением посмотрел на горбуна.

— Да, сеньор, — грустно продолжал отец Изауры, — И если бы она отказалась от брака, то сидеть бы ей до смерти на цепи в тюрьме. Точно так, как держали ее после возвращения из Ресифе до нынешнего дня...

— Палач! — Алваро не в силах был далее сдерживать негодование. — Небеса покарают тебя за бесчеловечную жестокость.

— Какой позор! Боже мой, какой позор... — тихо всхлипывала Малвина, склонившись над столом и закрывая лицо ладонями.

— Бедная моя Изаура, — потрясенный Алваро протянул руки к милой девушке. — Иди же ко мне! Я возмущен до глубины души и считаю делом чести избавить тебя от столь унизительного положения.

— Хватит похваляться! — выкрикнул Леонсио, безумно размахивая руками.

— Изаура, — произнес Алваро твердым голосом, — еще недавно этот человек распоряжался твоей свободой и жизнью, вынуждал тебя к нежеланному браку. Теперь же я передаю его состояние в твои руки. Отныне, Изаура, ты его госпожа, а Леонсио твой раб. И если он не хочет просить милостыню, ему придется смиренно взывать к твоему великодушию.

— О, сеньор, — Изаура склонилась перед Алваро. — Вы были так добры и великодушны к несчастной рабыне! Ваше благородное сердце не может не проявить этих чувств и к поверженному противнику. Прошу вас, простите его!

— Встань, возвышенное созданье. — Алваро помог девушке подняться. — Ты должна быть не у ног моих, но в моих объятиях, ибо я жажду прижать тебя к своей груди. Каковы бы ни были земные предрассудки, я считаю себя счастливейшим из смертных и предлагаю тебе руку и сердце.

— Сеньор! — прервал эту речь Леонсио, сверкая обезумевшими глазами. — Вы завладели всем, что я имел, вы можете наслаждаться местью, но удовольствия видеть меня на коленях я вам не доставлю.

С этими словами молодой человек стремительно выбежал из залы в примыкавшую к ней спальню.

— Леонсио! Леонсио! Куда ты? — закричала Малвина, бросаясь вслед за мужем. Не успела она, однако, добежать до порога, как из-за захлопнувшейся двери спальни прогремел выстрел. Женщина вскрикнула и замертво упала на пол.

Леонсио покончил с собой выстрелом в висок.

Перевод с португальского А. ТРАВИНА и А. ЕЖИНА

ПОЭТ РУССКОЙ ИДЕИ

Еще при жизни Алексея Степановича Хомякова (1804—1860) в литературном мире ходили легенды о его феноменальной эрудиции, памяти, духовном подвижничестве. В то время, когда дворянская молодежь, взращенная на масонских идеях и «передовой» немецкой философии, раболепствовала перед Западом, Хомяков один из первых заговорил о самобытном пути России, отличном как от восточных, так и от западных стран.

Так зародилось русское славянофильство, вождем и главным идеологом которого выступил А. Хомяков. Хорошее знание европейских языков, древнегреческого и латыни дало возможность глубоко изучить историю, философию, религию, право. Постепенно Хомяков выработал собственную концепцию мирового развития, которую изложил в трехтомном историко-философском сочинении «Записки о всемирной истории». (Вышли в свет после смерти автора.)

А. Хомяков был блестящим публицистом, поэтом, философом. Он изобретатель паровой машины, получившей патент в Англии, и дальнобойного ружья; в годы эпидемий лечил людей от холеры, используя приемы народной медицины; разведывал полезные ископаемые... «Во всех областях знания, начиная с философии и оканчивая механикой, ...он совмещал полное знакомство с выработанным доселе материалом, и в то же время с совершенною самобытностью взгляда», — писал современник. («Русская беседа», 1860, т. 2. с. 90.)

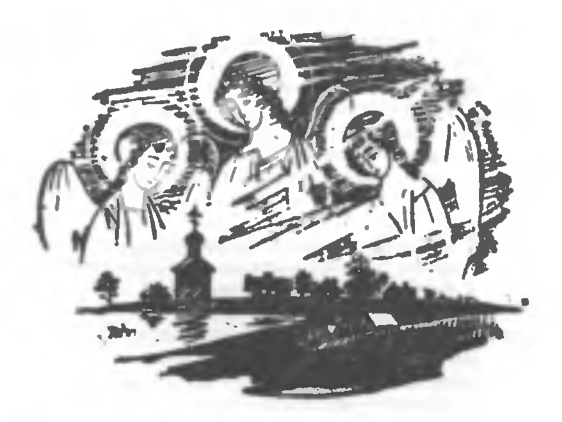
А. Хомяков еще в начале сороковых годов выступал за отмену крепостного права, отстаивал идею свободного развития всех славянских народов под защитой могущественной России, добивался реформы образования. Его теории, идеи рождались не в тиши кабинетов, а в долгих спорах с представителями противоположного лагеря — «западниками», теми, кто отрицал самобытный путь России и готов был перенять у западных стран едва ли не все, что там существовало.

После революции, когда западные модели развития стали насильно внедряться на российской земле, А. Хомякову, как и многим другим выдающимся патриотам Отечества, приклеили ярлыки «реакционера», «мракобеса» и т. д., а его творчество предали забвению. Да и сейчас его имя вызывает шипение у наших так называемых прогрессистов, проводников космополитизма и авангардизма. Где им понять такие, например, строки Хомякова: «Отечество... не условная вещь. Это не та земля, к которой я приписан, даже не та, которою я пользуюсь и которая мне давала такие-то права и такие-то привилегии. Это та страна и тот народ, создавший страну, с которым срослась вся моя жизнь, все мое духовное существование, вся цельность моей человеческой деятельности. Это тот народ, с которым я связан всеми желаниями сердца и от которого оторваться не могу, чтобы сердце не изошло кровью и не высохло».

Вячеслав ЕРОХИН

А. С. ХОМЯКОВ

ГНЕЗДА ОРЛОВ

РОССИИ

«Гордись!» — тебе льстецы сказали:
«Земля с увенчанным челом,
«Земля несокрушимой стали,
«Полмира взявшая мечом!
«Пределов нет твоим владеньям,
«И, прихотей твоих раба,
«Внимает гордым повеленьям
«Тебе покорная судьба.
«Красны степей твоих уборы,
«И горы в небо уперлись,
«И как моря твои озеры...»
Не верь, не слушай, не гордись!

Пусть рек твоих глубоки волны,
Как волны синие морей,
И недра гор алмазов полны,
И хлебом пышет тук степей;
Пусть пред твоим державным блеском
Народы робко клонят взор,
И семь морей немолчным плеском
Тебе поют хвалебный хор;
Пусть далеко грозой кровавой
Твои перуны пронеслись:
Всей этой силой, этой славой,
Всем этим прахом не гордись!

Грозней тебя был Рим великий,
Царь семихолмного хребта,
Железных сил и воли дикой
Осуществленная мечта;
И нестерпим был огнь булата
В руках Алтайских дикарей,
И вся зарылась в груды злата
Царица западных морей.
И что же Рим? И где Монголы?
И, скрыв в груди предсмертный стон,
Кует бессильные крамолы,
Дрожа над бездной, Альбион!
Бесплоден всякий дух гордыни,
Не верно злато, сталь хрупка;
Но крепок ясный мир святыни,
Сильна молящихся рука!
И вот, за то, что ты смиренна,
Что в чувстве детской простоты,
В молчанье сердца сокровенна,
Глаголь Творца прияла ты, —
Тебе Он дал свое призванье,
Тебе Он светлый дал удел:
Хранить для мира достоянье
Высоких жертв и чистых дел;
Хранить племен святое братство,
Любви живительный сосуд,
И веры пламенной богатство,
И правду, и бескровный суд.

Твое все то, чем дух святится,
В чем сердцу слышен глас небес,
В чем жизнь грядущих дней таится,
Начала славы и чудес!..
О, вспомни свой удел высокий,
Былое в сердце воскреси
И в нем сокрытого глубоко
Ты духа жизни допроси!
Внимай ему — и все народы
Обняв любовию своей,
Скажи им таинство свободы,
Сиянье веры им пролей!

И станешь в славе ты чудесной
Превыше всех земных сынов,
Как этот синий свод небесный
Прозрачный Вышнего покров!

1839

7 НОЯБРЯ

Когда мы разрыли могилу вождя
И вызвали гроб на сияние дня,
        В нас сердце сжалось от страха:
Казалось, лишь тронем свинец гробовой,
Лишь дерзко подымем преступной рукой
        Покров с могучего праха —

Сердитые волны вскипят на морях,
Сердитые тучи избегут в небесах,
        И вихрь средь знойного поля!
И снова польется потоками кровь,
И, вставши, всю землю потребует вновь
        Боец — железная воля!

Мы сняли покровы... Глядим — небеса
Спокойны, безмолвны поля и леса,
        И тихи зеркальные волны!
И все озлатилось вечерним лучом,
И мы вкруг могилы стоим и живем,
        И сил, и юности полны.

А он недвижим, он гремящий в веках,
Он сжавший всю землю в орлиных когтях,
        Муж силы, молния брани!
Уста властелина на веки молчат,
И смертью закрыт повелительный взгляд,
        И смертью скованы длани.

И снова скрепляя свинец роковой,
Тогда оросили мы горькой слезой
        Его доску гробовую:
Как будто сложили под вечный покров
Всю силу души, и всю славу веков,
        И всю гордыню людскую.

1840

ЕЩЕ ОБ НЕМ

Не сила народов тебя подняла,
        Не воля чужая венчала:
Ты мыслил и властвовал, жил, побеждал,
Ты землю железной стопой попирал.
Главу самозданным венцом увенчал,
        Помазанник собственной силы!

Не сила народов повергла тебя,
        Не встал тебе равный соперник;
Но Тот, Кто пределы морям положил,
В победном бою твой булат сокрушил,
В пожаре святом твой венец растопил
        И снегом засыпал дружины.

Скатилась звезда с омраченных небес,
        Величье земное во прахе!..

Скажите, не утро ль с Востока встает?
Не новая ль жатва над прахом растет?
Скажите!.. Мир жадно и трепетно ждет
Властительной мысли и слова!..

1839

* * *

«Мы — род избранный», говорили
Сиона дети в старину:
«Нам Божьи громы осушили
Морей волнистых глубину».

«Для нас Синай оделся в пламя,
Дрожала гор кремнистых грудь,
И дым, и огнь, как Божье знамя,
В пустынях нам казали путь.

Нам камень лил воды потоки,
Дождили манной небеса;
Для нас закон, у нас пророки;
В нас Божьей силы чудеса!»

Не терпит Бог людской гордыни,
Не с теми он, кто говорит:
«Мы соль земли, мы столб святыни,
Мы Божий меч, мы Божий щит!»

Не с теми Он, кто звуки слова
Лепечет рабским языком
И, мертвенный сосуд живого,
Душою мертв и спит умом.

Но с теми Бог, в ком Божья сила,
Животворящая струя,
Живую душу пробудила
Во всех изгибах бытия.

Он с тем, кто гордости лукавой
В слова смиренья не рядил,
Людскою не хвалился славой,
Себя кумиром не творил.

Он с тем, кто духа и свободы
Ему возносит фимиам;
Он с тем, кто все зовет народы
В духовный мир, в Господень храм!

1851

* * *

Вставайте! оковы распались,
Проржавела старая цепь!
Уж Нил и Ливан взволновались,
Проснулась Сирийская степь!

Вставайте, Славянские братья,
Болгарин, и Серб, и Хорват!
Скорее друг к другу в объятья,
Скорей за отцовский булат!

Скажите: «Нам в старые годы
В наследство Господь даровал
И степи, и быстрые воды,
И лес, и ущелия скал!»

Скажите: «Мы люди свободны, —
Да будет свободна земля,
И горы, и глуби подводны,
И долы, и лес, и поля!

Мы вольны, мы к битве готовы,
И подвиг наш честен и свят:
Нам Бог разрывает оковы,
Нам Бог закаляет булат!»

Смотрите, как мрак убегает,
Как месяц двурогий угас!
Смотрите, как небо сияет
В торжественный утренний час!

Как ярки и радости полны
Светила грядущих веков!..
Вскипите ж, Славянские волны!
Проснитеся, гнезда орлов!

1853

Известно, генерал А. Каледин, первый выборный атаман войска Донского, не признал Советов; и большой войсковой круг, собравшийся в декабре 1917 года, объявил паритет власти на Дону — объединенное с представителями неказачьей части населения области правительство. Спустя месяц с небольшим, 10—11 января 1918 года, проходивший в станице Каменской съезд казаков-фронтовиков по большевистской инициативе принял решение об упразднении правительства А. Каледина и переходе всей полноты власти на Дону к избранному делегатами съезда военно-революционному комитету. Диалог с новой властью, предпринятый калединскими парламентариями 13 января в ст. Каменской с целью «подойти к этому серьезному делу, чтоб не было народу обидно и чтоб покончилось оно все тихо-благо», ни к чему не привел. Решено было возобновить переговоры в Новочеркасске. 15 января в столицу войска Донского прибыла делегация военно-революционного комитета во главе с его председателем Ф. Подтелковым и, в сопровождении усиленного офицерского наряда, проследовала к зданию областного правления. В одиннадцать часов дня здесь начался разговор о власти, способной предотвратить развитие братоубийственной гражданской войны на Дону...

Предлагаемый вниманию читателей документ как раз и представляет собою запись или протокол этого трагического по нравственному напряжению и социально-историческим последствиям заседания.

Для человека здорового нравственного чувства естественно сострадание к побежденному. Думается, однако, что у читателя, знакомящегося с данным документом, могут возникнуть вопросы, порожденные не только состраданием: о властных полномочиях военно-революционного комитета, избранного делегатами от 11 полков, 5 батарей, одной сотни, одного батальона и одной местной команды, между тем как донское казачество насчитывало 60 конных полков, 6 пеших батальонов, 126 отдельных конных сотен, 37 батарей и 5 запасных полков. Возникает далее вопрос и о законности первого советского правительства — Совета Народных Комиссаров, состав которого формировался на заседании ЦК РСДРП(б) из одних большевиков (протокол этого исторического заседания до сих пор не обнаружен) и только формально утверждался II съездом Советов. Итоги же выборов в Учредительное собрание в донских казачьих округах и войсках (середина ноября 1917 года) давали иную картину волеизъявления народа — за четвертый, казачий (калединский) список проголосовало свыше сорока пяти процентов избирателей, за пятый, большевистский, — около четырех.

Самое решение вопроса о власти в октябре 1917 года, скопированное в методе и повторенное в условиях Новочеркасска, усугубило положение на Дону. Пройдет совсем немного времени, и главные действующие лица публикуемого ниже «протокола» испытают на себе всю тяжесть ставшего роковым национального раскола: покончит самоубийством атаман Каледин, Богаевского расстреляют на новочеркасском пустыре, жизнь Подтелкова и Кривошлыкова оборвется на виселице, наспех устроенной меж двух чахлых верб. Судьба не пощадит и тех, кто упомянут в документе и как бы присутствует за его кадром: Сиверс умрет от ран в московском госпитале, след Антонова-Овсеенко затеряется в одном из лабиринтов ГУЛАГа, ледоруб Рамона Меркадера опустится на голову Троцкого в далекой Мексике...

Ожесточенность, с какою велась гражданская война на Дону, очень дорого обошлась казачеству. По данным прежних переписей населения, Донская область на 1 января 1917 года насчитывала 4 428 846 человек, а на 1 января 1921 года — 2 252 973 человека. За четыре года революции и гражданской войны Дон потерял половину своих жителей. Если же учесть, что довоенный прирост населения на Дону составлял 2,6 процента, то к потерям, понесенным в братоубийственной войне, следует присовокупить еще 460 тысяч нерожденных новых людей...

Публикуемый «отчет» о переговорах Подтелкова и Каледина составлен свидетелем встречи сторон в зале Донского областного правления Г. Ф. Косовым, сведениями о котором мы, к сожалению, не располагаем, и впервые напечатан в журнале «Донская волна» (1918, № 27, 16 декабря) — белоказачьем еженедельнике, издававшемся в Ростове под редакцией Виктора Севского (Вениамина Алексеевича Краснушкина), выходца из казаков ст. Константиновской, беллетриста, поэта и публициста, «баяна антибольшевистского стана», по определению казачьей эмигрантской прессы, расстрелянного в 1921 году.

Первый номер «Донской волны» вышел в июне 1918 года и был приурочен к годовщине избрания Каледина войсковым атаманом, с тем чтобы в дальнейших публикациях «идти параллельно с шагом Каледина» и «воскресить всю эпоху тишайшего атамана», «подобрать лепестки истории, вырвать у беспощадного ветра то, что дорого и свято, и спасти от забвения». Еженедельник велся с надеждой, что его материалы помогут «грядущему Гомеру написать «Войну и мир» на Дону», и с верой, что «когда-нибудь придет Гомер казачества и напишет казачью Илиаду».

Этой надежде и этой вере суждено было осуществиться: публикации «Донской волны» не прошли, кажется, мимо внимания М. А. Шолохова. Любознательный читатель, открыв пятую часть «Тихого Дона» (главы X, XI), получит возможность как бы «новыми глазами» увидеть «сюжет», связанный с переговорами Подтелкова и Каледина, и воочию убедиться, сколь блестящую художественную огранку получил «протокол» Ф. Г. Косова под пером гениального художника.

Ф. Г. КОСОВ

ПОДТЕЛКОВ В НОВОЧЕРКАССКЕ

Всем известно, какую роль суждено было сыграть в революцию на Дону Подтелкову[1], бывшему главе Донской Советской республики.

Нам доставлен любопытный документ — почти стенографический отчет заседания правительства А. М. Каледина[2] с делегатами «красного» казачества, приехавшими в Новочеркасск за властью.

Приводим этот отчет полностью.

Это было 15 января 1918 года.

По указке из Петрограда уже стояли неприятельские полки на границах донских, уже близко — под Таганрогом — шли бои с советскими войсками. Имена Сиверса[3] и Антонова[4] невольно наводили страх на обывателей. Казаки, сплотившиеся на декабрьском Войсковом Круге и, несмотря на присутствие в своей среде большевиков, почти единогласно переизбравшие Войсковым Атаманом А. М. Каледина, уже «побрели розно»[5]. В станицах членов Войскового Круга встречали недружелюбно, их речи о единении на Круге не слушались, станичные доморощенные большевики подымали головы.

Ходили слухи, что Каменская стала очагом донских революционеров-большевиков, что ими ведутся какие-то переговоры с Воронежем, с теми войсковыми частями, которые во время декабрьского Круга сами убедились, что на Дону никакой контрреволюции нет.

Сведения были самые туманные и оттого еще более пугающие.

Наконец «они» приехали. С быстротой молнии весть облетела город, и к 11 часам дня зала Областного Правления наполнилась публикой.

Их было шестеро. Глава делегации — Подтелков — широколицый, с заплывшими от жира глазами, одетый в черную кожаную тужурку, казался спящим; в затруднительных случаях обращался к своему секретарю Кривошлыкову и изредка улыбался, стараясь показать, что его не проведешь; но, произнося свою речь, держался спокойно, с достоинством, чувствовалось, что речь заучена основательно.

Прапорщик Кривошлыков [6] — молодой, тщедушный, хрупкий, с ясными внимательными глазами, очевидно, представлял собою в совете не последнюю величину; по развитию он был значительно выше своих сотоварищей. Казак Лагутин [7], с прилизанными на лысеющей голове волосами и тщательно расчесанной бородой, в своих объяснениях старался брать искренностью тона и готовностью идти на уступки. Атаманского полка урядник Сверчков и остальные двое говорили мало. Вся группа чувствовала себя весьма неловко. Присутствие посторонней публики их стесняло.

По одну сторону громадного стола разместились члены войскового и объединенного правительства, с другой — члены делегации. Центральные места занимали Войсковой Атаман А. М. Каледин и подхорунжий Подтелков. Со стороны правительства присутствовали: П. М. Агеев, Б. Н. Уланов, В. Н. Светозаров, Г. И. Карев, С. Г. Елатонцев, Боссе, Шошников и другие.

Объявивши вкратце о цели своего приезда, делегация передает правительству ультиматум и просит прочитать его. Но Войсковой Атаман предлагает делегации прочитать свое требование самим. После переговоров с товарищами Кривошлыков читает:

«1. Вся власть в Области Войска Донского над войсковыми частями в ведении военных операций до сего 10 января 1918 года переходит от войскового атамана донскому казачьему военно-революционному комитету.

2. Отозвать 15 января сего года все партизанские отряды, которые действуют против революционных войск, и разоружить как их, так и добровольческие дружины, юнкерские училища и школы прапорщиков, выслать всех участников этих организаций, живших на Дону, из пределов Донской области в места их жительства.

Примечание: Оружие, снаряжение и обмундирование должны сдать комиссару военно-революционного комитета. Пропуск на выезд из Новочеркасска должны получить от комиссара военно-революционного комитета.

3. Город Новочеркасск должны занять казачьи полки по назначению военно-революционного комитета.

4. Объявить членов Войскового Круга неправомочными с 15 января сего года.

5. Отозвать всю полицию, поставленную войсковым правительством, из рудников и заводов Донской области.

6. Объявить по всей Донской области, станицам и хуторам о добровольном сложении войсковым правительством своих полномочий во избежание кровопролития и немедленной передаче власти областному казачьему военно-революционному комитету впредь до образования в Области постоянной трудовой власти всего населения.

Председатель военно-революционного комитета Подтелков. Секретарь прапорщик М. Кривошлыков. Печать дивизионного комитета 5-й донской казачьей дивизии».

А. М. Каледин спрашивает Подтелкова, какие воинские части уполномочили его и делегацию предъявить прочитанное требование войсковому правительству.

Переглянувшись друг с другом, Подтелков и Кривошлыков начинают перечислять верные им части в таком порядке: лейб-гвардии атаманский полк, лейб-гвардии казачий полк, 6-я донская казачья батарея, 44-й донской казачий полк, 32-я донская казачья батарея, 14-я отдельная сотня, 28-й донской казачий полк, 28-я донская казачья батарея, 12-я донская казачья батарея, 12-й донской казачий полк, 29-й донской казачий полк, 13-я донская казачья батарея, Каменская местная команда, 10-й донской казачий полк (не весь), 27-й донской казачий полк, 2-й донской казачий пеший батальон, 2-й запасный полк, 8-й донской казачий полк, 14-й донской казачий полк.

После этого идет обмен мнениями и вопросы. Большинство вопросов предлагается Подтелкову А. М. Калединым и М. П. Богаевским [8]. Первым спрашивает Войсковой Атаман:

— Признаете ли вы власть совета народных комиссаров?

Подтелков отвечает:

— Это может сказать лишь весь народ.

А Кривошлыков добавляет:

— Казаки не потерпят такого органа, в который входят представители партии народной свободы [9]. Мы — казаки — и управление у нас должно быть наше — казачье.

— Как понимать вас, когда во главе совета стоят Бронштейн [10], Нахамкес [11] и им подобные? — спрашивает А. М. Каледин.

— Бронштейну, Нахамкесу и другим доверила Россия. Мы не можем препятствовать ей.

— Будете ли иметь с ними сношения?

— Да.

Подтелков поясняет:

— Мы не считаемся с лицами, считаемся с идеей.

— На пользу ли народа работает совет народных комиссаров? — задает вопрос один из членов правительства.

Подтелков улыбается и не отвечает.

— Что общего у вас, казаков, с теми, кто ведет наступление на донскую землю, идет против казаков, против нашего казачьего самоуправления?

— Ничего. Мы казаки, а не большевики. Мы хотим ввести казачье самоуправление, а не партийное.

— Вам, вероятно, уже известно, что на 4 февраля созывается Войсковой Круг. Члены на этот Круг будут переизбраны. Согласны ли вы на взаимный контроль при выборах? — спрашивает А. М. Каледин.

— Нет. Если вас будет меньшинство, мы вам диктуем свою волю, — отвечает Подтелков.

— Но ведь это насилие?

— Да.

— Признаете ли вы Войсковой Круг? — спрашивает М. П. Богаевский.

— Постольку поскольку... Областной военно-революционный ко-

митет созовет съезд представителей от населения. Он будет работать под контролем всех воинских частей. Если съезд нас не удовлетворит, мы его не признаем, — отвечает Подтелков.

— Кто же будет судьею? — спрашивает Каледин.

— Народ, — гордо отвечает Подтелков.

— Он будет судить вас?

— Да.

— Какой же это будет судья, когда вы можете его и не признать?

Не ожидавший такого вопроса Подтелков смотрит на Кривошлыкова и затем отвечает:

— Мы берем власть для того, чтобы правильно прошли выборы.

Кривошлыков добавляет:

— Мы признаем власть народа.

— Нам надо договориться, каким образом созвать съезд неказачьего населения и Войсковой Круг. Народные представители все разберут и устроят. До 4 февраля не далеко, — спрашивает Боссе.

— Наше требование — передайте власть военно-революционному комитету. Ждать нечего... если войсковое правительство стоит за мирное разрешение вопроса, — перебивает Боссе Лагутин.

М. П. Богаевский:

— Значит?..

Лагутин:

— Надо объявить во всеобщее сведение о переходе власти к военно-революционному комитету. Ждать две с половиною недели нельзя. Народ ужасно наполнился гневом.

Г. И. Карев (член правительства):

— Неужели наступающие большевики не подождут две с половиною недели? Нет, здесь что-то другое, за вашими спинами стоят или царицынские, или воронежские большевики...

Прапорщик Огрызков (председатель областного военного комитете):

— Ни у кого нет мысли не признавать власти народа. Товарищ Кудинов [12], я вас освободил, когда вы везли большевистскую литературу. А между тем вы говорите, что вы не большевики, а казаки. У вас есть Стульцев. В «Борьбе» * он пишет от 9 января — «чтобы войсковое правительство было смещено, чтобы и Голубов [13] был смещен». Если вы честны, то вы тоже должны сложить свои полномочия. Я вам говорю: немедленно слагайте свои полномочия. (Аплодисменты публики.)

Подтелков:

— Военный комитет — не революционный орган. От него части отказались. Граждане аплодисментов ему не дадут. (Подтелков подчеркивает слово «граждане», намекая, что аплодирующая публика не доросла до «граждан».)

С. Г. Елатонцев (член правительства):

— Вы казаки, и мы — казаки. Кто прав из нас, покажет будущее. Вы полагаете, что передача вам власти спасет Дон от гражданской войны. А что дальше? Подумали ли вы о том? Сюда ворвется большевизм, и от Дона останется гладкое место. Вы напрасно открекаетесь от большевиков. Все шло из Петрограда. Там захвачены большевиками банки. Деньги шли и идут на гражданскую войну. Совет народных комиссаров ведет ее. Заключено перемирие [14]. Что же это? Конец войне? Нет, мир на фронте и война здесь. Декреты Ленина — не народные. Около него нет народа, там кучка проходимцев. О земле большевики пишут: мы вам землю отдадим. Чью землю? Вашу же — казачью. Кто ведет гражданскую войну? — Большевики. Кто на свободе? — Курлов [15] и К°. Кто в тюрьмах? — Все старые революционеры [16]. Вы говорите, что прекратите гражданскую войну. А потом? Будут применяться немецкие декреты. «Национализация банков», «все достояние народа»... А немцы скупают наши фабрики и заводы. Дон пойдет к полной анархии. Насмарку пойдут все завоевания революции. Немецкая линия ведет советскую Россию. Немцам нужен наш уголь. Вы заблуждаетесь, считая, что, идя на поводу у большевиков, вы ведете Дон к счастью. Нет. Мы не должны передавать вам власть. Вы не народные избранники. Но, повторяю, во имя счастья казачества мы должны договориться. Мы должны сделать это сами, казаки, без большевистской указки.

* Царицынская большевистская газета.

Лагутин:

— Вы аплодировали Огрызкову за то, что он звал казаков на казаков. Надо немедленно объединить казаков и крестьян.

В. Н. Светозаров, член правительства:

— В Каменской настроение военно-революционного комитета было несколько другое, чем здесь. Мне казалось, в требованиях комитета имеется много пунктов, по которым мы могли бы сговориться. Теперь ультимативные требования уже другие. Подтелков говорил, что все — от народной темноты — это корень зла. Мы согласились на одном — самим устраивать жизнь на Дону [17]. Сегодня я слышу: «Законов мы не признаем». Мы здесь говорим о власти, а под Таганрогом гремят пушки. Вам уже указывалось, что хлеб и уголь не вывозятся. Должны же вы, наконец, в этом убедиться. Так давайте же скажем царицынским большевикам: «Пропустите хлеб в голодающие Хоперский и Усть-Медведицкий округа» [18]. Волю народа мы, так же как и вы, признаем. Скажут — и подчинимся. Вот через две недели собирается Войсковой Круг и Съезд неказачьего населения. Прекратим разговоры о власти на две недели. Скажет народ, что прав революционный комитет, — честь ему и слава. А если скажет, что мы правы, — ну что же, придется вам уступить. Я бы временно все ваши требования оставил до будущего. А теперь поедемте в Таганрог и остановим там гражданскую войну. Пусть хоперцы скажут нам спасибо за то, что мы дадим им завтра хлеб; пусть замолкнут выстрелы в Таганроге. И мы спокойно соберем Круг и Съезд. Неужели за две недели изменится дело? Мое предложение: прекратим разговоры о власти до 4 февраля, прекратим гражданскую войну.

Б. Н. Уланов (член правительства):

Мы не верим тому, чтобы казаки, образовавши военно-революционный комитет, силою двинулись на центр казачества. Мы не верим тому, чтобы казаки пошли против казаков. Не верим, чтобы казаки требовали нашей отставки. Разве мы можем сами отказаться от исполнения возложенных на нас Войсковым Кругом обязанностей? Нет, сделать мы этого не можем. Вы думаете, что, предъявляя нам ультиматум, вы выражаете самые радикальные, самые правильные требования? Нет, крайние партии никогда не были выразителями общего мнения. Это только авангарды мысли.

526 голосов было подано на последнем Войсковом Круге за атамана Каледина. Неужели вы думаете, что вы можете меньше

других ошибаться? Имейте в виду, что в выборах участвовали и представители фронта. Может быть, вы не посчитаетесь ни с чем... Но подумайте о том, что из-за этого произойдет. Мы вам верим и говорим с вами как с казаками. (С Сырцовым[19] мы не говорили.) Если мы признаем вашу власть, найдутся недовольные этим; если не признаем — тоже найдутся. Это и поведет к гражданской войне. Нельзя не идти путем соглашения. Ультиматум — крайнее требование. Вы будете виноваты, если не испробуете все средства к прекращению гражданской войны. Партизанские отряды созданы не ради удовольствия. Если бы вы здесь пожили и увидели, что чужие люди нас притесняют, вы увидели бы, что вы заблуждаетесь.

Поезжайте в станицы. Может быть, вы и найдете там своих последователей, но вся масса казачества против большевизма.

Подтелков:

— Я во многом с ним согласен. Темная масса дает обмануть себя и справа и слева. Я согласен поехать в Таганрог. Но у нас старое правительство. Что нам там скажут? Если бы я знал, что войсковое правительство использовало бы все меры к прекращению гражданской войны. Но я знаю, что войсковое правительство никогда не справится с этим делом. На Сулине Чернецов[20]. Если бы войсковому правительству верили, я с удовольствием отказался бы от своих требований. Не покорюсь я вам, не позволю. Пусть через мой труп пройдут. Мы вас фактами забросаем. Не верю я, чтобы войсковое правительство спасло Дон. Какие меры применяются к тем частям?

— Скажите мне, кто ручается за то, что войсковое правительство предотвратит гражданскую войну? — вызывающе заканчивает Подтелков и ждет, наслаждаясь эффектом.

— Я ручаюсь, — говорит прапорщик Огрызков. — А вы скажите, кто из вас поручится за то, что гражданской войны не будет, если власть перейдет к военно-революционному комитету?

Речь Огрызкова заканчивает подъесаул 53-го полка (фамилию установить не было времени).

— Скажите, кто же вам дал право прогонять избранников народа? Какими вы умами обладаете? Чем вы доказали, что поведете дело без кровопролития? Вам надо извиниться перед войсковым правительством и публикой и уйти. А войсковое правительство не имеет права уйти со своего поста по вашему требованию.

Лагутин:

— С трудовым казачеством мы пойдем. На мозоль нам не наступайте.

Один из членов Войскового Круга (казак):

— Господа представители военно-революционного комитета. Задумались вы над своими требованиями? Как бы вы ни прикрывались, мы узнаем вас. Вы ручаетесь за порядок, если власть перейдет к вам? Как этому верить, когда в ваших комитетах кумовство? Вы укажите, правильно или неправильно действуют наши избранники?

Шошников:

— Я избран народом и работал еще в 1905 году. Теперь я встречаюсь впервые с казаками. Мы в Таганрогском округе не признавали войскового правительства. За это и были отданы под суд. 1 декабря я увидел, с кем мы имеем дело. Перед поездкой сюда у нас был съезд в округе. Кричали: «Не желаем к казакам,

пойдем на Украину». Мы тоже получили ультиматум. Сговорились, пришли и предъявили войсковому правительству ультиматум. Но говорили — и договорились.

Пусть соберется весь народ и создаст власть. Теперь вы недовольны войсковым правительством. 4 февраля созывается Войсковой Круг и Крестьянский Съезд. Нужно немедленно принять меры, но нужно дождаться того светлого дня, когда соберется казачество и крестьянство. И тогда не прольется ни одной капли крови. Мне в высшей степени трогательно и приятно видеть среди нас простых людей. Неужели же мы с вами не сговоримся?

Сверчков (Атаманского полка):

— Один из ораторов сказал, что мы идем с завязанными глазами. А куда нас вели с светлыми глазами? Генерал Савельев нас обманул. Вызвал нас по тревоге, вольноопределяющийся Апанасов заявил нам, чтобы избрали делегацию «для переговоров». А Савельев затем сказал: я человек военный и мирных договоров заключать не умею. Я заберу отцов и дедов и с ними заберу все с бою...

(Оратор собирается что-то еще сказать, но затем быстро садится на свое место и умолкает, не окончив своей речи.)

Просит слова и получает его беженец Гродненской губернии, житель Сальского округа.

— Говорят о власти... Но власть уже в руках царя-голода. Все здания построены мозолистыми руками. Хлеб тоже дело рабочих рук. Ожидают благодарности за строительство России. О власти нечего спорить, надо браться за оружие, открыть транспорт. Каждый должен приступить к своему труду...

Затем просит слова делегат Войскового Круга Черевков (от Гниловской станицы), который подробно рассказывает о боях под Ростовом. Длинная речь его не нравится каменской делегации. Нетерпеливо прерывая оратора, Лагутин говорит Войсковому Атаману:

— Решайте дело. Пора кончать...

Черевков замолкает. Слово за Войсковым Атаманом. Некоторое время он сидит молча, как бы обдумывая, что сказать, а затем решительно встает и говорит:

— Я вам скажу несколько слов. Очень коротких — в ответ на то, что говорилось в отношении меня. Тут было два заявления о неразрешении съезда и о Гиндельшмидте.

Миллеровский съезд не разрешен потому, что после только что закончившегося Войскового Круга обсуждать на этом съезде было нечего. Съезд воронежский мною не был разрешен потому, что гражданская война продолжается. Съезд созывался военно-революционным комитетом. Ожидать от такого съезда прекращения гражданской войны и послать на него казаков было нельзя. Собирать съезд в пределах Области было невозможно — это значило бы приглашать к себе своих врагов. Ведь в Воронеже формировался отряд против Дона.

Упрекают, как можно было назначать Гиндельшмидта. Я вам скажу на это следующее. Гиндельшмидт был командиром корпуса, назначение получил на фронте, не от меня. С корпусом и пришел на Дон, привел его. Нахождение в нашей среде лиц с немецкой фамилией я признал неудобным. Гиндельшмидт был устранен. Теперь его нет.

Сдача своего поста невозможна для войскового правительства.

Нас будет судить страна. Они будут судить и вас за восстание. Это частное восстание против народа, и за него вас будет судить народ. Из-за двух недель вы собираетесь перевернуть Дон. Вы показали тот путь, по которому пойдут, может быть, и другие. Из-за этих двух недель что вы хотите с Донской областью сделать.

На Дону мы сами себе хозяева, и посторонние не вправе лезть к нам со своими порядками. Мы должны сказать всем идущим к нам с советами: «Оставьте нам самим устраивать свою жизнь по-своему».

Вы говорите, что не имеете дела с народными комиссарами, действуете по своей воле. Я не знаю, кто у вас голова. А у нас есть документы, удостоверяющие вашу прикосновенность к большевистским организациям. Вот телеграмма комиссара Антонова в Смольный.

Читает:

«Убедительно прошу не давать каких-либо определенных ответов без сношения с нами делегации от неказачьего съезда в Новочеркасске. Если вы войдете с ними в соглашение, то свяжете нас по рукам. Комиссия из состава неказачьего съезда, образовавшая вместе с Калединым и Агеевым самостоятельную власть на Дону, по нашему мнению, не лучше прежнего Войскового Круга. Но надеюсь, что мы сможем разгромить не только Каледина, но и этих господ. Голова Каледина, которой они хотят отделаться от пролетарской революции, и без их помощи не останется на плечах у владельца ее. Попутно передаю резолюцию съезда, из которой проглядывает его подло-оборонческая физиономия. На съезде избрана новая власть Дона, состоящая из 16 человек казаков во главе с Калединым, Агеевым и Богаевским, и 8 человек от неказачьего населения».

— А вот еще телеграмма Антонова в Смольный:

«В Каменской образовался казачий военно-революционный комитет. Сейчас обращается с деловыми вопросами к нам, как высшей здесь власти. Скоро уничтожим раду и Каледина».

Потрясающее впечатление произвело на присутствующих чтение этих телеграмм. Не потому, что содержанием их устанавливалась связь каменского военно-революционного комитета с большевиками в Смольном. В этом никто не сомневался, только сами делегаты от этого открещивались, прикрываясь казачеством как самодовлеющей целью. Жутко становилось от той развязности, с которой говорилось о донском правительстве. Окончив чтение телеграмм, Войсковой Атаман продолжает, обращая речь к делегации:

— Я вам говорю и предупреждаю: «Не ошибитесь». Порядки на Дону будут делать другие, не вы. Воля народная выражается путем всеобщего, прямого, равного и тайного голосования. У вас этого не было. На просьбу вашу о сдаче должности вам уже достаточно сказано. Мы не имеем права сдать. Если вы станете у власти, вы почувствуете тяжесть ее. За властью мы не стоим. Наша власть — исполнение воли народа. Войсковое правительство может быть сброшено, но вы проложите плохой путь. Им могут пойти и другие, им идут по всей России. Власть никогда мне сладкою не казалась. Я принял власть потому, что не считал себя вправе отказаться. И, если бы можно, я с величайшею охотою сдал бы власть. Я пришел сюда с чистым именем, а уйду отсюда, может быть, с проклятием...

Закончив речь, Войсковой Атаман, видимо, подавив волнение, объявил перерыв до 7 часов вечера (это было около 5 часов дня) и быстро вышел, как всегда, пешком во дворец без всяких провожатых.

По возобновлении заседания войсковое правительство удаляется для совещания и редактирования ответа на ультиматум. Проходит часов около трех. Делегаты тяготятся своим положением и тем вниманием, которое им уделяется собравшейся публикой. Некоторые вступают в разговоры. Подтелков сидит все время около стола, улыбаясь в рыжие усы. Кривошлыков сидит рядом и нервничает. Ответ, по существу, уже дан, нужно соблюсти лишь форму, это и задерживает. Но со стороны кажется, да, вероятно, казалось и Подтелкову с компанией, что в ожидании появления правительства сидят не требующие себе власти, а подсудимые, ожидающие строгого приговора.

Наконец, около 10 часов вечера, войсковое правительство появляется в зале заседаний. Водворяется тишина, и атаман объявляет следующее постановление войскового правительства:

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ВОЙСКОВОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА ВОЙСКА ДОНСКОГО

15 января 1918 года

Войсковое правительство войска Донского, обсудив требования военно-революционного казачьего комитета, представленные депутацией комитета от имени Атаманского, Лейб-казачьего, 44, 28, 29, части 10, 27, 23, 8 и 43 полков, 14 отдельной сотни, 6 гвардейской, 32, 28, 12 и 13 батарей, 2 пешего батальона и Каменской местной команды, объявляет, что правительство является представителем всего казачьего населения Области. Избранное населением, правительство не имеет права сложить своих полномочий до созыва нового Войскового Круга.

Войсковое правительство войска Донского признало необходимым распустить прежний состав Круга и произвести перевыборы депутатов, как от станиц, так и от войсковых частей. Круг в своем новом составе, свободно избранный (при полной свободе агитации) всем казачьим населением на основании прямого, равного и тайного голосования, соберется в городе Новочеркасске 4 февраля сего года одновременно со Съездом всего неказачьего населения. Только Круг, законный орган, восстановленный революцией, представляющий казачье население Области, имеет право сместить войсковое правительство и избрать новое. Этот Круг вместе с тем обсудит вопрос и об управлении войсковыми частями, и о том, быть или не быть партизанским отрядам и добровольческим дружинам, защищающим Область. Что касается формирования и деятельности Добровольческой Армии, то объединенное правительство уже раньше приняло решение взять их под контроль правительства при участии областного военного комитета.

По вопросу об отозвании из горнозаводского района якобы поставленной войсковым правительством полиции правительство заявляет, что вопрос о милиции будет поставлен на разрешение Круга 4 февраля.

Правительство заявляет, что в устройстве местной жизни может принимать участие лишь местное население, а потому оно считает, выполняя волю Круга, необходимым всеми мерами бороться против проникновения в Область вооруженных большевистских отря-

дов, стремящихся навязать Области свои порядки. Жизнь свою должно устроить здесь само население и только оно одно.

Правительство не желает гражданской войны, оно всеми мерами стремится покончить дело мирным путем, для чего предлагает военно-революционному комитету принять участие в депутации к большевистским отрядам. Правительство полагает, что, если посторонние Области отряды не будут идти в пределы Области, гражданской войны не будет, так как правительство только защищает Донской край, никаких наступательных действий не предпринимает, остальной России своей воли не навязывает, а потому не желает, чтобы и Дону кто-нибудь посторонний навязывал свою.

Правительство обеспечивает полную свободу выборов в станицах и войсковых частях, и каждый гражданин сможет развить свою агитацию и отстаивать свою точку зрения на назначенных уже выборах в Войсковой Круг.

Для осведомления нужд казаков во всех дивизиях должны быть теперь же назначены комиссии из представителей от частей.

Войсковое правительство войска Донского предлагает всем частям, пославшим своих депутатов в военно-революционный комитет, возвратиться к своей нормальной работе по защита Донского края.

Войсковое правительство не допускает и мысли, чтобы свои донские части выступили против правительства и тем начали междоусобную войну на Тихом Дону.

Военно-революционный комитет должен быть распущен избравшими его частями, и все части, взамен этого, должны послать своих представителей в существующий областной военный комитет, объединяющий все войсковые части Области.

Войсковое правительство требует, чтобы все арестованные военно-революционным комитетом были немедленно освобождены, а администрация, с целью восстановления нормальной жизни в Области, должна быть возвращена к исполнению своих обязанностей.

Являясь представителем только незначительного числа казачьих частей, военно-революционный комитет не имеет права предъявлять требования от имени всех частей, а тем более от имени всего казачества.

Войсковое правительство считает совершенно недопустимым сношения комитета с советом народных комиссаров и пользование его денежной поддержкой, так как это означало бы распространение влияния совета народных комиссаров на Донскую Область, а между тем казачий Круг и Съезд неказачьего населения всей Области признали власть совета неприемлемой, так же как и Украина, Сибирь, Кавказ и все без исключения казачьи войска.

Председатель войскового правительства, Товарищ Войскового Атамана **Богаевский**, старшины войска Донского: **Елатонцев, Поляков, Мельников, Упанов, Агеев**, секретарь **Фомин**».

Затем читается постановление неказачьей части объединенного правительства.

ОТВЕТ НЕКАЗАЧЬЕЙ ЧАСТИ ОБЪЕДИНЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА ВОЙСКА ДОНСКОГО

«Неказачья часть объединенного правительства Донской Области, ознакомившись с требованиями, предъявленными военно-революционным комитетом ст. Каменской казачьей части объединенного правительства, считает своим долгом сказать, что, согласно поста-

новления объединенного правительства, 4 февраля созывается Съезд и Круг, и, таким образом, лишь две недели отделяют нас от того времени, когда население Области сможет свободно решить все основные вопросы жизни на Дону.

Этих двух недель едва хватит для проведения выборов по Области, а потому в интересах действительной правильности необходимо избегать сейчас какого-либо обострения в нашей областной жизни.

Неказачий отдел призывает представителей казачьих частей к совместной работе по созыву Войскового Круга и Областного неказачьего Съезда, по немедленному прекращению гражданской войны, охране Области от давления извне и осуществлению через будущих народных избранников устроения жизни Дона на демократических началах».

Ответ дан. Дан такой ответ, которого только и могли ожидать требовавшие себе власти Подтелков и К°. Но ответ их не удовлетворяет. Это ясно видно по их поведению. Они чего-то ждут, они еще как будто надеются, что им не все сказано. И они не ошиблись.

Встает Войсковой Атаман и, обращаясь к делегации, говорит:

— Прежде чем передать вам ответ войскового правительства и неказачьей части объединенного правительства, я попрошу прочитать только что доставленную правительству подлинную вашу телеграмму, отправленную в Харьков на имя народного комиссара Антонова, командующего войсками против Дона и Украины.

Один из членов правительства (кажется, Н. М. Мельников) читает:

«Харьков. Наркому Антонову. Дела подвигаются вперед, назревает столкновение с калединцами. Фронтовые и строевые части присоединяются к нам. Но денег нет, содержать нечем полки. Если имеете возможность отпустить хотя бы два-три миллиона, то торопитесь, ибо от этого исключительно зависит успех. Скоро будет окончательно открыта граница. Каледин хочет взять нас измором. Из-за недостатка денег мы можем проиграть все. Нет также бумаги для печати и чувствуется недостаток в хлебе.

Председатель Каменского военно-революционного комитета **Подтелков**, хорунжий **Маркин**».

Телеграмма сдана в Лихой и затем в подлиннике была доставлена войсковому правительству. При чтении ее делегаты старались сохранить спокойствие. Войсковой Атаман обратился к Подтелкову с вопросом:

— Что же это значит, вы же здесь заявили, что с советом народных комиссаров ничего общего не имеете: говорите же — посылали вы эту телеграмму или нет?

Подтелков посмотрел на Кривошлыкова, а Кривошлыков на Подтелкова, и затем Подтелков тихо говорит:

— Да, посылали.

Вопрос исчерпан. Заседание окончено. Закончилось историческое заседание, на котором отуманенные большевизмом казачьи головы — Подтелков, Кривошлыков, Лагутин, Кудинов, Сверчков и их товарищи — требовали передачи им власти от народных избранников Дона. Но не расходилась публика, не уходили и каменские делегаты. Они чего-то ждали. Наконец они обратились к Атаману с просьбою гарантировать им беспрепятственный переезд в Каменскую. Войсковой Атаман поспешил успокоить их в этом отношении,

приказал подать им особый поезд, и около 12 часов ночи делегаты покинули Новочеркасск с тем, чтобы меньше чем через месяц войти в него хозяевами.

Комментарии

1. **Подтелков** Федор Григорьевич, подхорунжий, один из руководителей революционного казачества на Дону, с 10 января председатель Донского военно-революционного комитета. (Здесь и далее комментарии, относящиеся к характеристике лиц, событий и т. п., ограничиваются временем документа с сохранением датировки по старому календарю, до 1 февраля 1918 г.)

2. **Каледин** Алексей Максимович, генерал от кавалерии, атаман Донского казачьего войска с 17 июня 1917 года, 25 октября 1917 года возглавил мятеж против Советской власти и приступил к созданию Донской армии.

3. **Сиверс** Рудольф Фердинандович, командир отряда, действовавшего на таганрогском направлении против войск Каледина.

4. **Антонов-Овсеенко** Владимир Александрович, народный комиссар по военным делам, командующий войсками, боровшимися с воинскими подразделениями Каледина и украинской Центральной рады.

5. Речь идет о 3-й сессии Большого войскового круга (2 декабря 1917 г.), принявшей решение о разделении власти на Дону с иногородним населением области.

6. **Кривошлыков** Михаил Васильевич, прапорщик, председатель комитета 28-го Донского полка и член комитета 5-й Донской дивизии, секретарь Донского казачьего военно-революционного комитета.

7. **Лагутин И. А.**, казак 14-го Донского полка, эсер, председатель Казачьего комитета при ВЦИК, член Донского казачьего военно-революционного комитета.

8. **Богаевский** Митрофан Петрович, председатель войскового правительства, товарищ (заместитель) войскового атамана.

9. Самоназвание конституционно-демократической партии (кадетов).

10. **Троцкий** Лев Давидович, член ЦК РКП(б), нарком иностранных дел.

11. Правильно: **Нахамкис** (псевдонимы: Стеклов Юрий Михайлович, Неззоров) Овший Моисеевич, член президиума ВЦИК, редактор «Известий ВЦИК».

12. **Кудинов** Семен Иванович, член РКП(б), член Донского казачьего военно-революционного комитета; глава донской делегации, обратившейся в Совет Народных Комиссаров за материальной помощью в 15,2 миллиона рублей на формирование казачьих частей и отрядов Красной Армии (см.: Д е д о в И. И. В сабельных походах. Ростов-на-Дону, 1989, с. 22).

13. **Голубов Н. М.**, из казаков, войсковой старшина, эсер, командир объединенных красноармейских отрядов; позднее, в марте 1918 года, один из организаторов и руководителей Новочеркасского мятежа против Советской власти.

14. 2 декабря 1917 года в Брест-Литовске было подписано соглашение о перемирии и начаты переговоры об условиях заключения мирного договора; 5 января 1918 года германская делегация потребовала от России отторжения Польши, Литвы, части Латвии и части Белоруссии, которые должны были перейти под контроль Германии.

15. **Курлов** Павел Григорьевич, товарищ министра внутренних дел в царском правительстве, один из непосредственных руководителей террора против П. А. Столыпина, смертельно раненного в 1911 году революционером и агентом царской охранки Д. Г. Богровым. Примечательно, что в 1928 году лица, причастные к казни Богрова, были выявлены, судимы, лишены всех прав и приговорены к пятилетнему тюремному заключению строгого режима.

Факт реабилитации советским судом агента царской охранки наводит на размышления. Есть сведения, что и некоторые из видных революционных деятелей, резко изменившие своим прежним взглядам и привязанностям в самый канун октябрьских событий 1917 года, были агентами тайной царской полиции. Новороссийская белогвардейская газета «Вечернее время» в номере от 3 февраля 1920 года (стр. 3) опубликовала копию рапорта, направленного председателем нижегородского исполкома 31 марта (ст. стиль) 1917 года на имя министра юстиции А. Ф. Керенского. В рапорте, в частности, обращается внимание на деятельность трех агентов, исключенных со службы в царской охранке.

Поскольку сегодня любые источники, кроме советских, вызывают в обществе особый интерес и имеют в нем репутацию безусловной правды, приводим эту газетную публикацию полностью.

«БРОНШТЕЙН-ОХРАННИК И КЕРЕНСКИЙ-УКРЫВАТЕЛЬ

Копия рапорта Исполнительного Комитета города Нижний Новгород Министру Юстиции Керенскому 31.III.1917 г.

г. Министру Юстиции Керенскому

Исполнительный Комитет г. Нижний Новгород, производя обыск в жандармском отделении ст. Нижний Новгород железнодорожной линии Москва — Нижний, захватил список агентов охраны, исключенных со службы. Среди них значились:

1. — БРОНШТЕЙН Лейба (Лев Давидович)

Николай Троцкий-Яновский, приговорен к каторжным работам; сын колониста, публицист; бывший в 1905 г. Председателем Совета Рабочих Депутатов после Хрусталева-Носаря. Рост средний — 2 арш. 6 верш.; волосы и усы бритые; борода темная; глаза — голубые; носит пенсне; нос горбатый, держится прямо.

2. — ЛУНАЧАРСКИЙ Анатолий Васильевич (партийные клички «Галерка» и «Воинов»), сын статского советника; 34 лет; православный; русский подданный; писатель, в 1899 г. осужден по ст. 218 § 9 Уголовного Уложения за пропаганду среди рабочих против существующего строя, большевик; принадлежит к партии социал-демократов. Рост 2 арш. (нечетко прочитываемая цифра из-за ветхости газеты. — **Сост.**) верш., слабый, вид болезненный; волосы, борода и усы светлые, близорук, носит пенсне.

3. — НОСАРЬ Георгий Степанович, прозвище Хрусталев, сын крестьянина, в 1905 г. принимал участие в пропаганде среди рабочих Петербурга. В 1899 г. руководил студенческими беспорядками.

Список этот подтверждается документами, посланными в Московское Охранное Отделение, и бумагами почти всех агентов, упомянутых в списке, но т. к. документы 3 вышеуказанных агентов не были приложены, а также в виду значения перечисленных лиц

Комитет просит не опубликовывать пока этого списка, сообщив о нем только ЧХЕИДЗЕ и БУРЦЕВУ.

Председатель Комитета Николай Радвов
С копией верно: капитан Роллен

Настоящий рапорт, подлинник которого сообщен в Разведывательное Отделение, был найден в Московском Императорском Дворце большевиком Мандельманом в личном столе Керенского после его бегства в октябре 1917 года.

Впоследствии Мандельман, польский еврей, прибыв в Варшаву и боясь преследований со стороны польских властей, отправился к князю Любомирскому (в др. случаях: Любомировскому. — Сост.), с которым у него раньше были торговые дела, и просил у него защиты от польских властей. В доказательство своей искренности он доверил кн. Любомировскому настоящий документ, до сих пор находящийся у князя. Впоследствии Мандельман был арестован, и князь Любомировский не счел возможным его защищать.

Разведывательное Отделение предполагает по возвращении князя Любомировского в Варшаву сделать фотографический снимок с настоящего документа для посылки в Париж вслед за настоящим рапортом.

В этом документе говорится о трех видных большевиках... (Здесь купюра объясняется повтором указанных в копии рапорта лиц и их характеристик. — Сост.) Этот документ проливает свет на прошлое и моральный облик вождей большевизма, которые, как, например, Троцкий, были за несколько месяцев до переворота агентами охраны, т. е. тайной полиции Царя.

Он освещает также вероломную и лишенную энергии фигуру Керенского, который, владея таким документом с 31 марта, не пожелал или не посмел (предположительно: воспользоваться. — Сост.) им против вождей большевизма, самых серьезных врагов его режима.

Подпись: капитан Роллен
Начальник Разведывательного Отделения
(Пресс-Бюро)»

Хрусталев-Носарь, затем Троцкий возглавляли, как известно, петербургский Совет рабочих депутатов в 1905 году, все члены которого, за исключением Ю. Ларина и Макара (кличка В. П. Ногина), были впоследствии арестованы и сосланы на поселение в Тобольскую губернию. По дороге к месту ссылки (с. Обдорское) удалось бежать только Троцкому и Носарю.

Оказавшись за рубежом, Хрусталев-Носарь, по свидетельству советских источников, скомпрометировал себя провокационными антисемитскими выходками, во время империалистической войны вернулся в Россию «защищать отечество», был арестован за побег в 1907 году, амнистирован правительством Керенского; после Октября в Полтавской губернии провозгласил «Переяславскую республику», выдавая немцам и Скоропадскому большевиков; расстрелян в 1918 году за контрреволюционную деятельность.

Февральская революция застала Троцкого в Нью-Йорке, спустя некоторое время он выезжает в Россию, однако, как сообщает его биограф, «в Галифаксе (Канада) английские военно-полицейские власти задержали его и еще пять пассажиров, русских эмигрантов, на основании «черных» списков, составлявшихся русскими охранно-

дипломатическими агентами. После месячного заключения в Канаде он был освобожден по требованию Временного правительства».

Троцкий (из Галифакса) и Луначарский (из Швейцарии) появились в Петрограде едва ли не одновременно и после приезда Ленина с группой его соратников из Швейцарии; оба вошли в организацию объединенных социал-демократов интернационалистов, так называемых межрайонцев. Никаких разногласий, подчеркивается в их биографиях и автобиографиях, между ними и большевиками не было: по решению большевистского ЦК они оставались среди межрайонцев, «чтобы позже влиться в большевистскую организацию с возможно большим количеством сторонников. Маневр этот был успешно проделан»; и на VI съезде РСДРП(б) партия большевиков пополнилась оправдавшими ее доверие Троцким и Луначарским, а также еще почти четырьмя тысячами новых деятелей, которые после Октября — в тесном союзе со старыми большевиками — твердой революционной рукою поведут к свободе и счастью взбудораженную Россию.

16. Имеется в виду арест членов руководящих учреждений партии кадетов (декрет СНК, подписанный В. И. Лениным 28 ноября 1917 года).

17. 13 января в ст. Каменской проходили переговоры между представителями донского войскового правительства и членами казачьего военно-революционного комитета, которые окончились безрезультатно и на которых было принято решение о приезде делегации ВРК в Новочеркасск для окончательного прояснения вопроса о власти на Дону.

18. На железнодорожной линии Царицын — Себряково красноармейские части блокировали сообщение с Хоперским и Усть-Медведицким округами.

19. **Сырцов** Сергей Иванович, член Донского окружного бюро РСДРП(б).

20. **Чернецов** Василий Михайлович, полковник, командир одного из первых сформированных на Дону партизанских отрядов для борьбы с Советской властью.

Публикация, вступительное слово и комментарии
В. ВАСИЛЬЕВА

Арон АБРАМОВИЧ

ВМЕСТЕ С ТРОЦКИМ

В газете «Известия» за 28 августа этого года опубликован так называемый «Резонанс» В. Дашевского под заголовком «...И не краснеют», в котором автор, не стесняющийся называть себя «историком», пытается ответить на публикации журнала «Молодая гвардия», посвященные проблемам советской истории. В. Дашевский утверждает: «Как известно (?), в первом Совнаркоме, образованном на Втором Всероссийском съезде Советов 26.X.1917 г., было 15 человек (13 русских, 1 грузин — Сталин, 1 еврей — Троцкий)». «Отметим, — настаивает далее «историк», — что... в составе военного ведомства (Реввоенсовета) в 1919—1920 гг. евреев было трое (включая самого наркома Троцкого...) а в наркомате юстиции — ни одного...»

Не желая вступать в полемику с, мягко говоря, несерьезной газетной публикацией, рассчитанной на наивную и несведущую публику, мы перепечатываем статью «Вместе с Троцким» из «Военно-исторического журнала» (1990, № 8) и надеемся, что документы, обнародованные на страницах этого журнала, должны наконец внести ясность в наши знания и представления о некоторых сторонах нашей истории.

* * *

В 1982 году в Тель-Авиве (Израиль) вышел первый том второго издания книги Арона Лазаревича Абрамовича «В решающей войне». В ней показаны участие и роль советских евреев в войне против нацизма, а также в гражданской войне. По просьбе читателей мы даем одну из ее глав. Фамилии лиц еврейской национальности, как и в книге, напечатаны прописными буквами.

* * *

15 января 1918 года Советское правительство (Совет Народных Комиссаров) издало Декрет об организации Рабоче-Крестьянской Красной Армии (РККА), а 29 января — о создании Рабоче-Крестьянского Красного Флота (РККФ). После того началось формирование руководящих органов и частей новых Вооруженных Сил страны.

Вскоре, 18 февраля, после отказа советской делегации, возглавляемой Л. Д. ТРОЦКИМ, принять предложенные Германией ультимативные условия мира, началось наступление немецких войск на Советскую республику.

Для руководства военными действиями против немцев, двигавшихся в направлении Петрограда, Наркомвоен 21 февраля издал приказ об учреждении Чрезвычайного штаба Петроградского военного округа, который возглавил Моисей Соломонович УРИЦКИЙ. В тот же день Петроградский Совет образовал Комитет революционной обороны, куда вошли Яков Михайлович СВЕРДЛОВ (председатель), Моисей Маркович ВОЛОДАРСКИЙ (ГОЛЬДШТЕЙН), С. И. ГУСЕВ (ДРАБКИН Я. Д.), Яков Моисеевич ФИШМАН (от левых эсеров), Григорий Исаакович ЧУДНОВСКИЙ и другие. К 23 февраля части Красной Армии приостановили продвижение немецких войск под Псковом и Нарвой.

После подписания 3 марта 1918 года мирного договора с Германией развернулась работа по формированию Красной Армии и ее руководящих органов.

4 марта Совнаркомом был утвержден Высший Военный Совет в составе: военного руководителя Бонч-Бруевича (бывший генерал царской армии) и двух политических комиссаров — П. П. Прошьяна (левый эсер) и К. И. Шитко (большевик).

Постановлением Совнаркома от 19 марта 1918 года были определены задачи и права, а также расширен состав этого органа. Новым председателем Высшего Военного Совета и Народным Комиссаром военных дел назначался Лев Давидович ТРОЦКИЙ (БРОНШТЕЙН). Его заместителем — Эфраим Маркович СКЛЯНСКИЙ. Кроме них, было еще пять членов Совета.

В мае 1918 года на территории Советской республики было создано одиннадцать военных округов, военными комиссарами которых назначены: Емельян Михайлович ЯРОСЛАВСКИЙ (ГУБЕЛЬМАН Миней Израилевич) — в Московский округ, Семен Михайлович НАХИМСОН — в Ярославский и т. д.

Однако «мирный» период формирования Красной Армии вскоре закончился. В марте 1918 года началась военная интервенция ряда стран (Англии, Франции, Италии, Японии, США и других) в Советскую республику. 25 мая вспыхнул антисоветский мятеж чехословацкого корпуса, находившегося в России. Против Советской власти открыли военные действия крупные формирования под командованием видных царских военачальников — Колчака, Краснова, Деникина и других, мечтавших возродить монархию. Началась гражданская война. В Москве, Ярославле, Рыбинске, Муроме и других местах также произошли антисоветские мятежи. 10 июня правительство издало закон об обязательной военной службе в Красной Армии, которая насчитывала тогда 300 тысяч человек.

В 1918—1920 годах гражданская война охватила почти всю страну. В различные периоды той войны противникам Советской власти удавалось овладеть важнейшими районами, временами превышавшими в общем три четверти территории страны.

2 сентября 1918 года постановлением ВЦИК был образован Революционный Военный Совет Республики (РВСР), который осуществлял управление Вооруженными Силами. Ему подчинялись все органы и должностные лица военного ведомства: Главнокомандующий Вооруженными Силами, Главный штаб республики и другие. Этим же постановлением был упразднен прежний Высший Военный Совет.

Председателем Реввоенсовета был назначен Народный Комиссар по военным и морским делам ТРОЦКИЙ Лев Давидович (занимал эту должность с 6.9.1918 г. до 26.1.1925 г.). Его заместителем — зам. народного комиссара по военным и морским делам СКЛЯНСКИЙ Эфраим Маркович (занимал эту должность с 22.10.18 г. до 11.1. 1924 г.). Членами РВСР являлись РОЗЕНГОЛЬЦ Аркадий Павлович (с 30.9.1918 г. до 8.7.1919 г.) и 8 других. В дальнейшем некоторое время (с 21.6.1919 г. по 4.12.1919 г.) членом РВСР был Сергей Иванович Гусев (Я. Д. ДРАБКИН).

Приказом председателя Реввоенсовета Л. Д. ТРОЦКОГО от 11 сентября 1918 года были образованы фронты с их штабами, а также новые армии. Возглавляли каждый фронт и каждую армию Реввоенсоветы в составе: командующего — военного специалиста и двух политических комиссаров. Следует сказать, что почти во все Реввоенсоветы фронтов и армий входили евреи. Не имея возможности в рамках этой главы дать имена всех и подробный обзор деятельности их на многочисленных фронтах длительной гражданской войны, ограничимся перечнем наиболее известных.

Членами Реввоенсовета (РВС) фронтов (в скобках указан период) были евреи:

1. Восточного — Аркадий Павлович РОЗЕНГОЛЬЦ (28.8 — 6.12. 1918), Сергей Иванович ГУСЕВ (10.12.18—15.6.19), Михаил Михайлович ЛАШЕВИЧ (23.3—16.8.19).

2. Западного — Роберт Александрович РИММ (19.2—19.5.19), Евгений Михайлович ПЯТНИЦКИЙ (19.2—15.5.19), Иосиф Станиславович УНШЛИХТ (11.12. 1919—12.4. 1921), Аркадий Павлович РОЗЕНГОЛЬЦ (18.5.—2.6. 1920), Д. И. ВАЙМАН и другие.

3. Кавказского — Сергей Иваноаич ГУСЕВ (16.1—29.8.20), Аркадий Павлович РОЗЕНГОЛЬЦ (23.8—5.9.20).

4. Северного — Лев Маркович ГЛЕЗАРОВ (30.9—8.12.18), Евгений Михайлович ПЯТНИЦКИЙ (30.9.18—19.2.19).

5. Туркестанского — Лев Филиппович ПЕЧЕРСКИЙ, Иосиф Еремеевич СЛАВИН, Моисей Янович ЛИСОВСКИЙ, Исаак Абрамович ЗЕЛЕНСКИЙ, Герман Самойлович БИТКЕР.

6. Юго-Восточного — Сергей Иванович ГУСЕВ (18.12.19—16.1.20).

7. Юго-Западного — Сергей Иванович ГУСЕВ (3.9—15.10.20), Моисей Львович РУХИМОВИЧ.

8. Южного (против Врангеля) — Бела КУН (4.10—16.11.20), Сергей Иванович ГУСЕВ (27.9—14.12.20).

9. Южного (против Деникина) — Григорий Яковлевич СОКОЛЬНИКОВ-БРИЛЛИАНТ (1.12.18—6.10.19), Иосиф Исаевич ХОДОРОВСКИЙ (17.1.—6.7.19), Михаил Михайлович ЛАШЕВИЧ (11.8—19.10.19).

Командующими армиями были евреи:

1. 3-й армии Восточного фронта — Михаил Михайлович ЛАШЕВИЧ (30.11.18—5.3.19).

2. 3-й армии Западного фронта — Владимир Соломонович ЛАЗАРЕВИЧ (12.6—18.10.20).

3. 7-й армии — Михаил Михайлович ЛАШЕВИЧ (30.7—25.8.20).

4. 8-й армии Южного фронта — Григорий Яковлевич СОКОЛЬНИКОВ (12.10.19—20.3.20).

5. 9-й армии — Наум Семенович СОРКИН.

6. 14-й армии Южного и др. фронтов — Иона Эммануилович ЯКИР (15.12.20—6.1.21).

Начальниками штабов армии были:

1. 4-й армии Восточного фронта — Владимир Соломонович ЛАЗАРЕВИЧ (25.2—22.4.19).

2. 14-й армии Южного и др. фронтов — Вадим Михайлович БУХМАН (27.8—6.10.19).

3. 16-й армии Западного фронта — Евгений Александрович ШИЛОВСКИЙ (10.10.20—24.4.21).

4. Туркестанской армии Восточного фронта — Александр Исаевич МИТИН (28.3—11.4.19), Владимир Соломонович ЛАЗАРЕВИЧ (24.5—1.7.19).

5. Народно-революционной армии ДВР — Борис Миронович ФЕЛЬДМАН (4.5—4.7.22).

В Реввоенсоветах армий один или два из трех его членов были евреями. Таковы члены Реввоенсоветов:

1. 1-й армии Восточного и Туркестанского фронтов — Арий Константинович МИРСКИЙ (7.4—19.7.19), Григорий Исаакович БРЕЙДО, Илья Савельевич ШЕЛЕХЕС.

2. 2-й армии Восточного фронта — Сергей Иванович ГУСЕВ (12.11—4.12.18), Григорий Яковлевич СОКОЛЬНИКОВ (19.9—22.11.18), Григорий Наумович КАМИНСКИЙ.

3. 3-й армии Восточного фронта — Михаил Михайлович ЛАШЕВИЧ (7.8—29.11.18), Филипп Исаевич ГОЛОЩЕКИН, Яков Лазаревич АСКОЛЬДОВ.

4. 4-й армии Восточного и Туркестанского фронтов — Борис Григорьевич МОЛДАВСКИЙ (26.5—19.7.18), Гавриил Давидович ЛИНДОВ-ЛЕЙТЕЙЗЕН (10.9.18—13.1.19), Борис Григорьевич ЗУЛЬ.

5. 4-й армии Западного фронта — Евгений Ильич ВЕГЕР (18.6—19.10.20).

6. 5-й Отдельной армии — Аркадий Павлович РОЗЕНГОЛЬЦ (18.8—15.9.18), Исаак Самойлович КИЗЕЛЬШТЕЙН (15.11.18—25.1.19), Борис Захарович ШУМЯЦКИЙ (31.1.21—27.2.22), М. А. ВОЛЬФОВИЧ (заместитель начальника политуправления армии).

7. 6-й Отдельной армии — Герман Самойлович БИТКЕР (4.8—15.12.19), Р. В. ПИКЕЛЬ, Лев Захарович МЕХЛИС.

8. 7-й армии Северного, Западного и др. фронтов — Михаил Иосифович РОЗЕН (1.10.18—21.1.19), Самуил Петрович ВОСКОВ (19.11.18—23.3.19), Моисей Маркович ХАРИТОНОВ (24.5—22.10.19), Аркадий Павлович РОЗЕНГОЛЬЦ (28.6—30.9.19), Григорий Евсеевич ЗИНОВЬЕВ (РАДОМЫСЛЬСКИЙ) (14.7—26.11.19), Михаил Михайлович ЛАШЕВИЧ (23.10.19—31.8.20).

9. 8-й армии Южного и др. фронтов — Иона Эммануилович ЯКИР (8.10.18—1.7.19), Яков Ильич ВЕСНИК (7.11.18—28.8.19), Аркадий Павлович РОЗЕНГОЛЬЦ (7.12.18—18.3.19), Григорий Яковлевич СОКОЛЬНИКОВ.

10. 9-й армии — Григорий Яковлевич СОКОЛЬНИКОВ (2.12.18—7.11.19), Иосиф Исаевич ХОДОРОВСКИЙ (23.3—27.8.19), Адольф Михайлович ЛИДЕ (10.3—8.7.20).

11. 10-й армии П. И. КУШНЕР (20—29.4.21), Лев Филиппович ПЕЧЕРСКИЙ (22.4—11.5.21), Михаил Ефимович ШТЕЙМАН.

12. 11-й армии — Оскар Моисеевич ЛЕЩИНСКИЙ (22.1—13.2.19), Яков Ильич ВЕСНИК (27.5—31.8.20 и 26.1—29.5.21), Исаак Соломонович КИЗЕЛЬШТЕЙН, М. И. ШНЕЙДЕРМАН, П. И. КУШНЕР.

13. 12-й армии — Михаил Михайлович ЛАНДА (комиссар армии), Борис Маркович ТАЛЬ (комиссар штаба армии), Иона Эммануилович ЯКИР (командующий Южной группой войск 12-й армии), Ян (Яков) Борисович ГАМАРНИК (комиссар группы).

14. 13-й армии — Аркадий Павлович РОЗЕНГОЛЬЦ (7.10—19.12.19), Борис Григорьевич ЗУЛЬ (4.6—31.8.20), Адольф Михайлович ЛИДЕ (22.10—12.11.20), Иосиф Моисеевич БИК, Исаак Самойлович КИЗЕЛЬШТЕЙН, Григорий Яковлевич СОКОЛЬНИКОВ, Розалия Самойловна ЗЕМЛЯЧКА-САМОЙЛОВА (начальник политотдела).

15. 14-й армии — Исаак Самойлович КИЗЕЛЬШТЕЙН (17.6—15.9.19), Моисей Львович РУХИМОВИЧ (8.12.19—21.11.20).

16. 15-й армии — Ян (Яков) Давидоаич ЛЕНЦМАН (9.4.19—20.2.20), Аркадий Павлович РОЗЕНГОЛЬЦ (14.6—26.9.20), Михаил Михайлович ЛАШЕВИЧ (29.8—30.11.20), Яков Ильич ВЕСНИК (10.11—26.12.20).

17. 16-й армии — Иосиф Станиславович УНШЛИХТ (21.6—11.12.19), Александр Яковлевич ЭСТРИН (14.4—7.5.21).

18. Туркестанской армии — Арий Константинович МИРСКИЙ (9.5.—7.6.19).

19. Резервной армии — Б. И. ГОЛЬДБЕРГ, Г. М. ЗУСМАНОВИЧ.

20. Народно-революционной армии ДВР (Дальне-Восточной республики) Моисей Израилевич ГУБЕЛЬМАН (30.6.21—16.11.22).

21. Отдельной Кавказской армии — Моисей Янович ЛИСОВСКИЙ.

В период гражданской войны многие евреи занимали должности командиров (начальников), военкомов (военных комиссаров), начальников штабов и политотделов дивизий, бригад, полков и других соединений и частей.

Командирами (начальниками) дивизий были евреи: Григорий Михайлович БОРЗИНСКИЙ — 1-й Витебской пехотной (3—23.10.18), Сергей Михайлович ШЕЙДЕМАН — 1-й Рязанской пехотной, БЛЮМЕНФЕЛЬД — 1-й Сибирской кавалерийской, Михаил Георгиевич МЕЙЕР — 1-й Кавказской кавалерийской (16.5—14.8.20), Борис Николаевич ФРЕЙМАН — 6-й стрелковой (14.4—24.5.19), Михаил Иосифович РОЗЕН — 8-й стрелковой, Александр Яковлевич ЯНОВСКИЙ — 9-й стрелковой (18.6—7.7.21), Семен Абрамович ТУРОВСКИЙ — 8-й кавалерийской дивизии Червонного казачества (14.3—14.5.20, 14.5—6.12.20 и 3.11.19—14.3.20), Андрей Иосифович РАТАЙСКИЙ — 12-й стрелковой (25—27.11.18 и 7.3—3.7.19), Андрей Иосифович РАТАЙСКИЙ — 13-й стрелковой (29.7—9.10.18), Михаил Иосифович РОЗЕН — 13-й стрелковой (6.6—18.8.20), Александр Савельевич СИРОТКИН — 15-й Сивашской стрелковой (14—29.11.19), Эдуард Давидович ЛЕПИН — той же дивизии (19.6—22.7.20), Самуил Пинхусович МЕДВЕДЕВСКИЙ — 16-й стрелковой (13.1—3.3.19 и 2.8.19—17.5.22), Мирон Львович ПОЛУНОВ — той же дивизии (19.4—27.5.21), Григорий Михайлович БОРЗИНСКИЙ — 17-й Нижегородской стрелковой (26.10.18—25.7.19), Давид Аронович ГУТМАН (Дмитрий Аркадьевич ШМИДТ) — 17-й кавалерийской дивизии Червонного казачества, Александр Генрихович ШИРМАХЕР — 18-й стрелковой (25.12.20—24.5.21); Евгений Петрович КОФЕЛЬ — 20-й Пензенской стрелковой (1.1—5.2.19), Борис Владимирович МАЙСТРАХ — той же дивизии (29.2—2.4.20), Рувим Лейбович ИЦКОВСКИЙ — 22-й стрелковой (24.4—8.5.20), Борис Владимирович МАЙСТРАХ — той же дивизии (8.5—26.9.20), Николай Иосифович ЛОТОЦКИЙ — 23-й стрелковой (5—27.9.19), Борис Маркович ТАЛЬ — 25-й стрелковой имени В. И. Чапаева (18.7—4.8.20), Марк Семенович БЕЛИЦКИЙ — 26-й Златоустовской стрелковой (10.8—8.9.19 и 10—21.9.19), Михаил Георгиевич МЕЙЕР — 33-й Кубанской стрелковой (12.11.18—14.3.19), Леонид Ильич ВЕРМАН — 35-й Сибирской стрелковой (27.6—20.9.19), Константин Августович НЕЙМАН — той же дивизии (28.9.19—19.8.21), Нехемия Львович ФЕЛЬДМАН — 42-й стрелковой (14.4—20.6.20), Михаил Иосифович РОЗЕН — той же дивизии (17.10—27.12.20), Иона Эммануилович ЯКИР — 45-й стрелковой (7.7—18.8.19 и 19.10.19—6.4.21), Л. А. ШНИТМАН — той же дивизии, Лев Михайлович ГОРДОН — 54-й стрелковой, Михаил Иосифович РОЗЕН — 55-й стрелковой (12.8—11.9.20), Борис Миронович ФЕЛЬДМАН — той же дивизии (24.9—21.12.20), Михаил СЛУВИС — 56-й стрелковой (28.4—16.10.19), Яков Львович ДАВИДОВСКИЙ.

Военкомами дивизий были евреи:

Якоа Иосифович ШВАРЦМАН — 1-й Азербайджанской сводной стрелковой (19.7—1.11.20), Адольф Яковлевич РЕДЕР — 1-й Витебской стрелковой (16.7—23.10.18), Моисей Наумович АХМАНОВ — той же дивизии (16.7—21.9.18); Александр Яковлевич ГРИНШТЕЙН — 1-й Донской стрелковой (28.4—28.6.20), КЛЕЙТМАН — 1-й Заднепровской стрелковой (28.4—28.6.20), Абрам Исаакович ХАСИС — 1-й Смоленской пехотной (14.7—20.8.18), Михаил Борисович ПОШЕМАНСКИЙ — 1-й Туркестанской стрелковой (28.3—15.7.20), ГРОССМАН — той же дивизии (15.1—21.3.20), Раиса Моисеевна АЗАРХ — 1-й Особой Вятской, Яков Лазаревич АСКОЛЬДОВ — 1-й Литовской стрелковой, Семен Маркович НОРДШТЕЙН — 2-й Московской пехотной (1.7—24.9.18), Михаил Иосифович РОЗЕН — 2-й Новгородской пехотной (15.5—14.11.18), Михаил Абрамович ЛЕВИН — той же дивизии (15.5.18—6.2.19), Александр Давидович РИХТЕР — 2-й стрелковой дивизии армии Советской Латвии (1.1—12.5.19), Исай Григорьевич ПОЛОНСКИЙ — 2-й стрелковой (24.10.18—14.4.19), ВОСКОВ — той же дивизии (10—5.9.19), Михаил Петрович ДУКАЛЬСКИЙ — той же дивизии (15.11.19—18.5.20), Исаак Израилевич МИНЦ — 2-й Украинской советской дивизии (21.3—16.6.19), Михаил Георгиевич МЕЙЕР — 1-й Кавказской кавалерийской дивизии (16.5—14.8.20), Адольф Яковлевич РЕДЕР — 1-й Туркестанской кавалерийской (6.10.20—3.3.21), Илья Маркович ЗЕЙЛИНКОВИЧ — 2-й Кавказской кавалерийской дивизии (7—23.6.20), Наум Давидович ЕФУНИ — 2-й Ставропольской кавалерийской дивизии (с 18.8.20), Нехамия Львович ФЕЛЬДМАН — 3-й Кавказской стрелковой (14.11.20—20.5.21), Семен Маркович НОРДШТЕЙН — 3-й стрелковой (1—9.10.18), Моисей Маркович ХАРИТОНОВ — 3-й Украинской (31.10—11.11.18), Яков ЛЕВИН — 3-й Туркестанской кавалерийской (с 21.3.19), Адольф Яковлевич РЕДЕР — той же дивизии (9.6—1.10.20), Зиновий Семенович ДУБИНСКИЙ — 4-й Украинской стрелковой (30.4—12.7.19), Лазарь Наумович АРОНШТАМ — 4-й стрелковой, Исай Григорьевич ПОЛОНСКИЙ — 5-й Московской пехотной (18.7—20.8.18), Яков Юрьевич ПЕТЕРСОН — 6-й Орловской стрелковой (18.8—16.12.18), Владимир Осипович ЛИХТЕНШТАДТ — 6-й стрелковой, Наум Натанович РАБИЧЕВ — 7-й стрелковой, Зиновий Семенович БЫЧ — 9-й стрелковой (9.5—2.7.18), Лев Владимирович ЛЕМБЕРГ (5.2—7.4.19) — той же дивизии, Абрам Ильич ВАЙМАН — той же дивизии (7—26.3.19), Самуил Петрович ВОСКОВ — той же дивизии (26.9.19—9.4.20), Иосиф Моисеевич БЫК — той же дивизии (14—29.10.19), Моисей ЛИСОВСКИЙ — той же дивизии (21.10.20—3.5.21), Лев Михайлович ГОРДОН — 9-й кавалерийской Крымской (19.10—11.20), Лев Вениаминович ЖМУДСКИЙ — 10-й Тамбовской стрелковой (13.10—18.12.18), Самуил Петрович ВОСКОВ — той же дивизии (14.7—5.10.19), Иосиф Маркович КРИГЕР — той же дивизии (13.2—9.6.20), Ефим Александрович ДРЕЙЦЕР — той же дивизии (5.7.20—8.1.21), Яков Лазаревич АСКОЛЬДОВ — 10-й стрелковой,

Иосиф Рафаилович РОЗЕНБЛЮМ — 11-й Петроградской стрелковой (10.2—9.9.20), Илья Савельевич ШЕЛЕХЕС — 13-й стрелковой (14.10.19—15.3.20), Михаил Петрович ДУКАЛЬСКИЙ — той же дивизии (8.7—22.8.20), Наум Давидович ЕФУНИ — 14-й стрелковой, Лазарь Наумович АРОНШТАМ — той же дивизии (28.2.20—13.10.21), Лев Николаевич РУБИНШТЕЙН и Ефим Борисович РАБИКОВИЧ — той же дивизии, Морис Львович БЕЛИЦКИЙ — 11-й кавалерийской, Л. И. ЛОЗОВСКИЙ — 16-й стрелковой (27.11.18—4.2.19), Аркадий Борисович ДУБСОН — 16-й кавалерийской (12—26—11.19), Маркель Львович КРОЖЕВСКИЙ — той же дивизии (7.5—12.6.20), Наум Давидович ЕФУНИ — той же дивизии (13.6—13.8.20), Адольф Яковлевич РЕДЕР — 17-й Нижегородской стрелковой (26.1.18—10.4.19), Моисей Наумович АХМАНОВ — той же дивизии (16.7—7.8.19), Макс Давидович АВСАРГОВ — 19-й стрелковой (25.11—28.12.18 и 9.10—19.12.19), Адольф Михайлович ЛИДЕ — 21-й Пермской стрелковой (10.1—16.3.19 и 29.3.19—17.4.20), Исаак ГРИНБЕРГ — 21-й кавалерийской (27.2—14.3.21), Рувим Лейбович ИЦКОВСКИЙ — 22-й стрелковой (11.10.19—24.4.20), Исай Юрьевич РАБИНОВИЧ — той же дивизии (3.7.20—12.5.21), Борис Соломонович ЛИВШИЦ — 24-й Симбирской железной стрелковой (15.8—27.11.18, 30.4—3.7.19 и 13.9.19—20.4.20), Борис Маркович ТАЛЬ — 25-й стрелковой имени В. И. Чапаева (Чапаев командовал этой дивизией с 9.4 до 5.9.19), (10—29.1.20 и 10.5—4.8.20), Александр Львович ШИФРЕС — 26-й Златоустовской стрелковой (17.12.19—2.1.20), Лазарь Наумович АРОНШТАМ — 28-й Горской стрелковой (—9.6.19), Александр Ильич СТРЕЛЬМАХ — той же дивизии (28.11—22.12.19), Николай Львович ЕЛЕЦКИЙ — той же дивизии (23.4—27.6.20), Илья Гедеонович ГЕРТ — той же дивизии, Евсей Абрамович АЙЗЕНШТАДТ — 30-й Иркутской стрелковой (11—28.8.18), Евсей Маркович КОНЮХОВСКИЙ — 32-й стрелковой (25.4—5.6.19), Маркель Львович КРОЖЕВСКИЙ — той же дивизии (1—28.4.21), Евгений Павлович ТОЛЬСКИЙ — 34-й стрелковой (22.6—22.10.20), Нехамия Львович ФЕЛЬДМАН — 40-й Богучарской стрелковой (26.7—6.9.20), Лазарь Львович ЗИЛЬБЕРБЕРГ — той же дивизии, Исай Павлович ГОЛЬДШМИДТ — 41-й стрелковой, Моисей Львович РУХИМОВИЧ — той же дивизии (11.8—24.10.19), Нехамия Львович ФЕЛЬДМАН — 42-й стрелковой (14.4—20.6.20), Михаил Иосифович РОЗЕН — той же дивизии (17.10—27.12.20), Иосиф Александрович ШВАРЦ — 43-й стрелковой (12—23.12.20), Борис Маркович ТАЛЬ — 44-й Киевской стрелковой (12.8—29.11.20), Александр Яковлевич ГРИНШТЕЙН — 45-й Волынской стрелковой (1—26.12.19, 12—21.1.20 и 8.4—13.7.20), Иона Эммануилович ЯКИР — той же дивизии (4.10.20—6.4.21), Исаак Израилевич МИНЦ — 46-й Екатеринославской стрелковой (24.6—7.19), Лев Захарович МЕХЛИС — той же дивизии (7.19—17.4.20 и 13.9—12.12.20), Федор Львович БОРОВСКИЙ — 48-й Тверской стрелковой (21.10.19—15.3.20), Давид Мануилович СКАЛОВ — той же дивизии (21.10.19—7.3.20), Семен Маркович БОТКАЧИН — 51-й Перекопской стрелковой (21.11.20—21.4.21), Константин ШВАРЦ — той же дивизии (16.7—6.10.19), Евсей Борисович БРАУДЕ — 53-й стрелковой (1.2—8.9.19), Лев Михайлович ГОРДОН — 54-й стрелковой, Михаил Петрович ДУКАЛЬСКИЙ — 55-й стрелковой (20.8—21.12.20), Марк Михайлович ТЕМКИН — 57-й стрелковой (16.12.19—26.4.20), Юрий Исаакович КАПЛОВСКИЙ — той

же дивизии (28.5—26.6.20), Ян (Яков) Борисович ГАМАРНИК — 58-й стрелковой (10.11.19—27.4.20), Лев Александрович ШНИТМАН — 61-й стрелковой (24.10—10.11.19), Лев Вениаминович ЖМУДСКИЙ — Вятской пехотной (9.18), Ильи Гедеонович ГЕРД — Морская экспедиционная дивизия (28.9.20—1.1.21), Абрам Миронович ВОЛЬПЕ — Новоузенская пехотная (14.8—24.9.18).

Начальниками штаба дивизий были евреи:

Карл Яковлевич КРИЖМАН — 1-й Донской стрелковой (8—19.10.20), Генрих Яковлевич БЕЗЕЛЬ — 1-й кавалерийской (27.5—25.6.19), Владимир Юльевич ГИЛЬКНЕР — 2-й Тверской пехотной (10.8—25.10.18), Евгений Абрамович ГЕЛЬФЕР — 2-й Тульской стрелковой (8.9—18.11.20), РОШАЛЬ — 2-й Туркестанской стрелковой (8.12.19—5.1.20), Иосиф Исаевич ХОДОРОВСКИЙ — той же дивизии (2—16.6.20), Иосиф Юлианович ТОМАШЕВСКИЙ — 2-й Казанской стрелковой (4.7—9.9.20), Яков Миронович ГРУНИН — 2-й Ставропольской кавалерийской (17.11.19—19.7.20), Владимир ГИРШЕЛЬМАН — 3-й Московской стрелковой (19.8—30.9.18), Борис Николаевич ФРЕЙМАН — 6-й Орловской стрелкоаой (23.3—14.4.19), Владимир Константинович ГИРШЕЛЬМАН — 7-й Владимирской стрелковой (2.10.18—30.1.19), Борис Фадеевич ЧЕРНИГОВСКИЙ-СОКОЛ — 7-й Украинской стрелковой (6—13.5.19), Семен Абрамович ТУРОВСКИЙ — 8-й кавалерийской Червонного казачества (3.11.19—14.3.20 и 14.5—6.12.20), Константин Николаевич ЗИЛЬБЕРМАН — 9-й стрелковой (20.7—1.10.18), Александр Яковлевич ЯНОВСКИЙ — той же дивизии (2.11—5.12.18, 15.4—26.6.19, 11.5—30.9.20 и 2.1—18.6.21), Михаил Александрович ЯКОБСОН — 9-й кавалерийской (23.3—26.5.20), Илья Абрамович ЛЕОНОВ — 9-й Крымской кавалерийской (5—12.9.20), Карл Яковлевич КРИЖМАН — 10-й Тамбовской стрелковой (7.12.20—16.1.21), Михаил Иосифович ЛЕЩИНСКИЙ — той же дивизии (16.1—7.7.21), Евгений Михайлович ЗОРИН — 12-й кавалерийской (4.10—17.11.19), Исаак Абрамович ЗЕЛЕНСКИЙ — 16-й стрелковой (31.5.18—15.6.19), Иосиф Наумович РУБИН — 16-й кавалерийской (12.11—6.12.19), Мирон Львович ПОЛУНОВ — той же дивизии (23.2.20—19.4.20 и 27.5—27.10.21), Валентин Михайлович СИГАЛЬ — 18-й стрелковой (21.4—14.5.19), Всеволод Петрович АБРАМОВИЧ — 19-й стрелковой (21—29.8.19), Илья Абрамович ЛЕОНОВ — 20-й кавалерийской (15.8—6.9.20), Евгений Петрович КОФАЛЬ — 20-й Пензенской стрелковой (20.11.18—1.1.19 и 15.2.19), Марк Семенович БЕЛИЦКИЙ — 26-й Златоустовской стрелковой (5.10—6.11.19), Борис Робертович ТЕРПИЛОВСКИЙ — 27-й Омской стрелковой (23.11.18—31.3.19), Евгений Николаевич РИГЕЛЬМАН — 32-й стрелковой (17—25.12.18), Марк Львович ТКАЧЕВ — той же дивизии (3—26.12.19), Яков Дмитриевич КОЗИК — 33-й Кубанской стрелковой (3.11.18—13.1.19), Абрам Миронович ВОЛЬПЕ — 35-й Сибирской стрелковой (19.6—17.12.20), Мирон Львович ПОЛУНОВ — 36-й стрелковой (1.9.19—3.1.20), Р. БЕРНШТАМ — 40-й Богучарской стрелковой (11.6—6.8.19), Владимир Иосифович Крушинский — 41-й стрелковой (7.1—13.3.19), Александр Маркович ОСАДЧИЙ — 46-й Екатеринославской стрелковой (4—10.12.19), Семен Маркович БЕЛИЦКИЙ — 51-й Перекопской стрелковой (12.3—23.5.20 и 6.7—20.8.20), Всеволод Петрович АБРАМОВИЧ — 55-й стрелковой (27.11.19—10.7.20), Борис Миронович ФЕЛЬДМАН — 57-й стрелковой (21.5—23.9.20),

Александр Дмитриевич БЕРДИЧЕВСКИЙ — Донецкой сводной (10.3—1.4.19), Николай Николаевич БЕРМАН — Костромской пехотной (18.5—4.10.18), Михаил БАРАН — 1-й дивизии Червонного казачества, Давид Моисеевич КОРЕНБЛИТ — 45-й стрелковой, Михаил Осипович ЗИЮК — начальник артиллерии 8-й дивизии Червонного казачества, Семен Петрович УРИЦКИЙ — помощник начальника оперативного отдела штаба 58-й стрелковой дивизии, Владимир Александрович ЛЕВИНСОН — начальник связи 58-й стрелковой дивизии.

Командирами бригад были евреи:

Леонид Яковлевич ВАЙНЕР — 1-й Донской Особой кавалерийской, Илья Владимирович ДУБИНСКИЙ — кавалерийской Червонного казачества, Давид Аронович ГУТМАН (Дмитрий Аркадьевич ШМИДТ) — бригады 37-й стрелковой дивизии, Ф. Я. ЛЕВЕНЗОН — 133-й стрелковой, Семен Петрович УРИЦКИЙ — кавалерийской Особого назначения, И. М. ПЕВЗНЕР — стрелковой Народно-революционной армии Дальневосточной республики и ряд других.

Военкомами (комиссарами) бригад были евреи:

Ф. Я. ЛЕВЕНЗОН — 1-й стрелковой, Л. Н. РУБИНШТЕЙН — 57-й стрелковой, И. О. ГОЛЬДЕНБЕРГ — 135-й стрелковой, Борис Маркович ТАЛЬ — 73-й стрелковой и ряда других.

Военкомами (комиссарами) полков были евреи:

Семен Моисеевич КРИВОШЕИН — 31-го кавалерийского, Давид ШАФРАНСКИЙ — 1-го Богучарского, Григорий Ефимович ФАРБЕНШТЕЙН — 64-го стрелкового и ряда других.

Начальниками политотделов были евреи:

М. А. ВОЛЬФОВИЧ — заместитель начальника политотдела 5-й Отдельной армии, Илья Савельевич ШЕЛЕХЕС — 8-й армии, Розалия Самойловна ЗЕМЛЯЧКА — 8-й армии, Моисей Самойлович ЭПШТЕЙН — 9-й армии (3.10.20—9.5.21), Давид Григорьевич ПЕРЧИХИН, Моисей Ильич ФРУМКИН и Анна Самойловна СУЦКЕВЕР — работники политотдела 9-й армии, Борис Иосифович МАГИЛОВ — 10-й армии, Ехиль Львович БАНКВИЦЕР — заместитель начальника политотдела 10-й армии, Яков Аркадьевич ЯКОВЛЕВ (ЭПШТЕЙН) — 14-й армии, Морис Львович БЕЛОЦКИЙ — заместитель начальника политуправления 1-й Конной армии, Борис Исаакович БОРИСОВ — заместитель начальника политотдела 7-й стрелковой дивизии, Рузи Иосифовна ЧЕРНЯК-ТОДОРСКАЯ — 20-й, 32-й и 38-й стрелковых дивизий, Мендель Маркович ХАТАЕВИЧ и Лев Романович МИЛЯХ — 21-й стрелковой дивизии, Александр Львович ШИФРЕС — 26-й и 35-й стрелковых дивизий, Моисей Львович РУХИМОВИЧ — 41-й стрелковой дивизии, Иосиф Иеремеевич СЛАВИН, Исай Павлович ГОЛЬДШМИТШМИДТ — 45-й стрелковой дивизии, Михаил Львович СЛАВИН.

Председателями Ревтрибуналов были евреи:

Борис Маркович ГУРОВИЧ — 5-й армии, Яков Аронович АЛЕКСАНДРОВСКИЙ — 55-й стрелковой дивизии, Аркадий Леонидович СПИВАКОВСКИЙ — 26-й стрелковой дивизии и ряд других.

Видную роль играли евреи в снабжении фронтов, армий м дивизий. Назовем некоторых:

Эммануил Викторович ЛУГАНОВСКИЙ — начальник снабжения армий Северного фронта, М. И. КАЛМАНОВИЧ — начальник снабжения армий Западного фронта, Г. М. ЗУСМАНОВИЧ — начальник продовольственного снабжения Восточного фронта, Максим

Львович МАЗО — начальник снабжения 1-й армии Восточного фронта, Иосиф Хаимович ГИНЗБУРГ — начальник снабжения 22-й стрелковой дивизии 4-й армии и ряд других.

Командирами полков и отрядов были евреи:

Леонид Львович РАПОПОРТ — Трудового казачества 1-го полка, послужившего ядром Конной армии Буденного, Л. Я. ВАЙНЕР — Луганского кавалерийского полка, Григорий Исаакович ЧУДНОВСКИЙ — одного из отрядов на Украине, Александр Григорьевич ГИНЦБУРГ — Казанского отряда, впоследствии — 319-го Горнострелкового полка имени А. Гинцбурга, Иосиф Зунделевич ЛЕВЕНСОН и ряд других.

В период гражданской войны евреи занимали крупные должности и в военной медицине: начальников санитарных управлений фронтов и армий, старших врачей соединений, частей. В этой области особенно отличились: Соломон Исаевич ЧЕРНОМОРДИК (П. ЛАРИОНОВ) — помощник начальника Санитарного управления Южного фронта, затем — начальник санитарной части Симбирского Укрепленного района; Илья Давидович СТРАШУН — начальник Санитарно-просветительного отдела Кавказского фронта; Раиса Моисеевна АЗАРХ — начальник Санитарного управления 5-й армии; Соломон Ильич КАНТОРОВИЧ — начальник Санитарного управления 14-й армии; Иосиф Абрамович КАССИРСКИЙ — полковой врач 1-й Конной армии; военные врачи: Соломон Самуилович ВАЙЛЬ, Антон Мартынович ЗАБЛУДОВСКИЙ, Павел Ефимович ЗАБЛУДОВСКИЙ, Лев Александрович ЗИЛЬБЕР, Давид Владимирович ГОРФИН, Григорий Михайлович ДАНИШЕВСКИЙ.

Особенно велик был процент евреев среди политработников всех звеньев Красной Армии: членов военных советов фронтов и армий, комиссаров и начальников политических отделов армий, дивизий, бригад, полков и подразделений.

Относительно меньший процент евреев среди командного состава объясняется тем, что в первый период гражданской войны на командные должности назначались военные специалисты из числа бывших генералов и офицеров царской армии. Однако те евреи, которые все же стали командирами соединений, частей и подразделений, выделились своей отвагой, героизмом и полководческим мастерством. Таковы, например, командир 16-й стрелковой дивизии Самуил Пинхусович МЕДВЕДОВСКИЙ, командир 45-й стрелковой дивизии Иона Эммануилович ЯКИР, командир кавалерийской бригады Илья Владимирович ДУБИНСКИЙ и некоторые другие.

Обзорный характер этой главы не позволяет дать подробные описания подвигов красноармейцев, командиров и политработников — евреев. Напомним лишь, что многие из них удостоились ордена Красного Знамени и других боевых наград. Немалое число их пало в боях гражданской войны.

В. Дашевсиий в своем «Резонаисе», назваином «...И ие ираснвеют» (!), таиим образом отиосится к освещеиию белых, а точнее — темных пятен советской истории журналом «Молодая гвардия»: «...этот журиал повторяет зады геббельсовсиой и черносотенной пропаганды о «еврейской большевистской революции». Собственно, ничего другого мы от изолгавшегося «историна» ждать и не можем. Но как ему теперь быть с нннгой Арона Абрамовича «В решающей войне», издаиной в Тель-Авиве, сведения из которой приведены выше? Тоже назвать ее «антисемитскими брвдиями»? Думаем, что на этот раз на подобное выражение у него духу не хватит: обвинять Тель-Авив в «черносотенной пропаганде» он вряд ли осмелится. Ведь там могут этого не понять и не оценить... (ред.)

НА КОМ ШАПКА ГОРИТ

ОБРАЩЕНИЕ ЧИТАТЕЛЕЙ

Дорогие друзья!

Я бы очень хотел помочь вашей редакции, вашему журналу в великом, благородном деле.

Пока я, как только могу, пропагандирую ваш журнал среди земляков. Я тесно сотрудничаю с нашей «районкой», являясь внештатным корреспондентом. И вот что думаю: не обратиться ли ко всем «внештатникам» «районок» по всей России? Я хочу, чтобы «Молодая гвардия» циркулировала не только по крупным кровеносным сосудам страны, но и по деревенским капиллярам, так как именно там остатки патриотизма, национального духа России.

Высылаю Вам ОБРАЩЕНИЕ учителей средней школы № 1 и филиала Новоузенского СПТУ-65 п. Александров-Гай Саратовской области и народным депутатам Советов всех уровней.

«Мы, работники народного образования, находясь на переднем крае борьбы за воспитание высоконравственной личности, с глубоким беспокойством отмечаем, что в последнее время наметилась устойчивая тенденция к падению нравственности и духовности в обществе, особенно среди молодежи.

На наш взгляд, одной из основных причин такого положения является целенаправленное разрушение под флагом «плюрализма» и «свободы творчества» вековых нравственных идеалов нашего народа и социалистических ценностей определенными кругами деятелей кино и телевидения, литературы и искусства, средств массовой информации. На экраны кино, эстраду хлынул грязный поток порнографии и эротики, насилия, жестокости и садизма. Наглое откровение натуралистических и кровавых сцен, безудержный цинизм стимулируют самые низменные человеческие инстинкты. Нет ничего более омерзительного, чем коммерциализация искусства, духовной жизни. Деньги, получаемые от тиражирования такого «искусства» и «культуры», — очень грязные. Они гораздо грязнее «пьяных» рублей, получаемых от спаивания народа. Такие фильмы, такие произведения «искусства» лишают человека стыда и совести, освобождают полностью от нравственных тормозов. С кого же брать пример нашей молодежи, если на экране и в литературе главными героями стали проститутки и наркоманы, бандиты и спекулянты, любители «красивой» жизни без труда?

Воспевается культ денег, наживы и стяжательства, индивидуализма и эгоизма, культ потребительства и продажности. Валюта — вот идол, которому иные деятели готовы продать и страну, и душу народа. За убийство человека дают длительный срок заключения или расстрел, а вот за убийство человеческого в человеке никто не отвечает!

Более того, видна организованная роль ученых и критиков, яростно защищающих наглое попрание нравственности коммерсантами от искусства, подводящих под это безобразие «научное» и «правовое» обоснование. Можно по пальцам пересчитать издания, вставшие на защиту нравственных и духовных ценностей нашего народа, и среди них журнал «Молодая гвардия», который мужественно противостоит во главе с редактором А. Ивановым беспрецедентной травле не только со стороны ультрарадикальной прессы, подобной журналу «Огонек» или газете «Московские новости», но и отдела пропаганды ЦК ВЛКСМ и некоторых идеологических работников ЦК КПСС.

Последний островок духовности и высоких идеалов — журнал «Молодая гвардия» в опасности!

Почему у нас отменили цензуру? Почему нет в стране органа, охраняющего наши нравственные ценности? И наконец, может ли вообще существовать в обществе плюрализм нравственности?

Почти исчез с экранов положительный герой, человек труда, воин, патриот. Исчезают понятия чести, совести, стыда, долга, бескорыстия. Разве перевелись у нас в стране люди, имеющие эти качества? Напрашивается аналогия с разрушением природы Минводхозом, который, имея свою ведомственную науку, «научно» загубил Арал, Волгу и чуть было не повернул реки.

С экологией нравственности и духовности происходит нечто подобное. Особую тревогу за будущее молодежи, за будущее страны вызывает то, что атаки растлителей духовности и нравственности нашей молодежи сопровождаются атакой на социализм, ленинское наследие, на святыни, к которым прикасаться немытыми руками позволить нельзя, как нельзя позволить очернить или забыть трагическую и героическую историю нашего Отечества!

Уважаемые товарищи депутаты! Мы, работники народного образования, обращаемся к вам и требуем:

осудить подобную деятельность в кино, литературе и искусстве. Принять законодательные акты, гарантирующие защиту общества от выхода на экраны и страницы печати произведений, оскорбляющих мораль и нравственость нашего общества.

Прекратить показ и изъять из кинотеатров и видеосалонов ранее выпущенные фильмы и видеоролики разлагающего, развратного содержания и привлечь к ответственности создателей и распространителей этой продукции.

Отстранить от средств массовой информации и издательской деятельности лиц, причастных к распространению и популяризации в обществе произведений, разрушающих его моральные устои с привлечением к ответственности этих лиц».

ПРИНЯТО НА ПАРТИЙНОМ СОБРАНИИ ПЕДКОЛЛЕКТИВА
(районная газета «Путь Октября» от 19 июня 1990 года)

Письмо и газету прислал Г. ЖДАНОВ,
п. Александров-Гай, Саратовской обл.

Редакция журнала «Молодая гвардия» выражает признательность учителям александров-гайской средней школы № 1 и филиала Новоузенского СПТУ-65 Саратовской области за принципиальную поддержку позиции нашего журнала, желает им успехов в воспитании

советской молодежи в духе патриотизма, высокой морали и на традициях любви и родной земле.

О «НЕРАЗУМНЫХ ХАЗАРАХ» И «ПЛЮРАЛИСТАХ»

Как ныне сбирается вещий Олег
Отмстить неразумным хазарам...

А. С. Пушкин

Рассказывая о борьбе Киевской Руси со злейшим врагом — Хазарским каганатом, литературовед В. В. Кожинов в статье «Творчество Илариона и историческая реальность его эпохи» («Вопросы литературы», 1988, № 12) отметил, что «хазарское иго было, без сомнения, гораздо более опасным для Руси, чем татаро-монгольское».

Это справедливое высказывание вызвало крайне болезненную реакцию у «плюралистов» из журнала «Огонек». Там с нескрываемым раздражением стали утверждать, что «теория В. Кожинова оказалась неверной», и стращать читателей тем, что подобная формулировка используется «в лексиконе активистов общества «Память» *.

Чем же вызвана столь трогательная забота «Огонька» о давно исчезнувшем Хазарском каганате?

Ларчик открывается просто: тюрки по происхождению, хазары исповедовали иудаизм, в который их обратили еврейские миссионеры еще в VIII веке. Как отмечал крупнейший специалист по «еврейскому вопросу» Дуглас Рид, «13 столетий тому назад правящей (еврейскими общинами. — С.Н.) сектой было разрешено это... массовое обращение многочисленных «язычников» в талмудический иудаизм», и в результате «хазары остались в политическом подчинении у талмудистского правительства, а их борьба с Россией шла под знаком талмудистского, антихристианского «закона» (см.: Рид Д. Спор о Сионе. Иоганнесбург, 1986, с. 91—92). По мнению ряда исследователей, «неразумные хазары» и стали прародителями современного восточноевропейского еврейства, т. н. «ашкенази» (см., например, Freedman B. H. The truth about Khasars. Los Angeles, 1954). Сам термин «ашкенази» впервые встречается в сохранившейся переписке между кордовским евреем Хасдаи ибн-Шапнетом и хазарским царем Иосифом, датируемой около 960 года.

Этой же проблеме была посвящена и статья израильского журналиста Р. Давида «Вещий Олег» и евреи», опубликованная в московском «Вестнике еврейской советской культуры» (1989, № 13).

Автор, используя труды еврейских исследователей Б. Эврона, А. Поллака и А. Кестлера, стремится показать, что «шел этногенез восточноевропейского еврейства». Он пишет, «что «настоящие» евреи — потомки выходцев из Палестины, исчезли довольно давно», а «их место заняли народы, принявшие иудаизм». Особое место в статье уделяется хазарам, так как «современные восточноевропейские евреи, то есть почти все евреи мира, — их потомки». В подтверждение этого Р. Давид привлекает данные

* «Огонек», 1989, № 41.

антропологии: «Артур Кестлер утверждает, что «типично еврейские лица» больше похожи на лица выходцев из степей и Закавказья, чем на лица настоящих семитов-бедуинов», что подтверждается «анализом форм черепов». На это же обращает внимание и Д. Рид: «...В наше время среди евреев все сильнее преобладает тюркский тип...» Другие авторы также отмечают, что большинство иудеев Европы были представителями тюркских, угорских и балканских племен, обращенными в иудаизм (см. Francos A. Les Palestiniens. Paris, 1968, p. 29—30).

И Р. Давид предлагает «следующую трактовку истории. Наши предки, кочевые племена Поля, были оттеснены или продвинулись на Запад, где на них культурно повлияли их единоверцы из Германии», от которых они «приняли культуру и язык». Как указывает Д. Рид, «эти тюркско-монгольские «ашкенази» не имели, таким образом, кроме веры, абсолютно ничего общего с евреями, известными до тех пор западному миру, — сефардами».

Р. Давид продолжает: «Когда исчезли практически все прочие евреи, наступил час восточноевропейского еврейства», и «мы, евреи Восточной Европы, действительно потомки хазар...» Говоря о столкновениях Руси и Хазарского каганата, он констатирует: «Ну, было дело, расчихвостил Олег хазар. Но бывало и наоборот, да и хазары немало кого чихвостили, и даже Грузию разорили, и породили немало народов, в частности, крымских татар, караимов и «марнупольских греков», вроде Гавриила Попова...»

Заслуживает интереса и объяснение Р. Давидом пресловутого «антисемитизма»: «Волна антисемитизма конца прошлого и начала этого века была в некотором смысле реакцией на демографический еврейский взрыв, на «еврейское нашествие». Дело в том, что «в XIX веке еврейское население Восточной Европы выросло восьмикратно, и возник эффект «парового котла». И подобно своим кочевым предкам, евреи «кинулись сразу во все стороны — в Германию за знанием, в Америку за богатством, в Россию за властью — и в «Палестину». Понятно, что коренное население этих стран вынуждено было противодействовать такому «нашествию»... И «антисемитизму» «наступает конец, когда устанавливается новый баланс, нарушенный ранее «еврейским нашествием». «Никакого «извечного антисемитизма» не существует, так же, как не существует «еврейского народа с трехтысячелетней историей».

Следует отметить, что ортодоксальные сионисты реагируют на упоминание о «неразумных хазарах» так же негативно, как и «Огонек». Впрочем, с «ортодоксами» все ясно: они опасаются, что может рухнуть миф о «богоизбранности», придется отказаться от притязаний на Палестину, да и абсурдность термина «антисемитизм» станет еще зримей...

Но чего так испугались доморощенные «прорабы перестройки», которые и через год после публикации статьи В. В. Кожинова никак не могут успокоиться? Или в бесславном конце господства хазарских каганов над славянами они усмотрели нечто пророческое?..

Сергей НАУМОВ,
историк
г. Магадан

НЕ «НАША ГАЗЕТА»

(Обзор издания Союза трудящихся Кузбасса)

Восьмиполосная и двадцатипятикопеечная «Наша газета», возглавляемая безликим коллективом соредакторов, ничем особым не отличается от своих многочисленных «желтых» собратьев, продающихся сейчас чуть ли не на каждом углу вместе с изображениями голых девиц, женоподобных певцов и свирепых мастеров всевозможных разновидностей восточной драки. Так же, как и все подобные издания, она пестрит портретами Б. Ельцина, заголовками «О Гаврииле Попове, Анатолии Собчаке», то тут, то там мелькают на полосах «Мемориал», ДС, Народные фронты...

Похожие на известных коллег из «Огонька», «Московских новостей», «Советской культуры», «Известий», кузбасские газетчики не очень-то щепетильны в выборе средств для достижения известной им цели. Могут и оклеветать без зазрения совести того, кто впал в немилость. 3 июля нынешнего года, например, они заявили своим читателям, что начальник местного областного штаба гражданской обороны В. Борисов гребет деньги лопатой аж в трех кооперативах сразу. Много сил, времени и нервов потратил после такого «разоблачения» герой публикации, чтобы доказать свою невиновность и то, что автор «Нашей газеты» Н. Онищук, готовя критический материал, не имел никаких доказательств.

Не оригинально издание и в выборе тем. Призывы «торговать винно-водочными изделиями во всех магазинах от открытия до закрытия» («НГ» от 3 июля 1990 г.) перемежаются предложениями лишить партию КГБ («НГ» от 20 июля 1990 г.) и выпадами в адрес Е. Лигачева, Н. Андреевой, патриотов «Памяти».

Особое место, как это характерно для таких изданий, отводится здесь И. Сталину. Скольких собак навесили уже прорабы перестройки от журналистики на давно погибшего генералиссимуса и все не унимаются. Вот и «Наша газета» тявкает на мертвого и нестрашного теперь «вождя всех времен и народов». В номере за 19 июля публикует статью осмелевшего В. Алексеева из Новокузнецка «Мы не рабы (из букваря сталинской эпохи)» и тут же для плюрализма печатает корреспонденцию М. Кузнецова «Мои аргументы в защиту Сталина» под броской рубрикой «Осторожно, фашизм». В следующем номере от 26 июля на первой полосе опять-таки красуется образчик перестроечного творчества под характерным заголовком «Делегат съезда РКП: Хайль Сталин!».

Впрочем, этой публикацией кузбасские газетчики убивают сразу двух зайцев. Кроме нападок на ушедшего в мир иной почти сорок лет назад Сталина, бросают камень в огород еще одних своих недругов — коммунистов.

Ругать партию нынче никому не возбраняется, и хают ее все, кому не лень, — как с больших, так и с малых трибун, так что чего же теряться? Стараются не сойти с заданного курса и редакторы «Нашей газеты». Редкий номер не украшен в ней снимком человека с плакатом. Фотокоры издания не мудрствуют над их композицией. Разные люди держат на снимках древки с однотипными воззваниями. Такими, как «КПСС + «Память» = фашизм», «Заклеймим рабочим матом их партийный ультиматум» («НГ» от 31 июля 1990 г.) или «Наша цепь — коммунизм» («НГ» от 24 июля 1990 г.). Не отстают от фотографов и пишущие сотрудники. Чего стоит, например, состряпанная ими информация в номере от 19 июля. Рассчитанная на примитивного читателя, она сообщает, что, «по **непроверенным** (подчеркнуто мной. — А. М.) данным, за пять месяцев в области из Компартии вышло без малого 11 тысяч человек (за весь прошлый год — 9 тысяч человек). Выход из этой партии от месяца к месяцу растет в геометрической прогрессии». При таком положении дел впору «караул» кричать коммунистам. Но они почему-то не кричат. Может быть, потому, что в обкоме не располагают данными, которыми оперируют газетчики?

Подобные примеры можно множить и множить. Однако суть разножанровых высказываний будет сводиться к одному. Сталин и огульно вся партия виновны во всех наших прошлых и нынешних бедах. И только разделавшись с покойным и пока еще здравствующими коммунистами, мы заживем как следует. Иного выхода из кризиса, в котором находится страна, местные газетчики искать не желают. Да и не могут: он не предусмотрен сценарием, разработанным для антинародной прессы.

Реальность же такова: из партии в первую очередь организованными дружными рядами вышли все или многие действительные виновники и рассадники того, хорошо нам знакомого, экономического и идеологического диктата. Теперь они направляют гнев народа, ими же спровоцированный, на простых коммунистов-трудяг, коих сами же жестоко обманывали. Таков немудреный и гнусный в своей примитивности сценарий гражданской войны, раздуваемой моральными плюралистами.

Жизнь трудящихся Кузбасса тоже далеко не сахар. Мало что изменилось здесь с той памятной для всех прошлогодней забастовки. Многие горняки по-прежнему ютятся с семьями в балках и бараках. Беспокоит жителей все тот же скудный выбор продуктов и промышленных товаров в местных магазинах, экологическая обстановка в регионе. Известно, что на советских шахтах гибнет рабочих почти столько же, сколько гибло наших людей в Афганистане. Кузбасс в мрачной статистике не на последнем месте. И это также тема для далеко идущих размышлений и выводов.

Однако подобные беды, как мы уже говорили, не удостоены вниманием работников названного издания. Любой шаг вправо с тропы войны со Сталиным и Коммунистической партией расценивается здесь как черносотенство, шовинизм, антисемитизм, фашизм. Так что бесполезно искать в «Нашей газете» правдивые материалы о конкретных виновниках многих несчастий, постигших некогда могучую державу, не найти здесь и ответа на вопросы, почему столько лет держат у нас «в черном теле» трудящихся, кому и сколь выгодно нещадно эксплуатировать российских рабочих?

Увлекшись критикой Сталина и партии, «а-ля «Огонек» порой занимает позицию, прямо противоположную той, которую занимают шахтеры Кузбасса. Яркий пример тому публикация «Цена популистского решения» («НГ» от 19 июля 1990 г.). Сторонники светлого, но не коммунистического будущего накинулись в ней с помощью автора, директора Кемеровского комбината шелковых тканей О. Вайнера, на председателя местного областного Совета народных депутатов А. Г. Тулеева. Разделали

его «под орех» во всеуслышание за то, что тот «провел через Совет решение об уменьшении рабочей недели и рабочего месяца для женщин, имеющих детей». Аргументы, которыми уложили на лопатки защитника интересов слабого пола, словно бы взяты из арсенала самого закоренелого аппаратчика. И закон-то тем самым А. Тулеев нарушил, и «подорвал благосостояние полутора миллионов человек, работающих на заводах страны и потребляющих нашу продукцию», и вообще, все это он сделал, «набирая очки популярности».

Подобная публикация показывает, как сдают порой нервы у соредакторов, которым бы хотелось оторвать рабочее движение от партии и Советов.

Неужели сложно разобраться, о чьем благе пекутся представители желтой прессы? Думая, как ответить на поставленный вопрос и не сбрасывая при этом со счетов то, что с помощью критики Сталина и партии списываются грехи со всех иных прежних, да и нынешних, руководителей государства, вспомним карикатуры упитанных буржуев в котелках, стихи Демьяна Бедного — «мужика бедного», произведения классиков, повествующих о бесправии и темноте простых людей, живших при царе. Ведь не секрет, что «перекрасившиеся» под большевиков сын миллионера Лев Бронштейн (Троцкий) или сын нижегородского ювелира Яков Свердлов со товарищи были отнюдь не бедняки. Клеймя на словах буржуев, они в свое время сделали немало для того, чтобы пролилась кровь именно рабочих и крестьян. Но что получили в результате этого сами проповедники «свободы, равенства, братства»? Натравив одну часть населения России на другую, бронштейны и свердловы не только захватили власть в России для себя, но и для своих ближних.

История повторяется. Только вместо царя и буржуев новоявленные классики нововявленного демократизма создают новых «врагов народа» в лице сталинистов и коммунистов. Если это так, то, разделавшись с ними, а заодно и с теми, на кого своевременно наклеют новый ярлык, с помощью одураченного народа нынешнее поколение «перестройщиков, перекрашенных уже под демократов, вновь освобождает место «под солнцем» для себя и своих сторонников. Не их ли имеет в виду «Наша газета», публикуя 19 июля 1990 года письмо Кемеровской организации Совета трудящихся Кузбасса и Кемеровского дискуссионного клуба «Рабочий», в котором говорится: «Добьемся формирования коалиционного правительства национального доверия с участием компетентных, прогрессивно мыслящих специалистов...» Очень похоже, что именно их. Иначе советским людям была бы предоставлена возможность выбирать будущих руководителей из числа тех, кто живет и работает рядом с рабочими, кого они знают по делам, а не по листовкам и публикациям «а-ля «Огоньков», в которых рвущиеся к власти и народному богатству дельцы вновь обещают трудящимся с три короба, только бы те помогли им освободить «свято место» от коммунистов.

То, что буржуй буржую рознь, так же как коммунист коммунисту, не ахти какое открытие. Тем не менее приходится говорить, что буржуазным поэтом называли, например, Есенина, как буржуя расстреляли врача Боткина, а партийные билеты коммунистов имели такие известные люди, как маршал Жуков и первый в мире космонавт Гагарин. Их роднит в первую очередь

то, что все они были людьми, нужными обществу. Созидателями в отличие от захребетников, которые есть среди всех сословий, классов и партий, кто объединен жаждой наживы в одну касту, клан, банду, как ни назови этих представителей тайного паразитического государства в государстве. Интересы этих-то темных сил, выходит, и защищают соредакторы «Нашей газеты». Издания, о котором и речи бы не стоило заводить, если б оно не представляло Союз трудящихся Кузбасса.

Александр МАЛЫШЕВ

РАСПЛАТА ЗА ВСЕМИРНУЮ ОТЗЫВЧИВОСТЬ

«Некоренные — вон!» — кричат с запада и с востока Союза наших республик.

И вот уже тысячи русских беженцев печально ожидают в родной России своей будущей участи — без крыши, без одежды, без хлеба. И пока что не правительство, а милосердие Отечества спасает сирых и обездоленных.

Как страшно сознавать, что и тебя может ожидать подобная участь. Но сознавать приходится. В Молдавии, Эстонии, Латвии, Литве, где уже действуют законы, по которым, если ты русский — лучше забудь это, похорони, обучись литовскому и в лучшем случае помалкивай.

Почему? Да как же ты, лапоть, не поймешь! Некоренной ты! Не-ко-рен-ной!

Некоренной? Тогда позвольте...

Исследованиями ученых и, в частности, кандидатом философских наук Я. Тихоновичем в последнее время утвердилась гипотеза о том, что создателями и «хозяевами» Великого Княжества Литовского были славяне или славянизированные угро-финны.

Особая историческая роль принадлежит здесь древним белорусам, которые изначально называли себя гудами (гудзинами), потом кривичами и литовцами и только с XIX века — белорусами.

Филолог и историк из Минска профессор Микола Ермалович установил, что племя под названием «литва» проживало некогда не на территории сегодняшней Литвы, а в верховьях Немана, в окружении славянских племен, кривичей и прибывших из Мазовии лехитских радимичей. После многолетних исследований он пришел к выводу, что племя это не принадлежало к балтийским. Во всяком случае, и само название «Литва», и имена первых «литовских» князей ничего не означают, если их интерпретировать как балтийские; и, наоборот, приобретают смысл и содержание, если их переводить на угро-финские (то есть относящиеся к той же группе, что и финский, эстонский, венгерский, коми, пермяцкий, мордовский языки). Тогда становится ясно, что элемент «-ва» означает реку, воду, элемент жизни или же род, племя. К ряду таких этнонимов и относятся названия Морд-ва, Моск-ва, Лит-ва.

Белорусский лингвист Иван Ласков пришел к выводу, что «язык Литвы (как племени в исконном значении этого термина) относился к той же подгруппе, что и коми-пермяцкий». В обширном очерке под названием «Племя пяти родов», опубликованном

в еженедельнике «Литература и мастацтва» (№ 33, 1989), И. Ласков интерпретирует само название «Литва» именно как «племя пяти родов», которое принадлежало не к балтийской, а к угро-финской группе, представляло собой как бы «осколок» древнейшего в этой части Европы угро-финского населения, живущего здесь со II тысячелетия до н. э., которое в более позднее время стихийно славянизировалось.

Государственным языком в Великом Княжестве был древнебелорусский, а балто-литовский даже не имел письменности вплоть до XVI столетия.

Земли балтов входили в состав Великого Княжества на правах колониальных окраин, которые, можно сказать, не имели права голоса. Своей судьбы аукштайтицы и жемайтицы не принимали безропотно. Великие князья вынуждены были бороться с аукштайтийскими и жемайтийскими феодалами, душить народные восстания.

Если Литва и Жемайтия были разными этносами, тогда становится понятной неимоверная жестокость литовского князя Витовта, когда он вместе с немецкими агрессорами буквально залил кровью Жемайтию во время одного из походов в конце XVI столетия. К единоплеменникам этот политик вряд ли мог отнестись столь безжалостно, как это описано в тогдашних немецких, польских и русских летописях.

Что же, получается, что сегодняшние литовцы не имели в средние века своего государства? Нет, имели. В составе Речи Посполитой с 1411—1422 годов существовало на правах автономии национальное государство балто-литовцев: Княжество Жемайтийское (Жмудское, Самогитское; в составе России — Ковенская губерния), которое обладало широким самоуправлением и уже в XVI веке, проявляя необузданный этноцентризм и ксенофобию, ревниво оберегало свои границы от остальной, славянской, части Великого Княжества Литовского, в состав которой входили также Трокское и Виленское воеводства. В частности, жемайтийцы всегда сопротивлялись, если польские короли селили на их землях инородцев, о чем свидетельствуют многочисленные архивные данные, собранные в многотомных сборниках «Актов, издаваемых Виленской археографической комиссией» и «Актов, относящихся к истории Западной Руси». И. Ласков констатирует, что со славянами угро-финская Литва поддерживала более гармоничные отношения.

Литовско-угро-финские князья весьма быстро славянизировались в языковом отношении (сначала обелорусились, потом ополячились) и даже не пытались навязывать свой язык славянским подданным. Вероятно, однако, их двор, военные дружины, элита до XV столетия в значительной степени состояли из угро-финской Литвы, которая сохранила древние обычаи и языческую веру, о чем свидетельствуют их имена. Эти князья сосредоточили свое внимание прежде всего на династических, политических, а не на этнических целях; они склонны были к компромиссам (Мендог, Витовт, Ягелло и др.). По всей вероятности, крещеная угро-финская Литва и составила в более позднее время так называемых белорусов-католиков и поляков Великого Княжества, которых, впрочем, так и называли в течение XIV—XIX веков — литвины.

Белорусский писатель Сократ Янович (в книге «Беларусь»), украинский профессор А. П. Непокупный (в книге «Балтийськи родичи славян») и многие другие знатоки истории утверждают, что древнебелорусский язык с XV до первой половины XIX века официально считали «литовским», а тот, который сегодня называют «литовским», называли раньше жемайтийским, самогитским и только изредка также литовским.

Марк Кари, современный польский историк, пишет: «Определение «литвин» когда-то не обладало этническим содержанием. Мы называли так всех граждан ВКЛ, независимо от языка, каким они пользовались» (журнал «Знак», № 6, 1989, с. 31). В этом — и только в этом — смысле «литвинами» можно называть (и они себя иногда так называли) польских писателей Ю. И. Крашевского, Л. Кондратовича, А. Мицкевича, белорусов Я. Коласа и Я. Купалу, украинца Т. Шевченко. И только недоучки (иногда с профессорскими титулами) могут говорить о, скажем, Мицкевиче как о Мицкявичюсе, а Т. Костюшко называть «Кастюшка»... Что касается А. Мицкевича, то он вообще считал Литву и Жемайтию провинциями Польши, а исторических литовцев — частью польской нации, отказывая литовцам-жемайтийцам даже в праве на самостоятельное, независимое от поляков, существование.

Профессор Вацлав Пануцевич, выпускник предвоенного Виленского университета, редактор издаваемого в Чикаго научного белорусского журнала «Литва», пишет: «Понятие «Литва» стало не только названием государства на белорусских землях, но и национально-этническим названием. И хотя Киевская Русь, Галицкая Русь и Жемайтия — современная Летува относились к Великому Княжеству Литовскому, тем не менее жители этих земель себя литовцами не называли. Наоборот, именно они называли всех белорусов, как и их землю, литовцами и Литвой. Так же употреблялись эти названия и другими соседями — поляками, россиянами, финнами и т. д.».

«Мы не будем подвергать оценке гипотезу ученых о том, что Великое Княжество Литовское было исконно славянским государством. Думается, она, как и все другие концепции, имеет право на существование и проливает свет на наше общее прошлое. Гипотеза эта, как было сказано, не нова и подтверждает известную истину: новое — это основательно забытое старое», — заканчивает свое исследование по данной проблеме Я. Тихонович.

К сказанному можно добавить и тот, к примеру, факт, что нынешний Тарту был основан в 1030 году как русский город Юрьев. В 1558 году в Таллинне была построена вторая православная церковь, поскольку одной стало мало. В более ранние времена в походе на Царьград среди прочих воинов упоминаются и чудские...

Одним словом, из фактов, приведенных учеными, как советскими, так и зарубежными, непреложно проистекает одно: так называемое сегодня некоренное население Прибалтийских республик может претендовать на свои исторически сложившиеся гражданские права, а в случае отделения республик от Союза ССР — и на создание собственных автономий. Но об этом ниже.

Мы привели довольно подробно историографию Прибалтийских земель не из желания как-то особо выделить именно славян в

древней угро-финской группе Европы. Идея была слепых сделать зрячими, показав им, что тысячелетиями население Прибалтики — русские, поляки, белорусы, евреи, латыши, эстонцы, литовцы — жили в добрососедстве и составляли единую этническую группу. И кто может сегодня точно ответить: не течет ли кровь латыша в русском, а русского — в эстонце, поляке или литовце?

Что же привело нас к расколу, шовинизму, сепаратизму, особенно активному в Литве?

Сценарий последних событий в Прибалтике высветил все основные причины бед и несчастий русскоязычного населения этого края, почему-то очень бедно освещенных органами центральной печати и особенно средствами массовой информации.

Как же создавалась балтийская драма времен перестройки? С момента ее начала в стране прошло более пяти лет. Но вот на берегах прохладного моря с июня 1988 года образовываются Народный фронт Эстонии, такой же в Латвии и литовское движение за перестройку «Саюдис», что в переводе означает — сход, община. Движение на первый взгляд вполне прогрессивное. Активисты «Саюдиса» на всех заборах вывесили крикливые лозунги обновления и демократических преобразований. Поднятые руки, транспаранты, жаркие речи, горящие глаза... Сей спектакль продолжался до августа 1988 года, а именно — до того самого момента, когда республику посетил член политбюро ЦК КПСС А. Н. Яковлев. И вдруг «Саюдис» словно подменили. Началась смена декораций. Те же митинги, жаркие глаза, транспаранты, но вот лозунги уже другие. О полной независимости республики, о том, что русские должны понять, что они — гости, Советская Армия — оккупанты, социализм, перестройка — блеф и яма.

Вакханалия же антисоветизма разыгралась 22—23 октября 1988 года на Учредительном съезде «Саюдиса», на котором присутствовал будущий первый секретарь ЦК КПЛ Бразаускас, солидарный с бушующей толпой. Тут уже русские были «хамами», «оккупантами», «плебеями», «подонками», «мигрантами», «дебилами» и т. д. и т. д.

Летом того же 1988 года было принято даже специальное положение о мигрантах, которое обязывало русских, белорусов, поляков внести денежный взнос в местный муниципалитет, если кто-либо пожелает приехать в Литву на постоянное место жительства. В Вильнюсе — 21 тысяча рублей, в других городах сумма колеблется от 18 до 20 тысяч в зависимости от значимости города. Теперь это уже стало законом.

Далее, после съезда «Саюдиса» была объявлена поправка к Конституции о признании литовского языка общереспубликанским. Русский язык не упоминался вообще. 25 января принимается Указ, по которому русский язык больше не считается межнациональным.

В это время вводится положение о том, что в течение двух лет все, проживающие в республике, обязаны изучить литовский, так как обучение в высших учебных заведениях будет вестись только на республиканском языке. Русские же группы в учебных заведениях по истечении «Великого перелома» будут закрыты полностью. Хотя закрытие русских и польских групп в вузах является прямым нарушением конституционных прав, ибо только в Вильнюсе 80 процентов рабочего населения, вырабатывающего национальный продукт, — не литовскоязычное. Оно строило эти заводы после войны и сегодня в поте лица трудится на них. Да и весь Вильнюсский район — это в основном поляки, русские, белорусы, с которых берется подоходный налог, включающий обеспечение высшего образования. Вот и выходит, что по принятому в январе Указу высшее образование для не литовскоязычного населения практически сводится к дискриминационному минимуму.

Разумеется, подобный произвол не мог оставить людей покорно-равнодушными, и 12 февраля 1989 года прошел более чем стотысячный митинг с объявлением часовой забастовки. Примечательно, что забастовщики выступали не против литовского языка, а лишь за предоставление прав русскоязычному населению в республике.

Кому же это понадобилось превратить славян-литовцев во враждующую друг с другом массу? Ведь совсем недавно мы все были друзьями...

Владислав СОСНОВСКИЙ

ЛИХОЕ ЗАСТОЛЬЕ

Как раз в день выборов народных депутатов местных Советов, 4 марта 1990 года, когда совершалось таинство перехода к народовластию, подобно солнцевороту в природе, в газете «Правда» была опубликована беседа С. Капустина с первым заместителем председателя исполкома Моссовета, председателем Мосагропрома Ю. Лужковым * под названием «Кружка пива». Видимо, желая порадовать московских избирателей в этот исторический солнечный день, Ю. Лужков развернул перед задающим «острые» вопросы С. Капустиным впечатляющую картину решительного улучшения снабжения москвичей пивом. Так что со временем «любителю пива можно будет, подождав выходного, без спешки отойти от стойки с полной кружкой в руках и, макая усы в обильную пену, сделать первый длинный глоток, а потом не спеша выпить до конца холодный бодрящий напиток». Читатель! Обрати внимание, стиль-то каков! Куда там Гоголю с его знаменитой птицей-тройкой!

Здесь, правда, уместно вспомнить, что пиво-напиток отнюдь не безобидный, вроде сельтерской, — наносит ущерб физическому и нравственному здоровью любого человека, будь он плюралистом или консерватором; ведет прямой дорогой к «пивному алкоголизму». К тому же еще никто пока не отменял постановления партии и правительства 1985 года о мерах по преодолению пьянства и алкоголизма, в том числе пивного. Пожалуй, никакие другие решения партии и правительства сегодня не подвергаются столь откровенному шельмованию, дискредитации и подрыву, как антиалкогольные. Ответственные лица пять лет назад засуетились, сделали вид, что теперь-то зеленому змию не поздоровится, но суета была бесплодной. «Свободные» советские средства массовой информации, самые демократичные в мире и его окрест-

* На первой сессии нового созыва Ю. Лужков избран председателем исполкома Моссовета.

ностях, безостановочно лгут, уверяя, например, что прекращение спаивания народа якобы ведет к истощению государственного бюджета. Но разве это правда? Это даже не полуправда, а полная неправда! Ведь алкогольный рубль, заполученный в бюджет, планирует убытки от снижения производительности труда и качества продукции, рост преступности, травматизма и преждевременную смерть десятков тысяч людей, несет горе в семьи, заставляя «потребителя» работать практически бесплатно, за «спиртовую натуру». Экономисты пытаются сдержать инфляционные процессы, их головокружительное нарастание за счет народного здоровья, за счет алкогольного ограбления *.

На одном из традиционных митингов у телебашни в Останкине в самый неподходящий момент, кажется во время взволнованного выступления одной из женщин-беженок, я вдруг услышал за своей спиной возглас: «Дайте пива рабочим!» Оборачиваюсь и вижу интеллигентного вида мужчину, явно непьющего, который старался втянуть голову в плечи и спрятаться за моей спиной. Стоило ли обращать внимание на рядовую, мелкую провокацию, коим несть числа! Иное дело статья «Кружка пива» в центральной газете, выходящей огромным тиражом, которая крикнула на всю страну: «Дайте рабочим пива!»

По мнению Юрия Михайловича Лужкова, чтобы осчастливить москвичей, любящих пиво, нужно за 10 лет «увеличить мощность ныне действующих заводов (в Москве) по производству пива в целом почти в два раза... и довести общий объем («кружки пива») к 1 января 2001 года до 700 миллионов литров». «Не многовато ли, Юрий Михайлович?» — вопрошает интервьюер. «Нет, — отвечает Лужков, — по экспертной оценке... в Москве может быть свободно реализовано до 80 литров пива на одного человека в год..., то есть почти столько, сколько мы собираемся производить через десять лет». Конечно, «задача отнюдь не простая», но верится, что Лужкову со товарищи она вполне по плечу.

Я спросил как-то знакомого пивовара, реальны ли эти планы исполкома Моссовета, и он в ответ «пошутил»: «Да ведь у нас, сами знаете, что во вред народу, делается быстро и хорошо».

Нарастить вдвое за 10 лет производство пива в Москве почему-то куда как легче и проще, чем, скажем, обеспечить москвичей в постоянном достатке стиральными порошками и мылом, зубной пастой и лезвиями. Может быть, потому, что еженедельная постирушка усов в пивной пене приведет, естественно, к существенной экономии моющих средств?

Чтобы не быть голословным, «добрейший» Юрий Михайлович смело приоткрыл секреты комплексной программы решения этой проблемы. «Для ее выполнения мы наметили ряд конкретных мероприятий, направленных на пропорциональное развитие промышленности, торговли и транспорта». Предприятия, конечно, придется реконструировать и технически перевооружить. Кроме того, будет построен новый пивоваренный завод мощностью 200 миллионов литров пива в год. Сюда надо добавить до 50 «пивоварен-ресторанов, каждая со своим неповторимым пивом». Программа предусматривает, что «Продажа бутылочного и баночного пива будет вестись в общих залах всех продовольственных магазинов, в том числе универсамов в течение всего рабочего дня. Бестарное пиво, доставляемое в железных бочатах, в которых его практически невозможно разбавить водой, будет продаваться через автоматы по разливу «премикс» в ресторанах всех разрядов, кафе, столовых...» Юрий Михайлович выразил надежду, что «все эти меры позволят поднять культуру потребления пива в столице». И, как говорится, пить его в столице можно будет «от пуза», то есть сколько хочешь.

Во что же обойдется москвичам «кружка пива» для еженедельной постирушки усов в 2001 году? Содержание спирта в пиве колеблется в зависимости от сорта от 2—3 до 7—8 объемных процентов. Вряд ли мы сильно ошибемся, если условно примем, что в среднем в пиве содержится пять процентов спирта. Юрий Михайлович мог бы сообщить нам точные цифры: уж он-то знает, сколько и какого пива выпьют москвичи и гости столицы в первом году третьего тысячелетия нашей социалистической эры. Но вряд ли он пойдет нам навстречу: на войне как на войне... Как бы то ни было, а 30—40 миллионов литров спирта москвичи (и гости столицы) примут в том, теперь уже недалеком году, как говорится, персонально. Или 4 литра в год на каждую московскую и приезжую персону в дополнение к водке, коньякам, шампанскому и т. д. Весомый довесочек! Ну и что? А дальше вот что: в 1989 году советский народ справится округленно с 1,6 миллиарда литров водки, содержащих 640 миллионов литров чистого спирта, а вместе с коньяками, винами и пивом — никак не меньше одного миллиарда литров спирта. К этому надо бы добавить то количество спирта, которое народ вырабатывает сам, на дому, кустарным способом, но мы этого делать не будем, как и в отношении московского пива, выработки 2001 года. И если в 1989 году от этого лихого, кем-то инспирированного всенародного застолья отправились к праотцам более миллиона человек, а трудно оценимое количество народа частично подготовилось к переселению в мир иной в ближайшие годы, то от 35 миллионов литров пивного спирта в Москве в 2001 году умрет круглым счетом 35 тысяч человек?

Дело-то получается мерзопакостное! Как должен поступить Юрий Михайлович в этой щекотливой ситуации? Правильно, искать союзников. И он их в самом деле ищет: «И что немаловажно, — говорит он С. Капустину, — часть прибыли, вырученной в пивоварнях, будет идти на нужды района». Теперь ясно, что районные Советы города Москвы не дадут Юрия Михайловича в обиду!

Ну, а сам-то Юрий Михайлович пьет пиво? «Рискует своей собственной жизнью и разумом?» — поинтересовался нескромно С. Капустин. И услышал в ответ: «Нет, я провожу 20-летний эксперимент над собой по полному отказу от употребления всего, что содержит алкоголь». Слава тебе Господи! Не погибнет бесславно от алкоголя наш дорогой Юрий Михайлович. Ведь если не он, то кто же поможет народу? Других он все обильнее будет потчевать самым опасным легальным наркотическим ядом, а сам — как бы в противогазе. Ну, не разумно ли это?!

Читатель может недоумевать, чего это Юрий Михайлович разоткровенничался о «самых насущных» нуждах москвичей (и гостей

* Максимальный оборот алкогольной торговли в 1984 году в 50 миллиардов рублей принес не прибыль, а убытки на гигантскую сумму в 150—250 миллиардов рублей. Эту сумму легко подсчитать, узнав из «Правды» за 6 февраля 1986 года, что каждый вырученный за счет алкогольной торговли рубль приносит в конечном счете убытков на 3—5 рублей.

стелицы) на страницах всесоюзной партийной газеты? Писал бы себе в какой-никакой местной, московской газете! Но и на этот вопрос в статье есть исчерпывающий ответ. Он называется: «Вместо послесловия», и в нем говорится следующее: «Все это, конечно, хорошо, скажут читатели «Правды» из Урюпинска или Читы. Но что остается делать нам? Не ездить ведь в Москву за пивом! Нет, этого делать не надо. Главное — захотеть, и местным властям в том числе».

С. ЖДАНОВ,
профессор
Москва

ОТВЕТ ИСКАЗИТЕЛЮ

С величайшей досадой прочла я публикацию в «Огоньке»* о моем покойном муже Анатолии Передрееве. Совсем небольшая, она подготовлена настолько небрежно и предвзято, что просто диву даешься. Вот почему я и пишу в редакцию и настоятельно прошу опубликовать это мое письмо.

Стихотворение Анатолия Передреева «Окраина» напечатано с большими искажениями. Ошибка допущена в первой же строке. Вместо «Околица родная, что случилось» стоит «Окраина родная, что случилось», и это лишило строку благозвучия, нарушило звуковую связь слова «околица» со словом «случилось», а следовательно, и музыкальность строки, ее эмоциональную окраску. В результате — во многом снижено впечатление от стихотворения, его, так сказать, поэтическое качество.

Не знаю, получилось ли это все случайно или сделано преднамеренно — для иллюстрации якобы «не воплотившихся полностью» поэтических способностей Анатолии Передреева?..

Теперь о тех нескольких строках, которыми Е. Евтушенко сопровождает публикацию. В них есть лишь намек на правду и, в частности, в словах о том, что «личная судьба Передреева выражена в стихотворении «Окраина». Да, выражена, но лишь в какой-то мере. В целом же стихотворение совсем о другом, и очень странно, что составитель антологии не понял всей его многогранности. Но главное, пожалуй, в том, что мысль об этом, то есть личностном мотиве в «Окраине» не принадлежит Е. Евтушенко, ее выразил еще 20 лет назад критик В. Кожинов в одной из своих статей в «Литературной газете», а теперь повторил в предисловии к книге «Любовь на окраине».

Вот его слова:

«Вчитайтесь внимательно — и в первой же строфе вас кольнет ощущение, что речь не только об окраине. Это стихи и о самом поэте, о его судьбе, очутившейся на грани, на пороге, который невозможно не переступать и невозможно не переступить».

Непосредственно к судьбе поэта В. Кожинов относит лишь строфу:

Как будто бы под сенью этих вишен,
Под каждым этим низким потолком
Ты собиралась только выжить, выжить,
А жить потом ты думала, потом.

Далее он пишет:

«Стихи подлинны потому, что в них вошло, перелилось, обрело свое стихотворное бытие жизненное поведение поэта, его судьба, он сам, размышляющий на этой грани между городом и селом».

Воспользовавшись чужой мыслью, Е. Евтушенко запросто трансформировал ее в нужном для себя направлении, сказав без всяких обиняков: «Думаю, что личная судьба Передреева выражена в его стихотворении «Окраина». (Будто у Передреева могла быть еще и «неличная» судьба.) И все! То есть понимай, читатель, так: «И города из вас не получилось. И навсегда утрачено село». Но, думая принизить своими словами об «Окраине» Анатолия Передреева, составитель антологии расписался перед многочисленной аудиторией «Огонька» в собственном непонимании стихотворения.

Предвзятость, стремление унизить, уничтожить уже покойного А. Передреева, как можно сильнее ужалить его так и рвется наружу из тех строк, которыми Е. Евтушенко сопровождает публикацию. Он не останавливается даже перед открытой неправдой. Так он пишет: «В юности Передреев, сам еще не сформировавшийся поэт, выступил с грубовато-заносчивыми нападками на Пастернака в журнале «Октябрь»», да еще приклеивает оскорбительный ярлык — геростратизм! Однако статья А. Передреева «Читая русских поэтов», в которой шла речь и о ранней поэзии Б. Пастернака, была опубликована в 1968 году. А это значит, что ее автору было уже 34 года. Ничего себе юность! Нелепо утверждать и то, что в этом возрасте Анатолий Передреев, проживший уже большую часть своей короткой жизни, был «еще не сформировавшимся поэтом». Ведь если бы составитель антологии взял на себя совсем небольшой труд — перелистать все ту же «Любовь на окраине», то легко бы убедился: прежде чем взяться за статью «Читая русских поэтов», Передреев создал уже более ¾ публикуемых в этой книге стихотворений! Составитель антологии мог бы знать о том, что даже самые первые поэтические сборники Передреева заслужили исключительно лестные отзывы критиков (например, Ал. Михайлова, В. Перцова, Л. Аннинского). О поэтическом таланте А. Передреева лестно отзывался не только Б. Слуцкий, но и такие корифеи поэзии, как Н. Асеев, А. Твардовский, Я. Смеляков. Будучи еще студентом Литинститута, А. Передреев по предложению Б. Л. Сучкова стал вести отдел поэзии в таком солидном журнале, как «Знамя». Короче, Анатолий Передреев имел уже достаточно широкое признание и в какой бы то ни было искусственной славе совершенно не нуждался. Тем более в славе Герострата!

В статье «Читая русских поэтов» А. Передреев поделился своими раздумьями о творчестве нескольких русских поэтов (что и видно из названия, нарочито не указанного в журнале «Огонек»), в том числе и о ранних стихах Б. Пастернака (ссылаясь и на его собственное мнение). Эта статья печаталась в 1968 году, то есть спустя 10 лет после той скандальной истории, которая сопровождала публикацию «Доктора Живаго» за рубежом. И в статье «Читая русских поэтов» нет и намека нападок на автора «Доктора Живаго», а тем более — грубовато-заносчивых выска-

* 1989, № 50.

ываний. Это, повторяю, всего лишь собственные раздумья А. Передреева о ранней поэзии Б. Пастернака. Со дня их появления в печати прошло 20 лет. За это время не последовало никаких аргументированных возражений, доказательств неправоты А. Передреева. Теперь, когда содержание статьи «Читая русских поэтов» многими забыто, а некоторые читатели «Огонька» с нею вообще не знакомы, составитель антологии толкует ее по своему, мягко говоря, недоброму разумению, пытаясь как можно сильнее очернить покойного поэта.

Но если А. Передреев так уж плох, снискал лавры Герострата, не проявил своих поэтических способностей, как это утверждает Е. Евтушенко, то зачем, спрашивается, говорить о нем в антологии?! Ведь антология — не обзор поэзии, она не несет лишь информативные функции. Вот и в словаре сказано: «Антология — греч., букв. — собрание цветов», то есть сборник лучших образцов поэзии. Дав такое громкое название рубрике в «Огоньке», Е. Евтушенко свел дело, по существу, лишь к информации, да и то субъективной.

Удивляют и следующие слова Е. Евтушенко: «От него отвернулись многие из тех, кто его поддерживал, широко раскрыли объятия те, кто прежде его даже не замечал». Интересно — кто эти «многие». И откуда они известны Е. Евтушенко? Разве он проводил анкетирование? Какой-либо опрос? К тому же он здесь явно противоречит сам себе: если поэтические способности А. Передреева не проявились полностью, то почему и за что его поддерживали эти самые «многие»?

Смею со всей ответственностью утверждать, что именно многие, поверившие в поэтический талант Анатолия Передреева еще тогда, когда он даже не печатался, остались верны ему до самой кончины, а теперь верны его памяти.

Удивляет и лексикон известного стихотворца, взявшего на себя труд составителя антологии.

Что значит «по современному литературному раскладу»? Какой-то картежный термин. Или: «...Слуцкий, который носился с этими, тогда еще молодыми поэтами...» (все-таки «поэтами»! Будь автор чуть последовательнее, логичнее, он сказал бы «молодыми людьми»). И далее: «Слуцкий был прав: у него были действительно недюжинные способности, к сожалению, на мой взгляд, не воплотившиеся полностью». Но ведь воплощаются, то есть приобретают плоть, обычно идеи, мысли, а не способности. Они есть или их нет — так же, как и талант, дарование.

Насколько и в чем, интересно, «воплотились полностью» способности самого Е. Евтушенко?.. Но об Анатолии Передрееве я могу сказать точно: он трудился на своем поприще с чистой совестью.

Шема ПЕРЕДРЕЕВА

РАСТЕТ ПОПУЛЯРНОСТЬ ЛЖИ

Здравствуй «Молодая гвардия», и вы, глубоко мной уважаемые сотрудники журнала! На вас надеются все те, кого не оглушила волна так называемой перестроечной гласности, кто сквозь вопли и визги о всем и ни о чем еще способен расслышать не самый громкий, но самый важный голос — голос нашей совести.

Что же дает мне важнейшее, как считают многие, завоевание перестройки — гласность, снабжать сомнительным ярлыком: «так называемая...»? Дело в том, что привычка к ярлыкам вот уже несколько лет буквально прививается нам средствами массовой информации, а что касается гласности, то слишком многие ее инструменты сегодня очень напоминают старую, заезженную пластинку. И скрипит на той пластинке игла, заедая на одних и тех же местах, спрыгивая с одной борозды на другую: СТАЛИН-СТАЛИН-СТАЛИН... РЫНОК-РЫНОК-РЫНОК... АППАРАТ-АППАРАТ-АППАРАТ... и под эти заклинания пляшут на экранах жрецы плюрализма и стращают и обещают и призывают: ТРЕБУЙТЕ-ТРЕБУЙТЕ-ТРЕБУЙТЕ!, и напрасно ждать у них объяснения о конкретных причинах и виновниках того, кто виноват, что созданное народом всеобщее богатство распускается по ветру. У них на все есть универсальный ответ: СИСТЕМА-СИСТЕМА-СИСТЕМА.

Критики существующей в нашей стране системы для удобства оболванивания публики и по своей традиции наклеивать ярлыки называют ее «командно-административной». Жаль, что мы, простые «смертные», не прочли и не услышали своевременного разъяснения легковесности такого определения от наших ведущих обществоведов, ибо привычка к ярлыкам весьма опасна при обращении к средствам массовой информации. Кроме того, эта привычка не дает массовому сознанию разобраться, особенно в атмосфере растущей нервозности, в том, что же такое реальный, имеющий у нас место строй, в чем его действительные как сильные, так и слабые стороны.

К примеру, такой, как мне кажется, существенный признак существующей общественно-экономической системы, как нормированный труд — основа стабильной цены труда в социалистическом производстве. Почему наши прорабы перестроечной экономики, призывающие к рынку, ничего не объяснят нашему народу, как отразится на состоянии народного хозяйства борьба рабочего класса за цену труда, отражающего его рыночную стоимость? А не худо бы учесть им в своих расчетах, что нормированный труд есть своего рода консенсус, достигнутый нелегкой ценой между рабочим классом и обществом, в том числе, между прочим, и за счет крестьянства.

Кстати, о крестьянстве: кто только не кричит сегодня о бедственном положении крестьянина и катастрофе села, в основном российского, но что-то не видно героев, взявшихся убедить наших российских депутатов провести такое, может быть, и не популярное, но, убежден, весьма эффективное средство помощи селу, как введение городского налога, большая часть которого пошла бы на нужды села. При этом житель райцентра платил бы треть от жителя столицы и трижды подумал бы, прежде чем в нее стремиться. Вот только популярность для наших депутатов сегодня важнее реальной заботы о тех, чьим трудом кормится страна.

По той же причине, не надеюсь уже получить ответ от наших выдающихся экономистов, когда и почему нарушилось согласие в нашем общественном производстве, отчего это низы не хотят работать по-прежнему, а верхи не могут по-прежнему управлять? Кто разваливает существующий еще народнохозяйственный комплекс? Впрочем, ответ наших прорабов известен: АППАРАТ.

Тут необходимо небольшое пояснение. Ибо не цель моя защитить конкретных представителей аппарата и их доятельность. Для всех сегодня важно понять, почему в том или ином случае люди, связанные со своей страной и со своим обществом, действовали им вопреки. Аппарат, как известно, — приводной ремень власти, суть государство. Для нас важно иметь в виду, что когда говорят «аппарат», надо понимать «государство», а государство, как нас убеждали, у нас общенародное. Мне и самому в молодости, признаюсь, импонировало это понятие. Любой думающий человек, знакомый с основами политграмоты, принимал, мне кажется, что общенародное государство — это не что иное, как коммунизм; каковой ни у нас, ни где-либо еще не наблюдался. Почему же, скажут, молчали? Увы, такова, думаю, цена очарования. Не стоит искать в моих словах призыва вернуться к диктатуре пролетариата. Но и диктатура буржуазии, к которой на аркане плюрализма нас тянут рыцари демократии, далее в овечьей шкуре общечеловеческих ценностей, человеку труда не нужна. Если общество наше созрело для демократии, то это должна быть демократия для трудящихся, что соответствующим образом должно найти отражение в нашем законодательстве. Все остальное есть просто обман измученного политической трескотней народа. Если этот постулат пронижет всю нашу политическую и законодательную систему, станет ясно, на кого эта система работает, чье у нас государство и кому служит аппарат. С вами все ясно..., радостно скажут тут мои возможные оппоненты. Это классовый подход и пресловутый принцип партийности.

Многострадальный принцип партийности, столь блистательно раскритикованный и осужденный нашей перестроечной печатью, в том числе и считающей себя коммунистической, — это всего лишь принцип честности и добросовестности всякого политика, ибо подразумевает не более как открытое заявление о своей политической позиции в рассматриваемом вопросе, открытое заявление о том, в чьих интересах выступает автор, рассматривая тот или иной вопрос. Именно этого ох как не хочется делать сегодня нашим плюралистам. Не пытаясь скрываться за фиговым листком объективности, я говорю открыто: мои симпатии были, есть и будут на стороне трудящихся и их авангарда — рабочего класса.

Классовая борьба не заканчивается с поражением той или иной, даже называющей себя рабочей, партии. Она вообще никогда не кончалась, в том числе и при социализме. Эта борьба, неразрывно связанная с самим существованием классов, не закончилась и сегодня. И пусть нашим демократам в пестрых революционных шарфах удается иной раз забежать вперед двинувшейся рабочей массы, их заботой всегда будет уцелеть, когда рабочий класс пойдет гораздо дальше их призывов, а с рабочими до конца им никогда не будет по пути.

Убежден, что придет время подлинной гласности, народ, и трудящиеся в первую очередь, получат наконец ответы на вопросы: почему страна, именно в тот момент, когда она имеет все возможности, созданные трудом и борьбой целого поколения, решить основные проблемы трудящегося населения (в том числе жилищный вопрос), топчется на месте, несмотря на то, что времена пресловутого застоя и не менее пресловутого ускорения, казалось бы, позади. Придет время, и мы наконец-то узнаем, кто есть кто

в нашей экономике и сколько имела страна миллионеров до перестройки и сколько их готовится управлять народом теперь.

Голословные утверждения не решают проблем, возразит мой неугомонный оппонент. К примеру, легко ли решить жилищный вопрос не на словах, а на деле? При нынешнем подходе к делу, пока одни все еще живут в коммуналках, так и не дождавшись обещанной хрущевки, а других уже мучают проблемы перестройки пресловутых хрущоб, так как они не отвечают современному уровню, и при этом, что основная масса нуждающихся (и в первую очередь молодежи) вынуждена копить и тратить деньги на что угодно, но жилья дожидаться бесплатно, мы этого вопроса никогда не решим. Неуклюжие попытки правительства с продажей квартир в собственность владельцам лишь демонстрируют его полную неспособность понять существо вполне созревшего вопроса. Государство, пока оно не разобобществлено (или, если называть вещи своими именами, не разграблено, в том числе и «бесплатной» раздачей жилья), в состоянии обеспечить жильем по желанию каждого в течение примерно трех-пяти лет в рамках государственной программы, в том числе и с использованием такого инструмента, как рынок.

Рынок... Вот еще один стандарт, коим торжественно размахивают прорабы перестройки. Особенно удивительно при этом противопоставление рынка аппарату. Или рынок и прогресс, или существующий аппарат (иными словами государство) и застой. Ну о застое еще вспомним, а вот опасен ли рынок аппарату (государству)? Тут, по-моему, вообще какая-то путаница. Даже из нашей истории известно, что именно развитие внутреннего рынка легло в основу создания плановой системы, фундамента прочности нашего государства. Иное дело, если бы гласность помогла нам прояснить вопрос: почему наши прорабы и сторонники рынка делают все, чтобы этот рынок (внутренний) развалить и распахнуть границы для рынка внешнего, не позаботившись всерьез о защите национальной экономики.

Мне не пришлось в сознательном возрасте жить в период правления Сталина. Смерть его, заставшая нашу семью на одном из колымских приисков, где работал на строительстве драги мой отец, была, если можно так выразиться, первым политическим воспоминанием моего детства. Память сохранила неоднозначную реакцию на это известие разных взрослых людей, и поэтому мне до сих пор непонятны те, кто пытается изобразить этого человека однозначно. Но вот все последующее твердо осело уже в моем сознании, и мне очень жаль, что именно этот отрезок нашей истории, о котором мое поколение знает не понаслышке, как-то вяло и вскользь освещается в нашей прессе. Это, по-моему, совсем не логично, так как по времени этот период вполне сравним с предыдущим, столь подробно сегодня освещаемым. А между тем, уверен, начнись сегодняшняя перестройка на тридцать лет раньше, она не вызвала бы панического страха у населения ни за возможности нашей экономики, ни за способности политической системы защитить права своих граждан. Почему же мы так скрупулезно разбираем все ошибки и неудачи периода от сохи до ракеты без чьей-либо поддержки и упорно не желаем рассмотреть период, в котором страна от ракеты дошла до винной очереди?

Многое в истории тридцати с лишним последних лет еще ждет

своего честного исследования. Это и пресловутая семилетка с кукурузой плюс химизацией, и такие курьезы, как внедрение эстетики и НОТ на производстве, выразившиеся в том, как помнится, что забор заводского палисадника раскрасили всеми видами масляной краски, имевшейся на заводе, а в цех притащили с десяток горшков с травой. Можно было бы назвать сокращение министерств, приведшее к увеличению чиновничьего поголовья, повышение (бумажное) производительности труда, борьбу за качество с помощью должностей, комиссий и постов, и многое-многое другое. И все это под фанфарный звон о приоритете советской науки и техники на фоне все возраставшего потока импортных товаров, среди которых было все (да не для всех), за исключением, быть может, самого главного: подлинных специалистов в отраслях, рожденных научно-технической революцией. А для чего? У нас ведь на всех направлениях прогресса по десятку только генеральных специалистов неплохо народные денежки потребляли. Для чего же им конкуренцию создавать, да еще валюту на это, с таким трудом в Тюмени добытую, на прислужников империализма расходовать? Мы лучше сами на нее съездим, посмотрим, что у них там да как, заодно и материалов с оборудованием, им уже не надобным, закупим да у нас за новинку отечественного машиностроения выдадим.

Можно было бы еще сказать, как с молчаливого непротивления наших идеологов, а то и при поддержке некоторых из них в сознание нашего народа стал внедряться предтечами нынешних прорабов прагматизм — идеология сугубо эгоцентрическая. Не подмена ли марксизма со второй половины 50-х годов в общественном сознании прагматизмом создала столь благодатную почву, на которой сегодня усиленно возрождают и другие идеалистические идеологии? Но напрасно ждать на страницах перестроечной прессы добросовестных попыток ответа на эти вопросы: популярность лжи растет.

М. ДВИНОВ

КАЖДЫЙ ГОД — ПО «АФГАНУ»!

Брожу среди ампирных колоссов фонтанов «Дружбы народов» и скульптур широкобедрых доярок, мускулистых сталеваров и прочих монументальных шедевров эпохи соцреализма... Где еще почувствуешь столько социального оптимизма и уверенности в завтрашнем дне, как не на ВДНХ СССР? И вдруг в скромном павильоне «Охрана труда» меня начинает бить озноб у стенда, где черным по белому написано: «В нашей стране ежегодно гибнет на производстве более 14 тысяч человек». 14 тысяч! Сразу прикидываю: столько же людей мы потеряли за девять лет войны в Афганистане. Не обвиняйте меня в иезуитском сравнении, но за это же время на территории мирного Союза погибло на работе свыше 158 тысяч человек! Причем половине из них не было и сорока лет. И еще статистика. Только в 1989 году получили увечья на производстве, стали инвалидами 509 тысяч мужчин и женщин! Вот вам еще одно «достижение» нашего народного хозяйства, о котором на шестом году гласности мы можем узнать в павильоне ВДНХ СССР.

Однако выставочная статистика при всей своей оглушительности, мягко выражаясь, однобока. В ней не показано, сколько на современном производстве гибнет подростков, сколько несовершеннолетних ребят калечатся на работе. Насколько это типичное явление, насколько случайное — об этом я хотел узнать во время своих последних командировок в Ленинград, Западную Сибирь и Белоруссию. А кто должен обладать полной информацией не только о преступности несовершеннолетних, но и о подростковом травматизме? Разумеется, комсомольские органы. Поэтому смело захожу в Новосибирский обком ВЛКСМ, но через минуту узнаю в отделе рабочей молодежи, что:

— Мы этим делом не занимаемся, обращайтесь в профсоюзы — у них вся статистика и все данные...

— Как же так? — наивно недоумеваю я. — Ведь на производстве гибнут и молодые ребята, и комсомольцы — члены вашей областной организации.

— Ну и что? — резюмировали инструктора. — Охрана труда не наша забота, — и вновь направили меня в облсовпроф.

А в областном совете профсоюзов технический инспектор труда (не буду называть его ФИО) встретил меня, по крайней мере, как агента вражеской разведки:

— Это закрытая информация, — сразу отрезал он. — Идите за разрешением к председателю.

И только тогда, когда я вернулся из приемной с начальственным «добро», инспектор, переворошив кучу бумаг, выдал:

— В прошлом году по области три тяжелых травмы, полученных несовершеннолетними. Смертей не было. Кстати, мы не обязаны вести специальную графу по подросткам — этого в положении нет.

— А кто обязан? — поинтересовался я.

Ответом были молчание и жест, показывающий: дескать, ваше время истекло, я вас и без того посвятил в страшные государственные тайны.

В Белоруссии мне повезло больше — профсоюзные работники отнеслись к цели моего визита с пониманием, чего не скажешь о комсомольских. В период штормовой критики в адрес ВЛКСМ и его органов на местах пытаются любыми силами вернуть потерянный среди молодежи авторитет через видеобары и дискотеки, «самоокупаемость и самофинансирование». Иные вожаки начали «делать деньги», другие пытаются «делать политику» — последнее у них получается куда хуже. Тому наглядный пример: провал большинства комсомольских лидеров на выборах в местные Советы. Я читал их программы, пытаясь отыскать в пространных заверениях и обещаниях насмерть «отстаивать права молодежи» хоть один пунктик о борьбе кандидатов за нормальные условия и охрану труда комсомольцев, — увы, такового не обнаружил.

Видать, подмоченный авторитет куда приятнее завоевывать боевиками и порнофильмами, организацией концертов рок-звезд союзного и местного масштаба.

А в то же время только в Белоруссии и только на селе за последние два года погибли 12 несовершеннолетних ребят.

...— Господи, я-то здесь при чем? — волнуясь, говорил Г. Максимович. — Танана — комбайнер опытный, попросил меня разрешить взять в помощники своего племянника. А у нас людей не хватает, вот я и согласился. К тому же у нас многие старше-

классники работают во время жатвы, — и добавил с тяжелым вздохом: — Если б я знал, что так получится, то...

Бывший главный инженер колхоза «Рассвет» Витебской области, видимо, хотел, чтобы его пожалели за безответственность. Однако никакого чувства жалости он, увы, у меня не вызывал. В это время, пока мы с ним разговаривали, я представлял глаза матери четырнадцатилетнего школьника Коли Сороко, когда она узнала, что ее сын погиб в поле...

Из акта технической инспекции Белорусского РК профсоюза работников агропромышленного комплекса:

«Во время летних каникул подросток Н. Сороко, 1975 года рождения, работал помощником у комбайнера В. Тананы. 10 августа с. г. во время уборки комбайнер С. Свиненко зацепил железобетонную опору ЛЭП, которая упала на жатку комбайна, а оборванный провод попал в рожь. В это время В. Танана работал вблизи и, увидев, что опора упала, остановил комбайн. Его помощник Н. Сороко спустился на землю, чтобы посмотреть, что случилось. Пройдя несколько шагов, он наступил на провод и был смертельно травмирован электротоком. По дороге в больницу он скончался...»

После случившегося по требованию обкома профсоюза главного инженера колхоза Г. Максимовича освободили от занимаемой должности по статье 173 КЗОТа РСФСР. Он не имел права допускать 14-летнего подростка к работе. Согласно Кодексу до 16 лет это делать запрещено.

Однако вот что меня больше всего удивило в «Рассвете» — большинство колхозников, с которыми я беседовал, больше жалели бывшего главного специалиста, чем погибшего мальчишку. Тем более «не своего, приезжего».

Я думаю, что трагедия, происшедшая в этом хозяйстве, в какой-то степени закономерна: здесь и раньше были случаи травматизма на производстве и райком профсоюза не раз указывал тому же Г. Максимовичу на слабый контроль за выполнением мероприятий по охране труда и технике безопасности. Но главный инженер серьезных мер не принимал, полагаясь, видимо, на всемогущий авось.

И вообще, анализируя несчастные случаи на производстве, связанные со смертельным исходом, просто поражаешься, до чего же у нас иные руководители не ценят жизнь и здоровье своих подчиненных. Требования технической инспекции для них — пустой звук. И что характерно: причины гибели людей в разных хозяйствах одни и те же: несоблюдение элементарных правил техники безопасности, выезд на работу на неисправных машинах и агрегатах. Отсутствие не только трехступенчатого контроля за ТБ, но и вообще любого контроля за работой механизаторов. Даже учащихся СПТУ, за которыми еще глаз да глаз нужен. Семнадцатилетний практикант из училища № 211 Минской области Володя Караженец погиб, не справившись с управлением и опрокинув трактор в кювет. Такая же смерть настигла и учащегося СПТУ-160 Брестской области Вову Пилинчука и еще четверых «пэтэушников».

Кто их допустил к самостоятельной работе? Почему рядом не оказалось опытного механизатора-наставника? Техинспектора ответы на эти вопросы получили. Виновные наказаны. Но разве от этого легче? Парней-то уже нет в живых.

В последние два десятилетия какие только не бросали лозунги: «Девушки, на трактор!», «Живешь на селе — изучай технику!» Какие только восторженные статьи не появлялись о мальчишках, «оседлавших трактор», школьниках, помогающих старшим «в битве за хлеб»!

Вот уж действительно — «битва», если в стране десятки мальчишек и девчонок утонули в зерновых ямах, погибли от молнии, работая в поле под дождем. А сколько покалечено? На учащуюся СПТУ Гродненской области Инну Ткаченко во время уборки картофеля наехал трактор. Ее земляку девятикласснику Лёне Кучинскому раздавило руку, попавшую в транспортер. Другой мальчишка остался без ноги.. Я не знаю, какими глазами смотрели на их матерей сельские руководители, по вине которых произошли эти трагедии.

В Гомеле мне рассказали о парне, который прошел через огонь и кровь афганской войны, а погиб под «именным» трактором...

Помнится, мой собеседник — инженер по ТБ РАПО тогда философски заметил: дескать, это рок, судьба, а от нее не уйдешь...

Что ж, из-за собственной нерадивости или рассеянности гибнут и получают травмы по крайней мере треть механизаторов. Но ведь человек так устроен — он теряет бдительность и самоконтроль, когда ему забывают о них постоянно напоминать. К тому же сама рабочая атмосфера в некоторых хозяйствах оставляет желать лучшего: видимость дисциплины, разболтанность, пьянство, низкий авторитет руководителей среднего звена — мастеров, бригадиров, да и тех же инженеров по технике безопасности.

Кого обычно ставят на эту должность? Женщину накануне декретного отпуска или вчерашнего вузовского выпускника, пенсионера, который больше думает о собственном огороде, чем о своих прямых обязанностях.

Как они обычно работают? Сунут трактористу под нос инструкцию: «Ваня, распишись». И Ваня, не читая, ставит свою закорючку. Ваня — опытный механизатор, он в себе уверен. Скорее даже самоуверен. И вот итог...

По числу несчастных случаев на производстве со смертельным исходом с Агропромом «конкурируют» строители и лесопромышленники. Например, только в Ленинградской области в прошлом году погибло 194 человека. Из них — 34 строителя, 16 аграриев и 13 лесников.

Одни и те же ЧП повторяются: в поле и на заводах, стройплощадках и в лесу. При валке леса чуть ли не каждый день гибнут и травмируются люди.

А в то же время под «шумок» о перестройке под сокращение попали технические инспектора по охране труда. Люди, которые головой отвечают за технику безопасности. Например, в Ленинградском обкоме профсоюза лесников, где каждый год гибнет 15—20 человек, до сих пор не могут найти техинспектора.

И еще проблема. На мероприятия по охране труда и ТБ в хозяйствах отпускается очень мало средств — 15—20 рублей на работающего. Что можно на них сделать — уголок техники безопасности, плакаты накупить? Впрочем, и эти суммы не везде с толком используют, а то и вовсе экономят. Это на человеческом-то здоровье!..

В США смерть рабочего обходится предприятию в среднем в 1,5 миллиона долларов, а у нас — в 50 рублей похоронных.

— Суть этой больной проблемы я вижу в том, что хозяйственные руководители не несут никакой ответственности — ни уголовной, ни материальной — за жизнь своих подчиненных, — сказал мне главный технический инспектор Белсовпрофа С. А. Михайлович. — Мы передаем дела на них в прокуратуру, но в абсолютном большинстве в возбуждении уголовных дел нам отказывают, говорят: принимайте административные меры. И мы принимаем, конечно, — по требованию профсоюза за нарушения правил по охране труда в прошлом году оштрафовано 1303 человека, освобожден 21 руководитель. Но что такое штраф? 50—100 рублей. Сопоставим ли он с истинной мерой потери живого человека-труженика, сына или отца семейства?

Давно пора понять нашим руководителям, что травматизм на производстве — не только профсоюзная, но и общегосударственная проблема. И не только понять, но и начать наконец принимать конкретные меры, увеличить ассигнования на охрану труда. Об этом, кстати, часто говорят на сессиях и народные депутаты СССР.

...В тот день, когда я бродил по ВДНХ, страна потеряла на производстве 43 человека. Только за один день!

Александр НЕВСКИЙ

СТРОКИ ИЗ ПИСЕМ

* * *

Мы живем плохо, потому что утрачена прежняя вера в лучшее будущее. Был идеал — счастье человечества. И не надо изображать нас наивными и глупыми людьми, которые уже открыли рты на бесплатные коммунистические галушки. Что бы ни говорили высокопоставленные демагоги, мы точно знали, что не будет земного рая ни к 1980, ни к 2000 году. Но, как бы ни был отдален идеал, ради него стоит жить. Сейчас его поносят и ругают не только враги, но и друзья. Впрочем, «друзья», которые дружат то с сильным, то с богатым, должны называться, наверное, как-то иначе. А идеал не утрачен, просто каждое поколение должно его само выстрадать, каждый народ самостоятельно припять.

Мы живем плохо, ибо оболганным оказывается идеал, цель сменилась твердым осознанием неприглядности перспективы на ближайшие годы. Слишком многие, особенно из молодых, верят демагогам и обманщикам, слишком многие готовы взапуски пуститься на капитализацию страны, не представляя, что случись такое — это был бы капитализм не европейский, а что-то среднее между турецким и мексиканским, капитализм развивающейся, зависимой, эксплуатируемой страны.

Из всех испытаний, пережитых нашим народом, предстоящие, наверное, наиболее серьезные и ответственные. Если в результате перестройки социализм обогатится новым содержанием, станет демократичнее, гуманнее, эффективнее, тогда и только тогда мы все заживем хорошо.

В. СЕРГЕЕВ,
Калининград

* * *

...Чтобы преодолеть кризис власти, компартиям необходимо отозвать своих депутатов из Советов всех уровней — от местных до Верховного и вместо коммунистов выдвинуть в них беспартийных рабочих и крестьянских депутатов, причем последним следует оказывать безусловную партийную поддержку и в тех случаях, когда они баллотируются в Советы от других общественных организаций. Посредством такого революционного изменения формы связи с государством и рабоче-крестьянским движением Компартия сможет избежать политического поражения, восстановить утраченное доверие рабочих и крестьян.

Реакционному блоку некоммунистических реформаторов в союзном парламенте и местных Советах могут эффективно противостоять не одуревшие от перемен комчиновники и прочие самозваные «представители» рабочих, а лишь самые рабочие и крестьяне, которые являются единственной реальной политической силой, способной гарантировать мирный характер социалистических преобразований в стране и предотвратить сползание нашего общества в буржуазное болото...

В. РОФМАН,
рабочий Карагандинского
ПО «Карбид»

* * *

В эстонском журнале «Vikerkaar» № 3 за 1989 год была опубликована статья Марта Лаара «об эстонских солдатах во второй мировой войне». В этом же номере журнала, издаваемого на русском языке под названием «Радуга», статья не была напечатана. Основная идея статьи, сущность ее — восхваление 90 тысяч эстонцев, служивших в вермахте и убивавших на фронте советских солдат!

Статья, подчеркну, напечатана не в Кёльне или Гамбурге, а в Эстонии, которая, хотят этого некоторые или не хотят, входит в состав СССР. Описание боевых действий занимает большую часть публикации, переполненной безудержным хвастовством. Если верить автору, эстонцы непрерывно громили нас, а в сражении под Синемяе (Синие горы) одна эстонская дивизия даже остановила целую нашу армию. Под натиском националистов «истекали кровью пара десятков стрелковых дивизий и танковая бригада»... Красной Армии.

Это еще не все. В конце статьи автор высчитывает, сколько эстонцев погибло, служа в немецкой армии, сколько попало в тюрьму или умерло в Сибири. По его оценкам — 10—12 тысяч. И все данные о могилах этих немецких приспешников он просит присылать в Эстонию.

Что же у нас сейчас происходит?

Когда президент США Р. Рейган, будучи во времена своего правления с визитом в ФРГ, хотел посетить кладбище эсэсовцев, то какая поднялась буря в наших газетах! Теперь они молчат, несмотря на то, что эстонская дивизия, о которой со столь видимым удовольствием писал Март Лаар в своей статье, была эсэсовской! (Немцы, как известно, создали в Эстонии две «СС»-диви-

вии.) Молчат — значит, согласны почтить память бандитов, признанных на Нюрнбергском процессе преступной организацией? Какой из этого вывод?

В. ЗАХАРОВ,
Свердловск

* * *

Уважаемая редакция! Никогда я еще не писала, а вот теперь решила написать. К этому меня побудили происходящие события, эта оголтелая, истерическая антирусская и антикоммунистическая кампания, которая сейчас охватила всю нашу страну. В распоряжении «радикалов» все средства массовой информации: печать, радиовещание, телевидение. Патриотическая литература издается мизерным тиражом, зато «желтая пресса» заполонила собой все. Ее пропаганда нацелена прежде всего на молодежь. Это вполне понятно: людей, не имеющих жизненного опыта и твердых убеждений, проще поставить себе на службу. Цель этой кампании — внушить русскому, а затем и любому советскому человеку чувство виновности, приниженности, неполноценности. Сладкая ложь и демагогия понятны любому мыслящему человеку, но прямо-таки неотразимы для слабой натуры. Кому это надо? Я знаю кому. Я уже не удивляюсь их безраздельному господству в прессе, не удивляюсь тому, чего, казалось, у нас уже не может быть никогда. Те, которые хотят превратить нашу страну в колонию, преследуют свои корыстные цели. Но почему другие подпевают им? Как позволяют глумиться над своим национальным и патриотическим достоинством, над своей героической историей? Мне приходится сталкиваться с этим на каждом шагу. Я не могу ничего доказать этим людям, мои слова разбиваются об их упрямство. Что это: массовое отупение или отсутствие элементарного патриотического воспитания?

Что делать, когда люди вместо того, чтобы заступиться за свою поруганную честь, молчат, а то еще и поддакивают: мол, мы такие, мы сякие и т. д.? Но я уже больше не могу молчать. Хочу высказать им то, что думаю по этому поводу. Может быть, мне удастся это сделать через ваш журнал?

Мне 27 лет. Пишу стихи, но выступить с ними решаюсь впервые.

* * *

Вся подлость вражья — налицо.
Но мне одно лишь непонятно:
ах, неужели так приятно,
когда тебе плюют в лицо.
Как это можно, не стыдясь,
лить на себя такую грязь
и слушать ложь, развесив уши,
когда плюют нам прямо в душу?!
Да как же это можно так?
Ты что — Иванушка-дурак?
Ты, наломавши дров заря,
все веришь в доброго царя.
Тебе твердят с недавних пор,

Что зверь, разбойник ты и вор,
уж кое-кто тебе сказал,
что красный свет зеленым стал...
И тот, кого ты защищал,
тебя опять оклеветал.

Коль счастья хочешь ты вдали,
не верь обманщикам лукавым.
Но вечно будешь ты неправым,
не встав за честь родной земли.

Горислава КАЗАНСКАЯ,
экономист,
г. Москва

* * *

Журнал «Молодая гвардия» — одно из немногих наших изданий, которые в условиях перестройки и гласности не поддались дешевой моде, а продолжают служить трудовому народу, правдиво освещая горькие и славные страницы нашей истории и события дней текущих. Таково наше мнение — читателей журнала, проживающих в Эстонии.

Желаем работникам журнала «Молодая гвардия» доброго здоровья и неиссякаемых творческих сил, чтобы продолжать служить трудовому народу нашей страны, Правде и Справедливости. Сегодня это крайне важная, но очень трудная работа в обстановке псевдодемократии и односторонней гласности.

А. ШИШКОВ, И. ТЮРИКОВ, А. ГОРЯЧЕВА
и еще двадцать пять подписей,
г. Таллинн

* * *

Более двух веков тому назад Г. С. Сковорода писал: «Не чужое воспитание должно быть привито к русскому человеку, а свое родное. Нужно его уметь силой найти, выработать его из нашей жизни, чтобы снова осмысленным образом его обратить в нашу же жизнь». Казалось бы, возразить на это нечем! Однако ж последние семь десятилетий прошли под знаком высокомерного пренебрежения к национально-историческому опыту. И до сих пор не прекращаются попытки строить здание общественного благополучия не на прочном историческом фундаменте, но на зыбком утопическом песке. К примеру, широко и громко, на всех уровнях, обсуждался у нас вопрос аграрный. В этой связи как был бы незаменим теперь опыт традиционного землепользования — опыт наших предков и братских славянских народов.

Здесь равную ценность и равный интерес представили бы для нас и обычное право города Сухиничи Калужской губернии: вся городская земля находилась в общинном владении, перераспределялась между горожанами раз в 12 лет, сдача наделов посторонним лицам воспрещалась — только своим; и законы Черногорского королевства: запрещалось одной семье иметь более 20 десятин земли, пастбища же и леса находились в общинной юрисдикции; и идея члена II Государственной думы, терского казака

М. А. Караулова: скорее подлежит уничтожению частная собственность на землю, чем община. Основательный анализ аграрных законов и обычаев прошлого гораздо лучше прояснил бы нам те или иные спорные моменты.

В результате мы теперь имеем «Основы законодательства о земле» — в высшей степени безграмотные «Основы...». То, что они лишены каких-либо ссылок на исторический славянский опыт, — это еще можно пережить... Но взгляните: статья 9 (пункты 3, 6 и 9) и статья 25 (3-й абзац) находятся в полном противоречии с коренными основами славянского поземельного права! Согласен, что славянское поземельное право, в многообразии приложений своих, не было еще кодифицировано; вообще исследовано далеко не достаточно. Так за чем же дело стало? Неужто нельзя было открыть свободную дискуссию по этим вопросам, — а там уж и законы принимать?..

К. КОЗУБСКИЙ,
Дубна, Московской обл.

ВОТ ТАК ПЛЮРАЛИЗМ!

В августе 1989 года я подписался в центральной лаборатории Нижнетагильского металлургического комбината, где работал, на газеты и журналы. Не без помощи работников парткабинета предприятия, ответственных за подписку. Они предоставили мне список изданий, с учетом изменений индексов и цен.

Я заполнил квитанции на все нужные мне газеты и журналы, кроме двух: «Молодая гвардия» и «Наш современник». Их не оказалось в списке. Подумал, просмотрели, со всеми бывает. Однако этих изданий в названном списке не оказалось не случайно. В этом году наша многотиражка, орган того же парткома, рекламировала издания, с которыми металлурги могли бы познакомиться в читальном зале и библиотеке партийного комитета. Упомянутые выше журналы снова отсутствовали. Стало обидно за многих читателей. В первую очередь за умных, честных, молодых рабочих, для которых создается препятствие в расширении их кругозора.

Р. БУНГЛИШВИЛИ,
пенсионер,
Нижний Тагил

* * *

Спасибо «Молодой гвардии», что ее мнение совпало с моим и двух моих братьев, тоже рабочих. Теперь, как знакомый с вашим журналом человек, везде его рекламирую.

Боязно за вас — шибко катите бочку на «прорабов перестройки». Бюрократы сильны — вдруг бумаги не дадут или вообще закроют. Но, что бы ни случилось, честные люди поймут вас и поддержат. Уверен.

Н. ПРОКОШКИН,
Сахалинская обл., г. Невельск

Литературная критика

К 110-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ А. А. БЛОКА

Юрий МЕШКОВ,
доктор филологических наук

ПРОРОЧЕСТВО ПОЭТА

К Октябрю 1917 года Александр Блок пришел зрелым человеком и сложившимся поэтом. Имя его было широко известно, поэзия признана, а авторитет в обществе и литературных кругах прочен и высок.

Как и многие великие поэты, Александр Блок прожил, к сожалению, недолгую жизнь: он умер на 41-м году. Но половину отведенных ему лет он прожил в нашем, XX веке. Правда, он захватил краешек века. Но на двадцатилетнем отрезке — события, завязавшие историю столетия: русско-японская война, революция 1905—1907 годов, мировая бойня, развал империи, февраль и октябрь 1917 года, братоубийственная гражданская война, неслыханный террор, невиданный голод...

В те времена немало кликушествовали о конце света. Било по нервам трагическое начало столетия, повергали в дрожь и тень парящего аэроплана, и стихия землетрясений, и появление комет... Писатели сочиняли красивые речи о неотвратимости судьбы, а поэты воспевали смерть как избавление от страданий. Каждый годовой отрезок времени нес события, которые не проясняли грядущего, а лишь усложняли и туманили перспективу. Ох, как хотелось в шагах истории услышать шаги толстовского камердинера Матвея: он принесет платье, удобные сапоги, добрые вести и успокоит растерянного и нашкодившего барина напутствием: «Ничего, сударь, образуется».

Однако художнику дано видеть далеко. И XX век виделся Александру Блоку таким, что сегодня мы можем только удивляться его пророческому дару. Век лишь начинался, а он в сентябре 1911 года, остро чувствуя его обнаженный нерв, уже писал в поэме «Возмездие»:

И отвращение от жизни,
И к ней безумная любовь,
И страсть, и ненависть к отчизне...
И черная, земная кровь
Сулит нам, раздувая вены,
Все разрушая рубежи,
Неслыханные перемены,
Невиданные мятежи...
Что ж, человек? За ревом стали,
В огне, в пороховом дыму,
Какие огненные дали
Открылись взору твоему?
Как день твой величав и пышен,
Как светел твой чертог, жених!
Нет, то не рог Роланда слышен,
То звук громовых труб иных!
Так, очевидно, не случайно
В сомненьях закалял ты дух,
Участник дней необычайных!
Открой твой взор, отверзни слух,
И причастись от жизни смысла,
И жизни смысл благослови,
Чтоб в тайные проникнуть числа
И храм воздвигнуть — н а к р о в и.

Во имя чего же суждено человеку пройти сквозь все это? Что дано за всем этим увидеть («открой твой взор») и услышать («отверзни слух»)?

Заметим: Блок не проклинает век. Он обозначает то, через что предстоит пройти.

Во имя чего?

В статье «Стихия и культура» (декабрь, 1908) он говорит, среди прочего, о землетрясении в Калабрии и Мессине. Его тревожит то, что «югу Италии и впредь угрожают землетрясения... там еще не отвердела земная кора». И тут же, без перехода, — о сокровенном, волнующем его соотечественников: «А уверены ли мы в том, что довольно «отвердела кора» над другой, такой же страшной, не подземной, а земной стихией — стихией народной?»

Сам Блок был убежден в обратном. Он пришел к этому итогу еще в 1907 году, когда многие уже надеялись, что слова толстовского камердинера сбылись и «отвердела кора». В стихотворении «Я ухо приложил к земле...» реакция («мрак, где не видать ни зги!») осмысляется им как пауза, как «случайная победа», за которой проследует новый взрыв («Ветер, ветер — На всем божьем свете!») народной стихии.

Во имя чего? У Блока пока один ответ — во имя уничтожения этого «страшного мира».

На непроглядный ужас жизни
Открой скорей, открой глава,
Пока великая гроза
Все не смела в твоей отчизне...
Дай гневу правому созреть,
Приготовляй к работе руки...
Не можешь — дай тоске и скуке

В тебе копаться и гореть...
Но только — лживой жизни этой
Румяна жирные сотри,
Как боязливый крот, от света
Заройся в землю — там замри,
Всю жизнь жестоко ненавидя
И презирая этот свет,
Пускай грядущего не видя, —
Дням настоящим молвив: н е т!

Откуда у Блока это бесстрашие перед лицом грядущей народной стихии? Ведь «над нашим смертным криком Взовьется с криком воронье».

В конце 1908 года в письме к К. С. Станиславскому Блок напишет, что, несмотря на все «уклонения, падения, сомнения, покаяния», путь его «в основном своем устремлении — как стрела, прямой, как стрела — действенный». И в том, к чему устремлял он свой путь, он и черпал надежду. «Недаром, — продолжает Блок, — может быть, только внешне наивно, внешне бессвязно произношу я имя: Россия».

Еще в преддверии XX века, давая свою поэтическую интерпретацию картине В. Васнецова «Гамаюн», Александр Блок представит путь России сквозь иго татар, голод, казни. Уже тогда ему — «вещей правдою звучат Уста, запекшиеся кровью».

Но путь России есть и его путь. В облике родины многое для поэта скрыто. Но ее судьба есть и его судьба, ее завтрашний день есть и его завтрашний день.

О Русь моя! Жена моя! До боли
Нам ясен долгий путь!
Наш путь — стрелой татарской древней воли
Пронзил нам грудь.
Наш путь — степной, наш путь — в тоске безбрежной,
В твоей тоске, о Русь!
И даже мглы — ночной и зарубежной —
Я не боюсь.

Мировая война обострила чувство сопричастности к судьбам России и ее народа.

Идут века, шумит война,
Встает мятеж, горят деревни,
А ты все та ж, моя страна,
В красе заплаканной и древней. —
Доколе матери тужить?
Доколе коршуну кружить?

Александр Блок во всем был искренним: в заблуждениях и обретениях, в поведении и суждениях. Возможно, что себя он и упрекал за те или иные поступки и слова. Но стремился не дать повода упрекнуть его в неискренности.

К 1916 году он выговорил все, что мог сказать. Умея писать стихи, он не хочет писательства, а потому и ответил Леониду Андрееву: «все словесное во мне молчит».

1917 год обозначил для Александра Блока тот светлый день, что неизбежно должен был сменить мрак ночи.

В июне 1917 года в письме к жене он скажет: «Нового личного ничего нет, а если б оно и было, его невозможно было бы почувствовать, потому что содержанием всей жизни становится всемирная Революция, во главе которой стоит Россия».

Будучи искренним на протяжении всей своей творческой жизни в ненависти и в любви, Блок бесстрашно искренен и в кульминационной точке своего пути — в поэме о революции.

Он думал о России. О том положении, в котором она оказалась.

В мае 1917 года Блок был назначен редактором стенографического отчета Чрезвычайной следственной комиссии. Временное правительство учредило ее для расследования деятельности царских министров и сановников. Блок присутствовал на допросах, сам вел протоколы и редактировал другие, знакомился с документами. Но комиссия так и не завершила своей деятельности, да и не стремилась к этому. Два года спустя поэт собрал документы и впечатления в книгу «Последние дни императорской власти». Он получил достаточное представление о том пределе, к которому подошла царская власть и привела за собой Россию.

Работая в комиссии, он довольно близко видел и общался с теми, кто принял власть в феврале 1917 года. И — разочаровался в них, зато с интересом присматривался к позиции большевиков.

Ему очевидно, что революция не остановится на феврале. 19 октября, когда активно обсуждаются вести о готовящемся выступлении большевиков, он записывает в дневнике: «О д и н т о л ь к о Л е н и н верит, что захват власти демократией действительно ликвидирует войну и наладит все в стране». И далее: «Выступление может, однако, состояться совершенно независимо от большевиков — независимо от всех — стихийно».

Далеко не случайно статья Блока «Интеллигенция и революция», написанная в первых числах января 1918 года, проникнута верой: «России суждено пережить муки, унижения, разделения; но она выйдет из этих унижений новой и — по-новому — великой».

В чем должно проявиться прозреваемое Блоком сущее «П е р е д е л а т ь в с е? Устроить так, чтобы все стало новым, чтобы лживая, грязная, скучная, безобразная наша жизнь стала справедливой, чистой, веселой и прекрасной жизнью».

Очень важно понять блоковскую мысль о природе этого сущего. Она — не только в течении событий времени (они создали ситуацию), даже не в большевиках (они использовали ситуацию). «Когда т а к и е замыслы, — читаем далее в статье «Интеллигенция и революция», — искони таящиеся в человеческой душе, в душе народной, разрывают сковывающие их путы и бросаются бурным потоком, доламывая плотины, обсыпая лишние куски берегов, — это называется революцией. Меньшее, более умеренное, более низменное — называется мятежом, бунтом, переворотом. Но э т о называтся р е в о л ю ц и е й».

И именно революции посвящена поэма «Двенадцать». Она написана в течение трех недель, с 8 по 28 января 1918 года. Впервые опубликована 3 марта в эсеровской газете «Знамя труда». Чуть позже — в апреле, в первом номере журнала «Наш путь». В мае издательство «Революционный социализм» напечатало ее вместе

со стихотворением «Скифы» отдельной брошюрой, предисловие к которой написал Р. Иванов-Разумник. Осенью, в ноябре, издательство «Алконост» выпустило поэму отдельной книгой большого формата с прекрасными, ставшими классикой иллюстрациями Юрия Анненкова. Всего вышло 300 нумерованных экземпляров, и именно они, а не последующее переиздание, вскоре стали раритетами. «Двенадцать» получили широкую известность в самых разных слоях, читались в концертах, исценировались *.

Но, как только дело доходило до интерпретации содержания, мнения разделялись. Владимир Маяковский писал в 1921 году: «Одни прочли в этой поэме сатиру на революцию, другие — славу ей». Десятилетия спустя литературовед Л. К. Долгополов подведет итог усилиям блоковедов понять это уникальное произведение: «Мы прекрасно понимаем, что окончательной и бесспорной точки зрения на «Двенадцать» выработано быть не может».

Произведение гениальное не только в момент своего появления, но и в последующей жизни вряд ли может быть сведено к однозначной, абсолютной бесспорной оценке, ибо оно — полифункционально. И кажущиеся недостатками отдельные грани ее не есть ли зеркало эпохи, отражающее неполноту взгляда лишь с позиции данного времени?

Объяснение «Двенадцати» иногда ищут в мнимой неоднозначности позиции поэта, в том, что финал ее якобы художественно неубедителен и Блок сам сомневался в его определенности, выразительности, точности.

Но отметим: поэт не сомневался в е д и н с т в е н н о с т и того решения, которое пришло к нему сразу.

Да, он сразу нашел, что хотел сказать в финале поэмы. И это было ему особенно дорого. Перед этим отступало признание своего неумения единственно верному решению найти единственно возможную форму выражения. Вот что он писал 12 августа 1918 года Юрию Анненкову в связи с тем, как увидел финал поэмы художник, каким изобразил Христа: «Вообще это самое трудное, можно только найти, но сказать я не умею, как, может быть, хуже всего сумел сказать и в «Двенадцати», по существу, однако, не отказываюсь, несмотря на все критики».

Критики пытались объяснить, откуда взялся Иисус Христос в поэме «Двенадцать». Не находя прямого и однозначного ответа, разводили руками: так, мол, поэту увиделось. Но пойдем с другого конца: что хотел сказать Блок этим образом?

«Да» революции можно было сказать в произведении, где героем был бы сам народ, где звучали бы не голоса его, а сам он говорил. Блок как художник понял это и в дневнике зафиксировал: «Революция — это: я — не один, а мы».

Художественное решение «мы» революции в поэме лишено абстрактности и условности. Блоковская революция конкретна, что заявлено уже в первой главе предметными координатами времени:

От здания к зданию
Протянут канат,
На канате — плакат:

* Библиографический указатель А. Тарасенкова «Русские поэты XX века: 1900—1955» (М., 1968) фиксирует более 10 изданий поэмы только в 1918—1920 годах.

«Вся власть Учредительному собранию!»
Старушка убивается-плачет,
Никак не поймет, что значит,
На что такой плакат,
Такой огромный лоскут?
Сколько бы вышло портянок для ребят,
А всякий — раздет, разут...

Фабула поэмы мало скажет о глубине ее содержания. И все же... По улицам революционного Петрограда идет красногвардейский патруль. Тревожно настроение обывателей, сурова ярость разбуженного народного гнева, зорок взгляд призванных поддерживать порядок. И вот на лихаче, не подчиняясь окрику патрульных, проносится отступник — Ванька, а с ним подружка его — Катька. Стремясь задержать их, красногвардейцы делают предупредительные выстрелы, и один из них оказывается роковым: убита Катька. Опечален один из патрульных («Ох, товарищи, родные, Эту девку я любил...»). Но товарищи сурово одергивают его: «Не такое нынче время, Чтобы нянчится с тобой! Потяжеле будет бремя Нам, товарищ дорогой». И, преодолев порывы разыгравшейся вьюги, красногвардейцы продолжают обход города.

Блок не стремится к детальной проработке фабулы и к углубленной психологической мотивировке. Принимая красногвардейский патруль как данность (должное), пунктиром очерчивая один событийный эпизод, поэт озабочен тем, чтобы передать сущее революции. Реалистическая событийная основа фабулы — зерно сюжета, осевая линия, которая держит романтическое восприятие общего. Вот за это общее поэт и приглашает читателя заглянуть, чтобы за горизонтом реально-конкретного, зримо представляемого, за горизонтом настоящего (которое поэт не славит, а принимает как неизбежно должное) увидеть грядущее — путь к осуществлению замыслов, искони таящихся в душе народной.

В хаосе звуков, выстрелах и завываниях вьюги поэт улавливает строгий, как команда, и лаконичный, как призыв, все покрывающий ритм:

Революционный держите шаг!
Неугомонный не дремлет враг!

Блок потрясен открывшейся ему перспективой. Все прошлое и все, что связано с прошлым, стало мелким, незначительным. Да, он пожалеет, что в усадьбе сожгли его библиотеку. Но надежды уже прочно связаны с перспективой грядущего: «Вперед, вперед, рабочий народ!»

Двенадцать красногвардейцев, Ванька и Катька, Петруха, буржуй на перекрестке, голодный пес и т. п. — это реалии настоящего, не очень понятного и — будем откровенны — чуждого Блоку дня революции. Но он знает, что они преходящи. За ними — грядущее, новая великая правда, что непременно утвердится. Имени ее поэт еще не знает.

Сквозь фабулу (день сегодняшний), сквозь неотчетливость происходящего («Разыгралась чтой-то вьюга, Ой, вьюгá, ой, вьюгá! Не видать совсем друг друга За четыре за шага») он устремлен к той точке «державного шага», в котором новая всемирно-историческая правда, утверждаемая революцией.

...Так идут державным шагом.
Позади — голодный пес.
Впереди — с кровавым флагом
И за вьюгой невидим,
И от пули невредим,
Нежной поступью надвьюжной,
Снежной россыпью жемчужной,
В белом венчике из роз —
Впереди — Исус Христос.

Сохранилось мнение В. Г. Короленко: «Христос говорит о большевистских симпатиях автора».

Так тогда воспринималась поэма. И впоследствии еще определеннее: Блок Христовым именем освятил дело большевиков.

А теперь, когда хлесткими словами характеризуется то, чем обернулось это дело спустя десятилетия, что стало с каждым из нас, страной и народом, хорошо еще, если делается вывод о наивности Александра Блока. И поэт, чье восприятие октября 1917 года было авторитетным свидетельством его исторического для судеб России значения, предстает заблудившимся.

Происходит это каждый раз (как в данном случае — с поэмой «Двенадцать»), когда в художественном произведении мы видим и открываем только то, что нам хочется видеть и открыть.

Аналогия «большевики — Христос» — не блоковская аналогия. Об этом можно судить по его записи в дневнике от 12 июля 1917 года. «Произошло странное недоразумение, — фиксирует он события дня, — я записал для председателя слова Белецкого о большевиках как «первых христианах» и пр., сказанные в крепости 6 июля. Председатель сказал, что, наоборот, Белецкий говорил о меньшевиках; когда я хотел взять бумагу обратно, Муравьев спрятал в карман и сказал: «Зачем же вам переписывать?» Идельсон согласен со мной, что Белецкий говорил именно о большевиках».

Белецкий С. П. (1873—1918) — бывший директор царского департамента полиции. Блок присутствовал на его допросах в Чрезвычайной следственной комиссии, редактировал протоколы. Свои впечатления от общения с ним он изложил 11 июня 1917 года в письме к матери: «Сам я погружен в тайны департамента полиции; мой Белецкий, над которым я тружусь, сам строчит — потный, сальный, в слезах, с увлечением, говоря, что это одно осталось для его души. В этой грубой скотинке есть детское». Чуть позже, 5 июля, пишет в дневнике: «С. П. Белецкий «очищается от грязи». Но можно ли очиститься, выливая также и всю чужую грязь и не стараясь оправдать ее? Нет, те, кто из них раскаялся (и раскаялся ли?), должны еще пройти много ступеней очищения, они — в самом низу лестницы, как «дети», только наоборот».

Из этого следует, что слова Белецкого о большевиках как «первых христианах» Блок не мог воспринять иначе, как попытку «очищения от грязи», как попытку представить себя прозревшим, раскаявшимся. А в последнем он сильно сомневался. Потому, думается, и не мог принять аналогию «большевики — Христос». В ней было что-то от оправдания. А Блоку нужно было утверждение.

К образу Христа он вышел в начале января 1918 года, еще до поэмы. В дневнике Блок набрасывает план пьесы, в которой дол-

жен был действовать Иисус Христос. При этом открыто переосмысляет библейский сюжет об учителе и учениках.

Апостолы у Блока — люди из народа, каждый в отдельности и вместе они обыденны, далеки от совершенства (и стремления к нему), заняты будничными делами, плутоваты. Вот один: «Дурак Симон с отвисшей губой удит. Разговор про то, как всякую рыбу поймать. (Как окуня, как налима)». Вот другой: «Андрей (Первозванный) слоняется (не сидится на месте)». И далее: «Около Иисуса оказываются уже несколько других (тоже с кем-то поругались и не поладили); бубнят что-то, разговоры недовольных». И ведут они себя, больше беспокоясь о себе на земле, о сегодняшнем, о том, чтобы выжить: «Иисуса арестовали. Ученики, конечно, улизнули. Правда того, что они улизнули». В итоге предстает жизнь, далекая от апостольской чистоты, благости, жизнь трудового, обиженного народа. Блоку хотелось подчеркнуть это, и он дает характеризующую запись: «Загаженность, безотрадность форм, труд».

Но за ними, за этими людьми, живущими обыденной трудовой жизнью, своя правда. Ее-то и аккумулирует Иисус: «Он все получает от народа... «Апостол» брякнет, а Иисус разовьет». Он — задумчивый и рассеянный, пропускает их разговоры сквозь уши: что надо, то в художнике застрянет».

Новая правда — в том, что «застрянет».

И вот эта стихия народного бытия и народного недовольства, в которой суждено родиться новой правде, новой жизни, новым идеалам, сопоставилась в поэтическом сознании Александра Блока со стихией его времени, с той стихией, что выплескивается сама по себе как сущее. А потому повторю выше приведенные строки, записанные Блоком в дневнике за несколько дней до Октябрьской революции: «Выступление может, однако, состояться совершенно независимо от большевиков — независимо от всех — стихийно».

Сопоставление в плане пьесы закреплено и на уровне деталей. Чего стоит характеристика: «У Иуды — лоб, нос и перья бороды, как у Троцкого». И вот поистине пророческое сопоставление в том, как будут действовать «апостолы» новой правды в утверждении ее: «Фома (неверующий) — «контролирует». Пришлось уверовать — заставили — и надули (как большевики). Вложил персты — и стал распространителем: а распространять з а с т а в и л и — инквизицию, папство, икающих попов, учредилки».

Нет ни в плане пьесы об Иисусе Христе, ни в поэме «Двенадцать», ни в дневниках и письмах Александра Блока н и ч е г о, что говорило бы, что он полностью на стороне тех, кому выпало течением стихии стать на острие ее, того должного, во что вылилась стихия, тех форм, которые при рождении обретает идея.

Желая нового, надо принять его в том состоянии, через которое оно проходит. А потому интеллигенция «может и обязана» работать с большевиками. В развитие этого категоричного утверждения Блок говорит:

«Я политически безграмотен и не берусь судить о тактике соглашения между интеллигенцией и большевиками. Но по внутреннему побуждению это будет соглашение музыкальное.

Вне зависимости от личности у интеллигенции звучит та же музыка, что и у большевиков...

Правда, большевики не произносят слова «божья», они больше чертыхаются, но ведь из песни слова не выкинешь».

Отсюда и тезис: «Всем телом, всем сердцем, всем сознанием — слушайте Революцию» *.

И в том, что Блок завершает свою поэму образом, далеким от однозначно точного определения ее, не слабость произведения, а его сильная сторона. Не субъективизм (как принято считать) поэта, а художническая зоркость.

«Идеальная заданность» блоковской поэмы «Двенадцать» может быть прояснена той исторической параллелью, которую поэт проводил. О ней он сказал в мае 1918 года в письме к З. Гиппиус: «Неужели Вы не знаете, что «России не будет» так же, как не стало Рима — не в V веке после Рождества Христова, а в 1-й год I века?» Ее он повторил и в лекции 1920 года «Владимир Соловьев в наши дни»: «Все отчетливее сквозят в нашем времени черты... новой эры, наше время напоминает... первые столетия нашей эры».

...В начале пути, уже почувствовав свое призвание Поэта, Александр Блок напишет:

Я безумец! Мне в сердце вонзили
Красноватый уголь пророка.

Пророком он оставался и в конце своего пути. Но только сегодня мы оцениваем масштабность его предвидений и по-своему осмысливаем великую поэзию. Российская империя умирает, но возрождается Россия.

●

---

* Сегодня мы только начинаем следовать этому завету гениального поэта, открывая для себя неизвестные страницы истории. Мы вслушиваемся в Революцию и в ее стихии различаем не только созидательные мотивы, но и разрушительные синкопы, которые и по сей день разыгрываются на леворадикальных скрипках, нередко звучат в их программах и лозунгах.

Ирина ШЕВЕЛЕВА

НЕ СТОИТ ЗЕМЛЯ БЕЗ ПРАВЕДНИКА

(О прозе Николая ДОРОШЕНКО)

Действие большинства рассказов и повестей Николая Дорошенко разворачивается в глухих поселках и деревнях средней полосы России — там, где, кажется, до столицы никак не менее тысячи километров («Тысяча километров до Москвы» называется и первая книга писателя). Провинциальная Россия у него живет как бы сама по себе; дышит тихо, движется неторопливо, пассивно принимая на себя бури и катастрофы эпохи. Именно там, в глубинке, «на глубине», отыскивает Дорошенко своих героев, свои сюжеты и конфликты.

«Словно споткнувшись с разбегу о тишину одноэтажных улочек, до гостиницы я добирался с такою же затаенностью и немотой, с какою, наверно, движутся рыбы глубоко под водой. А уже в гостинице я никак не мог уснуть, — как сквознячком, тянуло со всех сторон простором немыслимой тишины, и в глубине этой тишины малыми огонечками вспыхивали, по нескольку мгновений колыхались отдельные слабые звуки проехавшей где-то далеко машины, скрипнувшей в коридоре двери». Такой зачин рассказа не слишком привычен для современной «динамичной» прозы. Отсюда берет начало мотив, очень важный в творческих усилиях прозаика, — исполненный надежды на зреющие подспудно силы, ожидание героя из самых недр народа. И вслед прорывается жизненная исповедь, возникают характеры, отмеченные чертами самобытности. А сюжет незатейлив. В поселковой гостинице случайно встречаются два русских интеллигента, люди того поколения, которое обычно именуют молодым, несмотря на вполне достаточный для зрелости опыт жизни — профессиональный, семейный, социальный.

Один, тот, что помоложе, — командированный из Москвы. По отдельным скупым приметам, он скромный деятель, видимо, на журналистской ниве. А другой, чью исповедь нам предстоит выслушать вместе с соседом по номеру, и вовсе недоучившийся студент, сельский житель без определенной профессии. Он — «хозяин неизвестного музея», и впрямь редкостного музея — деревенского быта в самой деревне. Без должности и зарплаты. Хотя вроде где-то при Доме культуры числится и что-то получает. А вот музей — за свои деньги. Потому что только так единственно он может чувствовать себя на своем месте... Едва ли не забытое ныне напрочь чувство стыда за искусственность своего «официального» положения в обществе — учеба в областном университете, работа в районной газете, — вынуждающего его вступать в компромиссы с самим собой, полностью противоречит натуре героя. Он называет это в себе самолюбием. Какая тонкая, деликатная, чисто русская черта, подмеченная писателем, — никаких громких слов о борьбе с ложью, несправедливостью, «коррупцией»... «Всего лишь» принятие жизненного решения.

Нравственный конфликт, конечно, принадлежит нашему веку. И достаточно небывалый для него. Недаром собеседник Анатолия, с искренним сочувствием внимающий всем трагикомическим обстоятельствам его стараний принести пользу односельчанам-землякам, все-таки не может понять: из-за этого отказываться от высшего образования, должности, словом, от места в жизни?

«— Но ведь глупо, глупо ты поступил! — воскликнул я досадливо.

— Не знаю... — ответил Анатолий вдруг совсем виновато.

— А тут и знать нечего, — сказал я, почему-то злясь на него за его виноватый тон. — Ну, работаешь ты в своем музее, а если придет тебе в голову, что и здесь ты не на своем месте?

— А больше никто не согласится почти за свои деньги музей этот содержать...»

Последняя фраза — ключевая в национально-психологических поисках прозаика. Его тихий пока еще ответ на громко-напористую реплику «тебе что, больше всех надо?». Здесь таинственные истоки Русского музея в обширном смысле, истоки Третьяковки, Пушкинского музея, всех обителей памяти...

В коротком рассказе писатель создал образ обаятельный. Хотя его герой Анатолий еще не вылеплен в полный рост, во многом эскизен и даже литературен: дан с тактичной, но ощутимой оглядкой на лесковских праведников, на традицию тургеневских вечных студентов и ближе — шукшинских чудиков. Но знаменателен не только тот факт, что еще молодой писатель движется в русле отечественной классики, знаменательно то, что своего героя он нашел и нашел там, где искал, — в народной глубинке.

Также и в рассказе «Из писем к брату» молодой писатель сумел показать причудливый сплав жизненных пластов, формирующих человеческое мировоззрение. Девушка, пишущая брату обо всем, что происходит дома, живет одновременно и в мире школьных прописных истин, и в мире девичьих мечтаний (обостренных ее чуткостью к красоте, чистотой душевных порывов), и в мире повседневности. Все уживается в ней: любовь к природе и молодая радость даже от тяжелой полевой работы, романтическое желание какой-то необычной судьбы и смутное ощущение разлада, развала деревенского мира, жалость к матери и понимание отца... На ее глазах драма века идет к своему разрешению; вроде бы окончательно отмирание тех нравственных устоев, в основе которых вечный труд, и наступление бездуховности с ее презрением к крестьянскому вековому укладу, обманом и приписками «во вселенском масштабе», призраком мниморазнообразной, облегченной жизни. Городской жизни. Яснее всего это сказалось в представлениях девушки о будущем муже, о супружеском идеале. Лиза думает об отце и матери: «...я представить не могу, как это человека только за то, что он все делать умеет, полюбить можно?..» И о своем женихе, который соответствует ма-

теринским идеалам: «Мне даже страшно подумать, что я буду вечно жить среди огорода, буду бесконечно готовить то мужу еду, то пойло корове, то еще что-нибудь. Это ж все равно, что заживо себя похоронить, и только иногда включать телевизор, чтобы посмотреть уже без всяких надежд, как другие люди живут интересной жизнью».

Н. Дорошенко рисует не просто бытовой конфликт, а важную проблему. Носитель крестьянских устоев, отец Лизы постоянно, еще до злополучного мешка со свеклой, поступает и говорит так, что держит дочь в беспрерывном страхе за него: «Ой, что ему за это будет?!» Она пугается его высказываний, вроде такого замечания о парадных речах председателя колхоза: мол, грамота ему и всем вам нужна, чтобы ловчее про «неиспользованные резервы» говорить, когда сено погноили и на коров весной смотреть страшно... И так во всем отец неудобен, «несовременен», всегда на грани дозволенного, всегда над ним маячит призрак ареста, суда... Очень понятно желание милой, любящей девушки жить иной — нестрашной, веселой жизнью. Наверное, даже если выйдет она за любимого парня, останется с ним в деревне, часть души ее все равно уже отвратится от родных мест.

Впрочем, Н. Дорошенко не дает дальнейшей разработки этого мотива. Его взгляд прикован к уходящему чуду светлого народного бытия, углубляясь и становясь объемней в новых сюжетных поворотах и совсем иных социальных конфликтах.

На этом поле вырастает он в самобытного художника. Поэтические картины, освещенные этим горизонтом, естественно и свежо прорастают видениями. В них уже — и то, что зришь воочию, и сон наяву, и сказка... («Там лес и дол видений полны...»)

Пейзажи, характеры, мысли-образы Н. Дорошенко полнятся видениями. («Видение о Липенском луге» — название повести и одной из его книг.) Сама его писательская манера — созерцательная, исполненная доверия к воспринимаемому как к чуду, волшебству явлений жизни. «...увидишь близко-близко чье-то совсем незнакомое лицо и, вглядевшись, поразишься не только какой-нибудь загадочной мысли этого человека, но и самому его дыханию...»

И вроде бы уже кажется, что не писатель идет в мир, а мир сам надвигается на него, вызывая на соучастие. «Я бы не решился тратить время на рассказ о нашей с Толиком деревне, кому какое дело до этих нескольких изб, неуклюже столпившихся под открытым небом, затерявшихся среди безымянных холмов и равнин. Но это здесь однажды вспыхнул в неколебимой тьме, соткался из бог весть откуда взявшихся тонких нитей тот мир, в котором нам с Толиком предстояло жить и слышать о Парижах, Лондонах, Саратовах, о Москве; все небесные звезды, все реки и океаны для нас по сей день неслышно кружатся именно вокруг этого, неизвестного вам, места; весь белый свет, как огромный корабль, однажды стронулся, поплыл именно сюда, смутно входя в наше сознание то желтым, дымящимся в зное силуэтом Африки, то бумажною белизною Севера; и именно вот к этим крепким безымянным холмам мы с Толиком однажды примерили нацелившуюся из-за океана бомбу и ликующе поняли, что неспособна их пошатнуть темная, скрытая в бомбе сатанинская сила». Да, видения, идущие на зов авторского воображения, здесь еще наивны и призрачны. Но основа воображения —

чувство земной крепи. Самого себя автор видит «на своем холме», обостренно ощущая прежде всего свое происхождение от этого края, этих деревенских изб, этого открытого неба... Здесь и возникает главный конфликт его прозы. Здесь обступают его видения уже духовно-исторические.

Что-то очень родное чувствует Н. Дорошенко, вслушиваясь в рассуждения героя повести «Жили-были» Постникова Павла Ивановича «о том, что нет лучшего дерева для присошников, чем красная верба, стоит она почти наравне с дубом. А березу, мол, напрасно некоторые люди в землю вкапывают да губят. Таким людям не напасешься даже дарового добра». Заметим, не только в рассуждениях Павла Ивановича, а и вообще в творчестве Н. Дорошенко зло иначе не именуется, как «некоторые люди». Ибо не на персонификацию зла обращено его внимание, а на ценность человека. Его Павел Иванович полностью поглощен трудом, трудом как жизнью, свежо и постоянно переживаемой реальностью: нет «прорех» между ним и бытием, нет взгляда со стороны, но зато какая даль взгляда «изнутри жизни»!.. Какое интенсивное ощущение ее мирного лада, истинно беловского «Лада». Все тревоги жизни, даже малейшие предвестия их мгновенно «ударяют» в его душу, «колышут» ее, вызывают деятельный отзвук. Так и описан случай, когда в праздник Дня Победы Павлу Ивановичу вдруг почудилось, что началась война. «Глаза Павла Ивановича не по-стариковски раскрылись, изумились странному, будто пригрезившемуся свету. Стал он ждать-пождать, а время тоже остановилось на месте, было неподвижным оно наподобие вот этого смутного вечернего света. И никак не приближалась та минута, когда должен был выйти на улицу хоть кто-нибудь из самаркинцев...

И будто шевельнулся, стал набухать в воздухе тихий и тревожный звук».

Знакомое почти каждому состояние внезапной необычности привычного у героя Н. Дорошенко остро ассоциируется с давней катастрофой — началом войны. Он спешит в дом, с порога вслушиваясь в речи по радио. При этом «горько, с иронией к себе старался не замечать он своего желания крикнуть в приемник — так когда-то много-много лет назад, очнувшись ночью в поезде, с грохотом продиравшемся сквозь темноту к войне, боролся он с желанием вскочить, побежать к машинисту и крикнуть ему: «Да человек ли ты?! Не то ведь страшно, что ты быстро гонишь поезд, а то страшно, что кажется, будто у тебя сердца нет!» Человечье сердце — тот «инструмент жизни», который человек обязан пускать в ход и вырубая дерево, и копая обильную картошку, и вслушиваясь в звуки природы, музыки, гудящей техники, и глядя в небо: «Густо лежала ночь над землею. И смотрела она на Павла Ивановича ясными звездами. Глянул и Павел Иванович ей в звезды теперь уже спокойным взглядом». Неуемная эта потребность сердцем ладить мир — народное наследство, принимаемое от своего героя молодым писателем, ощущающим, как свою, его боль от любых проявлений разлада.

Именно от своих героев узнает Дорошенко о совестливости и богатырстве, доброте и подвижничестве. Потому он и рисует их — в одухотворенных своих видениях.

Чутко подметил писатель такую вот, вроде бы неприметельную, житейскую сценку:

«...Однажды весною прокралась вода к силосной яме, хлынула в нее настырными ручьями. Ну, приехал председатель, заглянул в яму, сказал:

— Тут не то чтобы много осталось, пусть трактора заровняют всю эту беду, а то ненароком проверка пробьется сюда, взгреют нас так, что силосу не захочешь!

— Может быть, я его наверх выкидаю? — сказал наш великан и полез в яму, начал поддеплять силос вилами...

...Тяжелый, налитый кислым соком силос, казалось, не поддавался вилам, но куча на краю ямы быстро росла. Проходившие мимо доярки, затихнув, останавливались посмотреть на великана. И председатель тоже забыл о своей заботе, долго стоял он в толпе людей, пораженных невероятным зрелищем...»

Писатель тоже любуется своим героем, не забывая напомнить нам, что тут не демонстрация силы, а естественное проявление прекрасной совестливой души. Русский характер, потаенная порой душевная сила проступают тут как бы сами собой. Как проступают они в те исторические минуты — равные веку, — когда требуется прежде всего именно человеческая сила. Энтузиазм народа «единым махом» перевернул и перестроил многовековое государство. И как бы ни оценивали сегодня новейшие экономисты, социальные реформаторы — «прорабы», в том числе и представители творческой интеллигенции (притом со стороны, «сверху» — очень показательный пример — повесть «Васька» С. Антонова), этот «нерасчетливый», «безрассудный», едва ли не самоубийственный и «ненаучный» феномен, — свершенное стоит перед миром во всей своей исторической громадности. Истоки этого подвига оказались для многих поколений сегодня размытыми, ушедшими словно в фальшивое неведомое. И писатель стремится добраться до сути, осознать необратимое и разглядеть его влияние на грядущее.

Тревога за любимых людей, за родное не покидает автора. Его ранит сложный жизненный конфликт между трудом человека, направленным на благо, на изобилие жизни, и нерадостными, в то и трагическими результатами честной и добросовестной деятельности. Хорошие, добрые, сильные люди живут на земле — а она пустеет, скудеет людьми, наступление техники уродует природу, не во благо ей идут научные достижения века, покоряется бездушию доброта, утрачивается историческая память, теряется народная культура. Все это самые современные проблемы. Для Н. Дорошенко это собственные проблемы, его судьбу решающие. Именно потому, наверное, писатель упорно, с любовью и верой ищет героев, поступками своими противостоящих запустению и разрушению родного, забвению духовных ценностей народа. Таков и «хозяин неизвестного музея» (рассказ и одноименное название одной из трех книг Н. Дорошенко), и отслужившие в армии деревенские парни (рассказ «Солдаты»), и молодой председатель колхоза, которого назначили, по мнению его родного деда-крестьянина, потому, что «больше уже некого»...

Беда не просто в обойденности деревни-матери благами цивилизации, и даже не только в прямом вмешательстве в ее судьбу, в насильственном ссилении людей с родных мест. Творческий конфликт в прозе Дорошенко — это «расщепление ядра» души человеческой, такой же неделимой, как земля, которую «насмерть не разрежешь». Не единожды трагические повороты истории покушались на драгоценнейшее наше достояние: нерушимость нравственного отношения к миру, совестливость души народной. Из всех испытаний выходила она целостной, неповрежденной.

В повести «Видение о Липенском луге» происходит нечто фантастическое — при покушении на сокровенное между природой и человеком, на то, что у В. Распутина явлено в образе «хозяина Матеры», а у Н. Дорошенко — в образе обитателя Липенского луга на Курщине. Есть еще в Европейской России, — казалось бы, вдоль и поперек перепаханной, изрытой, истоптанной, — такие луга, такие засечные места, что хранят память крестьянских родов, народной культуры, священного отношения к земле. Срезана часть луга, умирает старинный ее обитатель, поражая открывшимся фактом своего существования колхозных механизаторов, давно живущих иными представлениями о дне сегодняшнем, мало задумывающихся о далеком прошлом, о связи времен. И есть в любом селе незаметные носители родовой памяти. Таким был до случившегося с ним и герой «Видений о Липенском луге» Тимоха.

«И сейчас невольно вспомнил об отце Тимоха.

Да, можно сказать, не вспомнил даже. Вспоминать можно то, что забывается, то, что тебе уже не принадлежит, не является частью твоей жизни. О самом же себе не забудешь. И это только кажется, что время утекает безвозвратно, что и сам ты какую-то часть кидаешь в торопливо смутное его течение. Нет, стоишь ты, весь целиком, на одном месте. А время тебя лишь пронизывает насквозь, пролетает сквозь тебя и не разоряет ни душу твою, ни память, а только еще прибавляет к ним нового, незнакомого, но легко узнаваемого, радостного и горького, но всегда очень родного чувства. Вот же, как сорок небесных птиц, сорок лет жизни поднялись и улетели с земли и вроде бы много пустого места на ней оставили, и на лугу по дороге к дому уже не встретить многих людей, а все равно пустоты вокруг себя не видишь! И иной раз кажешься себе шестилетним и слышишь в воздухе отцовский окрик: «Это куда ж ты направился, а?»

Мироощущение дорошенковского героя не входит в актив современных художественных размышлений. А ведь это наш национальный художественный мирообраз. Жизнь не кончающаяся, происходящая всегда как ныне, картина мира как родовая память. Это наша душа. Она не может быть нарушена, свободна от памяти, сострадания, деятельного сбережения живого. Всем этим и наделен герой Н. Дорошенко.

Но именно он, Тимоха, сострадая бездушному, пришлому, случайному человеку, именно сострадая, а не подчиняясь начальственному нажиму — преступает черту, за которой — утрата народной души: распахивает родной ему Липенский луг.

Для председателя, озабоченного внешним, обманчивым порядком, Тимоха — лишь отлынивающий от пустякового дела. Он обвиняет механизатора... в бессовестности. А Тимоха, в свою очередь, с ужасом вглядывается в человека без рода-племени:

«И понял он одиночество этого непонятного человека. И понял он также, как много сил горит в этом человеке. И стало Ти-

мохе стыдно, что вот один он, Тимоха, увидал этот горящий в безлюдной пустыне огонь...

— Товарищ Валиенков! — с ужасом гляди на председателя, сказал Тимоха. — Я плохого вам не хотел делать! И выход всегда можно найти! Потому что все мы одинаковые люди!»

Выход Тимоха нашел один — самоотречение, подчинение темной воле. Но как же так случается с русским человеком? Как же все-таки он, Тимофей Георгиевич, оступился, уступил что-то самое заветное? За фантастическим конфликтом повести встает мучительное, наболевшее, насущно требующее ответа и решения. Как могли в человеке порушиться вековые корни, отпасть народная память — и неужели призрачна надежда на возрождение российской души? Память человеческая одухотворяет и хранит дом, род, землю; а она ведь, память, в натуре, характере, нравственной повадке. Основа русского характера — доброта, жалостливость, простота; все это чтимые нравственные ценности. Но, выходит, они-то и подвели Тимоху? Самое дорогое отдать не жалко, лишь бы воцарились в жизни мир да лад. И вроде бы ради этого Тимоха теряет в себе душу хозяина земли, наследника рода — не корысти ради, а сострадая бездушию, по-своему стремясь преодолеть его. Но, как видно, одной уступчивостью зла не одолеешь. А себя потеряешь. Непростой бытийный узелок завязал писатель, требуя и от читателя усилий распутать его. Но он не бросает ни читателя, ни своего героя в гибельную минуту. С трепетом вглядывается во мглу: а что же за ней?

«Прежде чем включить мотор, Тимоха подождал немного в тишине, чтобы убедиться, что отпущенная им ныне на волю душа его осталась жива, невредима, гуляет сама по себе, не тужит.

И из темноты глядел в его душу зрачок мышиного глаза, мелькали белые головки детишек, уехавших вроде бы, а, нет, оставшихся здесь навеки, отец усмехался, покуривал, другие люди тоже глядели, и кто-то спрятанный глубоко в землю вздыхал, будто хотел вымолвить: «А что поделаешь? Мало ли что может приключиться! А жизнь на месте не остановить!..»

Наверное, самое трудное для настоящего писателя не только найти и воссоздать волнующий его характер, жизненную ситуацию, расставить четкие художественно-нравственные ориентиры, но прежде всего не осудить, не «заклеймить» человека, полюбить его таким, каков он есть, и вместе с ним пойти на поиск праведных путей.

●

Искусство

Общеизвестно, в каком состоянии находится современный российский театр. Волны авангардизма, захлестнувшие театральные подмостки, уже до неузнаваемости изломали и способны окончательно смести классические традиции русского сценического искусства. Советский театр, в котором на протяжении всех лет его существования зримо просматривается борьба классической традиции с авангардизмом, сегодня явственно свернул на авангардистские рельсы. Чуть ли не все вновь создающиеся театральные студии словно в каком-то апокалипсическом раже ринулись на показ насилия, жестокости, аморализма, на демонстрацию самых низменных человеческих инстинктов. Эротика и секс стали обычной атрибутикой в постановках современных драматургов и интерпретаторов классического репертуара. Внимательный анализ этого явления отчетливо показывает его чужеродность общечеловеческой культурной традиции, не говоря уже о конкретной нации или народности. Природа такого искусства — вненациональна. Не избежали подобных веяний и многие серьезные в прошлом театральные коллективы.

Искусство, несущее высокодуховные и нравственные человеческие критерии, стало для немалого числа так называемых «новаторов», по сути, анахронизмом, достойным лишь саркастической усмешки и откровенного презрения. Традиции уважения к человеку и к его духовным идеалам забыты и попраны на сцене. Продолжающийся разгром театра, основанный на принципах разрушительного нигилизма, вызывает обоснованную тревогу культурно мыслящей общественности, и это заставляет обратиться к серьезному анализу истоков театрального авангардизма, чему служит предлагаемая статья известного театрального критика М. Н. Любомудрова. Главный ее герой — Вс. Э. Мейерхольд, один из основных идеологов и практиков авангардистской «эстетики».

Отдел литературной критики и искусства

М. ЛЮБОМУДРОВ

АГОНИЯ НИГИЛИЗМА

(ПУТИ РОССИЙСКОГО АВАНГАРДА)

В мощном потоке театральных исканий XX столетия видную роль играл российский сценический авангардизм. Авангардизм в данном случае рассматривается как одна из составляющих модернизма, увлекшего значительные круги художественной интеллигенции. Его усилиями в первые десятилетия XX века были подвергнуты пересмотру едва ли не все сложившиеся традиции отечественной театральной культуры и прежде всего ее нравственно-просветительское, сверхэстетическое назначение.

Наступление авангардизма шло под лозунгом свободы творчества, ничем не ограниченного раскрепощения искусства, эмансипации, как тогда выражались, сцены из-под власти любых внетеатральных элементов: театр должен прежде всего оставаться театром, а не «кафедрой», не «школой жизни» и т. п.

В первую очередь стремились «освободить» сцену от драматургии, от литературы. В сознании модернистов ценность театра исчерпывалась самодовлеющей игрой сценических форм, изощ-

ренностью условных приемов, зрелищностью режиссерской партитуры. Тогда распространилась и стала крылатой фраза, что пьеса — только «предлог» для спектакля и значение ее едва ли не второстепенное. Декларированный немецким режиссером и теоретиком Г. Фуксом в книге «Революция театра» (опубликована в России в 1908 г.) мятеж против «засилья» литературы захватил многих участников авангардистского движения.

Виднейшим среди них, поистине вождем театрального модернизма был Вс. Э. Мейерхольд (1876—1940).

Споры о творчестве Мейерхольда, о его роли в нашей театральной культуре сохраняют свою остроту. Это вопросы совсем не академические, они остаются злободневными не случайно: ответ на них определяет, в чем духовная суть традиций отечественного театра, на какое наследство он должен опираться.

Творческую деятельность Мейерхольд начал на подмостках Московского Художественного театра — как своего ученика по Филармоническому училищу его привлек в труппу Вл. И. Немирович-Данченко. По первоначальному замыслу К. С. Станиславского, ставившего спектакль «Царь Федор Иоаннович», Мейерхольд должен был играть в нем заглавную роль. Но потом роль была отдана И. М. Москвину. А первой заметной работой Мейерхольда в МХТ стал Треплев в чеховской «Чайке».

Образ молодого драматурга-декадента, видимо, совпадал с глубинным мироощущением исполнителя. Мейерхольд, замечательно сыгравший Треплева, всегда называл его «своей самой любимой ролью». Некоторым современникам казалось, что актер играл как бы самого себя. Предполагал ли он тогда, что реплика героя — «нужны новые формы, новые формы нужны, а если их нет, то ничего не нужно» — станет на всю жизнь его творческим девизом. Можно сказать, что с ролью Треплева родился театральный Мейерхольд, и не оставался ли он Треплевым — «надо изображать жизнь не такою, как она есть, и не такою, как должна быть, а такою, как она представляется в мечтах» — до конца своих дней? В контурах мейерхольдовского Треплева писатель Борис Зайцев увидел «черты талантливости без некоего «Божьего благословения», нервность без влаги, головная, сухая возбужденность и неспособность к творчеству органическому, из почвы подсознания идущему, — это, кажется, и есть Мейерхольд... в общем неблагодатность и бесплодие определили путь этого незаурядного человека. Он стал врагом Станиславского, врагом Москвы, корней, исконных соков русской земли».

Вскоре уйдя из МХТ (1902 г.) и став самостоятельным режиссером, Мейерхольд бросил вызов прежде всего русской реалистической традиции. В современном ему театре он вообще не видел ничего национально-самобытного. Режиссер более чем откровенно формулировал свои принципы: «Прежде всего я, мое своеобразное отношение к миру. И все, что я беру материалом для моего искусства, является соответствующим не правде действительности, а правде моего художественного каприза».

Эстетика Мейерхольда формировалась на почве индивидуалистического мироотношения. Глубоко коренившиеся в нем страсть к изобретению и заимствованиям все новых форм, приемов, эффектов, пафос причудливого смешения стилей, дух протеста против сложившихся канонов бытия, безудержная жажда художественного обновления всю жизнь не давали ему покоя и об-

рекли на бесконечную эстетическую погоню, в которой он не знал передышки.

Разумеется, не только Мейерхольд и его сторонники пытались навязать, привить нашей сцене новую моду — установку на так называемый «театр исканий». Один из критиков увидел в этом стремлении кочевой образ духа, отрицающий не только эстетическую, но и нравственную оседлость, утвердившиеся культурные традиции. Подобным мировосприятием были заражены значительные слои российской интеллигенции, которую называли «самой бродячей из всех на свете...». Философия М. Штирнера, Ф. Ницше, а также разного сорта доморощенных Смердяковых, люциферический гипноз концепции сверхчеловека опьянили тогда многие головы, породив настоящую эпидемию в интеллигентских кругах. Всякого рода «искателей», с глумливой ухмылкой бросавших под ноги достижения многовековой культуры, XX век плодил с поразительной быстротой и неутомимостью. В творчестве Мейерхольда ипостаси нигилизма проявились, быть может, с большей обнаженностью и наступательностью.

Культ новомании, преодоления традиций, вседозволенности обнаруживал обычно одну и ту же практическую цель — жажду разрушения. Объектом могли стать человек, народ, искусство, культура. И почти всюду хищный кочевой аппетит стремился взыскать дань по формуле известного шекспировского персонажа — фунт мяса и поближе к сердцу...

Проницательный Немирович-Данченко, вероятно, ощутил это еще в момент ухода Мейерхольда из Художественного театра — чужой среди своих, свой среди чужих... Да и сам Мейерхольд признавался «в полном отсутствии товарищеского контакта» с коллегами: «Меня раздражали они, я казался странным им». Перед уходом Мейерхольд отправил несколько дерзких ультимативных писем Станиславскому, одно из которых оканчивал угрозами свести счеты со своими врагами и заявлением: «Для выяснения истины я не остановлюсь ни перед чем».

Мейерхольда увлекали лицедейская природа театрального искусства, экзотика необычных сценических форм, декоративно-пластические возможности режиссуры, эксцентрика и условность приемов. Его жажда новизны во что бы то ни стало предопределила иерархию ценностей и художественную всеядность. К органической реальности человека на сцене, к правде его душевных движений, к психологии, быту — то есть к живой жизни, к характерам Мейерхольд зачастую был равнодушен.

Работая в 1906—1907 годах в театре В. Ф. Комиссаржевской, режиссер мог часами спорить о том, на сколько аршин отодвинуть декорации от рампы, не жалел сил для того, чтобы выравнять движения актеров в одну линию, как это было в спектакле «Сестра Беатриса» М. Метерлинка, ничего не говоря о внутреннем, психологическом обосновании замысла. Во многих его постановках ясно обозначилось преобладание декоративной, живописной стороны над актером, гипертрофия стилизации, тяготение к театру марионеток. На сцене ему были интересны «играющий человек», движения его тела, пластика; он разрабатывал, обновлял технику и технологию лицедейства. И убеждал своих учеников в том, что «дурачество и кривляние необходимы для актера. Самая простая простота должна иметь элемент кривляния».

Александр Блок, поначалу увлеченный экспериментами Мейер-

хольда, вскоре почувствовал их отвлеченно-умозрительный характер и холодное безразличие к человеку. О его постановках 1910-х годов поэт писал: «Узорные финтифлюшки вокруг пустынной души, которая и хотела бы любить, но не знает источников истинной любви. Так как нет никакого центра... Претензии па пересаживанье каких-то графов Гоцци на наш бедный, задумчивый, умный, север, русский, — есть только бесчинство».

Блок в письмах достаточно беспощадно оценивал режиссера, относя его к числу «прирожденных плагиаторов с убогим содержанием души, но с впечатлительностью, которая производит впечатление таланта», и считал, что Мейерхольд погибнет как художник, если не бросит «вовсе кукольное и не вернется к человеку».

Утверждая самоценность искусства, противопоставляя художественное творчество жизни, Мейерхольд тем самым отрицал исторически сложившуюся в отечественной культуре совокупность традиций. По выражению искусствоведа В. Н. Прокофьева, режиссер вступил в борьбу «против самого человечного искусства в русском театре, против эстетики Чехова, Горького, Льва Толстого, Станиславского, противопоставив ему условный театр масок, трагический гротеск, балаган. Именно он чаще всего, по его собственному выражению, «наносил удар в сердце человека», когда заставлял актеров создавать сценический образ по законам стилизации и барельефа...».

Шумный резонанс в свое время имела его постановка оперы М. Мусоргского «Борис Годунов» в Мариинском театре (1911 г.). Уже тогда зрителям бросалась в глаза странная наклонность изображать древний русский быт непременно так, чтобы из него «сквозило русское варварство и голая нищета»... Народ в спектакле предстал нищенски одетым, в лаптях и лохмотьях, в народной толпе появлялись юродивый в невероятном отрепье, непристойные скоморохи с непристойными ужимками, пьяные бродяги. Тенденциозная последовательность Мейерхольда рождала законное недоумение критики: «Почему же русский couler local * должен состоять непременно в пьянстве, в пьяном бормотании, в свинских позах и бесстыдных телодвижениях? Почему же раз вы выводите толпу, то непременно нужны первобытные лапти, нищенские свитки, какие-то звериные шапки, рубища, опорки и всякая тому подобная дрянь»? («Петербургские новости», 1911, 4 сентября).

Уже тогда начало формироваться еще более окрепшее позднее расхождение режиссера с ценностными установками русской классики: «Мейерхольд всегда ненавидел быт, «преодолевал» его и всегда искал злобного, мстительного, унижающего всякое идеалистическое представление гротеска» (А. Р. Кугель).

На Мейерхольда, конечно, сильно повлияли модные в начале XX века ницшеанство и штирнерианство с характерным для них идолопоклонством перед личностью. Соблазн идеологии «сверхчеловека» оказался для него мощным жизненным стимулом. В режиссерском творчестве он почувствовал возможность беспрепятственного развертывания своих притязаний, замыслов, фантазий. Мейерхольд ставил спектакли, подчиняя их своему театральному самоутверждению, ставил, по существу, ради одного героя — этим героем, по остроумному замечанию критика А. Р. Кугеля, был он сам. Одной вере он не изменял никогда — вере в себя. Искусство как сотворчество, режиссура как общее дело, устремленное к сценической гармонии, к ансамблю, мало увлекали его.

Революционные события 1917 года не только не поколебали творческих установок Мейерхольда, но дали им новый мощный толчок — для реализации своих планов режиссер почувствовал небывалые перспективы. Ставший ему привычным нигилизм в подходе к отечественному наследию соединился с широкой мировоззренческой экспансией. Уже в первой после октября 1917 года речи перед артистами императорских театров Мейерхольд «звал к искусству всего земного шара, к отречению от России» («Наша речь», 1917, № 1, 26 ноября). По наблюдению Бориса Зайцева, «как многие неудачники и полунеудачники, примкнул сразу с бешенством и яростью к коммунизму».

Театральный авангард вступил в новую пору бури и натиска. Его девизом стали строки из «Мятежа» бельгийского поэта Э. Верхарна, которые нередко тогда цитировались: «Безумцы, кричите свои повеленья! Сегодня всему наступает пора, что бредом казалось вчера...».

Мейерхольд первым поставил «Мистерию буфф» В. В. Маяковского — воинствующе антирелигиозный спектакль, воспевавший дух классовой ненависти. А вскоре провозгласил программу под названием «Театральный Октябрь» (1920 г.), поведя напористую борьбу за монополию авангардизма на художественное творчество и, в частности, на «революционный» театр. Взращенный ницшеанством, мейерхольдовский «сумрачный радикализм» (В. И. Немирович-Данченко) получил административный простор... Его лозунг «гражданской войны на театре» нашел отклик, увлек за собой часть молодежи. С политическими претензиями выступали и некоторые другие левые течения. Они с азартом переносили лозунги классовой борьбы в художественную сферу, стремясь к немедленным и радикальным преобразованиям. Левый экстремизм создал угрозу существованию старейших театров страны; дискредитировались традиции реализма; отвергалась культура прошлого... Авангардисты ставили знак равенства между левизной политической и левизной художественной.

«Театральный Октябрь», провозглашенный как художественно-политическая программа, эстетически смыкался с Пролеткультом, с комфутами, а в плане политическом переносил на искусство идеологию и тактику экстремизма троцкистского толка (в частности, идею насилия как главного и единственного способа преобразования жизни, военизированные методы работы и т. п.). «Октябрем по театру» — назывался один из программных докладов Мейерхольда. Не случайно театр его имени был открыт спектаклем с характерным заглавием «Земля дыбом» (в основе его лежала пьеса француза М. Мартине «Ночь»).

Сокрушая препятствия «вздыбливающим» напором энергии, нанося таранящие удары по культурному наследию, совершал свои прорывы и рейды «главковерх» «Театрального Октября» Мейерхольд. Поняв революцию прежде всего как разрушение, он прямо переносил ее в театр, на подмостки, в кулисы, в зал. В практике Мейерхольда режиссура театрализованной «революции» на сцене смыкалась с «режиссурой жизни», с его широко задуманной ломкой и унификацией театрального дела всей страны.

После революции многие из тех, кто руководил культурным

* Самобытность.

процессом, действовали разрушительными методами и вели себя словно завоеватели в чужой стране. Полным ходом осуществлялась троцкистская программа денационализации России, о чем уже не раз писали наши исследователи. В небывалых масштабах осуществлялись раскультурирование русской культуры, разграбление ее материальных ценностей, разрушение памятников. Их сопровождали поругание веры и массовый террор, истреблявший лучшую часть генофонда народа.

Новоявленные пророки и вожди бросили Россию в «топку» мировой революции, которая должна была, по их замыслу, охватить пожаром все страны. Их полпреды и эмиссары на фронте «культурного строительства» стремились через обновляющую мясорубку «прогресса» революционизировать художественное творчество. Мейерхольд отдался этому со всей страстью.

На посту заведующего Театральным отделом Наркомпроса Мейерхольд действовал методами декретирования, пытаясь организовать сценическое дело по казарменному принципу. Роль театрального полководца необычайно увлекала режиссера. В Москве началось переименование театров — они должны были получить имя «театров РСФСР» и отличаться только порядковыми номерами, как части регулярной армии. «На тех театрах, которые теперь функционируют, надо повесить замок», — призывал Мейерхольд в конце 1920 года. Усилилась его нетерпимость к сценическим традициям русской школы, к старейшим академическим театрам, к деятельности МХАТа. Режиссер не раз требовал их полного уничтожения. Правда, он заявлял, что не намерен «покачнуть престиж славного мастера» — Станиславского. Однако, противопоставляя Станиславского Художественному театру, Мейерхольд как бы выносил искусство «мастера» за рамки русской культуры, называя его «русским Цаккони», «галлом по природе», говорил о практике «МХАТа как о «пересаждении мейнингенства на русскую почву», «недуге кронековщины» *.

Мейерхольд не однажды называл себя учеником Станиславского, заверяя его в своей любви к нему. Но он очень резко отзывался о «системе» учителя, говорил о ее идеализме, о внеклассовом подходе в оценках явлений жизни, о засилье у Станиславского «психологизма» и т. п. Конечно же, искусство воплощения жизни человеческого духа было глубоко чуждо Мейерхольду, воинствующему материалисту и безбожнику, каким он проявил себя и в 20-е годы.

Агрессивный пафос мейерхольдовского «Театрального Октября», попытки военизировать организационные принципы театрального дела прямо отразились в режиссуре, в сценических приемах. Эффекты военной техники, батальные эпизоды со стрельбой холостыми патронами постоянно вводились в спектакли. Мейерхольд нередко включал в действие воинские подразделения. Пальба звучала в «Земле дыбом», бой оказался центральным эпизодом спектакля «Человек-масса» в Театре Революции: там подмостки окутывались настоящим пороховым дымом.

Творчество режиссера вступило в период бурной милитаризации. Недовоплощенные в жизни, непримиримые и грозные фантазии доигрывались Мейерхольдом на сцене. Труппу он называл «солдаты моей Армии», репетиции в его театре (Театр имени Мейерхольда) велись под надзором специального «штаба», спектакли имели своих «комендантов». К 20-летию режиссерской деятельности Мейерхольд получил звание почетного красноармейца. Он много работал с красноармейскими театральными студиями. Речи Мейерхольда пестрели военной терминологией. Он носил френч или черную кожанку, краги, красную звезду на фуражке. На его столе в кабинете Театрального отдела Наркомпроса рядом с бумагами лежал маузер. У дверей на часах стояли вооруженные до зубов матросы.

* В молодости Станиславский увлекался искусством немецкого режиссера Г. Кронека, руководившего труппой герцога Мейнингенского.

Борьба сторонников «левого» театра за свою программу имела непримиримо-атакующий характер. Показателен в этом смысле сборник «О театре» (Тверь, 1922 г.), среди авторов которого были некоторые близкие тогда Мейерхольду теоретики. Они попытались создать концепцию нового революционного искусства, которое могло бы «удовлетворить созидательный, ищущий вкус пролетариата». Однако первые же страницы сборника обнаруживали крайнюю односторонность позиции и нигилистический экстремизм его авторов, отрицавших все ранее накопленные культурные ценности, огульно названные буржуазными. «Общая платформа» сборника заключалась в разрыве с прежними театральными устоями и традициями: «Творцами современного театра могут быть только люди, социологически разорвавшие с прошлым». Приобщение трудящихся масс к «старой культуре» объявлялось «контрреволюционной деятельностью» (А. М. Ган), категории «народа» и «нации» рассматривались как «метафизические фикции» (Э. М. Бескин). Главная задача виделась в том, чтобы «пришпорить» якобы колеблющуюся, нерешительную театральную политику государства.

Вся территория РСФСР должна была стать «сплошным театральным фронтом». Лозунг беспощадной войны, призывы к расправе и насилию, без которого «невозможно обойтись», были обращены к тому, чтобы «упразднить» всю прежнюю культуру. «И мы разовьем ураганный огонь, который будет безжалостно вносить опустошение в окопы наших противников», — писал В. И. Блюм в открывавшей сборник статье «На перевале».

Агрессивность, разрушительный пафос «левой» режиссуры повергали в смущение иногда и самих адептов авангардизма. Например, поэт В. Г. Шершеневич выражал тревогу за результат борьбы (1923 г.): «Мы неустанно рушим. Безжалостно. Все, чем гордился театр старого закала, — все подлежит, с нашей точки зрения, мечу и пожару... Мы растаскиваем до основания все... Но мы незаметно дошли до... «долой зрителя». Никогда не следует гнаться за тем, чтобы быть понятным, но не следует стремиться к тому, чтобы нельзя было понять».

Ставя пьесу «Зори» Э. Верхарна, Мейерхольд приспособил сюжет к русской действительности. Это вызвало, как известно, резкий протест Н. К. Крупской: «Герой» вне времени и пространства — еще куда ни шло, но русский пролетариат в роли шекспировской толпы, которую всякий самовлюбленный дурак ведет, куда ему вздумается, — это оскорбление».

Сохранилось и возмущенное письмо управляющей академическими театрами Е. К. Малиновской А. В. Луначарскому по поводу спектакля «Земля дыбом»: «Мне представляется гр. Мейерхольд психически ненормальным существом, проделывающим кошмар-

ные опыты... Автомобиль, велосипеды, мотоциклы, форменное сражение с бесчисленными выстрелами, заполнившими дымом все здание, живая курица, отправление естественных потребностей на сцене, «туалет» императора — все это бездарно, грубо, нагло и является результатом той же болезни. Всего перечисленного совершенно достаточно для изоляции гр. Мейерхольда в доме умалишенных... Мозги у всех должны стать дыбом после этой постановки».

Неудивительно, что авангардистское искусство с трудом завоевывало зрителей. Ставя «Зори», Мейерхольд говорил, что стоит на страже интересов зрителя, что интересы зала имеют для него решающее значение. Часть публики сочувствовала исканиям режиссера, однако у массового, демократического зрителя его спектакли вызывали протесты. «Я присутствовал при «героическом» издевательстве над умом и сердцем пролетария-зрителя, которому не где-нибудь, а в Первом театре РСФСР несколько десятков раз показывали «Зори». Я наблюдал мрачное, озлобленное лицо этого зрителя, когда он, недоумевая, глядел на геометрические фигуры, красовавшиеся на сцене, когда силился прочувствовать ту революционную смесь, которую добросовестно выкрикивали актеры», — свидетельствовал очевидец. Чтобы заполнить пустующий зал, прибегали к своеобразным мерам. Одному из зрителей-красноармейцев на этом спектакле был задан вопрос, нравится ли пьеса и который раз он ее смотрит, на что тот ответил: пьеса не нравится, а смотрит он в третий раз... «Зачем же вы третий раз ее смотрите?» — «Пригоняют», — злобно пробурчал красноармеец.

В нередких случаях Мейерхольд пытался подогреть интерес к своим спектаклям грубо физиологическими эффектами. Каждый шаг на этом пути рекламировался как новое завоевание революционного искусства. Например, режиссер утверждал, что в основание поставленного им спектакля «Великодушный рогоносец» положено «новое театральное мировоззрение», «нового вида театральное действие». Что же имело место в действительности? Критик Б. В. Алперс указывал, что, конечно, не случайно именно в первые годы нэпа театр Мейерхольда поставил «сексуальный фарс» Кроммелинка — «Великодушного рогоносца». Даже А. В. Луначарский, обычно поддерживавший Мейерхольда, вынужден был выступить с серьезной критикой «грубости форм и чудовищной безвкусности» этой постановки, в которой обнаруживалось «гнусно подчеркнутое театром» издевательство над «мужчиной, женщиной, любовью, ревностью». «Дешевое искусство для пошляков или жаждущих развлечения пытаются возвести в «академизм без кавычек», — писал нарком просвещения. — Все это тяжело и стыдно, потому, что это не индивидуальный уклон, а целая, довольно грязная и в то же время грозная, американствующая волна в быту искусства. Страшно уже, когда слышим, что по этой дорожке катастрофически покатилась европо-американская буржуазная цивилизация, но когда при аплодисментах коммунистов мы сами валимся в эту яму, становится совсем жутко».

Содержанием многих спектаклей «главковерха» левого авангарда и некоторых его учеников и последователей был «эстетический расстрел ушедшего» (так отозвался актер Э. П. Гарин о мейерхольдовской «Норе» в 1921 г.). И в этих усилиях его «армия» патронов не жалела. Впрочем, иногда обходилось без «расстрелов». Было единство цели — при неистощимом многообразии форм, средств и приемов... Например, в «Смерти Тарелкина» Мейерхольд обнаруживал «патетику восторга затоптать в песок арены повергнутое»; по свидетельству очевидца, в этом спектакле «печальная картина русской действительности судорожно дергалась в конвульсиях балаганно-цирковой формы».

Все привычные ценности ниспровергались. Доминировал культ грубой силы и «расстреляния». Экспансионизм левого театра простирался и на зрительный зал. В 1921 году со страниц «Вестника театра» Мейерхольд, В. М. Бебутов и К. Н. Державин призывали разливать клей на местах сидения публики, продавать билеты одним и тем же лицам, рассыпать чихательный порошок, устраивать инсценировки пожаров и убийств в партере...

Тяжелым разрушениям в авангардистских спектаклях подвергалась классическая драматургия. Как очевидно, прежде всего к левой режиссуре был обращен неожиданно прозвучавший в 1923 году призыв А. В. Луначарского «Назад к Островскому». Поясняя свой лозунг, Луначарский писал: «Я говорил всегда, что театр должен быть идейным, так сказать, художественно информирующим, что в нем должны вновь чрезвычайно ярко проглянуть черты реализма, что театр вновь будет стараться стать живым зеркалом окружающей действительности. Именно в этом смысле я провозглашал лозунг «Назад к Островскому!».

Но поворот к реализму явно затягивался. Более того, ответ «левой режиссуры» оказался новым вызовом. Три самые заметные постановки пьес Островского — «Лес» Мейерхольда, «Мудрец» Эйзенштейна, «Гроза» Таирова — классику решительно ревизовали. Эйзенштейн и Мейерхольд воспользовались пьесой как предлогом для «вскрытия темы — в той плоскости, в которой это вскрытие сегодня может оказаться живым» (Мейерхольд). Однако актуализация оказывалась декларативной, ибо достигалась ценой упрощающего социологизирования: характеры сплющивались в схемы, в шарж. Персонажи «Мудреца» были перелицованы в современных политических деятелей, агитаттракционы подменили разрушенную драматургию. В «Лесе» режиссер достигал утверждения своих принципов, но за счет сокрушения смысла и художественной ткани произведения. А. Р. Кугель увидел в этом «цинический вызов... плевок в лицо истории русской культуры» и назвал спектакль «неслыханным варварством». В рецензии на «Лес» он писал: «До какого пренебрежения, до какого презрения к основным понятиям культурного общежития мы дошли. Взять одно из произведений русского классика, извратить, оболванить, накуролесить, насмеяться — и выходить на шумные вызовы толпы специального подбора, в значительной мере уже подготовленной к мысли, что театр есть «беспредметное», никем и ничем не ограниченное творчество режиссера».

Руководимый Мейерхольдом театр, несмотря на все усилия, не достигал чаемой близости с пролетарским зрителем. Как свидетельствовали рабкоры на одном из диспутов 1925 года, «репертуар Мейерхольда не соответствует вкусам рабочего, он там ничего не понимает». И в более поздних сообщениях о Театре имени Мейерхольда можно прочесть, что «даже бесплатного зрителя в нужном количестве театр не находит».

Попытки «левого» театра канонизировать авангардистские (фу-

туристические, митинговые и прочие) формы зрелища встречались зрителем с возрастающей холодностью, отчасти размывались изнутри. В одних случаях оборачивались имитацией революционности (иногда демагогической), утрачивая ее подлинность и смысл. В других — под влиянием нэпманской публики, от которой зависела касса многих театров, «левизна» вырождалась в развлечение, в «агит-холл», в «танцующую идеологию». В этом смысле весьма красноречиво признание А. В. Луначарского, который в 1922 году писал: «Да, я протянул руку «левым», но пролетариат и крестьянство им руки не протянули. Наоборот, даже тогда, когда футуризм густо закроется революционностью, рабочий хватает революционность, но корчит гримасы от примеси футуризма. Футуристы говорят: пролетариат не дорос. Но бывает разный рост. Футуризм есть кривой рост искусства. Это продолжение буржуазного искусства с известным революционным «искривлением».

«Мы будем часто пользоваться классическими произведениями как канвой для наших сценических построений», — обещал Мейерхольд в 1920 году и отдал много энергии этой цели. Именно Мейерхольдом прежде всего создавалась эстетика «канвы», игрового аттракциона, произвольных подмен и «дополнений» в отношении к русской классике.

Скандальную известность снискали его постановки 1920-х—1930-х годов: «Лес», «Горе уму», «33 обморока» (по А. П. Чехову), «Пиковая дама» П. И. Чайковского, незавершенный «Борис Годунов». С давних пор режиссер был убежден, что русская классика не была «должным образом» осуществлена на русской сцене, ибо театры, как ему казалось, не учитывали иноземных влияний на отечественную драматургию, «связей» Гоголя — с театром Мольера, Пушкина — с театром Шекспира, Лермонтова — с испанским театром, Островского — с творчеством Сервантеса. Мейерхольд не только не чувствовал самобытности русского искусства, но, как представляется, сознательно не хотел с нею считаться. И потому полагал необходимым «восстанавливать» классиков, зачастую одевая их в чужестранные одежды.

Трактовки классических пьес Мейерхольд социологировал и зачастую самым упрощающим, вульгарным образом. Россия под напором его мрачных фантасмагорий превращалась в некое беспросветное царство, населенное вкопец оскотинившимися звероподобными дикарями. Светлые, добрые мотивы искажались и уродовались. Малейшие намеки на национально-патриотические чувства безжалостно уничтожались.

В эстетическом плане доминировали приемы карикатуры и шаржа, в нравственном — глумление, сарказм и издевка. Как правило, Мейерхольд искал и достигал результатов, по смыслу противоположных содержанию пьесы.

Так происходило в спектакле Театра имени Мейерхольда «Лес» (1924 г.). Дело даже не в ложности убеждений Мейерхольда в том, что на автора решающим образом повлияла испанская драматургия, — Счастливцев, например, был введен в пьесу якобы как «весельчак испанских комедий». Суть — в подходе к человеку, к характерам, большинство которых режиссер изобразил с подчеркнутой ненавистью. Он переводил «Лес» в плоскость «острой политической сатиры», утверждая необходимость показать две враждующие классовые группы. В таком истолковании — грубо-социологическом, вульгарно-классовом — у персонажей Островского не было никаких шансов предстать на сцене в своем нормальном обличии. Мейерхольд сортировал их по отработанным в чекистских разнарядках шаблонам: «Один лагерь — Гурмыжская — в прежнем исполнении барынька-ханжа с некоторыми женскими слабостями — у нас активная эксплуататорша, похотливая помещица, развращающая Буланова, этого дворянского недоросля 70-х годов. Восьмибратов — кулак, жулик. Елейное подобострастие и сладостная велеречивость помещика Милонова сделали для театра совершенно очевидной поповскую природу персонажа, и помещик Милонов предстал на сцене ТИМа в рясе отца Евгения, чего Островский по цензурным условиям сделать не мог». Любопытно, однако, в каком бы виде Мейерхольд-режиссер вывел на сцену, доведись такое, Мейерхольда — сына богатого винозаводчика, спаивавшего пролетариат, в потом — руководителя придворной труппы царя-сатрапа...

Мейерхольд насытил действие «Леса» множеством вставных эпизодов, которых в пьесе не было, — например, сцены молебна, педикюра Гурмыжской, расстройства желудка у Аркашки и т. п. Бодаев предстал белогвардейским майором, Милонов — в рясе священника. Критика отмечала, что сценические типы изображены в духе сатирических журналов «Безбожник» и «Крокодил». Известный режиссер и теоретик В. Г. Сахновский говорил тогда, что в режиссерской структуре «существует глумление над несуществующим, в тексте Островского нет многого того, что подлежит глумлению на сцене».

Низменно-физиологические, фрейдистские «мотивировки» были неотъемлемой чертой режиссерских фантазий Мейерхольда. Он был убежден, что на сцене не должно бояться непристойности. В его «Ревизоре» Добчинский подглядывал за раздеванием Анны Андреевны, а затем выносил из ее комнаты ночной горшок. Раздраженный спектаклем МХАТа «Мертвые души», он готов был предложить свое видение, например, сцены на балу у губернатора: «Во время котильона я посадил бы пьяного Ноздрева прямо на пол, на авансцене, и заставил бы его хватать за ляжки танцующих дам, лезть им под юбки... Вот это Гоголь!» Размышляя о «Гамлете», которого мечтал поставить, Офелию он намеревался показать беременной...

Быть может, особенно красноречиво раскрывает бездуховность искусства Мейерхольда его подход к пушкинскому «Борису Годунову», работу над которым он продолжал и в 1920-е и в 1930-е годы.

«Оригинальность» его трактовки выразилась в том, что режиссер выводил пьесу за рамки пушкинской исторической и нравственной концепции и утверждал, будто Пушкина история не интересовала и ему было важно лишь «через эту историю как-то контрабандой протащить свое отношение» — идею «о негодности монархической власти». В этом спектакле бояре должны были предстать «пьяным стадом», царь Борис... «грязным воином». Важнейший в трагедии монолог царя «Достиг я высшей власти» Борис произносил, выходя в нижнем белье, почесываясь от ползавших по нему вшей («тут прежде всего вшей не пересчитать... он чешется и пьет», — настаивал постановщик). Царя окружала толпа галдящих колдунов, гадателей, кудесников, юродивых, воющих баб: «Духота, пестройный гам всей этой оравы шарла-

тапов, вонь немытых тел... шум как в бане, джаз-банд XVII века». Сцена шла в сопровождении «ударных инструментов и других шумовых эффектов», создававших «своеобразный джаз времени «Бориса Годунова». Трагический монолог царя произносился «сквозь это все»... Можно ли было расслышать текст? Впрочем, режиссер и не добивался этого, ему казалось важным передать, что Борис в монологе «как бы бредит». На одной из репетиций Мейерхольд предложил исполнителю роли царя «играть эти самые муки за сценой».

Артист и режиссер Борис Захава свидетельствовал, как трудно было Б. В. Щукину (он репетировал роль Бориса Годунова) совладать с главным монологом трагедии: «Как ни старался Щукин перекричать колдунов, монолог тонул во всех этих причитаниях и выкриках, — из всего текста можно было разобрать только несколько отдельных фраз». Однако Мейерхольд был чрезвычайно доволен, а озадаченным участникам сцены ответил: «Ничего, ничего... это неудачный монолог у Пушкина».

Нравственные коллизии мало интересовали постановщика. Движущими мотивировками оказывались вульгарно-политические установки и грубая физиология, голод, страх, половые и пищеварительные импульсы. Такой подход обычно оправдывался как приемы «площадного народного театра». Подчеркнуто фарсово решал Мейерхольд сцену в корчме. По воспоминаниям очевидцев, монахи у него пили вино из огромных чаш, в которых — по истолкованию режиссера — плавало множество мух и пауков. Одна из мух попадала в рот Варлааму и застревала у него в горле, от чего он начинал отчаянно давиться и громко икать, издавая «смешной звук», который Мейерхольд «с видимым удовольствием многократно показывал». Артист О. И. Басов, чувствуя всю неуместность подобного «расцвечивания» пушкинского текста, стеснялся копировать этот звук. Но Мейерхольд был неумолим и упорно настаивал на своем...

В пору работы в оперном театре имени К. С. Станиславского в конце 1930-х годов Мейерхольд, рассуждая о лице театра, с раздражением восклицал: «Говорят, лицо театра — это русский репертуар. Да что такое русский репертуар?» Перечислив ряд классических опер Мусоргского и Римского-Корсакова, режиссер предостерегающе замечал: «Смотрите, как бы за этим русским названием не скрывался русский православный материал».

У Мейерхольда были иные идейные, эстетические и культурные тяготения. Об этом вновь публично заговорили в середине 1930-х годов, когда сталинский режим, совершая очередной политический маневр, позволил вспомнить о категориях народности и даже о русской национальной самобытности. На короткое время проблема стала достоянием публичных дискуссий. На страницах журнала «Театр» критиковалась, как неверная, тенденция отождествлять национальное с националистическим: «Только сейчас у нас заговорили о национальном характере театра. Слишком много времени «русское» неверно ассоциировалось с великодержавным, шовинистическим».

В контексте подобных рассуждений появилась возможность сопоставить творчество Станиславского и Мейерхольда, спектаклей МХАТа и Театра имени Мейерхольда. «Есть у нас наряду с театрами народными, национальными, театры ненациональные, — писал тогда режиссер В. Г. Сахновский. — Руководимый В. Э. Мейерхольдом театр слишком сух, рационалистичен и находится в плену эстетских абстракций. С живой народной жизнью он не связан. Мейерхольд на русской сцене, по существу, чрезвычайно талантливый, в высшей степени одаренный чужестранец. Поэтому наиболее национальные русские комедии «Ревизор» и «Лес» выглядят такими обезличенными на сцене его театра».

В прессе, как очевидно, с высочайшего позволения стали писать о народности искусства МХАТа и его корифеев. Появилась поразительная статья с вчера еще неслыханным заголовком «МХАТ — национальный русский театр», которую опубликовал Вс. В. Иванов. Этот известный писатель полемизировал с теми, кто «до последнего времени... «стыдился» говорить о национальном характере спектакля, как и вообще о национальной форме в русском искусстве».

Разные оценки, да и сами судьбы МХАТа и ТИМа, в известной мере плод исторической случайности, следствие личных пристрастий стоявшего во главе государства диктатора. Приди тогда к власти Л. Д. Троцкий, а его фаворитом был Мейерхольд («неистовый Всеволод», как поощрительно нарек его Лев Давыдович), и скорее всего ТИМ оказался бы провозглашенным вершиной театрального искусства, а Художественный театр подвергся бы разгрому, и Станиславскому вряд ли бы дали помереть в своей постели.

Идейно-эстетические устремления Мейерхольда, субъективно-рационалистическая природа его искусства мало соответствовали коренным особенностям национальной школы реализма, ориентированной на него магистральной режиссерской традиции. Пестрым, непоследовательным оказался и репертуар ТИМа. Одинокость Мейерхольда, лихорадочность и незавершенность его исканий на последнем этапе творчества отчасти связаны с этими причинами. Не этим ли объяснялась и наступившая творческая стагнация ряда его спутников и продолжателей — не только эпигонов?

В 1930-е годы в выступлениях Мейерхольда появились новые мотивы. Вслед за другими он стал говорить о роли реализма, об опасности формализма, призывал «бояться переделок» классиков... Но намеревался ли режиссер на деле отказаться от того, что укоренилось и стало ему привычным?

Многие годы сотрудничавший с Мейерхольдом знаменитый актер Игорь Ильинский писал о последних годах режиссера и о причинах своего разрыва с ним: «Я понял, что кризис, к которому пришел Театр Мейерхольда, был главной причиной моего ухода. Через три года кризис этот привел к закрытию театра... Мейерхольд крепко «законсервировал» себя как безусловного «вождя», несмотря на многие свои ошибки и спорные убеждения. Он держался вдали от своего коллектива... стал противопоставлять себя коллективу... Он продолжал быть диктатором, стоящим выше всех... Он в большей мере, теряя вкус к общественной жизни, к грандиозным задачам страны, суживал задачи театра и думал уже не столько о «театре, созвучном эпохе», сколько о театре эпатирования, а главным образом о театре одной актрисы, которой была его жена Райх».

Мейерхольд во многом сам порождал ту изоляцию, которая продолжала расти вокруг его театра. «Все его эксперименты и все его искания и в послеоктябрьскую и дооктябрьскую эпоху, —

писал режиссер А. Д. Дикий в 1935 году, — шли где-то в глубоких тылах, на боковых партизанских дорожках, а не в основном лобовом направлении исторического развития русского театра».

«Чужой театр» — называлась статья П. М. Керженцева, опубликованная незадолго до закрытия театра Вс. Мейерхольда. Она была написана в манере командных «окриков» и грубого одергивания. Но так ли неожидан ее заголовок?

Чужим из-за модернистской ориентации казалось искусство Мейерхольда критикам-марксистам в предреволюционные годы. Как нечто далекое отечественной культуре воспринималось оно А. А. Блоком, А. Р. Кугелем, А. Н. Бенуа. Хор отрицателей ветвился и множился. На последнем этапе к нему пробовал присоединиться... сам Мейерхольд, выступивший против «мейерхольдовщины». И был ли одинок в своем мнении драматург В. В. Вишневский, который, помирившись с режиссером и побывав в ТИМе, за несколько месяцев до статьи Керженцева записал в дневнике: «Чужой театр...».

Закрытие Театра имени Вс. Мейерхольда (1938 г.) породило поток откликов в критике. Как это нередко случалось в ту пору, на Мейерхольда поспешили навесить политические ярлыки, обвинив его в «политических ошибках», в «совершенной изоляции от советской действительности», в «идейно-политическом поражении». «Чужой народу, советской действительности, советскому искусству... Презрение к реальной жизни и неверие в нее лежали в основе его художественного мышления», — писал, например, критик С. Л. Цимбал. Лексика и тон обвинений, с которыми выступали многие вчерашние поклонники режиссера, заставляли вспомнить его собственные полемические приемы и терминологию. Это была критика в духе самого Мейерхольда. Его бумеранг, сразивший немало противников, вернувшись, столь же неумолимо ударил по своему метателю.

Эстетическое насилие лежало в основе подхода Мейерхольда к актерскому творчеству. Такое отношение всегда вызывало протесты Станиславского, которому были очевидны противоречия творческого пути Мейерхольда: «Он всегда был... без актеров, которые могут играть просто и хорошо. Научить их не может и потому принужден маскироваться всевозможными выдумками» (1934 г.).

Режиссер был равнодушен к живой органике сценических характеров, к неусловной правде их души, к быту, к психологии, то есть к органической реальности бытия. Симптоматично, что даже в своем нашумевшем докладе «Мейерхольд против мейерхольдовщины» (1936 г.) режиссер, рассуждая о простоте художественного языка, настаивал: «Наша простота на каких-то котурнах, простота в масках». По замечанию Михаила Чехова, неукротимое воображение режиссера «разрушало реальность», а его чувство правды было «совсем особого рода»: «Все, что он делал как режиссер и требовал от актера, — все это должно было быть правдой, но преломленной его деспотическим воображением».

Весьма красноречивы лексика, образы, к которым прибегал мастер, поясняя свое кредо. «Режиссер должен верить в своих актеров так же, как Павлов (академик И. П. Павлов. — *М. Л.*) верил в своих обезьян», — наставлял своих коллег Мейерхольд. Сценическая партитура должна быть строго выверена и рассчитана: «Бывают режиссерские приемы, которые должны действо-

вать не сразу, а как яд, которым Медичи травили своих врагов — через определенное время, в соответствующий, заранее выбранный момент...».

Жесткая воля Мейерхольда нередко парализовала исполнителей, стирала их индивидуальность. Характерен в этом смысле отзыв Вс. В. Вишневского на спектакль «Вступление»: «Я видел Мейерхольда во всем: его жесты, пластика, интонация, его приемы — он один, он как девять воплощений, — актеров не было».

Если героем спектаклей Мейерхольда был он сам, то хотя бы краткая анатомия его личности представляется необходимой для полного уяснения творчества режиссера.

Мейерхольд запомнился современникам очень разным, многоликим и непредсказуемым. Сколько же лиц было у художника? Многим он казался двуликим. О Мейерхольде ночном и дневном, о терзавшей его драме раздвоения писал исследователь А. Мацкин. Над стремительной сменой его политических личин издевался Аркадий Аверченко в фельетоне «Мейерхольд негодует...» (1918 г.). Двойник режиссера представлен на известном портрете Бориса Григорьева, поражающем также контрастом черных и лилово-красных тонов. «Лично я знал трех Мейерхольдов», — писал Михаил Чехов: художника, революционера-разрушителя, человека...

Не говорит ли это о том, что Мейерхольд был в духовном смысле опасно болен? «Он способен был любить человека... отдельного человека», — едва ли не с удивлением свидетельствовал его современник и тут же прибавлял — «мучитель-Мейерхольд». Непрерывная трудная борьба с самим собой сопутствует каждому человеку на протяжении жизни. Смысл ее раскрывается в известном афоризме Ф. М. Достоевского: Дьявол с Богом борется, а полем битвы являются сердца людей. В соответствии со своими убеждениями Мейерхольд поле битвы заменил ареной игры. Извечную трагедию духовных противоречий человека он сделал объектом театрализации и превратил в драму «с цирком и фейерверком», где главными действующими лицами стали «игрушки маскарада», маски, у которых «ни души, ни званья нет, — есть тело» («Маскарад» Лермонтова). В противоречиях сознания, в посещавших режиссера «художественных снах» (как выражался черт у Достоевского) возбуждалась его творческая фантазия, черпала силу его безудержная воля к эстетизации всего сущего.

Многие соратники запомнили его особую, сверхчеловеческую одержимость творчеством. «Мейерхольд, — вспоминала актриса В. Веригина, — сам был предан искусству настолько, что за художником человек просто часто отсутствовал». Культ театрализации, розыгрышей, изощренного лицедейства и интриги режиссер поддерживал и в своей обыденной жизни. Его увлекала «игровая природа человеческой жизни». Он играл непрерывно, безостановочно, совершая прямо-таки невероятные метаморфозы. Свою жизнь он ставил как спектакль: «Я люблю страстные ситуации и строю их себе в жизни». Это был прирожденный гений лицедейства. «Из дому он выходил на улицу будто из-за кулис на сцену, назубок зная сегодняшнюю роль», — свидетельствовал один из его биографов. Мейерхольда видели то в красной феске, то в красноармейской фуражке со звездой, во фра-

ке с бабочкой на шее, в блузе богемного художника, в блестящем кожаном реглане с поднятым воротником, в прозодежде рабочего с небрежно повязанным на шее шарфом... На вопрос, звучавший в спектакле, сопровождавшем режиссера последние два десятилетия его жизни, — «Вы человек иль демон?», он мог бы ответить словами героя, во многом ему духовно близкого: «Я? — игрок!» (Арбенин в «Маскараде».)

Карл Теодор Казимир Мейергольд родился в 1874 году в Пензе в семье богатого винозаводчика. Он исчез через 22 года, превратившись во Всеволода Эмильевича Мейерхольда. Начало длинной череды превращений. Он же — доктор Дапертутто: псевдоним по имени одного из персонажей немецкого писателя Гофмана. В конце жизни принял фамилию последней своей жены и стал подписываться «Мейерхольд-Райх». Похоронив родителей на еврейском кладбище в Пензе, всю жизнь потом именовал себя немцем. Лютеранин, затем перешел в православие, атеист, член ВКП(б) с 1918 года. Главный режиссер императорских театров в Петербурге, позднее главный их искоренитель... «Бросившись из лютеранства в православие, этим плюнул в лицо той среде, с которой, уезжая в Москву, расставался; мстил пастору, который набивал мне голову ложной моралью», — признавался Мейерхольд.

Он прославился не только как режиссер, но и как великий мистификатор. Фантасмагории в духе Гофмана волновали и увлекали его безгранично. Своеобразие и драматизм его личности коренились в постоянном подавлении в нем человека художником, игроком, в его всепоглощающем пафосе самоутверждения, в агрессивных наклонностях его характера, бросавшего вызов людям, обществу, природе, искусству и его традициям. Он трудно ладил с людьми, да и всегда ли умел ладить с самим собой?

Всю жизнь страдал маниакальной подозрительностью. В борьбе с противниками приемов и выражений не выбирал. Характерный пример — на диспуте о спектакле «Лес» (1924 г.) поэт В. Г. Шершеневич критиковал режиссера: «Мейерхольд — декадент, и как декадент он прежде всего разрушитель... Вся работа Мейерхольда на протяжении всей его режиссерской деятельности всегда была уничтожением на театре всего, кроме мнения и права режиссера». Мейерхольд парировал в своем стиле: «Эти шершеневичи — своеобразные кокаинисты современной литературы... они — те остатки контрреволюции, которые не успели покинуть нашу революционную землю». Обвинение в контрреволюционности было обычным в его лексиконе. Если он находился в скверном настроении, то, по свидетельству драматурга А. М. Файко, «старался найти козла отпущения», чтобы «сорвав на нем раздражение, вновь обрести внутреннее равновесие». Что-то от Люцифера виделось в режиссере С. М. Эйзенштейну, он писал о коварстве личности Мейерхольда: «Счастье тому, кто соприкасался с ним, как магом и волшебником театра. Горе тому, кто зависел от него, как от человека. Счастье тому, кто умел учиться, глядя на него. И горе тому, кто доверчиво шел к нему с вопросом. Лекции его были как змеиные песни...» Резкие переходы от дружбы к вражде и ненависти, разрывы, схождения, непрерывное плетение розыгрышей, интриг всегда сопутствовали режиссеру в его личных отношениях с коллегами. Но по-своему

Мейерхольд был последовательным — в том смысле, что его художнические установки неотделимы от его повседневного человеческого поведения.

На сцене (а может быть, и в жизни) Мейерхольду нравилось видеть людей марионетками, послушными твердой воле, когда живые лица окостеневали в маски, человеческая личность раздваивалась, переливаясь в фантасмагорию двойников, гомерических олицетворений и метафор. Человек-кукла как бы представал игрушкой внешних сил независимо от того, называл ли их режиссер «роком» или «классовым детерминизмом». Таким отношением к человеку на сцене и определялась творческая методология Мейерхольда.

Сравнение его спектаклей 1920—1930-х годов и предреволюционного времени показывает, что в глубоком, духовном смысле между ними не было принципиальных различий. «Мир как балаган и люди в нем, что набор кукол в балагане — такое видение мира свойственно людям без бога»; в этом балагане комедианты представляют всегда один и тот же — «дьяволов водевиль», — так характеризовал творчество режиссера известный критик П. Ярцев (1914 г.), который не случайно, конечно, заимствовал это словосочетание из «Бесов» Достоевского. О том, что действующие лица в его спектаклях были «слишком явно куклами в руках фокусника-режиссера», о пристрастии Мейерхольда к карикатуре, к фантасмагориям писали многие его современники и позднее. «Все его спектакли были поистине демоничны», — подтверждал знаменитый актер Михаил Чехов. Мизантропический деспотизм — пожалуй, наиболее емкое определение, характеризующее суть идейно-эстетической, мировоззренческой направленности режиссера. О демонической нацеленности фантазии Мейерхольда свидетельствовал и Игорь Ильинский: «В «Клопе» он задумал одну сцену с Присыпкиным так, чтобы тот срывал икону и топтал ногами». Режиссер показал, как это нужно делать, но вынужден был отменить «находку», так как актер отказался повторить этот «показ».

Дьяволиада, которую режиссер воссоздавал и культивировал на сцене, конечно, имела отчетливые сопряжения с действительностью. Сатанинский водоворот, бешено раскрученный, поглотил тогда многих, в конце концов и самого Мейерхольда. Предсказанный в «Роковых яйцах» М. А. Булгакова конец режиссера, «погибшего... при постановке пушкинского «Бориса Годунова», когда обрушилась трапеция с голыми боярами», в своем сарказме исходил из системы координат, обозначенных самим Мейерхольдом. В данном случае М. А. Булгаков ничего не выдумывал. Действительно, репетируя «Бориса Годунова» в Вахтанговской студии (1924 г.), Мейерхольд в изображении бояр искал «возможности раздеть их или вообразить себе голыми». Что возбуждало более чем странную игру воображения? Может быть, ритуальное раздевание жертв перед расстрелом, практиковавшееся чекистами в революционные годы? И не из этих ли кошмарных реалий действительности знаменитая формула Мейерхольда — парафраз чеховской мысли: «Если в первом акте на сцене висит ружье, то в последнем должен быть пулемет». Характерно, что и спустя два десятилетия после баталий гражданской войны Мейерхольда не покидают мысли о важности умения стрелять. Разрабатывая про-

грамму театрального училища, он заботился о помещении для тира: военное дело через все три курса, непременно надо всех научить стрелять...

Конечно же, скромное чеховское ружье, из которого стреляли по уткам и чайкам, стало анахронизмом. В революционную эпоху символом прогресса стал пулемет. Тем более, что многим новейшим идеологам пулемет вкупе с концлагерем стали казаться средством коммунистического воспитания и перековки отсталых людских масс. Стоило ли удивляться тому, что пулемет нередко «воспитывал» и самих идеологов...

Тайна смерти волновала и притягивала художника. Его воображение с готовностью порождало образы гибели человека — естественной, насильственной, легкой и мучительной, фатально предопределенной и случайной... Для многих студийцев Мейерхольда знакомство с его «биомеханикой» начиналось с упражнения, которое сам педагог выполнял «с поразительной легкостью», — прыгал на грудь стоявшего перед ним ученика и воображаемым кинжалом перерезал ему горло... Мастер мог вдруг выбежать из своей квартиры на лестничную площадку и предложить жившей по соседству актрисе Софье Гиацинтовой паучить ее, как надо умирать от сердечного припадка (актриса играла тогда роль Нелли в «Униженных и оскорбленных»)... Мейерхольду было сродственно мирочувствие пушкинского Вальсингама, поющего гимн в честь чумы: «Все, все, что гибелью грозит, Для сердца смертного таит Неизъяснимы наслажденья». «Пир во время чумы» режиссер репетировал со своими студентами в ноябре 1936 года. Нет ни малейших сомнений, что все его симпатии были на стороне Вальсингама, а не Священника, призывавшего «безбожных безумцев» прервать «безбожный пир». Как всегда, Мейерхольду интересен вызов смерти, «поединок» героя с Чумой, «бесстрашие его внутреннего взгляда». И ключевым для режиссера оказывается отказ Вальсингама прекратить оргию, пойти за священнослужителем: «Он до конца сопротивляется! Как достойно звучит его ответ Священнику: «Но проклят будь, кто за тобой пойдет». В Вальсингаме для него воплотился всегда притягательный ему тон героя-игрока, готового играть и с самой смертью. Характерно и замечание Мейерхольда на реплику толпы, которая гонит Священника: «Он мастерски об аде говорит!» — «Мастерски... об аде» — вот еще один ключ». Режиссер требовал в монологе Священника сосредоточиться на «инструментировке стиха» и особо оттенить звучание буквы «р»... Ослеплявший Мейерхольда эстетический подход к инфернальности заслонил для него провиденциально трагическую правду слов, «что нынче бесы Погибший дух безбожника терзают И в тьму кромешную тащат со смехом».

Образы смерти, омертвления, катастрофы витали во многих его спектаклях. Символичен и конец Театра имени Мейерхольда. Последним мейерхольдовским спектаклем на его сцене оказался «Ревизор». В его финале, который у Гоголя представлен немой сценой, режиссер заменял актеров манекенами в человеческий рост. Хоровод мертвых кукол подытоживал биографию авангардистских исканий, попытки «творчества из ничего», как сказал о Мейерхольде писатель М. Пришвин.

Загадочным человеком все же был Всеволод Эмильевич. Во второй половине 1930-х годов, в пору, когда он и его театр находились на пороге гибели и тучи над его головой продолжали сгущаться, Мейерхольд продолжал волноваться о том, что жизнь его чересчур пресная: «Я часто просыпаюсь в холодном поту с мыслью, что я стал банален, что у меня в жизни все слишком благополучно, что я умру под толстым стеганым одеялом, что я перестал быть изобретателем».

Нет, ему не суждено было умереть в своей постели под ватным одеялом. И по части «изобретательства» судьба, с которой он не переставал играть, уготовила ему обстоятельства, которые превзошли все пределы человеческого воображения. Мейерхольду предстояло стать участником еще одного спектакля — последнего в его жизни. Спектакля, в котором были уже другие режиссеры, другие сценаристы, а сам мастер оказался в положении актера-марионетки, которого грубо и беспощадно втиснули в заранее заготовленный каркас тщательно прописанной роли, где не было места ни отсебятинам, ни импровизации, но изобилие режиссерских «показов».

Страшное, подлое и кровавое представление под названием «Дело № 537» ставили режиссеры — палачи из бериевского «театра» на Лубянке. Они в совершенстве владели тайнами «игровой природы человека» и тоже были мастерами, только заплечных дел. Этот воплощенный «дьяволов водевиль» развертывался не в огнях рампы, а при свете дежурных лампочек подвалов Лубянки и казематов Бутырской тюрьмы, куда был препровожден арестованный в июне 1939 года Мейерхольд.

Мог ли вообразить режиссер, что столь кошмарным образом Судьба словно бы напомнит о поданном им несколько лет назад ходатайстве «предоставить нам театральный зал ОГПУ в новом его здании на Б. Лубянке» и о его готовности не только «обслуживать спектаклями... организованного зрителя», но и «в специально выделенном для этой цели составе своем принимать участие в совместной с сотрудниками ОГПУ культработе в клубе ОГПУ»...

С юных лет Мейерхольда терзало мрачное, тревожное предчувствие. В его дневнике 1900 года прочтем: «Мне кажется, будто кто-то стоит за дверью и ждет своего часа, чтобы войти и перевернуть всю мою жизнь». Через сорок лет стоявший за дверью «Неизвестный» (персонаж многих спектаклей режиссера) без стука распахнул ее и переступил порог. За его спиной обозначилась тень Игрока — сокровенного героя мейерхольдовских фантасмагорий. Тройка, семерка, туз... Тройка и семерка мистическим образом возникли в «Деле № 537», а вместо туза еще раз явился роковой образ «старухи», только с косой за плечом...

Лубянские драматурги отвели своей жертве грубовато слепленную, но в духе «социалистического реализма» роль «кадрового троцкиста», агента английской и японской разведок, который вел активную вредительскую и шпионскую деятельность. На второй же день после препровождения на Лубянку Мейерхольд написал письмо-заявление, в котором признал основные обвинения, в частности, и то, что якобы был завербован «для участия в антисоветской работе» еще в 1922 году. Позднее, объясняя свое психологическое состояние, Мейерхольд писал В. М. Молотову, что попал под власть навязчивой идеи... «Значит, так надо», — твердил я себе». Он указывал, что его сознание «едва не поделилось на два лица, первое стало искать пре-

ступления второго, а когда оно их не находило, оно стало их выдумывать». Борьбу этих двух лиц, одно из которых было сломлено сразу, отразили страницы следовательских протоколов.

Лубянские режиссеры заставили Мейерхольда собственноручно написать: «Признаю себя виновным в том, что... состоял в антисоветской (троцкистской) организации, куда завербован был неким Рафаилом... Сверхводительство в этой организации с совершенной очевидностью было в руках Троцкого. Результатом этой преступной связи была моя вредительская работа на театре (одна из постановок даже была посвящена Красной Армии и «первому красноармейцу Троцкому». «Земля дыбом», пьеса С. Третьякова, — переделка пьесы «Ночь» Мартине — французского троцкиста); ...состоял в антисоветской (правотроцкистской) организации. В этой организации состояли Милютин, Радек, Бухарин, Рыковы. Преступная связь с этими членами организации подталкивала меня на продолжение вредительской работы в области постановок моих в театре... был привлечен в шпионскую работу неким Фред Грей (английским подданным)».

По ходу «дела» режиссура уточняла «сюжет» и текст, который подследственному вменялось авторизовать — о якобы троцкистской и антисоветской деятельности Б. Пастернака, Ю. Олеши, Вс. Иванова, К. Федина, И. Эренбурга. В свою очередь, Мейерхольда «изобличали показания» тоже арестованных И. Бабеля, М. Кольцова...

А в «антрактах» истерзанный пытками Мейерхольд пытался взывать к справедливости. В жалобе на имя председателя СНК В. М. Молотова он писал: «Меня здесь били — больного 65-летнего старика: клали на пол лицом вниз, резиновым жгутом били по пяткам и по спине, когда сидел на стуле, той же резинкой били по ногам сверху с большой силой, по местам от колен до верхних частей ног. В следующие дни, когда эти места ног были залиты обильным внутренним кровоизлиянием, то по этим красно-сине-желтым кровоподтекам снова били жгутом».

«Монтаж аттракционов» в «театре» на Лубянке продолжался более семи месяцев. Дело неумолимо двигалось к финалу, в котором сочинители «пьесы» не собрались менять ни одной реплики. Их не могли поколебать протесты подследственного: «Показания мои ложны. Я оговаривал себя (клеветал на себя)... От этих вынужденно (я находился под давлением) ложных показаний я отказываюсь... Я лгал, следователь записывал, вымыслы эти еще и заострял...»

Трагическим эпилогом стало закрытое судебное заседание Военной коллегии Верховного суда Союза ССР под председательством В. В. Ульриха 1 февраля 1940 года. Свое последнее слово Мейерхольд завершил фразой о том, что он «верил в правду, а не в бога и верил потому, что правда победит». Сатанинская, не оставляющая сомнений в своей победе «правда» была заключена в завершающих строках «Дела № 537»: «...подвергнуть высшей мере наказания — расстрелу с конфискацией принадлежащего ему имущества. Приговор окончательный и обжалованию не подлежит». Мейерхольда расстреляли 2 февраля 1940 года, посмертно реабилитировали в ноябре 1955-го.

Нельзя не содрогнуться перед трагической гибелью режиссера, как невозможно забыть кровь и муки иных бесчисленных жертв тиранического режима. Однако возникшие позднее попытки использовать политическую реабилитацию Мейерхольда в целях односторонней пропаганды, апологетизации его театрального наследия не выдерживают критики.

Споры о творчестве Мейерхольда не утихали при его жизни, не прекратились они и в дальнейшем. Почему же не остыли страсти и столько заинтересованности по поводу событий давно минувших?

Именно в связи с творчеством Мейерхольда чаще всего предпринимались попытки реабилитации авангардизма. В 1970—1980-е годы снова активно проявилось стремление пересмотреть исторически сложившиеся принципы отечественного искусства, основанного на канонах реализма, правды, духовности человека, на идеалах гражданственности и патриотизма. Критикой отмечалось, что стрелка театрального барометра качнулась в сторону исканий авангардистского толка.

Наряду со стремлением гальванизировать авангардистскую эстетику (в частности, и некритически воспринятый опыт левой режиссуры 1920-х годов) предпринимались усилия гибридизировать разные направления, создать некое сценическое эсперанто (скрестить Станиславского с Брехтом, Мейерхольдом и пр.). Эти попытки видны во многих спектаклях, в статьях и книгах недавних десятилетий.

Возникали «теории», прокламирующие необходимость соединить метод Мейерхольда и метод Станиславского, реализм с театральностью эстетского характера и т. д. Однако в этих настойчивых попытках не служила ли идея «синтеза», «интеграции» своеобразным камуфляжем?

Органическая неразрывность связей естественных форм и их содержания обуславливает высокую меру правды в художественных произведениях реалистического направления. Гипертрофия же условности, метафоричности, эстетика произвольного пересоздания, искусственного конструирования жизни бесплодны не только потому, что уводят творчество в сферу абстракций, самодовлеющей технологии, но и тем, что создают условия для подмен, фальсификации и переиначивания идей. Легко возникает релятивистский туман, в котором уже трудно различить добро и зло. Русские мыслители давно подметили, что перевес эстетики создает разреженность этическую.

Идейная пустота авангардизма вынуждает его к паразитированию на подлинных ценностях. Эксплуатация проявляется в различных формах присоединения или фальсификации — мимикрии, иронического снижения, пародии, нередко прямого «выедания» смысла произведения: пьеса — сырье на «обеденном столе» режиссера. Механизм такого паразитирования блистательно вскрыт в трактате П. В. Палиевского «К понятию гения» (в книге «Литература и теория». М., 1979).

Попытки анализировать режиссерские течения или отдельные спектакли только в границах театральности, жанра, технологии сцены, пренебрежение духовно-нравственной позицией автора затушевывают мерило жизненной правды, конечную, как писал известный режиссер А. Д. Попов, «позицию формалиста», которая «всегда одна и та же, — это позиция воинствующего мертвеца. Он воюет, дерется с кем-то и чем-то, а война эта не задевает народа».

Авангардизм бездуховен, хотя и драпируется порой эстетиче-

ской изощренностью, вычурностью, мишурной «новизной», пытаясь выдать ее за духовность. Такая подмена может ввести в заблуждение людей, незнакомых с культурной традицией, не имеющих в сознании прочного нравственно-художественного корня, — тех, о ком Пушкин писал:

За новизной бежать смиренно
Народ бессмысленный привык...

Проблема остается злободневной, ибо касается понимания традиций отечественного театра, путей его развития. С конца 1950-х годов одновременно с апологетизацией творчества Мейерхольда нарастали толкования, искажавшие наследие Станиславского. Добивались если не гегемонии первого, то хотя бы равноправия двух «систем». Нетрудно предположить, в каких целях прилагались эти усилия. Утверждение «равноправия» помогло бы заинтересованным ратоборцам узаконить в правах характерный для Мейерхольда культ режиссера и его диктатуры (со всеми вытекающими для актера последствиями), помогло бы реабилитировать как особую форму «реализма» методологию гипертрофированной условности, а также подкрепить авторитетом возведенного в ранг «классика» вновь распространившуюся практику произвольного переиначивания классических произведений. На языке социологов этот процесс называется акультурацией.

Серьезность проблемы связана и с тем, что, как наблюдательно в свое время заметил сам Мейерхольд, «театр является благоприятнейшей из всех культур, воспринимающих бациллы» (имелись в виду «бациллы изобретательства»).

Как говорится, имеющий очи да видит. «Изобретательство» попрежнему в большой моде. Разве так редки представления, где жизнь человеческого духа оттеснена и подавлена «методом сценического шаржа и карикатуры», а «люди обращены в оживленные плакаты», как писал о мейерхольдовской методологии один из корифеев советской критики — П. А. Марков? В наше время даже режиссер О. Н. Ефремов однажды признался: «Сложнее всего быть реалистом... Отстаивать права искусства психологического реализма — занятие достаточно рискованное, требующее известной смелости».

Мейерхольд навсегда остался верен смолоду полюбившемуся ему завету Ф. Ницше: «Будь тем, что ты есть». Он был бунтарем, любил Игру, риск, шутил с роком и постоянно как бы поддразнивал его. Его путь художника — еще одна история о творце, который бросил вызов высшим силам бытия. Поддавшись искушению преодолеть их законы, овладеть «тайной» мира и обыграть судьбу, мастер, как пушкинский Германн из «Пиковой дамы», в конце концов встретил неизбежное — «Дама ваша убита»... Автор, разумеется, не имеет в виду загадочное убийство Зинаиды Райх вскоре после ареста Мейерхольда.

«Я сразу понял значение Октября и ринулся в революцию», — признавался Мейерхольд. Он был ее сыном, ее слугой и, подобно многим, жертвой. Из истории хорошо известно, что революции часто пожирают своих детей.

●

РЕПЛИКА

МИНЕР НА ПОЛЕ ПЛЮРАЛИЗМА

«Я всегда боролся с политическим сыском...», — объявил Е. Евтушенко в интервью газете «Вечерний Киев» (1990, № 141), частично перепечатанном «Литературной Россией» (1990, № 30). «Как только мне присудили Государственную премию за поэму «Мама и нейтронная бомба», — рассказывает он далее, — я сразу же обратился в Политбюро с требованием отменить цензуру». Что ж, в принципе, «поэт-интернационалист» обратился в Политбюро с неплохим требованием, но очень уж долго и упорно выжидал, и час его пробил лишь п о с л е того, как ему наконец-то «присудили» Государственную премию... И теперь мы все, конечно, должны быть благодарны Евгению Александровичу за то, что цензуру в конце концов отменили... Как видим, все предельно просто: надавил на Политбюро — и оно дрогнуло...

В том же интервью «противник политического сыска» сообщает о никому не известных прежних гонениях на него: «...двенадцать (!) уважаемых писателей направили Брежневу письмо с требованием лишить меня советского гражданства и выслать из страны». По его свидетельству, этот вопрос был поднят опять же на заседании Политбюро (!), где за «подвижника гласности» якобы вступился Косыгин, сказавший: «До каких пор мы будем превращать Политбюро в ЖЭК, где зачитываются доносы?»

Ну как тут не согласиться: доносы писать нехорошо, даже в такую уступчиво-податливую инстанцию, как Политбюро.

Здесь же «противник политического сыска», демонстрируя широту своих взглядов, остерегает недоброжелателей общества «Память», пытается отстоить право этой организации на существование: «Возьмите, например, общество «Память» с ее откровенно профашистскими взглядами. Она бесчинствует, но разгонять эту организацию тем не менее нельзя», потому что «если завтра вдруг запретят «Память», на следующий день кто-то закроет «Мемориал», «Апрель»...

Да, железная вроде бы логика у «противника политического сыска» и народного депутата: «Память», даже с ее, по его убеждению, «профашистскими взглядами» и «бесчинствами», разгонять не следует, чтобы сохранить «Мемориал» (в переводе с английского означающий «Память») и «Апрель» со всеми их откровенно просионистскими взглядами и бесчинствами. Даже Нину Андрееву он защищает: «...если бы кто-то попытался запрятать ее за решетку (Евтушенко такое вполне допускает. — Ред.), я первый бы против этого восстал». И добавляет: «Нужно хорошенько понять и помнить, что нетерпимость друг к другу может вновь привести к террору».

Браво, Евгений Александрович! Кто еще способен сомневаться

в бесстрашии и плюралистическом мышлении «противника политического сыска»?

Правда, есть тут, в этом интервью, один маленький штрих, так, небольшой темный мазок на фоне блестящей саморекламы и незапятнанной биографии, ну просто капелька дегтя в медовом потоке самовосхваления: «Считаю, не мешало бы — и это не было бы в ущерб демократии и правам человека — устроить показательные процессы...»

Как «процессы»?! Вот тебе раз... Может, это случайная оговорка «противника политического сыска»? Какие еще «показательные процессы»? Над кем? И это мы слышим из уст «антисталиниста», «демократа», хваленого «плюралиста», клеймящего со всех трибун «показательные процессы» 1937 года? Как это — «не в ущерб демократии и правам человека»?!

Кого же собирается «показательно» судить «противник политического сыска»? Оказывается, «тех, кто преднамеренно покушается на честь нации...». Может быть, тут имеются в виду те, кто оскорбляет и унижает одну из величайших в мире наций, обзывая ее «детьми Шарикова» и «русскими коалами»? Впрочем, вряд ли. Ведь, по его собственному признанию, он, «противник политического сыска», «написал Горбачеву письмо с просьбой хоть где-нибудь в одной из речей упомянуть в ряду негативных явлений слово «антисемитизм» (какая болезненная потребность: хоть где-нибудь, хоть в одной из речей!..). И теперь — выражает удовлетворение, что «оно таки прозвучало...».

«Письмо Горбачеву» — «противнику политического сыска» и «народному избраннику», конечно же, не представляется доносом, оно, разумеется, не то, что письмо «двенадцати уважаемых писателей» в Политбюро... Ведь те собирались лишить его (самого Евтушенко!) советского гражданства, а тут всего-навсего — обвинение в фашизме, в антисемитизме, требование показательных процессов над какими-то «русскими коалами»...

Но вот через месяц после данного интервью — новое признание «противника политического сыска»: «Однажды, встретив на Съезде народных депутатов СССР тов. Мироненко, я сказал, что собираюсь написать открытое письмо ему о том, что этот сталинский журнал («Молодая гвардия». — Ред.) занимается всем, чем угодно (!), за исключением воспитания молодых. Товарищ Мироненко успокоительно просил меня не выступать с таким письмом, заверяя, что А. Иванов вот-вот будет снят решением Секретариата ЦК ВЛКСМ. Ну, где же ваше честное комсомольское слово, тов. Мироненко? И скажете ли вы свое слово, тов. Зюкин?» («Книжное обозрение», 1990, № 31).

Да, видно, надолго и крепко мемориальной памятью усвоил Евтушенко опыт «двенадцати уважаемых писателей» строчить доносы уступчивым верхам при всем рекламном декларировании «борьбы с политическим сыском»!

Чем же так насолил журнал «Молодая гвардия» и лично его главный редактор известному «демократу-плюралисту» и «противнику политического сыска», что тот не постеснялся на всю страну объявить о своем доносе на журнал и требовании снять с работы А. С. Иванова? Ведь согласно его «железной» логике даже общество «Память» «нельзя разгонять», чтобы, не дай Бог, не разогнали «Апрель»... Даже за Нину Андрееву он готов «первым восстать», понимая, что «нетерпимость... может вновь привести к террору»... А тут вдруг такая негибкость! Снять главного редактора! — и точка. Дескать, не плюралист. Или Е. Евтушенко переквалифицировался с перестройкой из «противника» в «прораба политического сыска» и теперь намеренно разжигает рознь, предвидя, что в ответ кто-то захочет снять и Ананьева, и Коротича, и Бакланова, и Аверина?.. Хотя в данном случае логика явно изменила «противнику нетерпимости», и тут даже «террор» ему не страшен. Как говорится, плюрализм в действии...

Но все же отчего Евтушенко так нетерпим к журналу «Молодая гвардия», что готов яростно доносить на него и, словно орден, вешать себе донос на грудь, признаваясь в мемориальном плюрализме публично? Оказывается, вот в чем: «Журнал «Молодая гвардия», который должен быть по замыслу своих основателей «кузницей молодых кадров литературы», стал кузницей групповщины, шовинизма».

Какие тому доказательства? Вот они: «При проведении совещаний молодых писателей наше поколение практически было оторвано от них руководителями ЦК ВЛКСМ — нам не доверяли семинаров». «Поэт-демократ» обвиняет ЦК ВЛКСМ и журнал «Молодая гвардия» в зажиме молодых дарований в угоду «групповщине и шовинизму», навязывая читателям «КО» мысль о том, что-де талантливой поэтической молодежи выход на страницы комсомольских изданий намертво закрыт (так уж получается, что «шовинизм» Евтушенко пристегивает и к ЦК ВЛКСМ, куда сам же доносит на «сталинский», по его словам, журнал).

Однако «интернационалиста-доносителя» легко уличить в неправде: на нескольких Всесоюзных совещаниях молодых писателей он являлся руководителем поэтических семинаров. Причем его семинары всегда были самыми многочисленными по количеству молодых поэтов. Где же они? Кого из талантливой молодежи воспитал, ввел в литературу этот то «противник», то «прораб политического сыска», обделенный, как он считает, вниманием ЦК ВЛКСМ? Что-то не слыхать о таких. Впрочем, есть два имени, «открытых» под его влиянием: А. Щуплов (работник «КО») и девятилетняя, творчески загубленная им Ника Турбина, которую он в середине 80-х годов для саморекламы возил в Италию и показывал как поэтическое «чудо природы». Повозил и бросил...

Разве журнал «Молодая гвардия» — единственный печатный орган для представления читателям молодой поэзии? Уж кто-кто, а Евтушенко имеет и всегда имел в этом смысле более чем широкое поле приложения своих возможностей для помощи молодым — от «Юности» до «Огонька», даже без использования в корыстных целях статуса депутата. Сам-то он, как никто во все времена — от сталинских до нынешних, — получал неограниченный выбор органов печати для собственных публикаций.

Но вот «групповой» журнал «Молодая гвардия»: в «Библиотечке» журнала каждый год издается 52 книжки молодых авторов (в основном первые книжки) самых разных национальностей нашей огромной страны, в том числе и еврейской (это к слову о «шовинизме»). Всего же за время существования «Библиотечки журнала «Молодая гвардия» к концу 1990 года вышло в свет 467 таких книг. Десятки (если не сотни) молодых советских поэтов, прозаиков, критиков, публицистов по этим книжкам были приняты в Союз писателей СССР (это к вопросу о «кузнице мо-

лодых кадров литературы», по поводу чего иронизирует наш «поэт-демократ»).

Что же касается новой евтушенковской «находки», представляемой им на страницах «Книжного обозрения» и которой, по его выражению, «должны быть посвящены» «весь журнал «Молодая гвардия» и весь важнейший отдел по работе с молодыми авторами одноименного издательства», а именно — Н. Грачевой, то судить о ее стихотворчестве можно хотя бы по тем строкам, что цитирует сам рекомендатель:

Не всплачет никто, не заохает,
Когда меня измудохают
И вышвырнут на раздорожие,
Чтоб в страхе крестились прохожие!

Нам только и остается: воздержаться от дальнейших комментариев к этим стихам и доносам «мастера политического сыска» — минера на поле плюрализма.

Отдел литературной критики и искусства

Художественный редактор Г. Комаров

Технический редактор Н. Строева

Сдано в набор 17.09.90. Подп. в печ. 17.10.90.
Формат 84×108¹/₃₂. Бумага кн.-журнальная. Печать высокая.
Усл. печ. л. 15.12. Усл. кр.-отт. 21,0. Уч.-изд. л. 20,0.
Тираж 725 000 экз Заказ 2198. Цена 80 коп.
Типография ордена Трудового Красного Знамени
издательско-полиграфического объединения ЦК ВЛКСМ
«Молодая гвардия», 103030, Москва, К-30, Сущевская, 21.

ПРОВЕРЬТЕ ПРАВИЛЬНОСТЬ ОФОРМЛЕНИЯ АБОНЕМЕНТА!

На абонементе должен быть проставлен оттиск кассовой машины.

При оформлении подписки (переадресовки) без кассовой машины на абонементе проставляется оттиск календарного штемпеля отделения связи. В этом случае абонемент выдается подписчику с квитанцией об оплате стоимости подписки (переадресовки).

Для оформления подписки на газету или журнал, а также для переадресовки издания бланк абонемента с доставочной карточкой заполняется подписчиком чернилами, разборчиво, без сокращений, в соответствии с условиями, изложенными в каталогах «Союзпечати».

Заполнение месячных клеток при переадресовке издания, а также клетки «ПВ — МЕСТО» производится работниками предприятий связи и «Союзпечати».

Уважаемые читатели! Абонементный бланк, оборотную сторону которого Вы видите перед собой, облегчит вам подписку на наш журнал. Подписка производится во всех почтовых отделениях и учреждениях «Союзпечати» без ограничения, но не забудьте ее оформить до 1-го числа предподписного месяца. В розничную продажу журнал практически не поступает. Подписная цена на «Молодую гвардию» на год — 15 руб.; на полугодие — 7 руб. 50 коп.; на три месяца — 3 руб. 75 коп.; на один месяц — 1 руб. 25 коп. Подписываясь на журнал «Молодая гвардия», Вы поддерживаете возрождение Отечества!

Ф. СП-1

Министерство связи СССР
«Союзпечать»

АБОНЕМЕНТ на ~~газету~~ журнал **70544**
(индекс издания)

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ
(наименование издания)

Количество комплектов:

на 19____ год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда
(почтовый индекс) (адрес)

Кому
(фамилия, инициалы)

ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА

ПВ | место | ли-тер | на ~~газету~~ журнал **70544**
(индекс издания)

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ
(наименование издания)

Стои-мость	подписки	____руб.____коп.	Количество комплектов:
	пере-адресовки	____руб.____коп.	

на 19____ год по месяцам:

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда
(почтовый индекс) (адрес)

Кому
(фамилия, инициалы)